Глава 1.

Одна неделя марта

или

правдивые россказни о реальных событиях.

1988 г.

Что-то вроде вступления.

Началось это банально, как и полагается начинаться всяким интересным делам. Во время моего пребывания дома на каникулах я подошел к Соседенко и попросил ее сводить на весенние каникулы штабье в какой-нибудь дальний поход, на Кваркуш, Конжак или еще куда. Соседенко загорелась. Я говорил с ней в райкоме около часа, потом мы шли по улице - по пути было - потом она дошла со мной до моего дома, и разговор не прерывался ни на минуту. Был январь, шел холодный крупный снег, и темнота лежала на городе, а разговор пробуждал к жизни воспоминания и заведомо несбыточные мечты. Соседенко вспоминала свои похождения (у нее, оказывается, первый разряд по туризму, вот не подумал бы: на вид особого здоровья в ней не чувствуется, да и возраст уже годов за тридцать с хвостиком). Такого вдохновения я не видел в ней раньше: казалось, она без конца готова говорить только о походах, планах, схемах, людях с рюкзаками, плохой и хорошей погоде, высоких горах и быстрых реках… Подытоживая она сказала: "Андрей, если у тебя в жизни будет два настоящих увлечения - работа и туризм - ты будешь вполне счастлив." О семейной жизни я уточнять не решился.

Соседенко сказала, что сама вести не может, но попросит одного из своих воспитанников, бывшего штабиста - Романова. Это меня не очень обрадовало: Надежда Ивановна все же более-менее своя, а что еще за Романов будет? Ладно, посмотрим.

Соседенко привела Романова на штаб, куда пришли и родители желающих, чтобы решить, стоит ли отпускать своих чад в такое путешествие. Мне не понравилось, как она его представляла. Рекламу ему, конечно, сделала, но через каждое слово нахваливала и себя - как бишь она их, тот класс, где учился Романов, обучала, как водила, как хорошо они (она) готовили походы, как "весело было нам" и т.п. Ее наполняла заслуженная, возможно, гордость за себя и за своего воспитанника. Мне также показалось, что она была рада не то посодействовать ГКШ, не то просто посодействовать.

Романов запудрил мозги родителям. И идти-то там совсем ничего, и спать-то в избах, а Денежкин - как на третий этаж по лестнице… Странные люди - родители. Я не допускаю мысли о том, что штабье не рассказывает дома о прошлых походах, а, стало быть, папы и мамы должны понимать, что наобещанные блага цивилизации - лапша на большие уши. Но ведь сидят, довольно кивают и дают "добро" только, когда услышат заверение руковода, что ничего плохого в пути не случится. Что стоит такое заверение, и неужели без него не ясно, что кэп будет стараться сделать все, чтобы не было печали? Santa simplicitas![1]

Романов не хотел брать много народа, заранее предчувствуя, что группа получится тяжелой на подъем. Но просились и просились, и под конец набралось 16 человек. Когда мы узнали об этом в Москве, стало слегка не по себе. Одно утешение - девчонок шесть человек. Кого другого на край положим, а сами - в серединочку. Впрочем, насчет края я иллюзий не питал. Народ собирался молодой, необстрелянный, померзнут ведь… Выход назначили на 23 марта утром. 21 марта мы были в городе, самовольно уехав из Москвы. Рассуждать о том, что будет ждать нас по возвращении, не хотелось.

21 вечером собрались все туристы вкупе с кэпом. Все были весьма веселы и слегка взбудоражены предстоящей кругосветкой. Хомутова с кэпом опоздали - раскладывали дома у Романова

[1] Святая простота (лат.) Так Джордано Бруно приветствовал ледащую старушку, привнесшую свой вклад - вязанку хвороста - в его инквизиторский костер.

продукты, и все их ждали что-то около часа. Рюкзаки подобрали ничего, нормально, большинство "Ермаков". А мне все равно: я-то знаю, что мой рюкзак нисколько не хуже.

Поначалу я слегка терялся, не зная, куда себя девать, говорил на отвлеченные темы с окружающими. Потом все общество разбилось на зоны по интересам, и разговоры стали специфичнее. Сережа Герцен все хотел показать, какой он большой и сильный, толкался налево и направо. Девушки стояли в сторонке и балагурили. Было бездельно, а потому скучно.

Перед самым приходом Романова терпение слегка лопнуло. Я и еще ограниченный контингент направились в методкабинет - звонить кэпу. После безуспешных попыток дозвониться остались в методе трое - я, Макарова и Пономарева. Наташке, похоже, хотелось о чем-то поговорить, но не то лишние уши помешали, не то что еще, да и я не склонен был к беседам философского плана - к сожалению, разговор не состоялся. А может быть, мне привиделось несуществующее желание, хотя я ходил под впечатлением того, что вырвался из Москвы и не особо обращал внимание на побуждения со стороны.

Романов в первый момент мне чем-то не понравился - не то своей "туристостью", манерами поведения, присущими "истому" туристу, но не вяжущимися со штабными привычками, не то медлительностью, а может быть, тем, что ему не нужны были никакие советы - он знал все сам. Возможно, это блеф с моей стороны, но я как-то привык слегка хотя бы демократизировать решение любых вопросов, а кэп мел другой стиль. Впрочем, большинство народа было вполне довольно им, я себя я поприжал.

Девушки веселились не по делу, одна Хомутова ходила неизвестно на кого обиженная и, по приказу кэпа, выдавала мешки с продуктами. Все это тянулось очень долго, как мне показалось, можно было вдвое быстрее. Хомутова с утра обещала, что старье, и мы с Витькой в том числе, дежурить не будет, но оказалось, что это не совсем так. Нас приписали третьими номерами к уже готовым парам дежурных - для страховки. Мы покричали для вида, весело повозмущались. Я попал, кажется, к Макаровой - ничего, жить можно. Впрочем, не все ли равно? Перспектива вставать на час раньше не из приятных, но на обильный сон и так расчитывать не приходится, так что часом больше - часом меньше…

Романов сказал: нужно раскладывать людей по спальникам. Я слегка удивился: помнится, после одного инцидента предварительную раскладку отменили. Она, конечно, не вымерла, но происходила негласно, а тут… Ладно, ему виднее, "жираф большой".

— Всем пофиг, как спать, или нет? - задал решающий вопрос командор.- Ну, раз всем, то я калибровать буду. Хомутову… - решительная отметка ручкой в списке, - я беру под свою опеку. И так далее. К нам с Бестужевым попали Головина и Пономарева. Ой, что это Головина засмущалася? Али ей Витя не по нраву? Ничего, потом радоваться будет, что такая печка рядом, под боком. А меня такой вариант вполне устраивает.

В мужской спальник, кроме всех прочих, попал Семененко. Боже, как у него вытянулось личико!.. Сейчас заплачет. Витька увидел, обозлился, резко подошел к нему и оборвал на полуслове какую-то реплику. (Семененко воззрился с недоумением: раз обошли, да еще обижают - ох и хам же трамвайный этот Бестужев!). А Витька сказал кэпу, чтобы клал его и меня вместо Семененки и еще кого-то в мужеской спальник. Кэп не протестовал. Семененко расцвел, зараза. Вот бы ему …

Как богат и могуч русский язык! Сколько он содержит коротких, емких и неоднозначных выражений, тем не менее, выражающих всем ясные понятия в одном-двух словах!.. Вся проблема в том, что в пристойной компании, а тем более, на листе бумаги, они абсолютно непотребны. Вот сейчас сказать бы в двух словах, что следовало бы сделать со Славой Семененко, а приходится оставлять невыразительное многоточие и призыв развивать воображение. Одно можно заметить - ничего хорошего желать ему я не собирался, как раз наоборот.

Перспектива моноандрического спальника меня не шибко обрадовала. Сказать откровенно - пусть-ка молодежь прозябает (даже не от слова "зябнуть") в нем, а нам, старикам, можно бы (выразительное многоточие)…

— Витя, похоже, ты перестарался,- только и сказал я ему.

Да, предметный урок Славе Семененко нужно дать, но не таким же образом, чтобы он еще и в выигрыше оставался! Наоборот, надо… А, Ирина Головина еще больше засмущалася… Что д, не смутилась бы вначале, не показывала бы, что Витька ей неладен,- спала бы тепло, а тут - Семененко, явно проигрышный вариант по сравнению с Бестужевым, да и тот к Сидоровой сбежит - не удержишь. Ей же бог, Ирина, дала ты маху…

Опосля этой разборки и калибровки мы сбежали по-английски не попрощавшись. Подготовительный день, а особенно, его финал, н произвел на меня приятного впечатления, о чем я Витьке и сообщил. Он пофыркивал, но тоже был не совсем доволен. Хотя насчет финала говорил, что так будет еще и лучше. Интересно, насколько правдиво? А я решил так: когда некто там, наверху, если

таковой есть, решает судьбу крупной удачи или неудачи, то он учитывает мелкие обломы, вроде этого - алгебраическая сумма счастья и несчастья всегда равна нулю, это, к сожалению, закон. Так что, может быть, и в самом деле - к лучшему.

День 1.

23 марта 1988 г., среда.

Ночью я спал часа три. Около полуночи вышел проверить, попробовать лыжи, и благополучно сломались крепления. Бегом начал подлаживать, пригонять беговые, сажать на шурупы на эпоксидке крепления, мама шила бахилы, а еще рюкзак собран только наполовину… Веселая была ночь.

Утром к шести часам, как слегка рассвело, пошли с мамой в гараж - смолить беговушки. Широкие лыжи, вместе с витькиными беговушками и герценовскими "Туристами" отсмолили вчера, а вот узкие пришлось смолить с утра. Еле-еле хватило смолы, остатков, и бензин в паяльной лампе кончился в обрез. Лыжи после просмолки напоминали леопардову (или, вернее, крокодилью) шкуру. На вокзал приехал самым первым, и мы с мамой еще успели взять билеты на Пермский, на второе апреля, чтоб ехать назад, в Москву, прежде чем съехались туристы.

Все, как всегда, были веселы. Витька водрузил на себя пономаревский бинокль с явным намерением с ним не расставаться и оглядывал "секретные объекты" в окрестностях станции. Герцен слишком громко шутил и смеялся. Эдик Штраубе держался в обычной своей манере "слегка не от мира сего". Костя Катаев был спокоен - он еще не осознал, куда поехал. Девушки держались стайкой, понакупили весьма аляповатых значков и раздавали всем-всем-всем. Кэп был флегматичен. Хомутова и Сидорова забыли дома, с недосыпа, вареных кур и рванули за ними.

Ох уж эти куры! Помнится, почти год назад на Усьву тоже взяли пару кур на предмет сварить и съесть. Я тогда выступал рьяным противником этой авантюры, так что на сей раз Таня Хомутова позаботилась о том, чтобы заранее успокоить мои чувства, возникающие при виде розово-голубоватых тушек престарелых цыплят. Это она делала с максимально возможной дружеской нежностью, не опускаясь до фамильярности. Зря старалась. Ибо если я и протестовал когда-то вплоть до того, что коллектив под моим руководством окрестил съеденных "голубые гомозиготные куры Шабановской породы" (по фамилии учительницы биологии) и придумал еще много нелестных прозвищ их тощим косточкам, невесомым, эфемерным волокнам мясца на них и дебелой бегемотьей коже с закостеневшей остью, так вот - если я и протестовал, то для вида и для шума, а не для того, чтобы выкинуть этих цыплят… Право дело, если зампомначхоз Хомутова решила, что будут куры, или будешь глодать крылушко и вспоминать Щукаря и вустриц, или будешь жевать все, что захочешь и что вокруг найдешь. А пошуметь-то оно приятно: сразу - в центре внимания, а если что дельное сказать (правда, редко это бывает), то услышав мимо ушей не пропустят; сказав же пошло, прощен будешь, ибо все помнят мудрое правило - не скользит тот, то не едет.

Кэп слегка нервничал по поводу завхозов, так как они явились только непосредственно перед поездом, и мы уже собирались закидывать их рюкзаки в вагон, а там уж как им Бог пошлет добираться. Но они благополучно приехали перед самым отходом и законно попали в черный список. Романов особо не ругался, и, думаю, черный список для них это так - понарошке.

Сидим в поезде. Места заняли удачные, одно купе целиком наше. Я поспал пятьдесят минут, когда отъехали немного, и почувствовалось, что глаза слипаются. Потом хотел поспать еще чуть, но не сумел не прислушаться к разговорам в соседнем купе, и сон слетел сам собой. В основном, вниманием там владел Витька: громко разговаривал, верный принципу разговорной анархии, пел acapello всяческое, в том числе похабщинки про поручика Голицына, и не сумел, или не счел нужным, остановиться на фразе

А в комнатах наших сидят комиссары
И девочек наших ведут в кабинет.

Реакции я на это не видел, только слышал, но мог представить. Девушки и часть юношей засмутятся, причем, часть - неподдельно, вроде Макаровой, а часть - ханжески, вроде Сидоровой и Орлова. Часть - Мариева, Хомутова, Герцен - не смутится, стреляные уже. Интересно, а как поведет себя Эдик Штраубе? Наверное, смутится.

Я слез, пришел в общую толпу. Хомутова с Сидоровой спали вобнимку. Штраубе сидел на второй полке и читал или притворялся. Макарова глядела в окно и, вроде бы, мало обращала внимание на происходящее. Герцен "шутил", подобно Бестужеву. Я же что-то не мел большого настроения, если и смеялся, то через силу, если шутил, наверное, глупо.

Маленький нюанс, что-то вспомнился сам по себе. Делясь с братом Алешей впечатлениями о подготовке к походу, я упомянул и о "калибровке" по спальникам.

— Странно, - сказал он, - обычно делают не так. Или жребий тянут, или они (в смысле - девушки) сами решают, втихую, но чтобы кэп…

Интересно, с какой целью Романов это сделал? Или без цели - инерция командования? Или ограждая себя от случайности их решения? Татьяна Хомутова потом сказала, что он от своего указа "спать, как капитаном предписано" отрекся, но втихомолку, сказал только ей, Татьяне, что, мол, пусть ложатся куда и как хотят, но тихо ведь сказал, не захотел авторитет подрывать громкой отменой своего приказа. Я бы, например, по-другому сделал - хотя бы в шутку свел или же просто оповестил.

Поезд мчит. Дорога знакома - до Усьвы ездили не раз (а если конкретно, то пять раз), а от Усьвы до Чусового - рукой подать. Снега вокруг, за окнами, подозрительно мало, увалы оголились, и где снег еще остался, там натоптанные за долгую зиму тропы возвышаются миниатюрными темными хребетиками, чернеют от грязи - видно издали. Солнце слепит вовсю, и даже в вагоне, за грязными стеклами Казанского поезда, довольно светло. Я даже кое-что поснимал кинокамерой. Сидорова проснулась, приподнялась, села, потягивается и не замечает, что потихоньку стрекочет камера. Вокруг глухо смеются. Увидела, отвернулась, пытается спрятаться, будто ей бедная кинокамера смертельное оскорбление наносит. Вот ведь люди - неужели это столь неприятно, что с души воротит? Смею предположить, что нет, а так - поиграться хочется, вот и вся причина этих ужимок. Хомутова проснулась, села, сразу увидела, что идет съемка, и, недолго думая, высунула язык. Это другая крайность - не стерпит, обязательно перед объективом рожу … сделает, что потом смотреть тошно. И очень мало людей перед фото- или кинокамерой могут себя вести естественно. Кое у кого это безусловный рефлекс: как заметят, что их снимают, так в лице меняются и страшные становятся, будто …

Толпа приутихла. Едем уже прилично, и первые эмоции на исходе. Кто бесился - спит, кто спал - не бесится, потому что не с кем - спят. Хомутова и Штраубе лежат на соседних верхних полках. У Татьяны веселое настроение, она полезла щекотать Эдика, а тот уж и скорчился-скрючился, словно ему от той щекотки смерть смертная. Вобщем, сошлись в желании поиграть. Штраубе приятно, что до него девушке внимание есть, а Тане только дай волю … Я еще, сдуру, начал Штраубе деловые советы давать, как ее с полки легче обрушить, и все удивлялся поначалу, что ж он так пассивен. Витька сделал проще: с бокового места уперся унтом в верхнюю полку и задвинул ее вместе со Штраубе почти что до конца. Мне понравилось - я дурашливо заорал "Бис!" и схватил камеру. Бестужев с полным удовольствием сделал "бис", и кадр вошел в историю. Эдику это не понравилось: одно дело, когда Таня - пальчиком, и совсем другое, когда Витя - да сапожищем.

— Витя, ну мы же комсомольцы, - укоризненно изрек он,

что, впрочем, не произвело никакого впечатления. Интересно, как сюда может относиться комсомол?

Еще один интересный инцидент. Сидели, пели, немного дурачились. Когда перепели и дельное, и всякую муть, мы на пару спели "Интернационал" Матвеева и по привычке, как делали в общежитии, перешли на нормальный, общепартийный, Интернационал. Вокруг сразу появились такие выражения лиц, что мы так до конца и не допели. А после нам, не отходя от кассы, сделали внушение - мол, петь нужно не здесь, не так, не в таком настроении, а лучше вообще не петь - как бы чего не вышло. Конечно, мы допустили несколько циничную ситуацию, но вот что интересно. Кто-то протестовал против этого распевания искренне, но, не указывая особо лиц, можно с уверенностью сказать, что искренне возмущались не все. И когда мы привели неопровержимые доводы "за" типа того, что в дореволюционные времена его еще не так пели, и не там, и не тем составом, нам никто ничего толком возразить не смог. Вот ведь - идеологи, а попадись им, так сказать, настоящий крепкий духом идейный враг, и пролетят, как фанера над Памиром. А интересно все же: с глубоко моральной и логической точки зрения, можно ли петь Интернационал или гимн не для случая, а для души, или даже не для души, а просто так?..

…Чусовой залит солнцем. Мы стаскали лыжи и рюкзаки к желтой стене какого-то железнодорожного здания, в вокзал не пошли - там шуро копошился цыганский табор. Кэп пошел за билетам, оставив всю массу у вещей и сурово предупредив: глядите, кабы чего не украли. Отсутствовал он довольно долго, и я, справедливо предположив, что он занят осмотром достопримечательностей местного буфета, нашел его там и спросил, не сводить ли людей в столовую. Года два назад был я в

Чусовом несколько часов и запомнил, где круглосуточная столовая. Командор разрешил сводить туда народ группами.

По улице текли ручьи, было сыровато, и я старательно перепрыгивал участки повышенной влажности, стараясь не замочить унты. Изнутри они от большого тепла уже подмокли, не хватало еще снаружи вымочить. Временно я пожалел, что не взял с собой обуви полегче. А лужи блестели и мутнели на солнышке, и бледная после зимы грязная пацанва шлепала по воде резиновыми сапожками.

В столовой были цыгане. Бог мой, какая непотребная, грязная и убогая национальность! Поглядеть на них, так станешь националистом. Кричат по-своему, по-русски и совсем по-русски в голос, того им давай, этого, одна цыганочка, лет шестнадцати, взяла две тарелки с кашей, подумала и аккуратненько выгребла серым пальцем пшенку из одной на другую; толстуха в засаленном платке, багровея лицом, на всю столовую доказывала, что кассир не в ладах с устным счетом и прочей начальной арифметикой; цыганченок, взявши загорелой от грязи ручонкой сомнительный биточек, жевал его, не отходя от кассы в буквальном смысле, и поглядывал красивыми, но абсолютно пустыми черными глазками на окружающих. Все наше внимание, за исключением самой малой части, потребовавшейся на отвлеченные разговоры, ушло на цыган да еще на то, что кэп с Хомутовой, придя питаться, уселись как раз в противоположном от нас углу зала, делая вид, что с нами не знакомы. Ладно…

Шли назад, опять же обсуждали проблему цыган. Ни один большой русский писатель не прошел мимо цыганской темы - ни Пушкин, ни Лермонтов, ни, тем более, Горький. И всем казалось, что это нация душевная, свободная - самая свободная из всех возможных и невозможных народностей, еще бы - поле, верный конь, гитара, "эй, нанэ,нанэ,нанэ-нанэ-нанэ"… Честное слово, моя бы воля - ограничил бы им свободу передвижения конем и полем. (Старшинство согласилось, молодежь промолчала.)

Вторая группа ушла есть и ко времени прихода электрички не вернулась. Кэп при помощи наиболее рьяных и верной Тани Хомутовой уложил уже лыжи в большие чехлы, чтоб удобнее таскать было, все готово, а народа - половина. Мы с Витькой что-то слегка вспылили по этому поводу и пошли, так сказать, навстречу. Смотрим - идут, как бы нехотя, не спеша, и мило беседуют. Вот народ! Командор ясно объявил время электрички, наверняка они слышали, как только что проматюгали прибытие, и - не спешат. Придали им ускорение и обнаружили, что еще кого-то из девчонок нет. Сделали пару кругов в районе вокзала, вернулись на платформу, а рюкзаков нет. Они уже в вагоне, и девчонки там же. Вот и вышло прямо по той морали - не перестарайся, усердствуя. Если бы кэп оттянул не их, а нас, за то, что пришли за три минуты до отправления, был бы прав. Вредная привычка - беспокоиться за других.

Сначала я, Витька, Лена Мариева и еще кто-то ехали в тамбуре. Кого-то я не запомнил, потому что не видел, потому что мы сидели на ступеньках вагона и любовались пейзажами. Электричка шла медленно, и мимо плыли медные под закатным солнцем сосны, рыхлый снег, хранивший и проявивший от тепла все следы, оставленные на нем за долгую уральскую зиму, откосы, уже освободившиеся от снега, и голубое вечернее небо накрывало эту красоту. Куда там любой кремлевской стене, любому Китай-городу до простого уральского леса, где ели острее, чем готические шпили, а сосны рельефнее любого барокко! Воздух был свеж и текуч, и разговаривать о пустяках под стук колес было приятно. Дорога петляла, увалы по сторонам напоминали о том, что поезду предстоит проехать через хребет, а вернее, через три хребта - Европейский, Главный Уральский и Азиатский.

В электричке толпа пела. Когда я, замерзши слегка, пришел вовнутрь, мне первым делом сунули гитару. Каждый раз возникает не совсем приятная дилемма, особенно, когда нет настроения - либо бери и играй, даже если не хочется, либо будешь выглядеть ходячим рисунком, и Надя Сидорова с брезгливым видом будет уговаривать - ну побренчи, ну что уж ты… Всегда стараюсь выдирать первое - очень не люблю рисунков. И еще одна проблема. С некоторых пор, как научился я играть несколько лучше, чем все остальные "игроки", не могу перебороть в себе желание во время аккомпанемента подпустить какой-нибудь музыкальный финт. Получается это совершенно непроизвольно, в отличие, например, от - добрая память ему, из штаба удаленному - Андрея Выгузова, который четыре четверти внимания тратил на свои весьма сложные аккомпанементы и, изредка сбиваясь, смущался, я их специально не разучиваю, надеясь на экспромт. Но всяческая ненормальность в игре сразу же отвлекает внимание людей от самой песни, а ведь она должна быть для души, а не для горла… Так что сижу и играю лопатой, а людям - весело.

Веселились не шибко долго - петь наскучило, и толпа сама собой распалась на несколько групп по интересам. Одна группа, вкупе со мной, Витькой, Надей Сидоровой и Наташкой Макаровой (СИдорова + МАкарова = СИМА, аббревиатуру выдумали), Леной Мариевой веселилась культурно. Пытались поставить оперу про "раз-два-три-четыре-пять", водяного, вспоминали "Бременских музыкантов" да так, что почтенные пассажиры вагона оглядывались и недоумевали - и откуда ж таких выпустили? Вторая группа, включая кэпа и молодежь, играла в кинга. Интеллектуальная игра. Третья

группа была представлена наименьшим составом, но привлекала мое (и не только мое) пристальное внимание.

Эдик Штраубе терял голову. Он первый раз пошел со штабом в поход и слегка одурел от близкого присутствия девушек, которые были совсем не прочь поиграть с ним. Сначала он просто подсаживался поплотнее к Ирине Головиной. Интересную он цель выбрал - сколько я помню с лагеря, она была всегда одной из строгих блюстительниц нравов, и Слава Орлов получил от ворот поворот при попытке сближения, а тут - Эдик Штраубе, он же супротив Славы … Сразу вспоминается - куды конь с копытом, туды ж и жаба з лапой. Нехорошо, конечно.

Эдик Штраубе продолжал терять голову. Мне неудобно было спиной наблюдать его похождения, но основную суть я уловил. Для начала он скинул ботики и вскарабкался на скамейку, где сидела Головина, под предлогом похолодания. Ирина посмеивалась; на противоположной скамейке Юля Пономарева смеялась громко. Ей тоже было интересно - а и что же будет дальше. Дальше было вот что: когда я обернулся в следующий раз, Эдик возлежал головой на коленях Ирины, а она вкупе с Юлькой чесала ему патлы. Надо было видеть, какое тонкое эротическое наслаждение было на физиономии Эдуарда! … (выразительное многоточие.) Мне стало не то чтобы противно, но что-то около. Витя громким голосом, нимало не смущаясь, произнес: "Какая пошлость!!" Штраубе не среагировал. Мы намекнули Наташе Макаровой как идейному руководителю, что сие действие никак нельзя оставить без пристального внимания. Она сделала вид, что не оставит.

Эдик, надо сказать, долго привлекал к себе внимание. Ему, похоже, было слегка наплевать на повышенное к себе внимание с любой стороны, кроме той, к которой… Не знаю, не знаю, но сразу показалось мне, что это - ненадолго. Эдик - игрушка, конечно, хорошая…

Наступила ночь. Проехали Теплую Гору, Европейскую, и небольшой контингент откололся в тамбур - смотреть на геодезический знак Европа-Азия. Мы с Витькой тихо пошлили по поводу Эдика, который дремал, объяв Ирину. Семененко дремал, объяв СИдорову. Хомутова, возбужденная недосыпом, ходила кругами. Юноши из молодых были снулые от малости сна. Коля Попов стоял с нами и внимательно слушал, изредка забывая закрывать рот. Помнится, говаривали мы в рамках дозволенного, но на грани того, что в штабе считалось недопустимым. Он такого еще не слыхал, по молодости, и внимал, учился.

Сначала за знак приняли какой-то фонарный столб, и громко прокричали "ура". потом ошибку поняли и исправили, троекратно восприветствовав настоящий знак, белый, похожий на маленькую буровую вышку. Он мелькнул так быстро, что подробностей я не разглядел - электричка разогналась и бежала километров восемьдесят, не хуже столичных. Ледяной ветер холодил до печенок, а над горным лесом стояли яркие звезды зимнего неба, великолепный Орион, и Сириус холодно переливался, будто маленький яркий шарик перекатывался по черному бархату небосвода. Луна была в зачаточном состоянии и уже скатилась так низко, что не мешала видеть звезды. Глядели мы на них в бинокль, с которым Витька не расставался, хотя и препоганый он был - все в изжелта-зеленых тонах показывал, а воздух был чист, и у каждой звезды, до самых малых, простым глазом можно было различить цвет.

День 2.

24 марта 1988 г., четверг.

В Гороблагодатскую приехали к полуночи. Выгрузились. Занесли вещи в вокзал - на улице было свежо, предстояло несколько часов ждать поезд Свердловск - Бокситы. Поели в весьма средней по качеству и количеству круглосуточной железнодорожной столовке. Продолжалось обсуждение Эдика и Ко, да и он сам подавал определенный к тому повод, чрезмерно картинно заботясь о ней. Довольно весело, не сказать - смешно, было наблюдать это козыряние в воскресной школе.

Вышли из столовой, слегка насытившись. У Хомутовой было хорошее настроение, ей хотелось слегка постоять на ушах. Бестужев решился предоставить ей такую возможность, точнее, с целью оценки ее массовых характеристик, предложил запрыгнуть к себе на ручки. Таня не преминула. Витя устоял, хотя и пошатнулся, после чего посоветовал ей искать кого другого, кто ее на ручках носить будет.

В зале вокзала пытались уснуть. Скамейки в Горе были до невозможности неудобными, с разделительными подлокотниками, чтобы одна персона сидела, а другая к ней присесть не могла. Дизайнеры заботились о чистоте нравов.

Бестужев плюнул на пол и на такой сидячий, с позволения сказать, сон, раскинул пену на кафеле пола, вторую - под голову, накрылся ватником и заснул. На скамейках же творилось нечто интересное. Я скромно уселся в уголок и нескромно начал наблюдать за обществом.

СИМА вложились в две ячейки скамьи, со всех сторон закидались куртками и отрубились.

С. Н. Герцен крючился-крючился на седалище и умудрился-таки уснуть.

Лена Мариева сидела рядом со мной и попыток спать не делала.

А вот за ней, дальше, происходило то, на что стоило посмотреть. Эдик Штраубе, чтобы обеспечить Ирине крепкий и здоровый сон, поукрывал ее куртками, возложил ее голову на себя. Сидел он к ней подозрительно близко - уж не в одной ли ячейке, что само по себе парадокс, учитывая суммарные габариты. С другой же стороны на него облокотилась Юля Пономарева. Но по неопытности своей, мягкого лежбища Эдик из себя изобразить не смог, и Ирина все время пыталась устроиться поудобнее, а Эдик ее пытался угомонить тихим нежным шепотом. Кончилось это тем, что возмущенная помехами ее сну Пономарева вскочила, сказала:

— Ну что такое! Как только я начинаю засыпать, они тут же принимаются мурлыкать!- и ушла гулять со Славой Орловым, которому не спалось…

Реплика насчет мурлыканья мне понравилась, к тому же, Головина со Штраубе, оказывается, беззастенчиво прозвали себя кошечками. Итак, теперь проблема - как сообщить Эдику, что он - мартовский кот, так, чтобы побольше народу вокруг, и чтоб к случаю, а не как штукатурка с потолка? Думаю, это будет действенно. Сон так и не соизволил придти ко мне вплоть до самого прибытия поезда до Бокситов, чему я был не слишком рад. Хочется, не хочется - ночь существует для того, чтобы спать, пусть сидя, пусть стоя. А денек, сдается, будет не из легких. Кэп обещал на сегодня километров несколько, а первые километры - они, говорят, самые трудные.

Билеты в поезд достались неудачные. А может быть, и удачные, с какой стороны посмотреть. Плацкартные, но в четыре разных вагона: 2, 11, 12, 13. Мы втроем с Витькой и Сергеем Герценом попали в 11. Пришли, там, естественно, сонное царство - четыре утра, как же еще. Всунули лыжи на третью полку, вложили рюкзаки, и молоденькая, испуганная появлением этаких мавров, проводница сообщила, что у нее только два места, и те - верхние боковые, а соседние вагоны она уже обегала, и там нет ничего, так что… Да, но может молодые люди соблаговолят подождать два часа, на такой-то станции у нее выйдет уйма народу… Проводнице было явно неудобно. Еще бы: Бестужев в Герценом, особенно, в ее невыспатых глазах, виделись ей, наверное, чем-то очень большим. Я большим видеться не мог, но держал нож в ножнах на поясе, а об оплывших за время сна в Горе лицах и говорить не приходится.

Коротко говоря, два часа мы болтали в тамбуре. Сначала разговор был пристоен, но когда фаза совсем взыскрила, посыпались реплики очень выразительно многоточного класса. Сперва Сергей только вскрикивал: "Какая пошлость!…", а уже через полчаса то же самое говорили ему мы.

Плохо вспоминается, как я очутился на нижней боковушке, где и проснулся часов в одиннадцать. Вроде бы ехала там какая-то бабушка, а может, дедушка, или не дедушка вовсе… Да не все ли равно? Главное, что некоторая "провинность" ни в чем не повинной проводницы (ДВА часа в тамбуре стояли, ах они бедные!…- было написано на ее лице всякий раз, когда она проходила мимо) толкнула ее на нарушение инструкции, и мы валялись на матрасах, не взяв белья, что строго воспрещено.

Утро было тяжеловатым. Несмотря на былую долгую практику недосыпов, голова погудывала, и хотелось есть. Сходили в буфет, оставили там трояк и запаслись чем-то не слишком вкусным, но съедобным. Во время поедания этого, мимо, в тот же буфет, прошла другая делегация, но лимонада ей уже не досталось. Воистину, Господь знает, кому дает: они-то всю ночь спокойно спали…

За окошками стали появляться возвышенности, снега на которых было до обидного мало. И зачем, спрашивается, брали мы лижи - на смех окружающим? Солнце светит ярко, каждое дерево обтаяло до земли, и остатки снега быстро и верно превращаются в воду. Ладно, кэп знает, что с собой брать, а что - нет.

Помня, что на билетах было ясно написано - до станции Бокситы, мы на этой станции похватали вещи и вылезли из вагона. Сонный командор тоже вылез, почесывая пузо, но… без вещей. Увидя нас, он растерял остатки сонливости и, после пары комплиментов, объяснил, что на Бокситах кончается власть МПС, а дальше, до Североуральска, куда мы, собственно, направляемся, нас повезет по заводской ветке мотовоз, а посему надо залезть в вагон и не рыпаться, а что насчет сообразительности…

Лыжи мы втащили не к себе, дабы не вводить в смех проводницу, а в 13 вагон, где ехали Штраубе, Попов, Пономарева и Семененко. Погуляв на улице и полюбовавшись на открывающийся из-

за маленького вокзального домика вид на горы Золотая и Пумпа, соединенные провислой перемычкой, пожужжав кинокамерой, мы вошли в 13 вагон. Там было маревно и томно.

Слава Семененко, явно чем-то не совсем довольный, сидел на лавке. Напротив с краю сидела Пономарева с непроспавшимся лицом и смотрела отчужденно. Головой на коленях у нее приютилась Ирина, за которой в углу сидел помятого вида Штраубе. При нашем появлении он издал тихий стон и нежно прилег (да простят меня!..) на таз к Головиной. Та повела бедром, и Эдик, дабы не улететь на пол, сел. После повторной неудачной попытки он восстенал, что ему было так удобно, а она… Она промолчала. "Какая пошлость!" - хором подумали мы и удалились в тамбур. Очумел Эдуард… как там его по батюшке, не знаю.

Североуральск встретил ветром, солнцем и обилием конкурентов. Насчитали групп семь, не меньше. Рюкзаки свалили в кучу, кэп побежал в КСС, приказав накормить народ в близлежащей столовой. Народ поел в столовую, мы с Бестужевым остались дежурить над рюкзаками и посоветовали Наташке Макаровой остаться с нами - был разговор по поводу котика, и вообще провести время в разговоре с ней приятнее, чем с другими девушками. Ей не особенно хотелось идти есть во вторую очередь, а может быть, просто постеснялась, но все же начала склоняться к воплощению нашего совета, да Мариева увела под шуточку. Вот спасибо-то…

Туристы трапезовали долго. Мы успели завершить тему разговора, хотели написать "клеветон" на этот случай, я даже слазил в рюкзак к Макаровой и уже почти добрался до маленькой записной книжки-дневника, как вдруг наткнулся на тугую скрутку розовой туалетной бумаги. Это привело меня в такое смущение, что я поспешил застегнуть карман, и больше туда не совался, дабы не найти еще чего этакого. Еще я успел поговорить с какой-то общительной бабушкой, которая сообщила, что город большой, "большой город - на шахтах, поселках вон народу сколько", люди хорошие, лучше, чем на европейском Урале, а сын у нее в Березниках в танковых служил, и люди в тех Березниках - нелюди, и вообще, Североуральск лучше, жрать, конечно, нечего, только в Европе еще нечегее… Все бы ничего, но какие такие танковые в Березниках? Никогда их у нас не было. Служил, наверное, шофером в стройбате или на автобазе колодки клепал…

Толпа начала возвращаться. Сходили и мы, поели. Не особо качественно, но и недорого. Что самое интересное - что здесь, то в Гороблагодатской - чистые вилки и ложки. Нонсенс - после Москвы, конечно. В столовой подсел кэп и после недолгих уговоров поделился планами. Выедем мы не во Всеволодо-Благодатское, как все нормальные туристы, а в Баяновку. Туда и автобусы ходят чаще, и есть возможность проехать в обман МКК 40 км на машине до Крива Сосьвинского, а там - 10 км до Сольвы, куда нам и надо. Стандартный же вариант - уехать на Всеволодку и 44 км пешком за два дня, и машин там быть не может. Вся глубина Романовского замысла раскрылась потом, тут же я мысленно пожал плечами - плохо еще представлял, какая разница - 40, или 50, или 10…

Вернулись. Люди стояли, пели. Мне что-то не захотелось, но я бы встал в круг, да одному вдвигаться неудобно было, а Витька наотрез отказался. Интересная у него метода - в поведении мало считаться с окружающими, если нет ничего военного. На мой взгляд, все-таки нужно слегка придерживаться в рамках, которые делает коллектив или даже просто собеседник. Но на сей раз я отошел на середину привокзальной площади, снял панорамку, а потом мы прогулялись по лиственичной аллее до центральной площади городка, метров четыреста, поглазели и вернулись обратно. А городишко-то махонький, зря та бабушка его преувеличивала.

Туристы отпелись, разошлись кучками. Влад Романов объявил время автобуса - до него оставалось минут сорок. Мы выпросили у Макаровой листок и ручку и принялись сочинять клеветон на события прошедшего времени, так как в дневнике, что мы читали, было написано довольно скупо и неинтересно. Клеветон вышел ядовитый. Не помню его дословно, но был он лаконичен, и каждое второе слово несло по две нагрузки. Сначала описывался теплый вечер, а потом через две-три фразы шли слова типа холодало или ночь обещала быть холодной, а далее - кто, как и об кого грелся. Про "котика", дабы не заострять особо внимание, было всего несколько предложений, но из них брызгал яд. Что-что, а съязвить мы еще могём…

Поданный Макаровой, клеветон выявил некоторый интерес к этой проблеме, но наблюдать долго мне не удалось, поскольку Эдик тоже проявил интерес, и пришлось его деликатно убрать подальше от места, где Лена с Наташкой читали и фыркали.

Пришел автобус, и набилась в него чертова уйма народу. Сначала думал, что не уедем, но, оказалось, влезли чудным образом все, и поехали все. Основная масса вошла в переднюю дверь и пела песни, а я залез сзади с лыжами, Костей Катаевым и еще некоторым контингентом, включая Штраубе. Разговор зашел смазливый, и как-то подошло под руку - высказал Эдику насчет мартовского кота. Он

внимательно осмотрел меня, себя и тоскливо подумал, что бы мне в ответ этакого отмочить, но не нашелся ни сразу, ни потом.

На заднем сидении сидел один интересный товарищ и походя вел экскурсию по проезжаемым местам. Ничего, занимательно. Вокруг то, что раньше читал в книжках про всяких сибирских геологов, аляскинских промысловиков и т.д. Грязь невозможная, автобус ковыляет по дороге еле-еле, параллельно идет одноколейная железнодорожная ветка, пустая и даже без столбов…

Баяновка - домов семьдесят, наверное, большое село, магазин, клуб. Девушки сразу же смотались в промтоварный, Татьяна какую-то тушь для ресниц даже приобрела. Вот ведь девичья натура: надо-не надо…

Влад куда-то ушел, искать машину на Крив, мы остались в маленькой будке на остановке. Прогретый солнцем павильон, чистый и ветхий, согревал душу теплом отполированных временем досок. Было приятно расслабиться и расползтись мыслею по давно некрашенному древу. Рядом, на крыльце клуба, пристроилась пермская группа, ребята - школьники, собрались с нами до Крива. Наши порасселись в будке после посещения магазина и всего остального, как делать нечего стало. Лена Мариева гадала на картах Эдику. Орлов как ремонтник что-то подштопывал, Ирина Головина подавала ему иголки. Мы отвели Наташу Макарову в сторону, спросили - как клеветон? Хорош, ответила, но не для дневника, а для общего образования. А что насчет котика? - Скажу, говорит, Иринке уже намекала. И так это все сухо и с чувством собственного немалого достоинства. Вот ничего себе, думаю, командирский тон проявляется. "А какое,- говорит,- вам вообще дело до них?" Типа того, что пусть что хотят, то и делают. Я немного растерялся от такой постановки вопроса и, надо сказать, очень нескоро нашел приемлемые доводы насчет того, что дело есть, и как же без этого. Вобщем, разговор не получился, Наташа явно не захотела обсуждать эту тему. Вольному воля.

Пришел мрачный Романов. Почт что договорился с каким-то шофером, но у нас, русских, чуть-чуть, как известно, не считается. Последовал приказ - топать за околицу в лес, а утром, может быть, уедем.

Пошли. Я все бегал, пожужживал кинокамерой, а туристы обнаруживали неумение ходить кучно и быстро растянулись на приличное расстояние.

Костя Катаев явно не знал, куда ему девать сумку с теми самыми курами, за которыми Хомутова с Сидоровой лётали в городе. Ему эту сумку доверили донести до леса. Он тяжело пыхтел и часто перебрасывал авоську из руки в руку.

— Закинь на рюкзак,- посоветовал я. Он попытался, но малоуспешно.

— Да. Так. Я. Еще. Не. Ходил,- сказал он с передыхами.

Поскольку прошли всего метров триста, я с интересом представил, что же он будет делать завтра на десяти километрах, и поинтересовался, ходил ли он вообще в походы. Костя рассказал, что ходил - в какие-то парусные, где, коротко говоря, довозили до места и назад от места. Да, весело ему будет завтра.

Пришли в лес. Сосенки стоят приятные такие, душистые, полянка, как для нас приготовлена, и две группы - пермяки и еще одни пермяки - уже кашу варят. Побросали вещи, вытащили топоры. Бог мой, ну и молодежь пошла! Стоит от (имярек) около сушины и тяп… тяп… тяп… То ли дело - Бестужев подойдет, прицелится, ррраз - неси, имярек, а топор-то оставь, ни к чему он тебе…

Дрова напластали быстро, Славки принялись костровать, а большая половина принялась за палатку. Витька пролез вовнутрь, встал временно вместо кола, вернее, около него, и все кричал, что он - золотая рыбка в океане, и его поймали неводом. Под неводом, очевидно, подразумевалась палатка.

Палатка, кстати сказать, была у нас интересная - белый двенадцатиугольный шатер с дном и дыркой под трубу, "нулёвый" - могу представить, сколько усилий понадобилось Владу, чтобы взять его в турклубе! Существенным неудобством являлось то, что шатер приспособлен был для постановки на снегу, в который легко втыкаются лыжные палки, а не на мерзлой земле, куда и кол-то топором не загонишь, не попотевши. Молодежь встала по углам, а я бегал кругом с мотком киперной ленты, подвязывал углы, колотил колышки, но все равно постановка вышла не слишком ровная. И Бог с ним: стоит, и ладно. Внешний вид - белый шелковый купол, один сегмент, противоположный выходу - оранжевый, чтоб впотьмах выход не искать, по стенке не бегать - скрадывал небрежность постановки. Соседи тихо завидовали: их брезентушки не имели ни вида, ни вместительности, а только немалый вес, как любая советская палатка для массового туризма.

Ужин поспевал. Саша Суханов махал топором, тщетно борясь с сучками. Славка усердно дул в костер. Девушки стаскали рюкзаки под одну сосну, собрав их с большой площади, по которой их разбросали мастера-туристы. Сильные девушки. Мы при помощи Лены Мариевой раскидали пену и спальники по палатке и устроились поваляться, и тут произошел небольшой инцидент.

Дело в том, что кэп, лишенный на два года армии общения с культурными штабными людьми, приобрел привычку говорить некоторые выражения. Одно из них, наиболее цивильное, которое он регулярно употреблял, это "нафиг" и все его комбинации, какие только возможно придумать. И падкие на подобные вещи штабисты, и мы вместе с ними, стали употреблять то же где попало. Вот кто-то слишком громко послал кого-то нафиг, и раздался металлический голос Наташи Макаровой, обещавший смертные кары нафигистам. Но угораздило же Бестужева почти что вслед за этим, в приватной беседе в палатке, но чересчур отчетливо, повторить данную реплику, и предупреждение последовало уже в персональный адрес. Да таким жестким голоском… Витька обиделся, но промолчал. Командирша - пусть ее командует. Но долго еще ходил и про себя возмущался - вот ведь, зубы, что ли, режутся…

Солнце садилось. Куры варились, побулькивая в котелке. Мы с Витькой и Леной сидели в шатре и душевно беседовали. Вылезать не хотелось - все же несколько намотались за день, да и ночь была не в лучшем варианте. Но желудок, ясно расслышав призыв к вечерней трапезе, шуро выгнал нас наружу. Куры были ничего, если учесть, что давно уж не ели. Во время ужина кэп воспоминал былые похождения - как ходили, как их на вертолете откуда-то вывозили, как "Уралкалий" за это полторы тысячи выложил… Витька фыркнул и сказал, что не любит людей, которые обмениваются в одностороннем порядке воспоминаниями с малознакомыми личностями. Я бы и послушал, но тон кэпа мне отчего-то тоже не понравился, и я присоединился к Бестужеву: он пошел заниматься благородным делом - обрубать нетолстые сухие пенечки на костерок. Я успешно поддержал это начинание. Народ не очень понял наш порыв, но мне было как-то все равно. Пусть-ка и народ голову поломает, что это нам в голову ударило, а то уж и думать разучились, как издали посмотришь. А может, кажется: старики, и штабные тоже, всегда горазды на молодежь поворчать.

Ночь приближалась. Немного похолодало, и стал поддувать легкий, но препротивный из-за своей температуры ветерок. Романов приказал - спать и полез в палатку, распределив на первые два часа дежурных по паре на час: Баяновка рядом, а кто, что там - кто его знает. А рюкзаки на улице и т.д. и т.п. Все, короче, правильно. Мы попали дежурить с часу до двух ночи, а перед нами - Макарова с Мариевой, у которых было некоторое настроение для бесед. Мы немного поговорили, и около половины одиннадцатого они залезли спать. Мы спать не хотели, да и углубляться в спальник, где мерзли Суханов и Штраубе, не допущенные до лучшего места, не было желания.

Головина с Орловым дежурили, жгли на соседней березе шахтерку - мыли посуду. Вот чудики, нет чтобы экономить электричество, которое нужно будет еще целую неделю, подтащились бы к костру поближе - да и теплее у него. Помыли. Слава Орлов уселся сушить резинки Ирины, я сушил валенки Кости Катаева, в которых он сегодня походил весь день. Не шибко веселое было занятие, если учесть, что литра два воды в них было. Сидели и тихонько беседовали на не помню уже какие темы, изредка отходили искать в темноте пеньки, или сучки, или что другое горящее, но поиски, как правило, были безуспешны. Если бы просто темнота, то еще ничего, а то над баяновской автобазой засветили здоровенной мощности осветитель, и он прилично слепил глаза.

На огонек прибегали парами и более местные собаки и живо интересовались нашим бытом. Молодежь их шугала, кидала дефицитными сучками; мы с Бестужевым мирно с ними беседовали и в конце концов договорились, что они после часа уже не появлялись.

Время шло. Валенки сохли, портянки я уже мимоходом высушил. В гости пришли соседи - пермяки, трое юношей: два - десятый класс, один - девятый. Мы тихонько посидели, и пришло время будить следующих дежурных, что Орлов, забираясь спать, и сделал. Вылезла макарова, страшненькая после часа сна, и Мариева - не лучше. Полязгивая зубами, присели у костра на заранее принесенные нами чурки. Пригрелись. Почти одновременно вылезла Пономарева по причине неумения спать в тесном спальнике. Странные люди - готовы не спать, поджариваться со стороны костра и подмерзать - с другой, только бы не пихаться в спальнике. Тут мораль одна: спать захочешь - и стоя уснешь.

Пермяки с малоскрываемой тоской посматривали на наших девушек, ибо группа у них была моноандрическая.

Кто-то предложил поиграть в откровенности. Смысл игры такой, что в кругу кто-нибудь называет первое попавшееся число, это количество отсчитывают по часовой стрелке и тому, на кого попадет, называвший вопрос задает вопрос, считается, что любой, и отвечать надо только искренне. В принципе, игра ничего, только играть надо ограниченным кругом, только свои, и система распределения вопросов должна быть другая, ибо в кругу до десяти человек (а больше-то и не надо) каждый элементарно просчитывается, и получается, что вопрос задаешь тому, кому захочешь, только скрывая это. Какая уж тут откровенность, если с невинным видом говоришь "пятнадцать" и твердо заранее знаешь, у кого и что будешь спрашивать.

Эта игра гостей наших укачала. В самом деле, что спрашивать у незнакомых людей? Имя - фамилию? Смех. Одно было развлечение - около половины второго подъехали два баяновских камикадзе на мотоциклах, один - без света, постояли десять минут у костра. При их приближении я аккуратно нащупал и придвинул поближе к себе топор, но ожидания не оправдались. Мирные гости попадись.

Играючи, к концу игры, я уже весьма приблизительно соображал, что и как спрашивать, и мои вопросы остротой не блистали. Витка все спрашивал интересные вещи, но это я уже плохо помню. Осталось в памяти, что Наташка Макарова здорово смущалась после некоторых вопросов, и только. Но ей, как мне показалось, такая игра в таком обществе понравилась.

Пришло время - полезли спать, все четверо: девчонки продежурили и наше время в беседах и прочих занятиях. К концу дежурства постепенно, как всегда от бессонницы, появились истерические смешки, а как сунулись в палатку, такая веселость нас обуяла, что начали ржать по мелочам, но громко. Люди стали протестовать, но нам было все равно, особенно когда мы при виде спальников вспомнили пикантный факт, что Семененко изъял Суханова от Сидоровой и примостился туда сам. Сей факт породил длительное обсуждение у костра и маленькие громкие шпильки, которые Семененко, без сомнения, слышал. Макарова с Мариевой залезаючи полушепотом и в легальных выражениях костерили соседей за холод в спальнике. Мы не ругались, хотя в нашем тоже было весьма прохладно. Штраубе покойно мерз с внутреннего края. Суханов, изгнанный и тем до момента усыпания обиженный, свернулся буквой х (зю) и занял полспальника, открыв огромные отверстия для входа свежего очень холодного воздуха. Это мы быстро преодолели, свернув Сашу раза в четыре, и влезли, смеясь непотребно, в том числе от надвигающейся опасности дать дуба. Но и это we'll overcome, ибо как я подкатился к Витьке под спину и подмял спальник, чтобы не тратить на соседей лишних мегаджоулей, мне все стало до луны тропина, и на ближайшие три с четвертью часа (а подъем намечался в 530 утра) выключился я без снов и забот.

День 3.

25 марта 1988 г., пятница.

Утро было тяжелое - поспали всего около четырех часов. К шести часам, по уму, надо было попасть на автобазу, чтобы попытаться еще раз провернуть то, что кэп пытался сделать весь долгий вечер - найти машину до Крива Сосьвинского, сорок с лишним километров, которые совершенно незачем идти пешком.

Перво-наперво Влад оттянул нас за то, что посмели напоить себя и пермяков чаем. Чай Хомутова, чтобы, так было сказано, не нести лишнего (!), взяла вобрез. Кэп был пасмурен и вообще не в духе. Его обычное спокойствие спокойно переходило в мирное недовольство всем окружающим. Головина, которая вечером информировала нас, что чай остался лишний (естественно, мы этому очень мало поверили, но восприняли ночью с радостью: чай у костра - первое дело!), ходила по струнке, осознавая (быть может) свою вину. Тоскливее всех выглядел Эдик Штраубе. Он ходил кругами около костра, отогреваясь, и, сначала в ноющем духе, а потом все увереннее и увереннее утверждая, что сегодня замерз и на следующую ночь полезет спать к девчонкам. Я, каюсь, ехидно высказывал сомнения в жизнеспособности такого варианта, отчего Эдик с еще большей наружной уверенностью бегал и декламировал. Бог с ним, но сомнения у меня были искренни. Впоследствии оказалось, что я не ошибся.

Что-то съели, что-то испили. Кэп злился: время шло, а неорганизованный народ никак не мог собраться. Особая проблема была с веревками. Когда ставили палатку, я собрал дефицитные веревочки со всех, ибо много их надо было, и теперь туристы бегали и спрашивали, а и чем же привязать пену или спальник. Ситуация была, с одной стороны, комичной, с другой же стороны, нужная машина могла уйти и без нас. Для привлечения к нам внимания шоферов и на другие нужды народного хозяйства кэп припас три поллитры. Еще в поезде, Витка во вверенной ему на время сетку с курами обнаружил искомую емкость и под наши с Герценом смешки засунул к себе в рюкзак, для неразбиваемости упаковав бутылку в свои шерстяные носки. После этого мы долго изгалялись по поводу "носка", и мало кто мог сообразить, что же это за носок такой необыкновенный. Теперь носок был переложен поближе и готов к употреблению.

Тренировка - залог успеха. Даже я, е говоря уж о кэпе, успел упаковать свой рюкзак, собрать палатку, помочь Косте увязать спальник, а люди все еще терли тарелки снегом. Мне было все равно, но руковод кипел. Про себя, правда.

Пришли на базу. Тишина. Изредка раздается рев, из гаража вылетает машина и, не спрашивая, не подвезти ли нас, улепетывает в неизвестном направлении. А утро холодное, и дует ветерок, а оделся я (и не только я) с расчетом на переход, чтобы жарко не было. Жарко и не было.

Мужичонка из местных, что разговаривал с кэпом, набивал себе цену. И машины-то не туда идут, и не так везут, и шоферы - пьянь, и начальство - дрянь… Кэп терпеливо ждал, несмотря на то, что я пару раз подлез к нему с предложением выходить пешком, довольно-таки дурацким, как я потом уразумел.

Внутри холодало оттого, что снаружи не теплело. Молодежь начала греться движением, да так буйно, что я опротестовал пару раз эту затею - на нас поглядывали косо, и кроме всего прочего, вполне мог найтись шофер, идущий на Крив, которому мы бы просто не понравились. А может быть просто дала себя знать моя довольно глупая привычка казаться спокойнее и сдержаннее, че есть на самом деле. Иногда можно бы и порезвиться, а вот…

Короче, люди резвились, две пермяцкие группы глядели на них с долей оторопи, а я ходил кругами, поглядывая на дверь диспетчерской, куда то и дело скрывался Влад. Когда я сближался с Витькой, который тоже не принимал участия в забавах, мы обменивались мнениями о том, скоро ли придется помогать выносить Романова ногами вперед, буде он надоест аборигенам.

Романов вышел сам со своим на англо-японский манер непроницаемым лицом. На расспросы отвечал типа "там посмотрим". Вышел и мужичок, набивавший цену.

— Борода вам, ребята,- сказал он и пояснил, что "борода" не совсем, вон идет самый главный, тощой и опухший после вчерашнего, начальник. Ежели он того, то борода, а ежели не того, то может и дать, а может и не дать. Романов, заслоняя плечами и начальника, и мужичка, скрылся в диспетчерской. За ним зашли два пермских руковода.

Мерзнуть надоело, и мы пошли в обогреваемую курилку, где пермяки резались в домино. Помнится, я, удачно присев на край лавочки и сдвинув пару конкурентов, умудрился заснуть и проспал минут десять, как вбежал кто-то и радостно завопил, что машина есть. Выбежали. Погрузка уже шла полным ходом в ЗИЛ-157 с небольшим кумганом. ЗИЛку предстояло везти тридцать человек сорок километров. Я тихо посомневался в его возможностях и полез вовнутрь.

Расположился я не совсем удачно. На мне сидел десятиклассник Сережа, завхоз пермяков. Его основание в твердости и остроте не уступало моим коленям. Страдали от этого мы оба. На Сереже сверху сидел Саша Суханов. Он не страдал: его зад гасил импульс от сережиных коленей запросто, вследствие своего объема. Остальные расселись кто как, кто и в более удачных вариантах. Поскольку мы ужались как следует, пермяки третьей группы сидели даже с комфортом, поодиночке. Герцен, зная слабость своего вестибулярного аппарата, примостился поближе к двери.

Опыт езды в тряских, темных и душных машинах у туристов ГКШ есть. Чтобы не укачивало и не смущало, безо всякого смущения надо орать песни без остановки, смеяться, дурить - все, что угодно, только не сидеть и не ждать, когда к горлу подкатит комок. Конечно, в ЗИЛке было не до гитары, но орали мы на славу. Пермяки лупились изумленно, а Сережа, который уже пообвык с нами, посидев ночью у костра, вошел от чего-то в экстаз и начал подпрыгивать на мне дополнительно к тому, что машину бросало. Я страдал и подтягивал.

Потом на каком-то особо большом ухабе Сережа подлетел вместе с Сашкой настолько, что за время их возвращения я успел обдумать и привести в действие план, состоявший в следующем: подпрыгнул посильнее, воспарил над кучей рюкзаков, а потом рухнул на нее. Не скажу, чтобы поза была особо удобной, но зато сверху - никого. Лежать на роге "Ермака" было невозможно, я скрючился и сел. Сережа оценил ситуацию и вышвырнул Суханова вслед за мной. Тот упал удобнее и откатился к окну, размером 15 на 20 сантиметров, где и лежал, перехватывая весь поступавший кислород.

ЗИЛок ехал немилосердно. В фургоне скоро нечем стало дышать, хотя изредка приоткрывали дверь, строго следя, чтобы Сергей Герцен, уже позеленевший, не вылетел наружу. В наиболее активные элементы все пели и балагурили. Вспомнили передачи советского и made in nenashe радио и, в меру способностей, подстраивали под них известные песни, а когда песня надоедала, Надежда громовым голосом извещала: "Помехи!", и все хрипели-трещали-скрежетали, изображая, как доблестные радиотехнические службы накрывают всяческие империалистические волны качественным глушением. Интересный метод. Вообще-то в штабе принято допевать начатую песню до конца, и часто бывает, что она уж и надоест десять раз,а ее все тянут. А тут - "Помехи!" - КХГРРГГКХГРКГХ… С другой стороны, когда устали после часа езды и слишком часто стали обращаться к помощи помех, все быстро скисли, и

наиболее бодрые с тоской и тревогой оглядывали зеленеющих окружающих, прикидывая, куда отскакивать, если что. Впрочем, как известно, если что, то начинается цепная реакция, и тут… Я бы на верхотуре еще, может быть, и уцелел…

К концу полуторачасового пути смешно мне уже не было, и только великая пятая основная сила, которой не ведают физики - стадное чувство, поддерживало дух туристов и мой, в том числе, на допустимом уровне. Ведь - с одной стороны, в заповедях штабиста написано: дави стадное чувство, всегда имей свое мнение. С другой стороны - иногда своего мнения лучше бывает не иметь, тогда, когда стадное чувство принимает форму коллективного мышления, "закона джунглей". Или когда "стадо" полагает, что надо, все-таки, держаться и не раскисать, как в этом случае.

Машина вильнула в сторону, затормозила так, что я чуть не въехал на рюкзачный монблан, и встала. Сначала, после тряски, и не дошло, потом поняли - приехали. Вылезли, выпотрошили фургон от рюкзаков, шофер сказал - ни пуха, его послали к черту, и он уехал. Третий мост, задний, почему-то вращался медленнее первых двух: интересно, как он нас вообще довез?

День, на нашу голову, разгулялся. Светило яркое утреннее солнышко - время подходило к одиннадцати часам, небо нежно голубело, и было уже не так холодно, не дуло. Может быть потому, что отъехали на сорок километров, а в предгорьях это совсем немало. Руководы сходили "до ветра", заодно посмотрели лыжню и приказали - встать на лыжи.

Пермяки собрались минут на пятнадцать раньше и лихо ушли - первая пермская группа, с завхозом Сережей. Они собирались, не доходя до Сольвы, завернуть на перевал Ходовой и уйти в пермскую область. Вторая группа решила идти с нами вместе до Сольвы. Собирались они еще хуже нас.

Между делом я спросил Влада, а отдал ли он "носок". Оказалось, нет. Начальник после вчерашнего пришел на работу с головной болью и тряскими руками и сказал, с трудом шевеля языком:

— Дать им машину; десятку сверх путевки - мне, десятку шоферу, и пусть проваливают.

Путевка до Крива тоже стоила червонец, так что с группы вышло всего ничего, и носок цел, если не разбился.

Романов задержался - лыжи Сидоровой, взятые на время у Соседенко, капризничали, некоторые личности еще не приготовились, и вперед, по лыжне первой пермской группы, героически пошла Хомутова.

На лыжах я не стоял давненько, кроме легкой пробежки месяц назад по Измайлову, и не скажу, чтобы ходьба с самого начала доставила мне удовольствие. однако, были такие, кому, по объективным причинам, она доставила еще меньше радости, хотя рюкзаки самые приличные, после кэпа, были у нас с Бестужевым, а у меня еще и кинокамера на шее болталась, так и призывая согнуться и постоять… согнувшись.

Хомутова остановилась - лыжня пропала. Совместными усилиями догадались, что пермяки пошли по Сольве, речке со светлым, изумрудно-зеленым и, на вид, очень непрочным льдом. Немного поколебавшись, решились идти по реке. Все равно романова не было рядом и спросить было не у кого. Выбрали на всякий случай интервал метров пять, пошли.

Ходьба напоминала блиставший некогда номер фигуриста Игоря Бобрина "пьяница на катке". Наибольшие усилия уходили не на перемещение, а на то, чтобы удерживать лыжи от расползания, себя - от отклонения с курса. Не у всех получалось: Герцен шел тяжеловато, а Юлька Пономарева все грозилась свалиться. А встать из положения лежа со льда, когда на ногах - лыжи, это проблема. Это генерал на себе проверял.

Свернули с реки. Доска с надписью "Заповедник Денежкин камень…" и дальше в том же духе, изрядно побитая из ружей. От доски в лес широкая дорога, на нее ушли пермяки, и те, и другие, а мы встали ждать Романова и Сидорову. Остановка была своевременная - километра полтора всего прошли, а у меня, например, появилась уже мысль о том, как бы поскорее закончить этот переход. Бледно, вернее, наоборот, чересчур румяно, смотрелись отдельные личности вроде Пономаревой и Кости Катаева, да и все были не прочь отдохнуть. Поскольку это был первый день, что такое - десять километров на лыжах по плохой дороге мало кто мог себе представить ясно, я так не мог, а поскольку шли (и стояли) уже час с небольшим, у наименее сообразительной части народа появились мысли - а может, уже половину прошли? Santa simplicitas!

Появился Романов. Он "пас" Сидорову, которая шла очень тяжело. И так-то, я подозреваю, не ходок она, да лыжи у нее барахлили. Она шла, поминутно приостанавливаясь, выпрямляясь, будто спина ноет, охая и снова делая шаг за шагом. Мы наблюдали это и вовсю отдыхали. Первая усталость сбегала с плеч и спины на лыжи и дальше - в начавший уже таять под теплыми яркими солнечными лучами снег. Без очков не совсем приятно было щуриться на белый свет. Юлька Пономарева догадалась - сложила очки на самое дно рюкзака и уверяла, что они ей ни к чему, хотя лыжню не видно от блеска. Катаев стоял

и кряхтел под своим пудом, пока ему настоятельно не посоветовали его снять. Орлов кому-то починял рюкзак или лыжу. Герцен в голос "хвалил" свои надежные почти что горнолыжные крепления, так что снег слетал с близвисящих сосновых веток.

Странное дело - у нас, даже на нашей широте, преобладает еловый лес, а тут, на целых полтора градуса севернее, в основном, сосенки и промеж - всякая лиственность и лиственницы, не соль ровные, как на Североуральской аллее, но все же красивые, с набухающими уже почками.

Романов подошел, постоял, вдохнул покрепче и скомандовал - ходу. Идти по дороге, что сворачивает от реки в лес, до самой Сольвы, не ошибешься. И то хлеб, а то почнет Хомутова смотреть - куда идти, еще в Баяновку вернемся..

Пошли. Я выпустил вперед почти всех по причине собственного большого "умения" ходить на лыжах. Сзади остались только Романов с Надеждой.

Сначала шли кучно, что-то около пяти минут, потом начали растягиваться. Кто побыстрее, во главе с Бестужевым, уходили вперед. Герцена с Пономаревой я скоро догнал. Оглядываясь назад, видел, что Сидорова совсем скисла. Ужо намается с ней кэп.

Минут через тридцать я, что называется, врубился. Известно, что самое главное - не видеть ничего, кроме трех метров дороги впереди себя, не думать ни о чем вообще и двигать конечностями ритмично, тогда идти будет легко, пойдешь автоматически, меньше уставая. Идя так, догнал Хомутову. На мокрой лыжне ее буковые "Бескиды" стали давать отдачу, и идти стало невесело. Мои, божьим попущением плохо, бугристо, смоленные, большой отдачи не давали. Но и вперед не ехали.

Поворот. Дорога, нитка плохой, разбитой лыжни по следу "Бурана". Сосны. Небо. Поворот. Дорога. Сидят туристы, свои. Отдыхают. Головина весела - интересно, какой у нее рюкзак? Макарова говорит, что на лыжах ей больше нравится, чем пешком - что-то по ней не заметно. Орлов улыбается. Через силу, похоже. Эдик Штраубе спрашивает, что делать, чтобы "Ермак" не тер спину. Святая простота… Про себя думаю - носи пионерский прыщик, отвечаю что-то невнятное. Наташка раздает аскорбинки - и то хлеб. Герцен напряженно соображает, что бы сделать с лыжами. Суханов, как всегда, бодр и весел, относительно остальных.

Бестужева нет: решил уйти вперед. Немного поспорив с Орловым, догонит ли Витька пермяков (я - "да", Орел - "нет"), заметил, что тот вернулся и стоит на повороте метрах в четырехстах. Решил пойти с ним, оторваться от основных масс.

Дойдя до него - он стоял и ждал - с удивлением заметил, что за мной топает Коля Попов. Ладно, поглядим на тебя опосля, я думаю, толпа нас не догонит.

Сколько переходов шли дальше - трудно вспомнить. Витка сразу повернулся и навострил лыжи так, что я еле стал поспевать, а Попов отстал. Я сказал - притормози, он проконстатировал и продолжал двигаться тем же ходом. Ладно, бог даст, не скисну.

Что врубилось в память надолго, это совершенно фантастическое небо, настолько синее, что страшно было смотреть в него, казалось, что земля переворачивается, и можно упасть туда, в глубину невозможную. Сосны, пока смотришь в небо, казалось, отливали резким медным светом, их зелень чернела и пропадала, растворяясь в бездонной сини…

Вышли на поворот - впереди что-то виднеется. Решили, что догнали первую пермскую группу - вторую мы уже давно оставили сзади, они проводили нас недобрыми, а может, просто донельзя уставшими взглядами. Остановились, думали - пусть себе посидят и идут, не будем гоняться. Коля Попов выглядел не лучшим образом, да и у меня припекало внутри. Обтер лицо снегом, жестким, как битый лед - полегчало.

Из-за поворота вдруг показалась Головина, за ней - Орлов. Вот это да, подумал я, мы ломились, как лоси, а они нас догнали. Не пойдет. Надо посоветовать им подольше отдохнуть.

— А что это там, впереди?

— Пермяки сидят,- ответил я. Витька для уточнения посмотрел в бинокль… и выразительно, но, естественно, беззвучно, пошевелил губами. Впереди стоял сломанный "Буран", который я, по солнечной слепоте, принял за сваленные в кучу рюкзаки. Два мужика копались в его ходовой части. Да, долго б мы ждали их ухода…

Встали, пошли. Лыжи безбожно липли к мокрой лыжне, солнце светило.

Мужики натягивали гусеницу и тихо, устало матерились. По всему видно было, что сидят они уже долго и вряд ли скоро починятся.

— Сколько до Сольвы?- спросили мы.

— Километра два-три.

Три километра! Потом это были всего-навсего две трети перехода, потом, когда мы свыклись с ходьбой, и лыжи ехали на нас, а не наоборот. Теперь же это была астрономическая цифра. Три тысячи

метров, шесть-семь тысяч шагов, триста тысяч сантиметров, три миллиона миллиметров!.. Эта цифра означала, что мы прошли около двух третей пути, а как хотелось, чтобы поворот - и Сольва…

Идем. На полную. Долго идем - может, пятнадцать минут, может, двадцать. Долго!? Да, долго. Орлова нет сзади. Никого нет впереди, и нет карты, которая может ответить, далеко ли еще.

— Надо было отобрать у Романова карту, раз уж мы вперед ушли,- здраво рассудил Бестужев. Но не ждать же, в самом деле, всех!..

Спустились в какую-то ложбину. Наледь, хлюпает под ногами, и чуть в стороне, под маленькими елками, лужицы вокруг стволов. Вода! Снимаю рюкзак, роняю на снег, беру из кармана витькиного "Ермака" фляжку и иду под елочки. С трудом - ноги-то, оказывается, не гнутся!- приседаю, вытаскиваю из ножен нож, углубляю лужицу настолько, чтобы можно было окунуть фляжку, потом черпаю колпачком…

А потом мы долго-долго пьем тягучую, невероятно холодную, метастабильную, наверное, жидкость, пахнущую теплым, талым снегом, хвойной корой и сияющим небом, которое спокойно смотрит на нас сверху и слепит нас солнцем. Странная штука - человек. Я знаю, что с каждым разом все труднее одевать рюкзак, снова начинать движение, но так и тянет скинуть промокший от спины мешок, расщелкнуть крепления, сесть сверху и протянуть (нет, пока еще - вытянуть!) ноги, закрыть глаза и… И нельзя, а надо - идти, идти…

Отворот налево. "Главный Уральский хребет, 10 км." Оборачиваюсь - Попова и не видно. Пока решаем, куда идти - подходит, плетется еле-еле.

— Что, Коля, перекур?

— Да нет, поплетусь еще,- хрипло выдохнул он. Да, умеет себя до конца отдать. Уважаю. Идем. Идем. Свело ногу - сначала у меня, потом у Витьки.

Идем. Поворот.

— Алилуйя,- негромко и спокойно сказал Бестужев. Я понял, что это значит - пришли.

Жердяной заборишко и поляна. Сольва! Выходим из лесу. Впереди стеной, заслоняя полмира, стоят горы. Хребет.

Главный Уральский хребет. Ура ему, он такой великий и могучий! Ура Денежкину, он справа, и снег на нем отсвечивает своей нетронутой белизной! Ура Сольве, трем домам на здоровущей поляне, они простояли века чтобы встретить нас! Ура нам!..

Сначала я снимаю Колю и Витьку, потом он - меня, а серые северные олешки у одно из изб ходят на привязи и мотают тупыми, будто обрубленными, мордами с черными носами. А хребет стоит и дурманит своим величием.

Кто-то направился к нам от одной из изб.

— Добрый день!

— День добрый.

— Дошли?

— Дошли.

— А еще идут?

— Идут.

— И много?

— Много. А здесь уже стоят?

— Стоят, в избе. И вам там места хватит.

— Ну, ладно, идем туда.

Какое счастье идти без лыж по мягкой желтой прошлогодней траве к избе, к жилью, к отдыху!

— Петрович!- из избы высунулся мужик со здоровой русой курчавой бородой, приятный на вид. Они из Черемуховки, Петрович, руковод, привел сюда пионеров, и будут здесь до понедельника. И мы тоже.

— Хотите - там чай, холодный, правда.

Хотите ли!.. Странный вопрос. Правда, как только рюкзаки упали на землю около дома, а лыжи были прислонены к стене, я почувствовал себя значительно бодрей и с удивлением узнал, что могу еще довольно резво двигаться и светски беседовать с Петровичем и одним из его группы, старшим из ребят, дай Бог памяти, как же его… склероз замучил…

После чая с сухариками я влез в унты и почувствовал себя на восьмом небе.

Мы успели развесить мокрые носки и портянки на стене избы, отдохнуть немного - черемуховцы, хожалые, видно, туристы, показали избу - безоконную коробку с двухэтажными нарами, нижний ярус которых они готовы были нам отдать, правда, вонь в избе стояла, и темно было подозрительно… Кэп придет, пусть решает.

Кто-то показался на горизонте, минут через тридцать-сорок после нас. Хомутова и Семененко. Тут уж мы не скупились на радушие. А рюкзачок-то у Хомутовой легче пуха тополиного…

— А где Орлов с Головиной?

— А они там - отстали, километр, наверное, с небольшим.

— Что ж они?

— А кто их знает…

Черемуховский паренек позвал показать, где вода, но показался еще кто-то. Мариева. Потом Суханов, Штраубе. За ними только Орлов и Головина. Потом остальные. Кэпа пока нет.

А у Мариевой рюкзачок ничего, по сравнению с хомутовским и иринкиным - раза в полтора…

Пошли за водой с котелками, Суханову с Поповым сунули в зубы топор и послали за дровами, нам показали, куда, и предупредили, что дрова - дефицит, идти далече.

Мужики, которые нас встречали, оказались из контрольно-спасательного отряда Североуральской КСС. Вот соседство… Неплохие люди, говорят черемуховцы. Притаскивают "Бураном" три лесины, мы их пилим, одну себе, две - им. Да, мирный симбиоз…

Когда набирали воду, подошел Романов, попросил кружку. Пил с удовольствием, быстро. Ругал девчонок - Сидорову с Макаровой. Идут, говорит, …, два шага шагнут и садятся: "Мы устали, мы отдохнем…"

Идем назад с котлами, полными воды. Впереди показываются Попов с Сухановым, волокут зеленую елку. Вот чудаки - с другой буквы.

Совсем рядом с прорубью с водой - нечто вроде естественного противоядерного убежища, как определил Витька, пятачок радиусом метров восемь, вдавленный в землю, и каменные увалы метра по три с юга, запада и севера.

— Вот здесь и встанем, а избы - нафиг их,- сказал кэп.

Потом поглядел на небо, горы и удовлетворенно молвил:

— А здорово мы всех … (обманули), ведь на сутки обогнали!..

В самом деле - те группы, что приехали с нами, пошли на Сольву через Всеволодо-Благодатское, а там только пешком, и два дня ходьбы, так что придут они только завтра к вечеру, а Романов, добрая душа, сократил нам путь на тридцать километров и, естественно, на сутки с лишним!..

— Здесь палатку поставите, снег пусть девочки мисками раскидают, а я пока дровами займусь, а то эти… приволокли же… Я еще понимаю, если б они лиственницу завалили, за сухую приняли, без иголок, но елка сырая она ж и не горит…- и кэп отпустил еще пару комплиментов дроворубам.- Пошли, перетащимся сюда.

— Вы руководитель?- подошел сбоку мужичок из КСО.- Пойдемте.

Романов невозмутимо двинулся за ним, а мы потопали тащить народ и вещи на место нового бивака. Туристы представляли собой картину не первый сорт, здорово побила их дорога. Мы пошутили - сказали, что надо пройти еще пару километров и начали снимать со стены свои носки. Интересно было посмотреть на народ - кто недовольно, но беспрекословно, кто равнодушно, кто со стоном, кто чуть ли не с испугом…

Подошел Романов и тихо матюкнулся.

— Витек, доставай "носок",- КСОшники прикопались к срубленной елке и обещали составить акт в МКК. После вручения носка они успокоились.

Рюкзаки перенесли. Влад с компанией двинулся за дровами, поручив ставить палатку. Общими усилиями размели с полянки снежок, причем из девчонок двигалась только Лена, Хомутова делала вид, что двигалась, остальные и вида не делали. А раскиданная полянка выглядела так привлекательно, особенно сухой пятачок в ее серединке - такой, наверное, теплый, приятный, мягкий, уютный… Ирина Головина стояла у кустов и тихо шаталась. Я стаскал рюкзаки в кучу, выбрав помягче, раскинул поверх пенку и сказал: падайте. Головина с Пономаревой повалились, на них бросили спальник - спите себе. Уснули, как убитые. Их прикрыли от ветра стенкой "Ермаков" и стали ждать, когда подсохнет полянка. Лениво сосали карамельки и отдыхали вовсю. Старое костровище Витька раскидал от снега, я огородил его невысоким заборчиком из валявшихся рядом камней.

Раздался рев мотора - на "Буране" подкатил КСОшник. Принесла нелегкая, подумал я, и зря. Он решил помочь нашим навозить дров, ибо в ближайших двух километрах все сушины уже выпластаны нашими предшественниками. Что это он так расщедрился, подумалось мне.

Мнут через двадцать КСОшник вернулся, таща на буксире три лесины. Alarm! и зашумела пила.

Приехал сзади за КСОшником кэп, глянул на кучу рюкзаков, глянул под спальник, сказал недовольно: "Это что еще за?.." Выяснив ситуацию, разрешил - пусть лежат.

Напилили дрова, наготовили колышки и принялись ставить палатку. Колья в землю не шли, и растяжки зацепили за деревья и принесенные валуны. Ничего, быстро поставили, если учитывать, что все устали, и шевелиться людям не хотелось.

Костер горел, и что-то варилось, будоража пустые желудки запахом пищи. А проглотили ее так споро, что я уж и не помню, чего глотал…

Перед ужином кэп собрал комсомольское собрание, как он выразился, в шатре, лежа.

— Есть две возможности,- провозгласил он.- Либо завтра идут все, а дежурные, то есть проштрафившиеся,- он выразительно посмотрел на Попова с Сухановым, и общество гыгыкнуло, осожалев по-новому потерю "носка",- остаются в лагере. Либо завтра идет половина покрепче, послезавтра - все остальные.

Дружно проголосовали за второй вариант. Романов подытожил: завтра идут Бестужев, Герцен, Затонский, Мариева, Орлов, Пономарева и Хомутова. "Была б погода",- подумали хором вышеозначенные.

К вечеру погода особо не испортилась, но на звезды потихоньку наволакивало подозрительные облака. Они были необычайно растянуты и истерзаны отрогами хребта, но высокая хмарь держалась устойчиво. Настроение было приподнятое, все слегка возбуждены предстоящим, шутили и смеялись по пустякам, потому что уже отлежались, отсиделись и отходились после долгого перехода, и силы бурлили.

На костре что-то сушилось и дымилось, идиллически пованивая и угрожая упасть в котелок. Котелок благоухал ужином - бурлившие силы требовали килокалорий. Некоторые личности, которым очень уж хотелось выспаться, полезли спать, не дожидаясь ужина, но большинство ходило вокруг костра или не слишком далеко около.

Ужин был вкусен и продолжителен. Выпили весь чай и хотели еще, но наиболее трезвые умы забеспокоились, кабы чего не произошло ночью непредвиденного, и погнали народ в палатку.

В палатке случился скромный инцидент. Эдик Штраубе слегка задержался у костра (или где-то неподалеку), а Коля Попов, лежавший в соседнем спальнике, начал активно воевать за территорию, дабы не тесно было спать, и так успешно, что Эдику осталось около десяти сантиметров жизненного пространства. Эдик возмутился, но залезть не смог. Мы сжались так, что Костя Катаев выдохнул и не мог вдохнуть долго, а когда вдохнул, то просочившийся в спальник Эдик выдохнул. Так они и дышали, пока более-менее не установилось динамическое равновесие. При этом возник такой базар… Соседи не желали уступить Штраубе лишние пять сантиметров с таким упорством, и все это под шуточку, со смешком, что даже я обиделся - воздержусь от серьезных комментариев. Витька вполне серьезно пообещал, что не скажет соседнему спальнику больше ни разу ни "доброе утро", ни "спокойной ночи", но и это не подействовало. Расшалились, …, не остановишь…

Ночью было происшествие. Божьим промыслом я проснулся от какого-то хлопка, и увидел, что лыжа, опора шатра, провалилась в дыру, где была привязана, и купол медленно падает, слегка вздымаемый порывами ветра. А дуло так, что по палатке бродили приличные сквозняки, и народу не хотелось вылезать. Я выскользнул из зажима Штраубе-Катаев и подпер палатку. На ребрах заиграл свежий воздух. Секунд через десять вылез опухший от неудачного соседства Семененко. Проблему с дырой решили просто - одели на конец лыжи валенок и уперли в потолок. Когда, подрожав минуту, залезали в спальники, раздался могучий треск - сломался носок лыжи. но палатка стояла, сечение валенка не позволяло ему проникнуть в отверстие, и я, мысленно плюнув, уснул опять.

День 4.

26 марта 1988 г., суббота.

Первое восхождение.

Это был главный день, из-за которого мы полтора суток торчали в поезде, день шли, и еще сорок четыре километра предстояло преодолеть - до Всеволодки. В этот день мы должны получить вознаграждение за перенесенные трудности и сохранить воспоминание об этом надолго, если не получится навсегда. И я ждал, что впечатление будет огромно и невмещаемо, прекрасно и величественно.

Помню свой первый поход на Усьву и чудесное чувство, которое долго хранил в себе, но в дальнейшем такого не повторялось, видимо привык или черств слегка стал, невменяем в определенной степени. А хотелось бы.

Собирались долговато. Романов слегка нервничал. Вчера, когда уже улеглись все страсти, часам к одиннадцати, вернулась сверху группа из Набережных Челнов, а ушли они наверх часов после десяти. Кэп не хотел возвращаться затемно.

Мы с Витькой спросили - обязательно ли брать лыжи. Нет, сказал Влад, но я поеду вниз от Желтой Сопки, а вы, естественно, потопаете пешком. И черт с этим, дружно сказали мы и, скинув лыжные ботинки, напялили унты.

Подниматься, как вчера в двух словах объяснил кэп, предстояло следующим образом. Сначала на отрог Денежкина, Желтую Сопку, 852 м., потом по ней дойти до самого массива и подъем до 1492 м. В длину - двенадцать километров в один конец. Если впереться туда с рюкзаками, это будет перевал категории 1А и, соответственно, кусочек горного похода первой категории сложности. Вообще, Влад не очень-то распространялся, что и как, видимо, считая, что ему виднее. Это мне не шибко нравилось, но я не протестовал, так как жираф действительно был длинней, в прямом и переносном смысле, и на Денежкин шел в восьмой раз. Больше, чем я - на Усьву.

Вышли. Влад с Семененко встали на лыжи и попэрли впереди. Хомутова с Орловым свои лыжи вскоре закопали в снег около дороги.

Шли ходко - еще бы, без рюкзаков и не так идти можно. Минут за пятьдесят дошли до подъема на сопку - как утверждал Романов, четыре километра. Мне показалось, что не больше трех. ПОтом кэп сказал - "Масса!",- заземлился и стал сосать бычок. Девушки питались снегом. Вокруг начинались красивые места - лес становился суровее и холоднее, и больше напоминал наш темный Западный Урал, чем лес вокруг Сольвы или по Кривинской дороге. Сольвинский лес уже остался внизу, а горделивый Уральский хребет, казалось, поднимается вместе с нами, становясь все выше и выше, взлетая над окружающей местностью. Небо над хребтом было невероятного густо-синего оттенка близкой грозы и быстро светлело выше отрогов до белесости туч. Еловые лапы покачивались на фоне этого великолепия от ветерка, пролетавшего поверх, но внизу было тихо. Настроение было подходящее: дайте мне точку опоры, и я Бог весть, чего натворю.

Подъем резко стал крутым. Романов со Славкой оставили лыжи, и все двинулись пешком, старательно толкаясь палками, которые кэп сказал взять с собой вместо ледорубов. Особо старательно толкался Сережа Герцен, и я приотстал слегка: ведь если зацепит, то это опасно…

Сопка желтела по мере возвышения. Вместе с этим, тайга переходила во что-то вроде тундровой растительности. Над желтой прошлогодней травой, цеплявшейся за желтый каменистый грунт, стлались деревья, напоминавшие по форме костер, в которой с силой дуют сверху. У прямостоящих деревьев макушки притупились, как обрубленные - тонкие хлыстики здесь не котируются, ветром снесет. А ветер потихоньку крепчал, и когда мы из "тундры" перешли в пояс арктической пустыни, где уже не росло ничего, задул сильно, подгоняя нас сзади. Хорошо, что не спереди.

Вышли на вершину сопки, полюбовались назад. Море леса без единого просвета до самого хребта, и единственный прогал - Сольвинская поляна, да еще дорога, по которой мы шли, изредка проблескивает сквозь деревья. Красота! С сопки видны небольшие горы, мимо которых мы ехали и шли от Крива, а на самой макушке - маленькая черная будочка, автоматический метеорологический пост. Витька все интересовался, где же радиотрансляционная станция, про которую написано в Детской энциклопедии, но, видимо, составлявшие ее слегка перехвалили достоинства массива Денежкин. РТС мы так и не видели.

Романов сразу спрятал группу от ветра за гребешок сопки, где были небольшие ровные плато, и группа сразу же начала растягиваться. Хомутова подкисала, Пономарева, рядом с которой мужественно, но бесполезно, шел Орлов, отставала. Меня все время в этом отношении удивляет Лена Мариева: по сравнению с другими девчонками она просто железная. Никогда ни жалоб, ни стона, и якорем не виснет, да еще фотоаппаратом щелкать по дороге успевает. А не такое уж это простое дело - пока прицелишься, пока снимешь, пока то да се - группа ушла метров на двадцать, а ведь ее догонять надо. А уж если кинокамерой жужжать…

Сопка кончилась. Впереди был спуск метров на сто в каменистый подлесок, таёжку, а за ней - сам Денежкин. Отсюда он напоминал что-то вроде седла в профиль, а сбоку из седла торчало конусообразное возвышение метров 200 высотой. Романов объявил, что мы обойдем конус по траверсу справа, где поменьше снега и не дует, а потом по левой половине седла подымемся наверх - на плато. Ну ладно, так дак так.

Подъем из таёжки был каменист и крут в меру, градусов до двадцати. Пошли камешки размером с голову и больше; вроде бы лежали они нормально, вполне устойчиво, но так, пошевеливалась извилина, что не особенно будет приятно, если одна такая голова вдруг прыгнет из-под ноги в сторону.

Дошли до "конуса" и остановились у скалы высотой метров 20, отвесно спадающей вниз. Посидели - здесь не дуло.

— Тут уж фигня осталась, километра два-три,- сказал Романов. Мы слегка возликовали (оказалось, зря). Кэп решил оставить у скалы (в дольмене, как я его совершенно неправильно назвал) рюкзак с продуктами. Слава Орлов, тащивший его, приветствовал такое решение.

Дальше перед нами лежало белое, матово поблескивающее поле с едва заметными вмятинками следов предыдущей группы, с наклоном градусов 30 вбок. Фирн. Романов показал, как надо зарубаться, если поедешь, - поднять палку одной рукой повыше, другой схватить ее поближе к основанию, к кольцу, и воткнуть в снег посильнее, если получится. А не получится, добавил я мысленно, оценив взглядом склон, - аминь.

Слева от нас стеной стоял гребень массива, мы шли вдоль него. Справа внизу было котловина реки Супрей - небольшой речушки, питающейся водосбором с Денежкина. Котловина была засыпана снегом, и только большие камни и четкий абрис русла выделялись ясно. Впереди и сзади были фирны, а примерно в километре начинался подъем на край супрейской котловины - бело-серый склон метров 400 высотой. Туда предстояло лезть. Вокруг кроме нас не было никого, совершенное безмолвие и тишь - ветер в котловину не пробирался. Если Желтая сопка местами напоминала марсианское плато, то здесь была арктическая пустыня, холодная и лютая в своем белом саване с остриями бурых камней, которые ниже по склону, метров 300, казалось, только и ждали,пока неосторожный турист, набрав приличную скорость, съедет к ним, и ужо позабавится хищная пасть склона, перемалывая поскользнувшегося…

Первым поскользнулся Витька. Он зарубился, но взялся за палку не у кольца, а выше, и палка согнулась. Кто-то вздрогнул молча, но большинство, особенно девчонки, закричали, завизжали - "зарубайся!!"

— Спокойно!- рыкнул он в ответ и, потормаживая в меру возможности, выехал на камни, уперся ногами.

Вот странные люди - неужели они думали, что он не знает, нужно ли зарубаться? Зачем же, спрашивается, орать так, что уши закладывает? Или это - моральная помощь?

Витька вылез и казался спокойным, значительно спокойнее окружающих. Двинулись дальше, поднимаясь в лоб.

Для девушек цветочки кончились, пошли ягодки. Хомутова постанывала, но шла, поскальзываясь так, что я, идя следом, старался покрепче втыкать палку на траектории ее предполагаемого движения вниз, ибо надеяться на то, что я смогу удержать ее обычными методами, например, за шиворот, если она покатится, было весьма наивно. Пономареву вел Орлов, но, поскольку она не шла, а он не знал, как посодействовать ускорению, двигались они очень медленно. Романов останавливался, поджидал их, замыкающих, и, не давая отдохнуть, топал дальше, а они отставали все сильнее.

Котловина кончалась, впереди уже маячил гребень, и воодушевленная сим Татьяна поскакала прытко. Кэп послал Витьку потащить немного Пономареву. Он сходил и вскоре догнал нас со словами: "А они не хотят". Ни себе чего, подумал я и затормозил. После недолгих препирательств ухватил Юльку за руку и стал изображать трактор. Не скажу, чтоб это было веселое занятие, ибо ей все время хотелось сесть и посидеть, а мы уже вышли на верхнее плато, и ветер стал порядка 25 м/с - на нем безо всякого опасения можно было лежать спиной или грудью. Дул он сбоку, ладно, что не спереди; идти было трудно. Слава Семененко, наивная душа, при подходе к краю плато снизу уже считал метры - 1300, 1400, 1450… А оказалось, что еще пилить и пилить, вершина маячила впереди. Плато было ровное, устланное небольшими плоскими камнями, по которым двигаться было не слишком удобно. Растительности не было совершенно - в самом деле, какая трава может удержаться на камнях под таким - 60 км/ч - ветрищем?

С меня усталость как ветром сдуло, идти стало даже приятно. Вокруг было что-то этакое, необычное, почти фантастическое - после арктической пустыни супрейской котловины, после тундр Желтой сопки началась пустошь такая, какую не охарактеризовать односложно. Плато было ровное и длинное, метров 500, за ним была вершина. Оно было покрыто камнями разного калибра - от крупных, рядом с котловиной,до почти что галечного размера в середине. Над камнями безраздельно властвовал ветер, и могучая гора, повинуясь ему, не смела обрасти даже скромненькой травкой. Туристы же, не подчиняясь ветру, как ни сезон, приходили сюда табунами, но гора не хранила их следов, во всяком случае, видимых, и в безлюдье, царившем на ней в этот момент, казалось, что мы единственные, первые

и неповторимые, и вообще все это относится к Земле постольку-поскольку, а принадлежит чему-то не нашему, внеземному…

Однако, красоты природы в тот момент интересовали меня в небольшой степени. Хотя я, естественно, не пропускал мимо глаз ничего, и душа радовалась спокойному великолепию, рядом плелась нога за ногу Пономарева, которой все казалось, что не то она от ветра взлетит, не то что-нибудь отдельно отлетит, и Орлов, который, как ни странно, внезапно присмирел до неузнаваемости. Юльке хотелось сесть и отдохнуть, а этого, конечно, делать было ни в коем разе нельзя. Слава шел сзади.

Мы приплелись к вершине в полном удивлении. Мрачный уступ был безлюден - где же наши, все, кроме нас и Герцена, уже значительно удалившиеся вперед? Тихо как-то тут, безжизненно…

Сверху показалась радушно улыбающаяся голова Бестужева. - Хотите анекдот?- проорал он. Мы еле слышали, хотя разделяло нас метров пять. - Хотим!..

— Это не главная вершина! *Не главная вершина*!!- повторил он для надежности, чтоб мы поняли и до глубины души осознали, что это еще не все. Мы осознали. Реакции Орлова я не видел, Юлька восстенала, а я взглядом поискал кирпич поувесистее для достойного ответа. Но потом решил - не стоит, да и Витька исчез. Попэрли дальше.

Взойдя повыше на камень, обнаружили расщелинку на одно сидячее место, где не дуло, и ПОномарева примостилась туда с нашего и божьего соизволения и заявила, что подождет нас здесь, ибо не может идти, и вообще, у нее болит голова, и ой. Но, как пел Владимир Семенович, и сети есть у нас, и бредни, и не испортят нам обедни все злые происки врагов. Насчет врагов - это для полноты цитаты, а насчет бредней во что. В суконке, в которой я полез наверх, я ходил не в первый раз, и случайно, видимо, минимум с год назад, в кармане у меня оказалась коробочка с таблетками амидопирина, долежавшая до сих пор. Воспользовавшись этим средством, весьма существенным как для настоящей, так и для выдуманной головной боли, удалось настолько повысить жизненные силы Пономаревой, что минут через пятнадцать, когда было одолено еще одно плато, и мы приблизились к (теперь уже точно) главной вершине, где развевались два флага и стояла радостная наша и еще чья-то толпа, необходимость моральной и физической поддержки, к счастью, надолго отпала.

Вершина дурманила. "Чому я не сокіл, чому не летаю?"вопрошали равнинные украинцы с XIX века и не догадывались, что можно набрать 1492 метра высоты, не отращивая крыльев, и вдохновенность вполне заменит пернатый аппарат, а ветер ежесекундно будет напоминать, что улететь можно и без крыльев, только подпрыгни - и унесет. Бурное веселье охватило всех, и силы кипели - "нам все горы-перевалы нипочем, нипочем! мы все горы-перевалы перейдем, перейдем!"

Это было счастье. Весь мир под ногами!!! Журавлев камень на северо-востоке, покрытый лесом, цепь Уральского хребта тянется километров 60 на западе, на северо-западе - Белый камень, три горба, каждый выше тысячи метров, на севере - невысокая цепь змееподобного, черного от леса Хоза-Тумпа, а на юге, в сверкающем поднебесье армадоподобный Конжак, цепляющий высокие, готовые вот-вот прорваться солнечным светом тучи. Вся мощь природы выступила грозно из недр и застыла могучими изваяниями, радуя глаз и придавая силы. В момент, когда мы вышли на вершину, тучи над Пермской областью прорвались, и цепь Главного хребта воссияла ослепительной белизной, и от этого еще радостнее стало: ура! Мы дошли, мы здесь, и мы видим все это!

Романов написал перевальную записку, сложил в полиэтиленовый пакет и под крики "ура" засунул в металлическую пирамидку, хранящуюся в туре, что я и отснял подробно. Народ ликовал. Потом я прикрепил вымпел "турист ГКШ Березники" к одному из флагов, бешено бьющемуся на ветру, и тоже - под "ура". Бедные флаги - сколько им досталось от природы!.. Один уже оборван ветром наполовину, другой - лишен угла, и все равно они вытягиваются по стойке "смирно" под струями воздуха и указывают туристу - ты дошел! Вот она, твоя вершина, отсюда - только вниз, ты наверху!

Минут через двадцать, когда все накричались вусыть, подошел Герцен, брошенный по дороге. Как-то не принято у нас юношей, да еще таких здоровых, на буксир брать, вот и плелся он в меру сил (а немного, знать, сил-то оказалось…). Последний кусок от камня Анекдотического он шел под наблюдением, которое велось в бинокль, и под соответствующие возгласы и комментарии. А потом я слез немного пониже, в расщелину, где не так дуло, съел пару конфет со снежком, хотя уже не испытывал такой жажды, как на фирнах, и решил, что вполне Г.Т.О.

Путь назад, как всегда, был легче и меньше впечатлял. Это была работа уже не на достижение Цели, а обыденка, и все, даже девчонки с Герценом6 шли хорошо. Я нашел варежки, оставленные там, где кормил Юльку амидопирином, пожужжал немного, и как-то незаметно приблизился край плато. А дальше все пошло вообще весело, за исключением того, что слегка плутанули и лишний час бродили, ища дольмен с продуктами. Наконец, героические розыски Витьки и Лены Мариевой увенчались успехом - нашли. Обошлось без инцидентов, за исключением того, что поехали Герцен и Орлов. Серега зарубился

нормально, а Славка поскользнулся там, где, как он уверял, и ножа не воткнуть, не смог пробить палкой фирн. Если бы камни, на которые он выехал, были метров на сто ниже, не позавидовал б я ему.

Хомутова топала, как по бульвару, наплевательски относясь к тому, что под ногами, и я удивлялся, как это и она не прокатилась. Ей было весело. Она беззаботно щебетала и с сокрушительным видом констатировала, что кэп устал, бедняга, намотался. Понятно: руковод устает не столько физически, сколько морально, но я бы больше внимания обращал на контингент, будь я на его месте. Может быть, конечно, это и неправильно.

В дольмене ждал приют и ужин. Все немного расслабились, а кто - и много. Пономаревой пришлось скормить вторую таблетку. Килька в томатном соусе и халва делали свое дело: внутри потяжелело, захотелось сидеть, не рыпаясь, обсуждать неспешно и со вкусом философские вопросы, созерцать величие природы… Последняя как мудрый советчик дала понять, что не стоит этого делать - ветер немного изменил направление, и стало поддувать. В такой атмосфере долго не усидишь.

— Попэрли!- объявил кэп и кряхтя поднялся. Попэрли.

Солнце добралось, наконец, и до нас. Идти стало приятнее в том смысле, что природа оживилась и не казалась мрачной. Однако, мы дружно благодарили небо за то, что оно не прохудилось, пока мы были наверху. Сейчас фирны слепили бы глаза почище зеркала, скользили и расплывались под ногами… Ничего, вобщем, хорошего.

Романов рвал когти. Ему надоело шататься по горам, он спешил спуститься вниз, к палатке, котелку и спальникам. Энергия в нем бурлила и увеличивала частоту мелькания ног. Витька шел с ним рядом и активно сочувствовал этому намерению. Девчонки, в конце концов, взмолились: "Влад, ты хоть бы бычок выкурил, что ли…"

— Ага,- отреагировал тот,- вот и кончилась антиникотиновая кампания, теперь просить будете… А он последний,- с сожалением констатировал Романов, достав "Астру" и кидая коробку, куда подальше. Уселись.

Витька сидел с невероятно недовольным лицом и "Ермаком" на спине. Я все больше с кинокамерой. Влад, отсмолив окурок, отвалился на спину и прикрыл глаза. А может и нет: светило солнце, он был в защитных очках. Хомутова, вся из себя веселая, сидела с выражением лица - что бы такого сделать плохого. Нашла, что: начала кидать снежками в кэпа. Тот отнесся индифферентно, но Слава Семененко, добрая душа, ввязался в перестрелку, и на лице у Бестужева отобразились слова: … … ..

Детки доигрались - Влад изъяснился насчет того, что у кого-то сил слишком много, и завершил недлинную реплику обычным энергичным "попэрли", к которому он все чаще стал прибегать. Желтая сопка кончилась как-то даже внезапно, мы спустились в лес. Романов с Семененко встали на лыжи и приготовились к слалом-гиганту, но мы резво перевьючили с Витьки на Славку групповой рюкзак и придали ему ускорение с напутственной речью. Интересно, как ему удалось доехать без травм и всего прочего того, что он явно мог заполучить?

До лагеря мы с Бестужевым шли вдвоем. Впереди маячила Лена, еще дальше - Орлов, остальные отстали, хотя мы особо не спешили, гуляли, обсуждая прошедший день. Критически, так сказать, оглядывая.

Допэрли быстро, по времени прикинули, что уж никак не пять километров до Желтой сопки, максимум три. Приятные были километры, за исключением того, что Хомутова с устатку не усмотрела в сугробе, куда прятала, вторую лыжу, пришла на "базу" с одной, и Эдик с Сашей Сухановым благородно сопровождали ее потом к месту захоронения. Нашли, к счастью.

Встреча была роскошной. Оставшиеся внизу, наслушавшись вчера ужасов про восхождение, не пожалели сил - вычистили палатку, напластали дров, сготовили обед (ужин). Одну лишь ошибку совершили - мало сготовили питья. И как мы не выпили всю Сольву, не боясь застудить горла? Ребята старались максимально помочь нам отдохнуть, так что аж приятно было и несколько неудобно: не успеешь пить захотеть, а мимо, как специально, кто-то с кружкой проходит и так ненавязчиво вопрошает: "?"…

Съевши супа с шестеренками - Сидорова, перезнакомившись со всеми окружающими группами, сменяла у кого-то рожки на "звездочки" - принялись за чай. В него, кроме "N 36, 1 сорт" всыпали зеленой, вылезшей из-под снега брусники, мяты, каких-то еще травинок, взятых с собой, и для вкуса - ложку меда. Ох и чай был!.. Я оглоушил три кружки и рискнул бы четвертую, но он, к сожалению, кончился. Влад, к тому же, приказал зампомначхозше "не жать" сахар, и все брали - кто во что горазд. Я, как всегда, три кусочка на прикуску, а ВИтька семь штук на кружку ухватил, и доволен был.

Вечерело. Зачем-то залезли с Бестужевым в златоверхий, где наблюдали интересную картину. Хомутова с ПОномаревой лежали в спальнике. Вдвоем. Татьяна пыталась послужить печкой для Юльки,

которую, наверное, от нервов поколачивало. А может быть, просто замерзла наверху и отойти не могла. Инженерная мысль Хомутовой спала накрепко. Надеяться на сугрев, лежа лицами друг к другу вдвоем в раскатанном "комбайне" на четырех человек по меньшей мере наивно, тем более, что большие отверстия во входной части спальника, будучи, как я понимаю, оставленными не иначе как для вентиляции, функционировали отменно. Конец этому делу виделся такой, что Хомутова жалобно осведомилась, скоро ли наш могучий костер изготовит нечто вроде питья погорячее?… Сказав, что не скоро, так как костром заведуют опытные сотрудники ЮДПД, мы проявили техническую смекалку и подоткнули спальник со всех сторон, закрыв щели. Радикального облегчения это не принесло, потому что Хомутова уже, похоже, была сама не прочь об кого-нибудь погреться, а кэп, наплевательски относясь к чаяниям опекаемой, завернулся в другой комбайн и дрых в противоположной стороне шатра. Хорошо быть руководом! Пришел, поел, сунул Орлову ботинки, сказал - высуши ("пожалуйста" подразумевалось) и - на боковую. Несчастный же рядовой турист стягивает унты, взвешивая в прохладном свежем воздухе тихие выразительные …, лезет к костру, куда не пропихнуться, ибо всех желающих не перечесть, старательно и, как правило, некачественно (надоедает!..) сушит сам, твердо зная, что, поставь у костра и уповай на Аллаха, через полчаса не унты - испанские сапоги будут, ноги не всунешь, а то - и сгорят до подошвы… Потом сушит все матерчатое и только после этого начинает просыхать и прогреваться сам, если дым от костра не прогонит - а он едкий, дым-то, ни дохнуть, ни глянуть… Потом с тихим благим матом сует как ни попадя "высушенное" в рюкзак и воображает, что Г.Т.О., а также готов к завтрашнему дню. Santa simplicitas!

— … А и что я мучаюсь?- возопила в конце концов Татьяна.- Засуну-ка я ее (в смысле - Пономареву) между вами на ночь, чтоб ей жарко было!..

Соломоново, мягко говоря, решение. Но, поскольку мне с ней на следующий день надо было дежурить с утра - Суханов, ее напарник, собирался наверх и все ходил, выспрашивал, как и что - причин решить так было хоть отбавляй. Да и стороны не протестовали.

На ужин была каша, есть которую не хотелось, и компот, который проглотили беззвучно, не задумываясь о возможных ночных трудностях. Собирающиеся наверх с тревогой посматривали на небо, где ползли тучи, закрывая великолепный Орион, склоняющийся к кромке хребта и сияющий вовсю. Луну уже укутало, как одеялом, и лишь слабое мерцание по кромке гор выдавало ее присутствие. Сириус, ярчайшая звезда неба, стоял в афелии, на предельной для себя высоте, подмигивая бело-зеленым глазом: "Ну, как?.." Шумели сосны вокруг, а за соснами шумели туристские группы - много их пришло сегодня, не скучно завтра нашим наверху будет. Если, конечно, погода будет. А нет… Вот и ходят они, вот и вглядываются в черное небо с черно-серыми тучами вопросительно, и добрые души пророчат наутро солнышко. Нехай. Я подмигнул Сириусу, проверил, на месте ли ковшик Большой Медведицы, и полез спать.

Витька уже лежал, я тоже заполз, и Хомутова произвела укладку замерзшей между нас. Эдик Штраубе занял ее место рядом с Сухановым. Бедняги! Один не греет, другой скрючивается… Ладно, пусть учатся, а то вон - Хомутова, специалист по спальникам, а умения никакого, даже обогреть не может, как выяснилось.

На сей день успокоились быстро. Одни устали, другие, готовясь к восхождению, жаждали выспаться. Но угомонились не все.

Лежа между мной и Витькой, Юлька очень скоро согрелась настолько, что сначала решила избавиться от свитера (бог мой, Хомутова ее еще бы в ватник облачила, потом грела!), а через некоторое время стала порываться вылезти из спальника и пойти прохладиться наружу. Эти порывы я, конечно, моментально пресек, но потом что началось…

Я понимаю, в тесноте - оно не для всех не в обиде, тем более, когда рядом семьдесят бестужевских килограммов, и они время от времени поворачиваются, при этом какая-нибудь конечность идет по дуге и, доходя до соседки, производит такое изменение количества движения, что я въезжаю в стенку. Но метод борьбы с такими прецедентами она выбрала довольно странный: начала вращаться с частотой в пол-Герца то по, то против часовой. Когда мой вестибулярный аппарат окончательно сдал, я мысленно плюнул на все это, развернулся носом в стенку, принял теплоустойчивую позу и слегка уснул.

День 5.

27 марта 1988 г., воскресенье.

Второе восхождение.

Вставать пришлось в шесть. Было холодно и немного ветрило. Подлый сквозняк щупал ребра, заползая под суконку, и ребра поеживались. Отлежанный бок (доджентельменничался) гудел. Физио, как можно предположить, опухло, а омыть его ледяной сольвинской водой я долго не мог решиться.

Костровище остыло, дрова были неколоты, а топор, как ни странно, поплясывая и подрыгиваясь, колошматил куда попало, только не куда надо, сучки не кололись, "колодец" не складывался… Полный букет утренних удовольствий. Юлька бродила неприкаянно, потом принесла воду и охаживала круги вокруг негорящего костра. Я щипал лучину и мысленно выражовывался по поводу букета.

Но все, в том числе и природная подлость, имеет предел. Дрова возгорелись, стало тепло, Котелок грелся - полный порядок. Я получил пару комплиментов насчет ночи - оказалось, я не хуже Витьки каратэ занимался, только когда?! Вроде, за всю ночь раза три перевернулся…

Природа просыпалась. Лапша варилась. Как время подошло к первой пробе, я заколошматил по миске и объявил подъем.

Первой вылетела, лязгая зубами, Лена Мариева и пулей - к костру. Не помогает Сережа Герцен от мороза, видать… Как истая хозяйка, она поинтересовалась, сколько чего поклали, отругала молодую хозяйку Пономареву за плохую дозировку в пух и прах, впрочем, весьма корректно, и поправила дело. Лапша сварилась моментом - Лена пришла, тут уж как ни бурли, ни возмущайся, а деваться некуда - сваришься…

Кэп вылез пасмурен. Ему мало хотелось переться наверх, а может, была другая причина, ибо Хомутова вылезла столь же пасмурная. Эдик в нервном возбуждении вздрагивал. Коля Попов вытягивался. Костя примерял унты Бестужева, они были велики, и оба их подгоняли. Саша Суханов собрался раньше всех и бродил.

Лапшу съели, и кэп сказал мне: "Ну, собирайся". Дело в том, что вчера, поглядев на идучесть кадров, я сказал ему вполголоса, что если завтра я понадоблюсь наверху, то я не против. Романов не отреагировал по своей обычной манере, а вот теперь "родил". Thank you - долго ли мне собраться? Единственно что, знай я о предстоящем, позаботился бы, чтоб выспаться, а то и спал - то часа три…

На сей раз собирались долго, а может быть, и не долго, но Романов нервничал и попэр вперед, когда не все еще были готовы: Головина экипировалась, а Сидорова с Мариевой отлучились в лес. Догоняли бегом. В этот день я шел абсолютно спокойным, даже без особых эмоций - твердо знал, зачем иду, и морально доготавливался. Молодежь нервничала. Романов торопился. Куда уж он спешил, покрыто мраком, но по дороге мы со свистом обогнали какую-то группу, которая долго не хотела дать нам это сделать, но шли они хиловато против Влада. До первого перекура отмахали километра три, под самую сопку, и остановились на подъеме, оставив группу конкурентов сзади на приличном расстоянии. От туристов шел пар. романов двигался с невозмутимым выражением лица и "Масса!" сказал совершенно равнодушно. Все повеселели. Макарова с Сидоровой, восседая на снегу, пели песенки, Костя шастал по кустам, Суханов пошел "минировать" тропу, тоже - чудо, не мог внизу облегчиться. Я глядел на веселых девчонок и уже мало веселую Ирину Головину, резвого Костю и достойно оглядывавшего в бинокль окрестности Колю Попова, и думал, а и что же будет дальше. Вокруг стояла та же безумная независящая от нас красота, и лиственничная ветка покачивалась, с сомнением взирая на начинающееся предприятие. Тупые, как обрубленные, концы елей покачивались под слабым ветром - погода была лучше, чем вчера. Природа не давила своей темнотой туч и резким отблеском гор, все было как-то мягче и приятнее. Метров на пятнадцать ниже показались конкуренты.

— Ну что, заминировал?- осведомился кэп и, получив положительный ответ, сыграл ноги.

Вообще наша группа, что первая, что вторая, ходила довольно быстро, быстрее, чем другие туристы. Романов любил ходить в темпе, вынуждая молодежь выкладываться. А этого-то она и не умела делать, хотя все старались. Получив указание использовать палки в помощь ходьбе, толкалась так, что мне, замыкающему, пришлось держаться подальше от Коли Попова, а он все беспокоился, как бы я не отстал. Трогательная забота.

Вершина Желтой приближалась, подъем пошел крутой и не очень приятный в том смысле, что идти всем почему-то хотелось по тропинке, которая была под утоптанным многими туристами снегом, а не рябом, где снег уже сошел. Поэтому приходилось вовсю толкаться палками, и движения рук стали менее уверенными, устали, видимо. Начиналась пустыня, вернее, приполярная желтая тундра. Я шел, поглядывая, кто как идет - пока все было нормально, хотя лица уже стали унылы. У меня же было хмуро-торжественное, в общем, хорошее настроение. Сопка казалась вполне знакомой, шлось легко, приятно. Проскочил ее всю до таежки, километра полтора, и не заметил. А вот девчонки скисают. Головина шла с Поповым, которые не помогал ей никоим образом; Сидорова ковыляла сама по себе; Макарова пристроилась к кэпу и вцепилась в него, как клещ: ни шагу назад, ни шагу на места, а только вперед и только рядышком. Костя резвился, прыгая с камня на камень. Я ему наказал, чтоб не вздумал скакать на склоне, а то потом собирай его по кусочкам.

Прошла таежка, начались большие камни, впереди маячил подъем. Иринка перед таежкой умудрилась на ровном месте с размаху встать коленом на камни, что, естественно, нисколько не увеличило ее проходимости. Она постепенно останавливалась, Романов нервничал. Он вообще мечтал "сбегать" туда-обратно часов за несколько без больших усилий и злился на Головину. Я подошел и по молчаливому соглашению начал играть в трактор. Интересное дело - разница в физическом усилии, вроде бы, невелика, но все внимание без остатка уходит в буксир и, научно выражаясь, восприятие природы существенно страдает. Ладно, на природу я смотрел вчера.

Дошли до дольмена, где вчера оставляли продукты. Посидели, погалдели, вперед и наверх поглядели. Заметил, что народ с вожделением поглядывает на край супрейской котловины, вспомнил, как Семененко вчера считал метры, и не удержался, чтобы не прокаркать саркастически: бутончики кончились, сейчас пойдут цветочки, а потом и ягодки. К счастью, моя реплика осталась без внимания.

Кэп велел Попову оставить рюкзак. Тот кивнул и полез куда-то вокруг дольмена наверх. Припрятывать, как оказалось. Влад в изысканных выражениях отметил его недюжинную сообразительность и, не дожидаясь, пока он слезет назад, попэр.

Сам себе нагадал: бутончики кончились. Ирина пошла хорошо, и до самой вершины я уже поглядывал на нее только на всякий случай, но расцвел бенефис Нади Сидоровой. Не то действительно у нее что произошло, не то только солидно показалось, но она через шаг начала останавливаться и стонать, что у нее болит желудок, "то сжимается, то разжимается". Как тут не вспомнить анекдот, где врач приходит к больному, родственники с ужасом сообщают, что последнего "бгосает то в жаг, то в холод, то в жаг, то в холод - что же делать?"- а доктор, не будь дурак, отвечает: "А-девать и ррраз-девать, а-девать и ррраз-девать",- и уходит, экономя лекарственные средства. Вот я и занялся примерно тем же. Двигался позади колонны, рядом с Головиной, на всякий пожарный, а Надежда - впереди, раньше-то она была рядом с Макаровой, но теперь Наташка с Владом топали уже Бог весть где, а Сидорова через шаг останавливалась и делала умирающего лебедя. Я из хвоста отряда по крутому фирну доходил до нее и методом кнута и пряника приводил в движение. Потом дожидался арьегарда, так как Ирина шла как-то очень неустойчиво, и я боялся, что она уедет. Через минуту цикл повторялся. Дурной пример заразителен - Костя, добрейшей души человек, решил, что мне необходимо помочь и, при очередной остановке, полез по фирну в сторону Сидоровой. Ниже группы по склону. И, конечно, поехал. Сидорова скакнула за ним, и просто чудо, как они не укатились вдвоем. Вот ведь, как надо, так и желудок проходит, оказывается. ПОтом занервничал Коля Попов, ему хотелось идти быстрее, и он провозгласил несколько тезисов в адрес Нади. Пришлось одернуть, кажется, правда, получилось грубо.

Вобщем, с охами и передохами долезли мы почти до края котловины, там чуть-чуть посидели и попэрли было дальше. Конечно, все, кроме Сидоровой. Подхожу к ней - а ветер уже вовсю свищет спереди, почти что в нос - а она вдруг начинает на меня "в бессилии" падать. Веселая картина, если учесть крутизну склона и разность масс в ее пользу. Дальше, после недолгих переговоров (я ей - пошли, она мне - "я щщас заплачу", ситуация…) до второй "фальшивой" вершины, Анекдотической, я работал толкачом. Малоприятное занятие. При всем при этом охам-вздохам не было конца, а я, слегка прикинувшись черствой чуркой, не давал остановиться и, согласно законам механики, аккумулировал в ней столько мегаджоулей, что, когда прошли-таки Анекдотическую вершину и стали видны флаги на пике, Надюша рванула так, что я, не шибко торопясь, отстал. Ну и слава Богу, подумал я, посижу наверху спокойно, съем конфетку со снегом и гуляючи побреду назад. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти: сейчас с них посдувает усталость, окинут они затуманенным от долгой ходьбы взором вид с Денежкина и просветлится он, ибо суровы и чудодейственны красоты Уральского края… Как бы не так.

Налюбовавшись еще раз красотой контрастных черно-белых отрогов, к своему удивлению, услышал голос Романова, зовущий вобрат. Как так - всего минут семь побыли, удивился я, но не протестовал, естественно. А девчонки, похоже, и не прочь бы попротестовать, но не рискнули. Как ни

странно, усталость с них нисколько не сдуло. Наоборот, Головина, например, потихоньку начала утрачивать навигационные способности. Во многом тут, конечно, виноват ветер, ибо при таком давлении воздуха даже спрыгнуть с камня высотой со стул и то - проблема. Надо брать упреждение, и довольно солидное. А при ходьбе по прямой следует целиться градусов на двадцать в сторону, не то уйдешь куда-нибудь. Это явления я и заприметил: Ирина шла одна, потихоньку уклоняясь влево и пошатываясь. Подумал, подошел, отобрал палки, прикрыл, сколько смог, от ветра и понес всякую чепуху о том, как хорошо гулять на природе и как немного уже осталось. В этот раз Влад, хорошо помня дорогу к дольмену, двигался без остановок, о чем даже я пожалел. На обратном пути очень хотелось пить, и конфеты "ушли" задолго до перекуса.

Как вышли к супрейской котловине, под горку все побежали довольно резво, а я вот чуть не свалился. Поехал, зарубился. Глянул вниз: метрах в пятнадцати - камни, можно было бы не зарубаться, доехать, тоже не страшно. Прошел пару шагов, опять поскользнулся. Зарубился метра через три, поглядел вокруг - вылезать скользко. Дай, думаю, доеду до камушков, там посмотрим. Уже изготовился палку выдергивать и так, на всякий случай, вниз глянул. И такие ноги наверх сделал!.. Камни те я уже, оказывается, прошел, и катиться метров 400, и блестит все внизу так подозрительно…

Ситуация стабилизировалась - слава Богу, все топали сами. Сидорова шла с видом крымского партизана на допросе в гестапо и выражением we shall overcome (may be)[2] на лице. Головина меланхолично переступала. Костя приковыливал. Кэп маячил далеко впереди, у самого дольмена.

И в дольмене сидели меньше, чем вчера. Как только съели консервы, и банки улетели в котловину, Влад поднялся.

— Денежкин раньше консервной банкой звали,- сказал он печально, забрасывая гробик от кильки вниз,- столько их тут валялось. Потом студентов пригоняли, чистили они тут,- и совершенно непоследовательно заключил.- Попэрли, что ли…

Торопясь спуститься, он повел нас по гребню сопки - так на полкилометра ближе, но получилось едва ли не дольше из-за сильного, хоть и не такого, конечно, как наверху, ветра. Спуск обозначился, как и вчера, внезапно, но теперь он был прилично подогрет солнышком и этим от вчерашнего отличался. Если тогда все сошли ногами, то на сей раз я спускался, глиссируя на разъезжающихся унтах, а девчонки, с визгом и смехом - на пятых точках. Ждать, пока они обдерут болоньки, не стали, и двинули в лагерь вдвоем с Эдиком Штраубе, который перед этим просил Романова сказать ему, когда до Сольвы останется один километр, мотивируя это тем, что в целях самопроверки хочет пробежать его бегом (?!). Влад посмотрел, как на ненормального, и пробурчал что-то невнятное.

Дошли мы несколько медленнее, чем вчера с Витькой, но тоже быстро. Влад уже наворачивал что-то съестное и делился впечатлениями.

Что было дальше, помню смутно. Костер моментально загромоздили всякими носочками-варежками, и я предпочел развесить свои тряпочки на елочке под лучами негреющего склоняющегося к закату солнышка, залез в ботинки, что-то проглотил, что-то испил, над чем-то посмеялся, полюбовался, как со знанием дела наколоты дрова, оборудованы седалища и вычищена палатка и как Бестужев руководит всем этим хозяйством, и, закатившись в уголок шатра, что называется, откололся. В палатке сидели девчонки, и засыпая я слышал какие-то реплики в мой адрес, но они мне были, как говорится, до фонаря ворота…

Проснулся к ужину. Было темно, и каша сварилась как раз вовремя, к моему просыпу. Вылез, хрустнул костью, потягиваясь, взял полувысохшие вещи и потащился к костру. Поел. Хомутова скомандовала - всем спать и полезла сама, поскольку на следующий день ей предстояло с утра дежурить с Витькой. Я, по своей привычке, остался у костра дожигать угольки, спать не хотелось - выспался. Задержались и Макарова с Мариевой. Лена что-то мыла, а а Наташка досушивала. Возник интересный разговор, начавшийся с того, что она поинтересовалась, почему вы (мы) с Бестужевым очень любите лазить в чужие души и дела, в частности, интересоваться кто, что, с кем, как и почему? Вопрос был довольно неожиданным, и я замялся. Она конкретизировала: самоцель у вас - анализ и сравнение или нет, или цель еще где-то дальше? И так далее, в том же духе - пришлось отделываться чем-то не слишком внятным, как говорил Штирлиц, социальными звуками. Она, по-моему, осталась разговором недовольна, а я так и не понял, чего ж ей хотелось услышать. Под коней разговор зашел на такие высоты морали, что, когда полезли спать, и Коля Попов сходу попытался придвинуться к Макаровой поближе - замерз, бедняга - та что-то ему такое шепнула, что он лихорадочно развернулся фасадом к стенке и полночи лежал так, что я наблюдал, поскольку долго не мог отъехать, а может, мне это и приснилось. Вот оно,

[2] Все преодолеем (может быть).

постоянство - только что у костра обе сетовали на то, что соседи, Герцен с Поповым, сущие бревна, а тут на тебе…

День 6.

28 марта 1988 г., понедельник.

Утро было феерическим. Я вылез почти сразу за Витькой, потому что как только он удалился из спальника, костя свернулся буквой х (зю) и Колотун-Бабай (Дед Мороз, с татарского) пошел лупить дубиной. Принял сугревательную позу, но помогло мало. Плюнул на розовую от утреннего холодного света стенку и пошел наружу.

Утро было феерическим. Солнце медленно вставало из-за ДЕнежкина, большое, яркое, пастельно-розовое, оно освещало цепь Главного Уральского, и хребет стоял молочно-розовый на фоне темного синего западного неба. Казалось, каждая елочка на его склонах впитывала в себя небесный свет, и черно-зеленый еловый ковер тяжело дышал, переливаясь розовыми бликами. Снег сиял, как начищенный, а одинокая сосна рядом с розоватым шатром пульсировала, по коре струились золотистые отблески.

Костер уже горел, Хомутова суетилась около, а Витька пластал топором по полешкам, испуская очень выразительные многоточия в адрес того, кто вчера пожег все дрова. Я отмел все намеки заявлением, что спалил только пару бревнышек, а в остальном - докаливал угольки. Заявление впечатления не произвело, пришлось активно включиться в заготовку дров. Между делом Бестужев поведал анекдот из жизни.

— Вылезла,- говорит,- Хомутова из палатки, замерзла и давай на кострище обложку от журнала жечь - согреться хотела. Я ей говорю: Татьяна, … …! Вообще, что такое - просыпается, идет на четвереньках к выходу и повизгивает так жалобно: "уйи… уйи… уйи…"- как поросенок!

Хомутова сидела в сторонке и возмущалась грубой клеветой, но ее вид явственно твердил обратное.

Кэп вылез и первым делом скомандовал укатывать котомки, а потом уже потопал к котелку с лапшой. Я скидал рюкзак быстро и шатался потом неприкаянно, немного жужжа кинокамерой. Меня беспокоил вопрос, как идти - на лыжах или без. Кэп отдал указ первое время, пока лыжня заледенела, двигаться пешком, потом, когда подогреет и начнется спуск к Шарпу, вставать на лыжи. Я бы и встал, хотя на ногах чувствую себя увереннее, чем на лыжах, но подошва ботинка за время первого ходового дня лопнула поперек и угрожала пропускать холод и снег в неограниченном количестве. Поэтому твердо решил топать пешком, и Витька был со мной в этом солидарен - запрятал лыжи в рюкзак, и они торчали оттуда носками вверх наподобие диковинных антенн. "Анатемм", как он выразился.

Собирались медленно. Романов сидел у костра и покрикивал на копошащихся у рюкзаков туристов. Хомутова мыла посуду. Орлов пил чай и улыбался. Эдик Штраубе никак не мог свернуть "пенку", его белая болоневая ветровка светилась под солнцем, он был полон сил и энергии, как и все остальные. Татьяна под шумок вручила мне пакетик килограммов на восемь-девять с продуктами на обед и ужин, чему я, конечно, не обрадовался, но позволил уговорить себя не ворчать. Настроение было радостное, приподнятое, хотя перед нами лежали 22 километра, 10 до кордона на речке Шегультан, один маленький домик немного в стороне от дороги, плюс 12 до кордона Шарп - два домика у одноименной речки.

Пошли легко. Первый переход начали так, будто спешили на стометровку: Витя рванул, и мы - Лена Мариева, Костя и я - за ним. Честно говоря, я не хотел брать такой темп, но и отставать не хотелось. Для начала мы оставили всех, кто вышел вместе с нами, и сорок минут махали, как заведенные. Потом встали на перекур и молча одобрили регламент - 40 хода + 10 отдыха. Во время первого отдыха догнал нас Герцен, но потом не выдержал темпа и отстал. После второго перехода опередил Орлов, сказал, что решил идти переходами по пять километров, и вот не знает, прошел уже их или нет, а потому отдыхать не будет. Ну и ладно, как хочешь - ответствовали мы, изо всех сил отдыхая. После третьего перехода, вернее, в его время, пересекли сначала какую-то махонькую речушку, у которой не видно было никакой избы, долго сомневались, Шегультан ли это (потом оказалось, что это был Малый Шегультан, приток

Большого), а через десять минут вышли к речке пошире, вдоль которой широкая, хорошо утоптанная лыжами дорога вела на Денежкин.

Метрах в пятнадцати виднелась махонькая избенка, около которой торчали, воткнутые в снег, полтора десятка пар лыж. Посидели около речки, попытались додолбить лунку во льду, начатую каким-то нашим предшественником, но решили, что река промерзла чуть ли не до дна, потому что зеленоватый лед промерз вглубь на полметра, а дальше и долбить не хотелось. Поэтому мы попили по чашечке чайку с сухариком, чаек Костя припас в термосе, героически тащил десять километров, и пошли дальше.

Идти разу потяжелело, не то от пройденных миль, не то от булькавшего в животе чая. Костя в своих валенках стрррадал мозолями. Рюкзак тянул, хотелось сесть и посидеть минут несколько, но мы только один раз сбили график, остановились на пять минут раньше, когда у Кости совсем заплелись ноги. А через некоторое время догнали Орлова, он отдыхал, но, увидя нас, подскочил и напялил рюкзак. Так и гонялись: то он впереди, то мы. Но Витькин темп выдержать- это ему в затылок дышать надо, не иначе, а убегать впереди наедине с собой - сложно, так Славка пропускает всех вперед и пристраивается сзади, потом снимается с отдыха пораньше и опять уходит вперед… Дорога пошла под гору, знай шевели ногами. На одном из привалов обогнала нас группа молодежи с тетенькой во главе, пролетели они так быстро, что пошевелилась мысль, не встать ли и нам на лыжи, тут спереди показалось что-то быстро приближающееся… Разглядев, сиганули с дороги и с немалым удивлением взирали на приближающуюся пару оленей, запряженных в нарты. На нартах сидел дед и стучал по оленям хореем, вслед бежала на длинной привязи рыже-белая лайка.

— Сколько до Шарпа?

— Километра два-три,- ответил дед и хлестнул по оленям, косившим на нас крупными черно-коричневыми маслинами глаз. Рога у олешек были слегка обломаны, сами они выглядели какими-то испуганными, но шли ходко: за часок, пожалуй, доедет и до Сольвы.

На сообщение о близости Шарпа вдохновило, и попэрлись мы далее вдохновленные. Пройдя пару километров по спуску, увидели отходящую вправо неплохо утоптанную дорогу и указатель к ней со стрелками: Денежкин камень - 12 км, Сольва - 20 км. Ура - пришли, подумали мы, и совсем некстати у Кости отцепилась лямка рюкзака, пришлось остановиться и завязывать. Слава Орлов, давно обогнанный и шедший с нами с момента встречи с оленями, бочком обошел нас, сказал мирно и дружелюбно: "Ну, я, пожалуй, пойду…" - и дал ноги. Витя только скривился презрительно, а Лена мотнула головой, что означало: ну и тип… Похвально желание придти первым в Шарп, но нехорошо, в конце концов, так торопиться, не по-товарищески, если уж говорить красиво…

Витькина реакция одним скривлением не ограничилась. Смонтировав рюкзак, он повернулся и замахал так, что весь первый переход не шел с этой скоростью ни в какое сравнение. Это была гонка. Слава Орлов рассчитывал за первым же поворотом увидеть парочку уютных домиков, но практика показала, что до них оставался километр, а на такой марш-бросок его уже не хватило. И сам господь его не забыл, покарал слегка: при нашем приближении он оступился и повалился в снег. Витька просвистел мимо, я, замыкающий, тоже хотел пройти, не останавливаясь, но все же натура взяла свое - предложил ему помочь подняться. "Нет, я сам," - он понял, что эту гонку уже проиграл и, думаю, был зол на себя.

А метров через четыреста за очередным поворотом блеснула полоса льда - Шарп! - а на пригорке те самые домики, один - лесника, в другом уже стояла какая-то группа. Молча подосадовали, что опоздали (как выяснилось потом, они пришли часа на полтора раньше, и беги мы бегом, все равно б не догнали).

Вышли на обтаявший пригорок, бросили - нет, не спеша, со вкусом сняли рюкзаки и с блаженством опустились на траву. Красота! Минуты через три приблизился Орлов, мы с ним сходили на прорубь и набрали фляжку воды. Лена после недолгих колебаний прогулялась в избушку лесника и вернулась, неся термос Кости, наполненный горячим чаем. Я первым делом скинул унты и залез во все сухое. Ноги гудели, но уже приятным гулом, постепенно отдыхая. Благостный дух от восьми пар носков смешивался с природными ароматами, источаемыми сохнущей прошлогодней зеленью. Свои унты Витька надел вверх подошвами на воткнутые в землю колышки, я свои просто выставил на солнышко. И мы впятером сели пить чай. Это действительно было блаженство - полулежать на солнышке, трескать консервы, и запивать красноватым душистым чаем, и никуда не идти!..

Из леса лихо вырулил на лыжах Романов, подошел к нам.

— Так. Кто посеял палки?

— Никто.

— Как, нафиг, я сейчас сосчитаю. Раз, два, три, четыре… А на какой фиг я их тогда тащил?- подкинул на ладони пару алюминиевых палок с синими кольцами.- Возьму себе, дома сделаю что-нибудь. Что, жрете? Пить есть? - припал к чашке, выпил и налил еще.

— Что, где они там - идут?

— А ну, нафиг, плетутся, чуть ни шаг - "Мы устали, мы сядем, мы отдохнем…"- передразнил гнусаво Сидорову.- Я их в паре километрах отсюда бросил, плюнул и махнул, так,- с удовольствием повел плечами,- размялся приятно. А это кто стоит? Пойду, поговорю,- и направился к соседям.

Мы возлежали. Солнце грело ласково, несмотря на неприятный потягивающий ветерок, а чай был вкусен и воздух свеж! Костя, бедный, умаявшись догоняючи нас, раскидал носки по кустам и травке, свернулся босиком в калачек на пенке и лежал, делал вид, что не засыпает. Ему посоветовали дрыхнуть, он сказал типа - "Да что вы, да я не…" - и через три минуты уже спал. Витька посмотрел на его драные пятки, покачал головой и бросил сверху ватник и спальник: спи…

Начали выезжать из лесу туристы, большинство на лыжах. Я еще раз осожалел, что мы вовремя не встали на лыжи, меньше бы устали. Эти-то все были значительно свежее нас. Вот что значит консерватизм и упорство: пройти только быстро и только пешком. Интересно, а ради чего мы пэрли, как лоси? Нет уж, увольте: завтра - 50 + 10 и вдвое медленнее, а насчет лыж посмотрим… Разворчался… И сам знаешь, что шлея под хвост попадет, побежишь быстрее, чем соображаешь…

Однако, желудок уже запросил чего-нибудь посущественнее, надо было готовить еду. У соседей костер уже горел вовсю, и мы с Леной отправились туда присоседиться - греть воду. Пламя работало, мягко говоря, слабовато, и разложили они его в таком удачном месте - вокруг пузырилась полужидкая грязь, подойти было можно только с одной стороны и только одной ногой. Сунул туда пару палок, но костру от этого легче не стало. Рядом стоял юноша и задумчиво взирал на мои потуги.

— Пенка есть?

— Найдется.

— Тащи! - притащил. Я взял коврик и, вспоминая россказни Романова в Баяновке, начал раздувать огонь. Ничего, слегка разгорелось.

Герцен с Поповым, пыхая паром, уже пилили полено сантиметров 70 в диаметре на дрова. Отпилили. Я взял топор у соседей. Странный топор: сам маленький, ручка тонкая и длинная, колоть неудобно. Но молодежь смотрела с надеждой, подкачать было никак нельзя. Иэх!..

Вскоре Слава Орлов, получив осьмушки бревнышка, уже возился с нашим костром, и возникла проблема - поставить палатку. Походили с Герценом кругами под деревьями и решили поставиться около леса, на пригорочке, возле лесничьего дома. Однако, никто не спешил принять участи в процессе.

Костя дрых. Коля уютно сидел рядом с основной массой девушек. Витька притворялся, что спал, и не хотел вставать. Когда я уж очень здорово надоел ему попытками извлечь его из сладостной нирваны отдыха, он поднялся, изобразил на лице нечто выразительное, пошел и напластал колышков из дров. Палатку поставили с трудом: земля вокруг оказалась мерзлая, коля не шли, киперки уже осталось мало, а камней, чтобы распереть углы, как на Сольве, не было. Иринке Головиной пришлось полчаса постоять рядом с колом, пока, наконец, не были натянуты более-менее все двенадцать скатов, и не стыдно стало перед соседями. К этому времени костер пылал так, что и без керосина весело было. Лена Мариева помешивала "разводящим" внутри котла, а народ с довольным видом принюхивался. Я огляделся вокруг и решил, что не стоит больше суетиться, тем более, что половина населения уже принюхивалась лежа на свежераскинутых в палатке пенках. Стелили их Головиной, она что-то разохалась, но и другие, что не охали, сочли необходимым разделить с ней ложе. Пошлялся по-под деревьями и, к моменту раздачи пищи, приметив, что мисок из-за лености их хозяев явно не хватит, примостился под деревом.

Семененко бродил, жужжал кинокамерой, где-то даже меня заснял, но все больше на Сидорову внимание обращал, а она, как оказалось после проявки, кокетствовала. Большинство заснимаемых, включая меня, ханжески показывало объективу и смелому Славе кулаки, но ничего существенного против не имело. А потом я приоткрыл левый глаз и увидел перед собой миску с дымящимся супом. Приятный сюрприз, и даже ложку рядом положили. А вкусно…

День догорел не спеша. Время проходило в пилении дров и сушении носков. Лена с кем-то в компании сбегала на Журавлев камень - ничего, сказали, особого. Хомутова производила перекомпоновку рюкзаков на завтра, меня приятно порадовало, что пойду полупустым. Справился, на всякий случай, а как у других - оказалось, и того меньше.

Подступили вечер и ужин. Костер никак не хотел гореть - лесина, которую с таким старанием распластали, оказалась сыровата, а разрубить помельче у кострующих шурупов не хватило. Пришлось послать Суханова отдыхать и поплясать с топориком вокруг огня, пока он не загорелся нормально.

Великое дело - костер. Фарадей в свое время увесистый том посвятил описанию физики восковой свечи. Что бы творилось в его гениальной голове, попытайся он описать физику костра?! Горят десятки деревяшек, дует ветер то оттуда, то отсюда, качается пара котелков, и десятки возбужденных глаз телепатически магнетизируют пламя… Нет, Фарадею это не под силу. Теоретическому описанию сей

неустойчивый рабочий процесс не поддается. Однако, через три дня подкидывания плашек в огонь, я вспомнил кое-что из былого опыта и начал довольно успешно подкладывать именно то, что надо, и именно туда, куда следует. Единственная вершина, которой я так и не достиг - метод имени Бестужева. Усмотреть зачатки логики в том, как он подбрасывал дрова, мне не удалось, но факт - костер у него горел жарче, чем у всех остальных. Мне таких температур удавалось добиваться только мелким нудным пластанием дров.

От хорошего костра поднялось настроение и, помнится, начал я нести какую-то веселую чушь, и даже не окрысился (а надо было бы!), когда Сидорова с Макаровой попросили встать завтра с утра пораньше и помочь им, дежурным, костром. Встану - молодежь устала, нехай спит. А девчонки и так маловато делали, это ведь только кажется, что они, по особенности своей, устают значительно больше, всегда же получается так, что парням достается, в сравнении с ними, больше, даже учитывая коэффициент поправки. Пусть подежурят, костер я обеспечу.

После основного блюда на ужин был кисель, который со знанием дела сварила Наташка. Все с наслаждением глотали его, а я читал Сидоровой а также всем интересующимся лекцию по популярной астрономии. Условия к тому располагали: красивое зимнее звездное небо клонилось в сторону хребта, над громоздящимся на юге светлым на фоне черноты ночи Денежкиным стоял Лев, покачивая головой с изогнутой шеей, а Спика, Альфа Девы, чуть-чуть проглядывала сквозь деревья и загадочно мигала, мигала… Я слегка воодушевился, поскольку давно увлекаюсь небом и звездами, а общество, в особенности Сидорова, было непрочь послушать красивых сказок.

Что в этот день было хорошо, на все сто процентов - мне отменно спалось. Или уж умотался так, что ни в сказке сказать, накопилось постепенно, или что… В ногах у нашего спальника лежали головы спальника Орлова и компании, притом мы были выше по склону, и соседи "снизу", предчувствуя, что мы сползем, просили не пинаться. Помню, первый десять секунд после закрытия глаз я свято блюл сей уговор, но потом… не помню. Правда, утром нареканий на мои конечности от Ирины не последовало.

День 7.

29 марта 1988 г., вторник.

Как не хотелось утром вставать, когда меня деликатно начали будить!.. Однако, пришлось. На улице было холодно, дул ветерок, но Колотун-Бабай на прикапывался, за ребра не хватал. Опухшая Сидорова и не совсем опухшая Макарова подготовили кой-чего, пока я бегал, согреваясь, и не хватало только костра. А он-то и не желал разводиться. Соседи наши, в доме, еще спали вовсю, и я мысленно поругивал нашу дружную, но медлительную группу. Собирались бы поскорее, можно было бы вставать на часок позднее и не маять дежурных, отращивая им подглазные мешки.

Костер даже не схватывал, как говорят шоферы, несмотря на все мои ухищрения. Но все же в один воистину прекрасный миг он "схватил", и котелки аж запрыгали от бурного кипения. Ура: мы ломим - гнутся шведы.

Вылезали из палатки очень неохотно и долго. Базар стоял, как на птичьем рынке, хоть уши затыкай. Романов на сей день отнесся к промедлениям равнодушно и все больше хмуро налегал на лапшу с тушенкой.

После еды все двигались несколько заторможено. Руки хватали не то, глаза смотрели не туда, ноги спотыкались об чужие рюкзаки… Кто-то ходил, стонал, что мало дали в рюкзак. Кто-то крепко сидел на рюкзаке, чтобы больше не отсыпали. Ровно разложенные по полянке пары лыж ждали хозяев, палатка ждала, когда ее свернут, вымытая посуда - когда е покидают в мешочки, а народ все копошился у рюкзаков, и не было конца вопросам типа: "А где моя (мое, мои)?…" Костя Катаев, вчера уютно поразвесивший все по кустикам для проветривания, сегодня ушел бы с пустым рюкзаком, если бы настойчивость Хомутовой и помощь Бестужева не помогли ему вечером снести все в кучу, поближе к рюкзаку. Я тоже кое-что оставил в Шарпе, вернее, подозреваю, что некто спросонья засунул пару маленьких аккуратных сверточков в свой баул, не разбирая, что к чему, и немало был удивлен дома, обнаружив в них чужое грязное белье.

Мелких деталей, придающих живость ситуации, я запомнил с того утра постыдно мало, поскольку сам был не в лучшей форме - сказались малосонные ночки. Пока не вышли на переход, все

тянуло спать. Помню только, что, как вышли соседи из дома и увидели нас, забегали, засуетились, и мы поняли, что они жаждут придти во Всеволодку раньше нас (хотя, как оказалось, им было совсем необязательно с нами гоняться - там на следующий день их ждал персональный автобус). Отчасти им это удалось: на переход они вышли раньше нас. Ребята те были на подъем скорые, не нам гоняться.

Сначала хотели выходить все вместе. Романов раздал по десятку конфет на переход и приказал первым собравшимся ждать всех, но, когда группа собралась, все равно двинулись не одной кучей. Витька опять полетел вперед, но на сей раз я решил: нетушки. И пошел средним, километра четыре с половиной в час, темпом. Костя поначалу рванул за ним, но минут через десять отстал, и я его достал. А со мной шли Лена Мариева, Коля Попов и Головина. Последняя с интересной интонацией осведомилась, не будем ли мы "сбивать" (а м.б., "сбавлять") темп, на что я ответил вроде: "Не хочешь с нами - иди сама". Рюкзак у Ирины был, как всегда, склонен к левитации, и шлось ей весьма легко. Коля Попов, как истый и непризнанный джентльмен, "разрядил" ее рюкзак в свой, и был он у него потяжельче моего. Поэтому двигался он, больше заботясь о том, как бы не споткнуться, но и на Ирку немного внимания оставлял.

Где-то сразу после первого привала, который мы устроили очень неудачно - выйдя на опушку леса, на ветру у геодезического полуразвалившегося сруба, мы увидели приличного размера наледь через дорогу. Здесь текла летом речушка, а под осень она разлилась вовсю и заледенела. Этот номер назывался "туристы на льду". Или "коровы на льду". И то, и то верно. Я заземлился трижды на протяжении ста метров, причем последний раз, у самого конца наледи - весьма неудачно, на коленку. Коленка взвыла. Витька сидел неподалеку на пеньке и взирал. Коля пару раз растянулся, но более или менее удачно. Короче, первую часть наледи прошли без заметного ущерба. Впереди было еще столько же. Вот ведь, наверное, речка эта летом - переплюйка, перейдешь и не заметишь, а разледенилась на всю дорогу, и не обойти никак: вокруг кусты - не продерешься и овражки - поломай ножки. Среди нас топал один юноша из бывших соседей, на лыжах. Они вообще интересно поступили: вышли все на лыжах, памятуя вчерашний попутный уклон. Но на сей день уклона не было, а была вздыбленная и донельзя разбитая лыжня. Кстати сказать, после наледи мы очень скоро их догнали, и они сняли лыжи, следуя нашему примеру. Но пока тот юноша уныло и медленно ковылял на лыжах и въехал на наледь. Он показывал чудеса эквилибра, фристайл на льду, танец имени Игоря Бобрина, летал от одного края к другому и - о чудо! - удержался на своих двоих. Мы же душевно отдохнули, наблюдая его попытки и любуясь ловкостью и усердием.

Наледь кончилась; дорога свернула влево и пошла слегка вверх. За поворотом сидели черемуховцы и трудно дышали. Увидев Костю в валенках, они с досады, что даже пермский валенок их обгоняет начали зубоскалить по поводу его обуви. Он по неопытности промолчал, а я что - то довольно злое ответил по поводу лыж и скорости передвижения. Они обиделись, Костя воспрянул духом и порезвел. Вообще Костя шел интересно. Ему очень хотелось идти впереди колонны, но держать ровный ритм движения он еще не умел. Поэтому я , двигаясь ровно, его догонял, начинал дышать в затылок, он спохватывался, делал рывок в сторону маячащего впереди Бестужева, потом опять сбавлял и все повторялось. Эти циклы весьма разнообразили нудное передвижение.

На каком-то привале догнали нас Хомутова с Пономаревой, мы предложили присоединиться к нам, но они отказались. Им и одним неплохо было, шли они на удивление ровно и весело.

Долго ли, коротко ли - через энное количество переходов мы добрались до ответвляющейся лесовозной дороги. Влад сказал - дойдете до дороги, ждите всех, а то уйдете, куда не надо.

Однако Герцен не внял голосу кэпа. Он обогнал нас на последнем переходе, солидно превосходя в скорости. Глаза лихорадочно блестели, лицо было красно, он был весь в возбуждении. Пролетая мимо нас, он сообщил, что сегодня в ударе, и скрылся за поворотом. Мы проследили его траекторию и решили, что он далеко пойдет, если не заблудится. Он и пошел далеко. Ближайшие три часа мы его не видели. Наша "головная" группа завернула за поворот и остановилась. Впереди оставалось каких - то шесть километров, два хороших перехода в среднем темпе, а, по нашим расчетам, мы минут на тридцать оторвались от основной толпы. Сразу начались разговоры о том, кто что съедобное нес в рюкзаке, ибо есть хотелось. Оказалось, что воды очень мало на семь человек - один Костин термос с чаем, но есть сухое молоко, сухарики, пряники и много снега вокруг. И еще оказалось, что если снег с сухим молоком, то пить не хочется и есть … нет, хочется, но меньше. Мы с большим удовольствием уплетали молоко и прислушивались, не идет ли где машина, на которую очень рассчитывали - лишние шесть километров не так уж мало, если позади уже семнадцать. Машины ходили, но не мимо нас, а где - то вдалеке. Самое интересное, что слегка припухли и саднили ноги, а унты были насквозь мокрые. По уму бы разжечь костерок, поплясать перед ним, помахать портяночками полчаса, и было бы все в порядке. Но не вышло. Пришел Романов…

— Терпеть не могу, когда вот так… придут… и жрут, - ни с того ни с сего резко оттянул он нас, осведомился, нет ли чего попить, а попить уже ничего не было, и от этого кэп разозлился еще больше и покрыл на чем свет стоит всех отстающих, а потом безостановочно кружил вокруг да около, пока не показались вдали последние подходящие. Ими были, конечно, Макарова, Сидорова и верный Слава Семененко. Влад отругал их за то, что группа ждала их сорок минут, потом подхватил рюкзак и чесанул вдаль по дороге. Вернее, вперед сначала ушли обиженные оттяжкой девушки, потом Хомутова с Пономаревой, которые так и стояли поодаль от нас на протяжении всего отдыха, не присоединяясь к нашему скромному сухому молоку, потом потянулись мы, а уже за нами - кэп. Но километра через три все сменилось. Кэп шел впереди, за ним Головина, Суханов, все, кто пободрее и рюкзаки полегче. Злость кэпа подхлестнула всех, и даже вечные отстающие тянулись кучно со всеми. А у меня на подошвах вздулось нечто не слишком большое, но начисто исключающее возможность наступать на это. Оно саднило, гудело, чесалось и булькало одновременно, и это было очень неприятно. Мы уже свернули с основной дороги на дорогу, ведущую непосредственно во Всеволодку, и кроме разбухшей от от ранней весенней сырости дороги я к концу часа быстрой ходьбы не видел ничего. В глазах слегка рябило, стертые ноги матерно ругались. Давно я не бывал в таком состоянии. А Романов все шел и шел, шел и шел… Это было невыносимо - остановись, я все прощу!.. Но кэп давал предметный урок молодежи, как надо ходить, а также немолодежи, которая умудрилась стереть в пух и прах ноги на последних километрах дороги! Смешно сказать (а страшно вспомнить).

Но всему бывает конец. Мы вышли на околицу Всеволодо - Благодатской, и Романов остановился на опушке леса перед селом. Люди подходили и метали на землю рюкзаки, шумно вздыхали и думали, что все позади. Последними подошли Макарова с Сидоровой. Не снимая рюкзака, упали в придорожный снег и без помощи рук принялись его поедать. Великолепная картина для антитуристов - пропагандистов! Но я не жалел, что кинокамера спрятана под клапаном рюкзака, - не простили бы. Лица на них в этот миг не было, а было нечто такое, чему нет названия… Я поглядел на все это, вздохнул, заглотнул последний сухарик и поковылял в село.

В селе сидела группа, ждала автобуса, человек восемь, молодые, и смотрели испуганно на наши изможденные физиономии. Мы с Витькой перемотали портянки, попрокалывали мозоли, несмотря на предупреждения лейб-медика Попова о том, что мы помрем от заражения крови, присыпали их чем - то желтым, подаренным Леной Мариевой. Девочки сбегали в соседний дом, купили молока у рачительных хозяев, не прогадавших на продаже, и молоко хорошо пошло внутрь.

Кэп тихо кипел. Герцен ведь так и ушел вперед с реактивной скоростью - и с концами, не вернулся. Надо было идти искать, а ходоспособных оставалось мало, да и куда идти? Где искать? С Владом пошел Семененко, а нам Романов сказал ехать в Североуральск, ждать их там. Но нам не пришлось отрываться от них. За пять минут до отхода автобуса они появились. Герцен выглядел слегка помято, Семененко имел безразличную физиономию, кэп был зол. Он вообще кипятился сегодня весь день, а тут еще такое происшествие - проявил, называется, инициативу, умница… Влад стоял в двери автобуса и нервно крошил окурок, но чувствовалось, что он уже остывает. Герцен залез в дальний угол и посапывал на окружающих, хотевших узнать его эпопею. Эпопея была интересной: он шел, оглядывался и все время видел сзади за собой толпу, это были наши соседи по Шарпу. Сергей принял их наличие как одобрение взятого им темпа и направления. Потом они встали на отдых и бивак , и он сообразил, что попал не туда. Ему объяснили, что к чему, и пришлось чапать назад, где его и подобрали, а потом на попутке привезли во Всеволодку Романов с Семененко. Были ли нанесены ему при этом физические повреждения, об этом история и кэп, а тем более Слава, умалчивают.

Автобус тронулся. Ушла за заднее стекло Всеволодка, стремительно - куда как быстрее, чем идти пешком! - приближался Североуральск.

Поход кончился. Впереди была ночь в Севере и полтора суток тряски в поезде. Все пели песни и были счастливы. И надо бы сказать по этому поводу что - нибудь торжественно - светлое, да не идет ничего особого в голову. Просто - кончилась одна замечательная неделя марта месяца…

апрель 1988 г.

Глава 2.

Отчет о походе 1 к.с. Северный Урал 1988 г.

15.08

Вечером 13.08 прибыли в Вёлс. По причине дождя 14.08 сидели в конторе Вёлсовского лесхоза, срисовывали карты, морально готовились к ходьбе.

6.10. Подъем. Поели, вышли к 7 часам.

7.25. Пришли на базу ГСМ на правом берегу Вишеры. На одну машину, уходящую на 71й, опоздали, попали на другую - ЗК марки ЗиЛ-130. Полная ЗКов, забрались в уголок..

7.32. Поехали. По пути высаживали ЗКов на разных вырубах, вели политические и светские беседы.

9 часов. Приехали на 71-й. ЗК Слава привел к ЗКвской избушке, пообещал, что вольный десятник перевезет нас на другой берег. ЗКи покормили орешками, угостили черемуховым взваром, мы подарили им пару пачек чая.

ЗКи ушли работать. Немного спустя, я сходил до десятника и выяснил, что перевезет он нас только часа в два.

12.16. Начали готовить обед не ЗКвском костре. В 12.32 уже забросили суп. Костру помогали "пеной".

Полвторого. Дошли по берегу до десятника - он завел свой "Ветерок" и в два приема перебросил нас на тропу с выруба.

14.10. Пошли! Первый переход. В 14.18 вышли на просеку, она завалена мелким лесом, идти трудно, но стараемся побыстрее. В 14.25 потеряли тропу, прошли немного азимутом, как ни странно, попали именно на нужный угол выруба.

14.45. Встали на перекур. Сходил, убедился, что вышли к речке. Сидорова шла трудно, жаловалась на растяжение. Сходили пить, стояли долго.

15.13. Второй переход. Лес трудный, азимут держать почти невозможно. При переходе по бревнышку через ручей Бестужев набрал воды в ботинки. Под конец решили все же идти строго вдоль реки: что здесь, что лесом - одинаково тяжело. Скорость меньше километра в час.

15.50. Вышли к Ивановке, похоже, главное русло. Остановились на галечном островке. Орлов пошел на разведку, долго не возвращался, я его встречал. Когда вернулись, решили двигаться по руслу реки, так будет быстрее.

16.40. Пошли по реке, шли минут 15. Бестужев упал, вымок; шли плохо. Выбрались в одном месте у большого завала на правый берег. Орлов повел азимутом с расчетом срезать угол реки, но немного ошибся, удалились к западу от реки. Прикинули направление на исток - что-то около 30°. Появился подъем, не обозначенный на карте. Начал подыматься.

17.10. Перекур. Едим сбитые кедровкой шишки, выжимаем стельки.

17.40. Движемся вверх. Сидорова идет очень плохо, у нее тяжелый рюкзак - сама просила. Братчикова скрипит, но тянет; Пономарева идет хорошо. Предложил Сидоровой поменяться с ней рюкзаками - отказалась.

18.30. Согласилась. Обмен рюкзаками, привал. Едим малину. Взяли азимут на вершинки, которые разглядел Бестужев, определились, но неточно. Подъем крут, около места стоянки - скальные выходы.

18.55. Поднимаемся. Небольшие стенки, очень неудобные бревна поперек дороги. Вышли к здоровой стенке, потом вдоль нее, вылезли наверх по водостоку. Вокруг - лес, видно плохо.

19.35. Оставили девушек с рюкзаками, двинулись на разведку. Сверху увидели хребты Чувальский и Тулымский, определились. Оказалось, попали на хребтик, поросший лесом, он тянется вдоль Чувала, отделен от него котловиной, по которой течет Ивановка. Вернулись, перекусили сухим молоком с сухарями и водой из фляжек.

20.05. Двинулись по траверсу хребтика. Сидорова и полегчав идет плохо, Пономарева с ее рюкзаком - на удивление хорошо. Движемся быстрее, чем на подъеме, но все равно, наверно, меньше 2 км/ч.

20.35. Встали, сходили на разведку. Красота! Увидели место схода хребтика к Чувалу, решили направляться туда. Не надеясь дойти сегодня, впрочем.

21.00. Траверсируем дальше.

21.20. Вышли к скале, метров 20 над средней высотой хребтика. Вылезли втроем на нее, увидели Ивановку и ее притоки, решили - по кратчайшей к реке и ночевать на ней: солнце уже садится.

21.43. Спускаемся вниз. Склон, как на Усьве - неудобный, не видно в темноте, куда и ногу ставить. Ноги повреждаются вовсю об стволы и в неожиданных ямах, обходим отвесные останцы. Сгустилась темнота.

около 23. Вышли на Ивановку. Орлов, пользуясь сапогами, перенес всех на левый берег. Вытоптали траву, поставили палатку, развели костер. Ели в палатке, она стоит на самом урезе берега, под ней камни, ямы, рябом шумит река. Бестужев для предохранения от простуды вследствие купания выпил большую ложку водки.

1.41. Отбой.

За день прошли 7 км за 5ч17м, в пути были 9 часов.

16.08

10.00. Подъем. Развели костер для досушки вещей. Солнце, довольно приятное утро.

11.53. Сели завтракать. Обсуждаем планы дальнейшего движения.

12.19. Кончили завтракать. Сушимся, болтаем, пинаем воздух.

13.07. Начали собирать лагерь. Облегчили рюкзак Сидоровой, вообще немного перераспределили груз.

13.44. Вышли. Держим вверх по склону на восток, ведет Бестужев. Лес трудный, но лучше, чем вчера, идем нормально.

14.34. Привал на высоте метров 500. Мягкий мох и солнце - чудесное место. До гольцов еще далеко.

14.48. Идем. Лес реже и ниже, проходится легче, но подъем стал крутой. Попадаются первые камни.

15.28. Привал около 700 м. Практически вышли на гольцы, хорошо видно Тулым и северную часть Чувала: мы уже выше вчерашнего гребешка. Очень много крупной черники, начал поддувать ветерок.

15.55. Пошли. Минут через 10 лес кончился, пошел очень неудобный траверс склона ≈30…35°, крупные и средние камни, идти с непривычки трудно, но скорость больше, чем лесом. По наклонной движемся на верх хребта, на гребень.

16.35. Привалились, выйдя на маленькую зеленую полянку среди камней. Близко плато Чувальского хребта, хорошо можно определиться. Сквозит ветер, появились высокие, но плотные облака.

17.00. Вышли на плато хребта - красота! Справа громада Мартая, слева - огромная оконечность Тулыма, сзади - прямая часть Чувала, откуда пришли. Под ногами черничники, мох. Дует попутный ветерок, гонит тучи высоко над головой. Впереди плато поднимается ступенями и расширяется. Идем быстро, повернули для обхода подъема по восточному краю, чтоб выйти к воде. Началась сыпуха из средних камней, островками - черника, голубика, ниже - заросли тальника и лес.

17.55. Подошли к водотоку, где под камнями что-то журчало. Пока мы бегали, искали безуспешно воду, девушки разгребли камни, и появилась возможность начерпать котелки поварешкой. Решили обедать здесь. Сварили суп и чай, поели за стенкой из рюкзаков - от ветра.

19.30. Продолжаем траверс восточного склона плато. Под ногами хлюпает, но ручей, который искали, оказался не так близко, как думалось - при разведке Бестужев не дошел до него метров 300. Спустились немного вниз по ручью.

19.50. Остановились около группы елок. Немного погодя, сходили с Орловым поискать место получше и за большим ручьем нашли сыроватую, но ровную полянку и обилие дров вокруг. После недолгих споров перешли туда.

22.30. Поставили лагерь. Пренебрегли ужином, сварили чай, попили с сухарями в палатке.

Около полуночи. Отбились под шум слабого дождика. Спали влажно, но крепко.

За день прошли около 8 км за 3ч25м, в дороге были 6 часов с обедом.

17.08

8.00. Поднялись дежурные. Туман на горах начинается метров с шестисот.

10.30. Дежурные прокричали - к каше! Принесли в палатку, все поели и, слегка копаясь, собрали лагерь.

12.16. Стронулись. Прошли почти по градиенту на верх плато и в наползающих облаках взяли азимут на ручей - приток Лиственичной. Идем мокро, но быстро, порядка 4 км/ч. К концу перехода начались тальники и болота, облака сгустились, видимость 30…50 м.

13.16. Пройдя болотину, выбрали, где посуше, и встали у двух деревьев. Посоовещавшись, решили держать в сторону севера - на авось.

13.43. Попэрли. Болотина перешла в лес, редкий и безбуреломный, но тем неудобнее держать в нем азимутальное направление - хочется поудобнее обойти небольшую кущу и т.п. Вышли вскорости на камни посреди леса, держали по градиенту вверх, сколько могли определить его из-за тумана.

14.32. Остановились на перекур. Еле заметил метрах в 50 по курсу за облаком каменную стену из крупного сыпняка, градусов, наверное, 40. Сходили с Бестужевым на разведку. За стеной оказалась еще одна, там - тундровое плато. Слева пологий спуск в лес, справа - обрыв. Что дальше - не видно. Вернулись. Провели "Совет в Филях", на котором решили обходить стену справа, с востока. Определиться не смогли, думаем, что еще не сошли с Чувала.

15.45. Идем в обход скалы, спускаясь вниз. Начался заболоченный лес, пересекли какую-то тропу, ведущую в направлении севера, но пойти по ней не захотели. Увидели справа по курсу какой-то тычок, остановились в 16.10 для взятия азимута и передыха. Сидорова поет, девушки собирают какие-то желтые ягоды. В 16.20 взяли направление градусов на 15 севернее тычка и двинулись. Лес мокрый, тальник, небольшой бурелом, частые болотистые поляны с зарослями дельфиниума и зонтичных.

16.55. Приблизились к тому самому останцу, который видели - ошиблись азимутом или просто уклонились. Обошли вокруг, залезли наверх, осмотрелись. Вскоре появились прогалы в облаках, определились (как оказалось, неверно: приняли Вольховочный хребет на севере за Пу-Тумп). Спустились, съели всухую по сухарю с салом. Девочки тоже стали есть сало.

18.55. Двинулись почто что назад по своим следам - к "Пу-Тумпу". Решили, что идем до первой приличной воды и встаем на ночь.

19.00. Орлов нашел ручей в зарослях тальника. Оттоптали в ядовитой зелени полянку и принялись бивачить. Дрова сыроватые, немного затянули с палаткой, но к 21.30 сделали все, потом сушились и ждали ужина.

22.00. Сели ужинать, впервые за поход - на свежем воздухе.

23.30. Отбились.

За день прошли 9…10 км за 3ч25м, в пути 6ч45м.

18.08

8.10. Подъем дежурных.

9.03. Общий подъем. Очень быстро сварен завтрак, почти сразу сели есть.

9.46. Закончили завтрак, кроме Бестужева. Собираемся.

10.30. Окончил завтрак Бестужев. Собираемся все. На севере видна гора "Пу-Тумп". Оказалось, на полянку мы вышли с востока (!!), хотя шли на север. Облака поднялись, временами проглядывает солнце.

11.31. Вышли, идем к "Пу-Тумпу". Сплошные тальники, ручьи и болота, ноголомка, идем трудно и медленно. Спускаемся вниз.

12.20. Перерыв. Бестужев, а за ним и я, провел высотную разведку, забравшись на елку. Увидели горы, ближе тех, к которым шли, взяли азимут.

12.53. Следуем азимуту. Очень скоро пересекли ручей и оказались на обширном поле - болото! Хорошо видны Тулым и "Пу-Тумп". Болото перешли очень быстро и увидели реку. Общими усилиями определили - Большая Мойва.

13.38. Перебрались через Мойву. Перед нами не Пу-Тумп, он хорошо виден на востоке, а Вольховочный камень! Оказалось, мы километров на 8 ближе к цели. Определились точно, взяли азимут на удобный отрог хребта.

14.11. Идем болотом. Вскоре слева появилось что-то непонятное, решили поглядеть поближе.

14.23. Посадочная площадка для вертолетов. Оставили записку.

14.35. Двинулись к хребту. Сначала лесом, потом была тропа, вела немного к востоку, прошли по ней с километр и потеряли. Подъем небольшой, под ногами мокровато.

15.12. Решили встать на горячий обед перед штурмом подъема.

16.20. Сварили суп и кисель, принеся воду издалека. Сидим, едим, сохнем под солнышком.

17.05. Поели, попели, стали собираться к выходу наверх.

18.00. Встали передохнуть. Очень красиво вокруг, далеко видно, точно определились. Под ногами - ярко красные мшанники, черника.

18.15. Вышли на плато хребта, увидели громадный Ишерим. Идем по хребту быстро, хорошо, любуемся.

19.25. Встали, с Бестужевым пошли искать воду. Воды н нашли, но увидали в долине реки базу вертолетчиков или геологов, домиков 8, и люди ходят. Решили на базу не спускаться, чтобы не терять времени и высоты, а идти по траверсу к обозначенному на карте ручью.

20.11. Траверсируем, пересекли маленький ручеечек, но решили у него не вставать - нет дров.

20.30. Остановились у сухого каменистого русла. Орлов нашел воду, девушки насобирали черники в компот.

21.30. Встали лагерем у самой верхней границы леса, высота метров 700. Сварили, поели. Наволокло тучи, несколько раз падали капли, но до дождя не дошло. Верх Ишерима закрыло.

24.01. Отбились.

За день прошли 12…13 км за 4ч23м, в пути были 9 часов с обедом.

19.08

9.20. Подъем дежурных. Проспали - замерз будильник. Тучи, мокро.

11.05. Общий подъем, завтрак. к 12. Кончили завтракать, начали медленно собираться. Наверное, сказывается накопленная усталость.

13.54. Вышли по азимуту на плато, решили идти по градиенту, чтобы не терять высоты и не скатиться вниз, в провал между отрогами. Видимость порядка 50 м, под ногами влажно от прошедшего ночью дождя.

14.40. Выбрались на другой склон хребта - перед нами Вёлс и болота внизу! Вывод: градиент завел не туда, будем держаться азимута. Определились.

15.02. Точно по азимуту перевалили через куполообразное возвышение, снова попали на западную сторону Вольховочного. Азимут брали каждые 10 - 20 шагов, немного уклонились к западу, перед нами открылась котловина. Обогнули ее и набрели на местечко, закрытое от ветра.

15.55. Сели обедать всухую. Появились провалы в облаках, удалось определиться. Конец котловины реки Ольховки рядом, идти, на глаз, осталось совсем недалеко.

16.32. Держим азимут. Камни очень крупные, почти все живые, но к этому уже привыкли - даем 2…3 км/ч. Прошли до края долины, справа - двадцати-тридцатиметровый останец.

17.31. Забрались на останец, увидели, что находимся на узкой перемычке хребта. С востока - Вёлс, с запада - река Ольховочная и массив Ишерима. Облака плотнеют.

18.14. Топчем перемычку. Камни еще хуже, чем были, крупнее и живее. Прошли перемычку, еще один останец, решили свалиться в сторону Вёлса и ночевать. С трудом спустились вниз в кар по крупной осыпи, хранящей следы недавнего обвала, мокрой и скользкой.

19.16. Разведываем ручей. Я разглядел его в бинокль, Орлов ходил долго и вернулся - весь рот в чернике.

20.11. Спускаемся вниз, к ручью. Внизу сыро.

20.45. Нашли местечко, встали. только поставили палатку, полил дождь. Сварили еду, ели в палатке.

Около 22.30. Отбились.

За день прошли 13…14 км за 4ч14м , в пути 6ч50м.

20.08

С утра дождь. Шел весь день с короткими перерывами, запланированное восхождение на Ишерим отпало само собой. Дежурные мокрые, в палатке сыро - дождь… За день от безделья ели два раза, в основном, валялись на спальниках, экономили силы. Гор не видно, но где стоим - примерно знаем.

Постановили не ползать на Ойку-Чакур, а выходить на следующий день в Азию, в Тохту - могут кончиться продукты, да и устали уже.

21.08

6.31. Встали дежурные, сотворили завтрак, разбудили нас.

8.56. Окончили завтрак, засобирались. Тучи почти сплошные,с редкими прогалинами, облачность 500…600 м, изредка просматриваются вёлсовские болота. Дождя нет, но все вокруг мокро после вчерашнего.

11.23. Вышли. Поднялись немного вверх, попробовали точно по траверсу, но мешали тальники, пришлось подняться.

12.27. Отдыхали на островке зелени среди тальника и камней. Котловина, похоже, больше, чем рассчитывали.

12.33. Идем по траверсу, немного забираясь вверх. Делаем несколько "скачков" вверх, обходя тальники. Через полчаса красиво открылось место, где стояли - почти что по диаметру котловины - потом закрыло глухо и надежно.

13.24. Отдыхаем. Склон пошел на юго-запад, пора перебрасываться через гору. Сидим на самом обрезе карты, дальше - ни карт, ни абриса.

13.32. Идем на восток, поднялись вверх - сплошные облака, видимость двадцать метров. Обошли слева какой-то купол. Полезли вниз: камни очень скользкие, мокрые, каждый первый - живой. Постоянно соскальзывают ноги.

13.58. Остановились передохнуть на площадке перед последним куском спуска, внизу лес - увидели, что есть в нем лиственницы. Азия! Уже собрались спускаться до упора, прилетел просвет, оголились горы, Бестужев увидел на одном из склонов впереди стоящих сопок дорогу, на другом, рядом,- вроде бы машину. Обрадовались, взяли азимут.

14.10. Пошли вниз, пляшем по камням.

14.30. Обедаем. После недолгих дебатов решили - без огня.

15.18. Погрузились в лес. Крутой спуск, множество ручьев, бурелом, болотистые ямы. Много кедра - грызем шишки.

16.13. Передых. Под ногами очень мокро, вокруг густо стволы.

16.38. Двинулись. Лес все темнее и мокрее, слышится шум реки.

17.37. Вышли к квартальному столбу 62/133/…/… . От него, почти по нашему азимуту, 68°, идет теодолитка, не так давно сделанная и хорошо видная.

17.45. Пошли, стараясь держаться разметки. Поперек пути река, шириной метров 8, глубина - по колено.

18.11. Нашли бревно, лежащее через речку, переправляемся. Разметка продолжается на той стороне. Перешел с веревкой по бревну, натянули, и перебрались остальные.

18.23. Окончили переправу, идем дальше. Лес мокреет, попадаются болотины.

18.53. Попалась просека, идущая на север. Просеку эту видели с гор, думали - дорога. Оказалось - дорогой она была лет пять назад, сейчас - болото, кипрей, ивы, а не дорога. Произвел "разведку с воздуха", ничего путного не увидел.

19.04. Двинулись на север - просека уперлась в реку, через которую мы лезли по бревну, и ушла на запад. Вернулись, прошли немного на юг, заметили тропу, ведущую на юго-запад. Двинули по ней, она очень болотиста. Привела на настоящее болото, вода - по колено, ямы - по пояс. Где лес - вода глубже, где поляна - мельче. Временами проваливаясь, вышли к большому ручью, видимо, приток той самой речки.

20.11. Поискали бревно - нет. Полез вброд - по пояс, вымок, вернулся. Согнули полумертвую елку, я перешел, прикинули, что с поддержкой можно перебросить и передать рюкзаки. Бестужев пошел с грузом и провалился, бревно в тонкой части сломалось. Его передвинули, и остальные прошли нормально, рюкзаки передали.

20.16. Продолжаем движение. Тропа уде выглядит, как старая заброшенная дорога. Еще один широкий ручей.

20.26. Перебрели, найдя узкое место, немного отдохнули, попили. Вода неприятная.

20.33. Дорога поднимается вверх, миновали чью-то старую зимнюю стоянку, у ручья нашли обломок лыжи. Цивилизация?

20.55. Дорога вывела на выруб и повернула вправо, кончилась тупиком. Пошли просто по краю выруба, там что-то вроде очень старой заросшей дороги. Пройдя чуть, остановились, провели верхнюю разведку. Орлов заметил дорогу, Бестужев проверял, но не увидел. Темнеет.

21.20. Идем вдоль выруба. Дорога совсем пропала. Решили вернуться немного назад на хорошее место и ночевать.

21.55. Встали. Поискали воду поблизости - нет. Пришлось сходить на пройденный ручей. Тучи к ночи растянуло, вызвездило, стало прохладно. Бестужев сразу после ужина залез спать и мерз там один, остальные долго сушились.

1.33. Отбились.

За день прошли 22…24 км за 7ч10м, рабочее время 9ч30м.

22.08

9.30. Подъем дежурных. Солнце, отличный день, тепло. Скинули полиэтилен, чтобы сохла палатка. Орлов встал, сходил на разведку, нашел дорогу. Я слазил на елку, взял азимут туда, откуда пришли.

Около 11. Готов завтрак. Поднялись, поели. Девушки очень долго мыли посуду, вообще, собирались лениво - разморило.

13.50. Миновали выруб, появилась плохая дорога, вырубы, площадки. Сзади - Поясовой хребет, красивый и хорошо виден.

14.20. Дорога! Хорошая лесовозная дорога, свежие следы машин. Кинули 20 копеек - упало орлом, поэтому пошли на север.

14.53. Мост через реку Кул, встретили сборщиков ягод, тохтинцев. Нам сказали, что вечером будет машина до Тохты - решили обедать и ждать. Азимут на то место, где переваливали - 68°. Пообедали, ждем. Машина прошла на вырубы, вернется назад.

18.24. Пришла машина. Едем. Дорога тряская. Бросаем взгляды на уходящие за сопки горы. Проехали Вижай.

19.10. Приехали в Тохту. Устроились в гостиницу, рано поужинали и с удовольствием улеглись спать.

На следующий день в 7.25 уехали машиной в Вижай, оттуда в 10.30 автобусом в Ивдель, приехали туда около 15 часов. Добрались до вокзала, взяли билеты на поезд Приобье - Свердловск. Прибыли в 2-41 а Гороблагодатскую, пересидели на скамейках. Около 10 утра поездом Нижний Тагил - Адлер направились в Чусовскую, оттуда поездом Чусовская - Соликамск домой. В Березники приехали 25.08 в 1.42.

За поход, по различным подсчетам, прошли 54…82 км в общей сложности, при заявленных 144. Кроме того, 31 проехали машиной до 71-го и приблизительно 20 до Тохты. Отказались от всех трех радиальных выходов из-за нехватки времени и плохой погоды.

сентябрь 1989 г.

... На людях глаза, слова и уши

Покрывает некий общий лак:

Будто не решаешься нарушить

Ритуал, чтоб не попасть впросак.

А когда совсем-совсем один -

Чище очи, да и ухо чутче,

Да и в сердце все ясней и лучше.

Временами каждый - нелюдим.

Позабывши свое имя-отчество,

Проникаясь воздухом и красками,

Примешь этак ванну одиночества

И вернешься к людям чуть поласковее.

Ю. Ким. из поэмы "Поход".

Глава 3.

Одиночная разведка.

1989 г.

Человек человеку обязан быть если не братом, то другом - по Библии. Однако, непростая это задача - возлюбить ближнего своего, а тем более, дальнего.

Я пишу это для себя. Девятнадцатилетний пацан - не то чтобы штаны на лямках, скажем, х/б на репшнуре - для своего старшего Я. Ибо память несовершенна, а время, как это не банально, неумолимо, и надо сохранить как можно больше для себя, идущего по времени. Поэтому, заранее любя свое старшее Я, я теперешний начинаю писать. Вот только возлюбит ли он меня, прочитав сие?… непростая это задача…

Итак - краткие пояснения к путевому дневнику (хронометражу) пешего похода второй категории сложности Вёлс - Чувал - Мойва - Вольховочный - Хомги-Лох-Я - Крыло Молебной - Вижай - Тохта.

Понедельник начинается в субботу.

Сколько было мечтаний по поводу этого похода!.. Это было логично после хорошо пройденного веселого и дождливого прошлогоднего маршрута, где без карт, без знания пути, на одном компасе мы прошли два хребта и удалились, мочимы дождем, в Свердловскую область, а на следующий день сияло солнце, и горы светлели, прощаясь с нами, и тянулись цепью к северу - к Молебной, к Чистопу…

Сначала мы планировали кольцевой маршрут - технически перегруженная заявляемая второй категорией тройка. Потом, по размышленьи зрелом, избрали другой путь - не менее легкий, пожалуй, технически, но более трудный психологически - линейный, без возможности срезания: 71й - Чувал - Мойва - Вольховочный - Молебная - Ниолс - Чистоп - Ушма. Стандартная тройка, но закрыть на ней мы, конечно, пытались двойку - на III кс нас кто б пустил.

Понедельник начинается в субботу. Этот поход начался 28 августа 1988 года, когда мы сидели на самоваре по поводу успешного окончания похода "Ивдель - Вёлс", или, как красиво обозвал его Орлуша - "Эдельвейс - 88". Девчонки, вспоминая, визжали от восторга и просились еще, юноши тоже были весьма довольны. Мне накатали полную справку комплиментов, да и я их не жалел в справках участников. Тогда и родилась идея "Северного кольца", трансформировавшегося потом в "Северную линию - 89". Обсчитывал я эти варианты долго и со вкусом, перерисовывали с Бестужевым в Москве кальки, делали карты, думали. Поход выглядел игрушечкой - одиннадцать ходовых дней, радиалки вместо дневок - красивая мечта.

Перед Линией был Кавказ, лагерь Джан-Туган и поход - горная двойка. С бала мы попали на корабль - Витька только пришел с маршрута, моя группа вернулась на день раньше, но в последнюю ночь в Джан-Тугане нас подняли на спасработы - тащили с двух ночи до семи утра ушибленного камнепадом мастера по альпинизму. Тяжел был мастер и в переноске неудобен, но шутил и посмеивался - а ведь сутки висел на Улу-Каре, спуская приятеля, потому и ноги отморозил, не мог идти.

А с корабля - воздушного - мы попали на бал. Было 27 июля, до выхода оставалось девять дней.

Квартиру для сборов предоставила Юля Гальченко. Поскольку Юль в группе оказалось две - Гальченко и Пономарева - первую прозвали "Юля маленькая", вторую - "Юля большая". Впрочем, на Пономаревой это именное дополнение не закрепилось, а вот к Гальченко приклеилось намертво.

Родители Маленькой уехали на юга, квартира была пуста. Две комнаты мы завалили вещами и стали думать о рюкзаках.

С рюкзаками возникла проблема. Мы с Бестужевым были обеспечены новыми, но уже обкатанными в Джане "Алтаями", бобами вместимостью по 120 литров; у Артема имелся Витькин старый станок; свой я отдал Братчиковой, но обе Юли и Славка Семененко оказались безрюкзачными. Маленькой я приволок свой старый зеленый мешок, с которым ходил на Денежкин, но еще свежи были воспоминания о том, как он тогда меня намучил. Поэтому шел разговор о трех станках и о том, где бы их взять.

Станки достали, разлаявшись с Женей Догадиным, который поскесил дать свой станок и увез его в лагерь, два раза съездив на алешином "Москвиче" в лагерь за полста верст и обколесив на нем же полгорода.

Складывались лениво. Бестужев изображал ловеласа, а потом - швею-мотористку, что очень нравилось девочкам. Славка большей частью "щемал", то есть не то дремал, не то притворялся. У Юли Большой то появлялись, то исчезали моразминки - шиза была разная, и зеленая, и красная. Озабоченная Настя (завхоз!) распихивала продукты по мешкам, я (начальник!) раздавал их по рюкзакам. Потом выискивали в рюкзаках место - не лезло в них столько. Потом место находилось, а потом оно опять кончалось. Бестужев смоторил Маленькой сумочку-ксивницу для книжки хронометража. Внеплановая сгущенка и тушенка наполняла рюкзачные карманы, отчего радостнее становилось душе и тоскливее - спине… Короче, шел обычный, нормальный сборочный процесс.

Однако, не так просто оказалось и подписать выход. Секретарь МКК уехала в отпуск, к председателю, Бронникову, я ходил домой - он долго хотел, чтобы мы пошли на Оттортен и Мань-Пупу-Ньер, но я остался при своем, после чего пришлось искать на дачах директора БТМК Самусика и подписывать у него, потом ехать в Усолье к врачу Титову и подмахивать им, а потом уж снова являться к Бронникову - ставить его основную подпись.

Понедельник начался в субботу, и в субботу же, 5 августа, вечером, все было готово, за исключением мелких мелочей. Билеты на Красновишерск от Соликамска, куда пришлось съездить, были куплены; до Ваи от Красновишерска, куда пришлось долго дозваниваться, заказаны, общество кипело желанием выхода. Выход был не за горами - за одной ночью. Понедельник продолжал начинаться.

День -1.

6 августа, воскресенье.

18.07 - вышли из дома.
18.55 - выехали в Соликамск.
19.40 - Соликамск.
21.00 - сели в автобус, едим в Красновишерск.
23.41 - прибыли на станцию в Красновишерске.

(хронометраж, ведомый Юлей Маленькой. Стараюсь переписать из книжки ближе к написанному, так, как есть).

Да, в 18.07 я вышел из подъезда дома номер 130 по улице Мира с тридцатикилограммовым рюкзаком и встал в готовности номер один с кинокамерой в руках перед дверью. По одному выходили и попадали в историю туристы: Настя, две Юли, Артем, Славка и Витя. Потом они встали в шеренгу, а я провел по ним камерой. Все - пошли!.. А ноги-то подгибаются, мда…

Сопровождаемые взглядами со лбов прохожих и едкими репликами, ввалились в троллейбус, заполнив всю заднюю площадку. В кассу торжественно был опущен металлический рубль - нам на счастье, инкассатору на удивление, шофер матюгнула насчет следующей остановки, закрыла дверь и нажала педаль.

На вокзале билеты до Соликамска взяли без проблем - еще б нам здесь проблем не хватало - и ждали автобуса. Подъехал Алеша с детьми, уж не помню, что ему надо было сказать, а Светка посмотрела на Юль и спросила: "А это что - сестрички, да?" Юли и впрямь были похожи - в глубоко надвинутых джинсовых панамах a la fraer, похожих спортивных костюмах и с похожими рюкзаками.

В автобус садились без давки, опять заняв весь задок. Ровно в 18-55 он хлопнул дверьми, а минут через двадцать Березники остались сзади. Понедельник приближался.

В автобусе легко и фривольно болтали по поводу секретных объектов (я обжужжал кинокамерой по дороге БТМК), любовных антиресов и пошлых анекдотов. Время текло быстро, Соликамск появился вовремя, билеты наши так и не проверили. Я спрятал их поглубже, а в карман видавшей виды штормовки уложил пачку билетов до Красновишерска - поближе к телу.

Сидели, ели лапти - раскатанные картофельные пирожки, которыми моя мама нас щедро снабдила. Славка отошел куда-то в сторонку - подкатили пареньки: снимай камуфляж, в таких афганцы воевали, а ты,

…, таскаешь. Афганцы воевали в варшавках, что Славка им и втолковал, и конфликт исчерпался. К тому же на горизонте показался внушительный по уральским меркам Витя.

Вообще, на Соликамской автостанции без приключений не обходится. Год назад подошел какой-то дед, требовал продать ему консерву, но денег не имел и уверял нас купить у него серебряную столовую ложку, а может и не серебряную, но он долго просил, а потом черпнул этой ложкой из банки и уволок банку за угол, где и прикончил. На сей раз дедушки не было, объявилась девочка лет восьми с зонтиком, здорово смахивающая на трансплантированного Крысса из "Гостьи из будущего", которая слонялась вокруг да около, подозрительны взглядом проникала в глазки и вообще неизвестно чего хотела. Девочка была угощена лаптем, потом гривенником, потом добрым напутствием - послана подальше. Последнее подействовало лучше всего.

Люди, садящиеся в красновишерский автобус, как правило, не отличаются ни умом, ни сообразительностью. Они имеют твердую цель, но лимит мест в автобусе мешает им ее воплотить, и потенциальные зайцы толпятся у двери, мешая обилеченным проникать вовнутрь. Памятуя прошлый год, тактику выработали заранее, и дело было на мази. Бестужев раздвинул толпу авторитетным рюкзаком, девчонки шмыгнули за ним, Слава замыкал шествие. В автобусе, как всегда, было не развернуться, площадку и заднюю дверь мы завалили напрочь. Шофер и кондуктор что-то по латыни сказали зайцам, зайцы ответили благим матом. Два-три десятка их все же прорвалось, но, видимо, испугавшись за целостность рессор, упер педаль в пол. Львовское чудо техники взревело, перемахнуло через тротуар и рванулось на чердынский тракт.

Я пристроился рядом с Юлей Маленькой, поскольку рядом с Юлей Большой пристроиться не позволяло ее настроение, а о Насте и говорить не приходилось; глядел в окно и жевал лапоть с соленым огурцом. Сжевав, привстал, жужжанул кинокамерой, пока было светло, и пристроился опять. Вообще говоря, Маленькая по этому поводу, мягко скажем, большой радости не высказала, но я решил, что больше скорость - меньше ям.

На дороге висел знак - объезд. Шофер тормознул, посоветовался с автобусом и поехал прямо. В одном месте, и в самом деле, он долго колыхался по буеракам, потом впилил на свежую насыпь, чуть не протаранив носом небо, и весело и быстро покатил дальше.

Стемнело. Шизы не было. Витя не спеша подъезжал к Насте, Слава - небрежно - к Юле Большой. Все было в порядке вещей. Рюкзаки, как всегда, валились с кучи на нас, мы их водружали на место, и порядок вещей продолжался.

Красновишерск ночью всегда предстает здорово потайным городом. Низкие домики, редкие фонари, и только на центральной площади - здоровенный воин с автоматом. Не то памятник не гремевшим здесь никогда боям, не то символ ВВ и охранника из учреждения В-130.

Шофер обматерил нас за завал заднего прохода, потребовал разобрать. Я, притворившись дураком, что, говорят, у меня неплохо получается, что-то проблеял извинительное, он остыл и даже привез нас назад от площади на автостанцию.

Красновишерская автостанция представляет собой сарай с двумя решетчатыми окнами, кассой и отхожим местом, выполненный из ударопрочноснарядостойкого кирпича в локоть толщиной. В прошлом году нас здесь жестоко донимали мухи, в этом их было не так много. В сарае сидели двое мужичков с упакованной НЛ-кой, надувной лодкой модели "чебурашка", и малосимпатичная бабушка: в два часа ночи шел автобус на Соликамск, хотя, как оказалось потом, бабушка-то сидела на вайский автобус. Третий день сидела.

Воскресенье кончилось, все шло по плану. Стремительно приближался понедельник, а я ходил весьма довольный и сараем, и не морочащим мне спину рюкзаком, и группой, и темным, хмурым, подозрительно набрякшим дождем небом.

День 0.

7 августа, понедельник.

1.10 - 1.30 - ночной перекус.
2.00 - 5.30 - ночной сон.

7.00 - 10.15 - в условиях ужасной тряски по прекрасным дорогам Великой Российской Державы мы, скрипя зубами, продолжали путь от Красновишерска до прекрасного поселка Вая.
12.01 - обед в столовой в поселке Вая. (В.В.Бестужев от обеда отказался).
12.40 - выехали из Ваи.
15.00 - приехали в Вёлс (Собянин Н.С.)
20.00 - мы легли спать.
Спокойной ночи!

Мужички оказались общительными. Они сплавлялись с Ниолса, забросившись с большим трудом с Вижая через Вапсос, описывали ужасы пути и топкость подорожных болот, а также напугали нас тем, что район глухо закрыт по причине организации в нем заказника, и на речке Зыряновке по Чувалом сидит не то КСС, не то лесоохрана и дальше не пущает. Ладно, подумали мы, там видно будет. Зато после этого разговора приятно манила изба на Ниолсе, теплая, с печкой и книгой записи посетителей, а также стоящая рядом с ней черная банька.

Потом мы погуляли, посмотрели на вьющуюся под склоном Вишеру, на дымы ЦБК, на солдата и пришли на станцию к моменту вскрывания скумбрии в томате. Есть не хотелось, но я себя заставил, зная, что полсуток точно есть не придется, а сердобольные девочки вывалили полконсервы приблудной киске, на что та сделала хвостом и исчезла восвояси, а консерва благоухала, пока ее не ликвидировали на улицу.

"Ночной сон" - это сказано приблизительно. Нет, я-то спал - и в прошлом году, и в этом - завалился на жесткую и предельно узкую скамейку и как раз до полшестого придавил, пока не включили свет люди, пришедшие за час до открытия кассы, в очередь. Общество же разлеглось попарно на пены и по причине тесноты и попарности долго не могло уснуть. Впрочем, я не совсем в курсе, кто, что и как - поскольку спал…

Люди у кассы нервничали. Билеты на Ваю всегда представляют определенный дефицит - только в нашем СССРе может быть такое, что народу собирается на два с половиной "ЛиАЗ'а", а дают один "ПАЗик" на двадцать пять мест. Крепкие старички с удостоверениями участников брали билеты членам семей. Очередь орала: "Больше двух на удостоверение не давать!" Бабушка пролезла вперед - пусть лезет: кассир сонным басом объявила, что лежит чей-то заказ на семь билетов, и вот если его за полчаса не выкупят, уж тогда… Сунул в окно синюю маршрутку и хриплым с недосыпа голосом как можно выразительнее изрек, что я из турклуба "Кристалл", мы заказывали - да, да, семь до Ваи и семь багажных, это именно оне.

На улице крапало. Автобус долго не подходил - ушли вишерогорский, антипинский, еще какие-то, наконец, загрузили мутихинский и в пару к нему встал вайский. Мои увещевания типа "граждане, дайте мы пролезем, мы ж потом вас всех поушибаем!.." толку не дали. Витя применил оскорбление действием и оказался в дверях. Очередь разбилась об увесистый "Алтай", на мгновение схлынула, а там и мы подоспели. Могучий шофер стоял ни туды ни сюды поперек дверей и не пускал безбилетников. Наши синие корешки его удовлетворили, и задняя площадка "ПАЗика" была похоронена под рюкзаками. Впустив законных пассажиров, шофер рыкнул - езжайте, мол, на мутихинском,- вдарил пятерней по кнопке, плечом с разлету помог двери закрылся и газанул.

Про шофера в салоне рассказывали байки. По слухам, он не любил, когда его, на новой машине, пускали на Ваю, поэтому, щадя рессоры, не сажал сверх, но возил безбожно тряско. И то, и, особенно, другое мы вскоре ощутили. Зыки в воронках, судя по прошлогодним воспоминаниям, ездят мягче. А если учесть, что мы сидели сзади, на самых тряских местах…

Накрапывал дождь. Я сидел опять-таки в уголке, выпрашивал мысленно хорошую погоду и пытался изобразить для опавшей головы Юли Маленькой антивибрационную опору. Удавалось плохо: мелкие колебания гасились успешно, а вот если амплитуда становилась более полуметра… Поспав с полчаса, Маленькая выпрямилась и не зря (то есть плохо видя окружающее) стала смотреть вперед. Мне здорово поддувало от окна, и я поменялся с Артемом местами - он сидел на боковушке, держа рюкзак. Артем уселся вентилироваться, а я - упираться. Если учесть, что справа на меня валился щемающий Славка, а одну ногу пришлось сделать буквой х (зю), картина будет почти полная. Сидел и беседовал не помню о чем с Настей, на коленях которой выспалась сначала Юля Большая, потом Витя. Крепкий сон укрепляет организм.

При подъезде к Вае пассажиры зашевелились, но не тут-то было: наши рюкзаки держали крепко. Разгребли. Приподняли. Оттеснили. Выперлись. Вая! Недостроенный понтонный мост, зона на том берегу, дежурантский домик на этом, непролазная грязь и небесная морось.

Перешли на тот берег, ждем вёлсовского автобуса. Сбегали до ветру - девчонки группой под охраной, боятся - хозяева-то вон они, рядом… Артема отвели в сторонку, попросили сфотографировать. Он щелкнул, записал адрес и вскорости потерял его.

Автобус подъезжая только что не кувыркался. Впрочем, шофером был, конечно, ЗК, поэтому вез он даже по вёлсовской дороге сравнительно мягко.

Подъехали к вайской конторе, он вогнал автобус в тупик и задремал. Поинтересовались - ждет, когда откроется столовая. ну что ж, в прошлом году мы не успели здесь пообедать, пообедаем в этом. Сидели, дурили, болтали. Устали. Уснули. Крепко уснули. Бестужев даже отказался поднять голову и сходить на обед. А может быть, ему и нехорошо было, что-то не в себе он был.

А покормили неплохо, зря он не пошел. Правда, мы принесли ему пару плюшек, но ими же сыт не будешь. Мы же подкрепились плотно и недорого.

Многия дороги у меня, как стали подъезжать к Вёлсу, перепутались настолько, что я уже соображал только половинно. Голова гудела и потрескивала.

У самого поселка автобус здорово киданул, Артем, сидевший в углу, подлетел и заземлился прямехонько на гитару. Она издала характерный звук и сложилась пополам. Артем был обматерен благими выражениями и сидел, осознавая вину. Осознавал он долго, а больше ржал, что будило во мне первобытные инстинкты.

Всему бывает конец, как известно, во многих случаях - делу венец. Вёлс. Вылезли, вдохнули воздух самой северной повишерской зоны. Все уже знакомо с прошлого года, только домик у склада ГСМ новый, а мостик тот же, и останцы на том берегу как сотни лет стояли, так и еще один отстояли. И моросит - как год назад.

На сей раз дам на ГСМ оставлять не стали, сразу перешли Вишеру - снова полюбовался чистотой ее воды - и скинули рюкзаки в какой-то конторе. Дело было в понедельник к вечеру, и контора почти пустовала. Пошли с Бестужевым в гости к Собянину - лесничему. В прошлом году он дал нам возможность переночевать в конторе лесничества, где мы срисовали карты, этот же вариант хотели повторить и на этот раз.

Во дворе брехала собака, и мы не отважились войти - близко знакомиться с зубатым четвероногим не хотелось. Наконец, докричались.

Николай Степаныч был под мухой. И был он радушен. Нас вспомнил сразу - да, были такие год назад.

— Да. И идите ко мне - сюда. Спать - ночевать. Да. Прямо сюда и идите. Не, никуда не ходите. В контору - не, не ходите. Ну их. Вот, прямо сюда и приходите, дом большой, печку затопим, да. Девки есть? Ну и приходите, все спокойнее будет. А если такой дождь, завтра никуда не пушшу. И послезавтра не пушшу. И вощe. Идите сюда, шишки есть - сварим. Давайте!

Предложение было принято с радостью, но и с долей досады - карты надо срисовать, а Степаныч, похоже, переругался с главным лесничим Горшковым, и в контору нам не попасть. Ну, не беда.

В доме Собянина было чисто и тепло. Собяниных - четверо братьев, да приехал к ним племянничек или еще какой недалекий родственник, годов семи, Витенька, чумазый и общительный. Степанычи дали печку в кухоньке, и скоро там булькал котел. Братья оказались разговорчивые, помню, Павел все допытывался: что ли у нас сил до …, что премся пешком? А не подбросить ли нас на лодке до Посьмака? А можно и по Вишере.

Паша поставил котел с водой на печку и накидал туда сначала шишек, а потом всяческой зелени - чтоб смолу впитывала, объяснил. Оказалось, на семьдесят первом вырубки прекращены, этот квартал заброшен из-за запрета на молевой сплав по Вишере, но Собянин обещал помочь. Сказал - к зекам не ходите, ну их, этих зыков, сами, мол, вас добросим на 71й.

Как легли спать, я помню плохо, устал за день, в основном, от машин, от тряски. Маленькая мигом выбрала пионерский локоть, я не протестовал и скоро уснул.

Ночью проснулся - было дико душно и жарко. На кровати Артем глотал воздух широко разинутым ртом и тяжело дышали Пономарева с Семененко. Под форточкой спали Витя и Настя; я поколебался несколько минут на предмет, а не продует ли их, потом решил - слону дробина и, показав чудеса эквилибра, открыл форточку. В комнату ворвался тихий ночной свежий воздух. Тихий! За окном не шумел дождь! Это мне так понравилось, что я погрузился в спальник, куда уже натек густой холодный воздух, пока я отшагивал от форточки, стараясь не ступить, куда не надо, и с удовольствием уснул. Хорошо, если завтра будет ясная погода.

День 1.

8 августа, вторник.

Дежурные: Бестужев и Братчикова.

7.20 - проснулись дежурные.

7.40 - общий подъем

7.55 - глубокий шок и обморок Ю.А.П. в следствии ее принародного целования (в щечку) В.В.Б.

В.В.Б: "Для меня чужих девушек нет."

9.30 - Семененко злоупотребляет своим положением (служебным), за что ему был предъявлен садистический массаж. В нем проснулся мозахист.

9.39 - В Семененко уснул мозахист.

9.40 - В Затонском проснулся садист. Артем перенемал опыт, а в это время АБ и В.Б. - торчали на кухне…

9.50 - завтрак. В.Б., пользуясь своим неограниченным характером и влиянием вынудил отведать население дюже недосахаренную кашу, сам съев при этом всего несколько ложек.

14.10 - 15.15 - машина (… и бесплатно!!!)

15.48 - 16.46 - путешествие по берегу, искали фонтан, остров, рюкзаки, лодку с дедушкой и нашу любимую Настеньку.

17.10 - 17.30 - плыли на лодке, смотрели в воду, утверждали, что вода в реке, как стеклышко. А в нас летели комары и брызги. Было тяжко, но очень хорошо. Ладно, что холодно - нас мало, но мы в тельняшках.

17.30 - встали на стоянку.

19.10 - несколько минут назад бешеным ветром сдуло в реку куртку незабвенной Ю.А. Решив совершить *(дальше рукой Пономаревой)* героический поступок, В.В.С., долго скидывая на своем пути сапоги, кинулся в воду, не успев снять остальную одежду. Выбежав на 1/3 часть реки со скоростью ветра, замочив все свои штаны, В.В.С. понял, что его время еще не пришло. Ибо куртку вытащил из воды, причем не замочив совершенно ничего, с порывом временного рвения В.В.Б.

Куртку вынесли торжественно на древке как флаг победившей на несколько дней Французской коммуны. Ура! Куртка Ю.А.П. спасена! Ура! Ура! Ура! Слава героям! *(дальше рукой Гальченко)* (писала Ю.А.П.)

19.25 - ужин (деж. А.Н.Б. и В.В.Б.), жарили рыбу (А.В.З.) хариус.

23.20 - отбой.

Дежурные оказались деловые и после отбоя моментально уединились на кухоньке. Зачем я одновременно поднял всех остальных - убей Бог коромыслом, не знаю. Сложиться что ли пораньше хотел - уже не помню. Впрочем, поднял - понятие спорное. Славка, например, щемал и дальше, а правильнее сказать, и вообще. Я и Артем маялись дурью, Маленькая еще долго валялась в спальнике, в меру похныкивая о своем, о девичьем.

Вошел Бестужев - то ли за ложкой, то ли еще за чем-то, и по какому-то поводу чмокнул, как указано в хронометраже, в щечку. Она попятилась, и так неудачно - запнулась за спальник и обрушилась на Артема, что вкупе и дало повод Маленькой встать и записать данное происшествие в книжечку. Юля очень громко протестовала.

Я вышел с молодым хозяином во двор - вырубить закладку для сломанной гитары. Стояли, вели светскую беседу, и в один не совсем прекрасный миг я, повернув голову в Витенькину сторону, увидел стоящего рядом с ним светло серого пса, который спокойными злыми глазами смотрел на меня и медленно приближался. Пес был не здорово большой, лайка из уральских, но могутный. Вспомнилось, что один из братьев говорил, что вот, вернется кто-то с покосов, и приедет с ним собак по имени Белый, охочий до штанов незванных гостей, а впрочем, и званных тоже, ему все равно. Близкий контакт с ним доброго не сулил, а кухоньке - через двор - сидели Бестужев с Братчиковой. Интересно, как они проберутся в дом? Впрочем, а как туда прорвусь я - Николай Степаныч с Павлом куда-то ушли по нашу душу, и юный друг

оказался хозяином двора. Он ухватил кобеля за уши и стал тащить к будке. Тот упирался и тихо с усилием рычал. Меня еще хватило на то, чтобы осведомиться - кусачее ли животное, и, получив утвердительный ответ, я не медля смылся под нарастающий рык.

От безделья заискрила шиза. Повалялся на кровати в компании Славы Семененко, попошлили на радость Юлям - или не на радость? их пойми! А потом дамы стали щекотать щемливого Семененку, а я, сделав рожу валенком, им помог и попал в историческую запись в дневнике. Впрочем, запись явно превосходит реальные события. Садист во мне проснулся ненадолго, да и не мастер я. Ну, за ключичку подергал, пальчики погнул, шила вставил…

Каша была такая, какую не едят, а принимают вовнутрь для поддержания за неимением. Не знаю, кто из дежурных виноват - наверное, все-таки Бестужев. он сказал, что не переваривает сладкую кашу, хотя есть подозрения, что он ее-таки неплохо переварил, и дал указания сложить на восемь порций манки столько же кусочков сахара, что Братчикова и выполнила.

Кашу не доел никто. Пришел Степаныч. Дела были туги - машины в разъезде, а что есть - не везут. Пришел он не один, а с усатым дедком, назвавшимся дядей Ваней. Дядя предложил забросить нас на лодке и сказал - через часок на реку, там лодка. Есть!- ответил я и повернулся кругом.

Собрались, душевно попрощались с Собяниными. Рюкзаки уложили основательно, как на переход, но свежепочиненную гитару несли в руках.

Пришли на берег - дядя Ваня ахнул при виде нас и рюкзаков вкупе. Семь человек с рюкзаками - звучит так себе, а смотрится ничего, особенно, на фоне лодки средних размеров. Нет, не маленькой лодки, но семь человек с рюкзаками… Нет, сказал, наконец, дядя Ваня, и я с ним пошел в контору, откуда он позвонил Горшкову и попросил прийти. До Горшкова появился Николай Степанович, и они стали обмениваться воспоминаниями о былых делах, связанных с Чувалом и Мойвой - дальше, понял я, ни тот, ни другой не бывали.

— И вот это, значит, всадил я топор в дерево над рюкзаком и думаю: отойду, гляну на соседнюю полянку, не лучше ли там будет. Отошел - пришел - где топор, где береза? Веришь, Коля, часа три около ходил - нет, хоть убейся. А октябрь на дворе, понимаешь, можно и этого - того… Ну, я мха всякого набрал, то, сё, положил, из ружья - …, а оно и … в разные стороны. Ну, я это - черть его, обидно, а?

— Так надо было мох с порохом смешать, в патроне, - отозвался Собянин.

— Дык, Коля, понимаешь, меня же ни разу не е..ло, что так вот это делать надо! Ну, мать его… таки развел я этот костерчик, а топора-то нету, ну я…

Пришел Горшков, длинный и неприветливый.

— Туристы. Ладно. А раз туристы - идите пешком,- пробурчал он после тщетной попытки куда-то дозвониться. На этом и остановился, и стронуть его с такой точки зрения представлялось проблематичным.

— Э-эх, е..на палка,- поднялся дядя Ваня, и мы пошли. Перешли Вишеру, пришли на ГСМ, где два ослепительно черных грузина, а может, армянина, усердно пинали воздух. Дядя Ваня достал банку какого-то желтого напитка, закавказец вытащил стакан.

— О, дядя Ваня опять нас компотиком поить будет! О, этот дядя Ваня - нет белый принести, а?

Зыки хряпнули по стакану, налили мне - я отказался.

— А, начальник ты, да? Начальник, наверное, только чистый пьешь, да?- ГСМщик с удовольствием навернул и этот стакан, а потом спросил:

— Что, машина нада?

Далее разговор из делового русла уже не выходил, и через каких-нибудь десять минут я усвоил, что машина будет не далее, чем часа в два - два с половиной. Мне хотелось пораньше - харашо, будет параньше, какой разгавор? А, Ваня, помнишь - ты мне тайменя давал, а? Вкусный был таймень, помнишь?

Дядя Ваня намек понял и удалился с одним закавказцем за искомым тайменем. Артем бысть отослан с командой - грузить рюкзаки в лодку - к обществу, ожидающему своей участи на том берегу, а мы с ЗКом разговорились.

— Да, бывают у нас тут туристы, много бывают, всем машина нужна. А вот были одни, из Перми, ждут машина,- почему-то это слово он ставил только в уважительно-именительном падеже,- а жара! Жара! Они давай купаться. А одна такая, понимаешь, искупалась и туда,- показал рукой,- за загородку. И, понимаешь, тут он ко мне прибегает и говорит: ты смотри!… Я - туда, ты понимаешь, двадцать лет бабы не видел, а она там, в чем ее мама сделала, и вытирается - что со мной, ты понимаешь?..

У зыка под стеклом на столе и на стене были полу- и откровенно порнографические вырезки. Перехватив мой взгляд на них, он аж в лице изменился:

— Что, и у тебя там это нет, а?!- я заверил, что его волнения беспочвенны.

Вернулся "старший" ЗК, кормленный тайменем - его напарник только облизнулся. На той стороне дядя Ваня завел мотор и двинулся вверх по реке, увозя рюкзаки и Настю.

—Ты мне дай от скуки, кого полегче, из девок,- попросил он меня. Полегче была Настя.- Во, самый раз,- и дядя Ваня объявил, что он мужик спокойный, а скучно ей не будет. Наив, но мы рюкзаки уложили в середину, а Насте оставили место на носу.

Через полчаса пришел ЗИЛок, самосвал, который отвозил куда-то "один бочка солярка - там трактор (понимаешь, да?) стоит, ему солярка повезли."

С шофером ГСМщики договорились так шуро, что я и уследить не успел, когда. Забрался на руководящих правах в кабину, Гальченко туда же усадили на правах больной, а что у нее болело, я уже не помню. Вроде, кашляла. Остальные влезли в кузов и встали, держась за переднюю стенку, как на колеснице. Можно было, конечно, подождать бортовик, но это еще час, а дядя Ваня уже уехал, да и я наивно надеялся еще, что мы сегодня успеем пойти - день-то стоял в маршрутке как ходовой!

Поехали. На первом же ухабе Маленькая протаранила головой крышу, а я, из-за разности в массах, чуть не оказался на ней. Пришлось самому покрепче распереться, а ее покрепче приобнять, от чего она, впрочем, в восторге не была. Но кабину было жалко.

Шофер оказался хороший, ехал столько, сколько можно было по этой дороге, чтобы довезти нас живыми. На середине пути я даже попросил остановиться, выглянул и спросил, как дела в кузове. Там было весело: рассказывали анекдоты и летали с двумя степенями свободы. Пару раз из-под колес, буквально из-под самых колес, в лес неспешно уходили томные парочки - пухленькая куропаточка и петушок объемом не меньше ведра на круг с перьями! А у меня заело кинокамеру, а ружья у нас и вовсе не было.

Показались горы. Я вполголоса рассказывал Юле, что где, заодно проверяя свои знания. Вид был, что надо - и почему камеру заело?! А шофер жал на всю катушку, молча - дама!- матеря плохой бензин, который стрелял в карбюраторе всю дорогу, виртуозно объезжая лужи и подтормаживая перед колдобинами, набирая до 60 на спусках. Вот, кто мастера водить машины - куда до них лесовозам…

Денег ЗК не взял. Поллитру мы ему и не предлагали - самим пригодится - а от червонца он отказался. Уж не знаю, почему. Спасибо - не за что - и укатил. Хороший парень - интересно, за что сидит? в Вёлсе по мелочи не сидят, тут все больше лет по десять-пятнадцать - убийство, изнасилование, разбой…

71-й производил мрачное впечатление. Похоже, остатки леса - или весь лес? - спалили, как закрыли молевой сплав, и невеселым был путь по жирной гари, отливающей антрацитом. А в прошлом году здесь бревен лежало столько, что сосед по комнате, целиноградец, увидав их в кино, сказал, изумленный, что такого бревна одного ихней фабрике на месяц бы хватило, а тут их столько… Там Бестужев в кадре стоит на торчащем из кучи бревне, а то его поперек толще. А сейчас все сгорело. И избушка зеков - не то сгорела, не то уволокли (на полозьях была) - нет ее. Пусто, тоскливо.

Прошли гарь, выбрались на дорожку, она вскоре утопла в зелени и едва просматривалась. Двигались не очень ровно, а, впрочем, ничего - как себя не похвалить, впереди шел. Пару раз видели на жирной глине здоровенные отпечатки лап, типа собачьих - волк, что ли, не знаю.

Дорожка окончательно исчезла. Несколько раз влетали в бурелом, методом тыка определяли, где идти, пытались пробраться по берегу… Помотал нас лес! Вспомнили, как топтали Ивановку в прошлом году - речка-переплюйка, вода ледяная, завалы, а вокруг черт хвостом городил, не иначе, того гляди, ногу сломишь. Прошли мы ее в прошлом году, долго помнить буду.

Дядя Ваня сказал что-то такое - отойти километра четыре-пять. До фонтана - "фонтан там на берегу, вода бьет, там увидите" - и ждать его. Прямо, как в хорошем водевиле - встреча у фонтана. Однако, тропление леса уже приелось, а никаких признаков фонтана не обнаруживалось. Настроение потихоньку опускалось. Дяде Ване икалось: он мог бы услышать о себе много содержательного.

В конце концов через полтора часа, когда лес стал болотистым, а к берегу решительно не было никаких подходов, отыскали пятачок семь на шесть у воды, сели, разместившись с трудом, и стали выдвигать тезисы. Тезисом было - до фонтана еще, как до Луны. Антитезисом - что дядя Ваня уже проехал вверх. Или еще не приехал, и поэтому мы не слышали его лодки. Синтез вышел логичный: сидеть и ждать, хотя бы с часок. Без Российского крестового флага, но с девизом "авось". С непривычки устали, и есть хотелось. Говорил же мне дядя Ваня - возьмите пару буханок с собой, мало ли что… Не взяли…

На повороте вдали маячила чья-то лодка, трудно различимая даже в бинокль. Маячила стабильно - кто-то ловил рыбу. На всякий случай крикнули - без толку. Потом, минут через десять, мужик завел мотор, судя по движениям - звук так и не дошел, сгинул в прибрежных елках - и двинулся вниз. И только минут через пятнадцать после этого мы услыхали рокоток "Вихря" - редкий двигатель в этих местах, не иначе - за нами. А вихревский звук - это надо еще поискать елку, чтоб его сглушить, далеко слышно.

И верно - за нами. Дядя Ваня с пустой лодкой подъехал, классически крутнул поворот и вжался в берег. Восторгам общества не было конца. Оказалось, мы не дошли до фонтана метров четыреста всего, а он только что приехал, скинул Настю с рюкзаками ("замерзла она совсем, что ж вы ее в таком-то пустили?") и пошел за нами.

Вишера была удивительно хороша в тот вечер. Солнце, желтое и еще теплое, не остуженное осенью, подсвечивало южные отроги Чувала и поблескивало на вершинах елей светлым золотом. Я вставил в кинокамеру свежую орвовскую кассету и запечатлел, что смог.

Проплыли мимо фонтана - и в самом деле фонтан: труба сантиметров 15 диаметром из земли торчит на метр, и вода из нее летит, как из хорошего бранспойдта. Бурили здесь, объяснил дядя Ваня, что-то искали, а налетели на грунтовые воды. Там, поди, еще одна Вишера, и под давлением - столько лет, и как бьет…

Прошли два переката - дядя Ваня из осторожности глушил мотор и орудовал шестом. Камни было видно так, будто между глазами и ними воды не существовало вообще. Такое до сего дня я видел только раз, когда в пещерке на Усьве ступил в глубокую лужу, не заметив воды. Но то в темной пещере со скальными фильтратами, а тут… Воистину, все тридевятые царства есть в родной сторонке, чего только не сыщешь.

Из-за поворота показалась полянка с выходом к воде, за ней - обширный покос, в на полянке - рюкзаки и Настя. Сидит под дядиным ватником, отогревается - и в самом деле замерзла. Река, она - река: и тепло, и зубами застучать недолго.

Перво-наперво дядя Ваня сводил нас, показал, где дорога на Чувал - и в самом деле - дорога, хоть на тракторе. Потом вынул из лодки топор с чайником и сказал:

— Ну, вы располагайтесь тут, туда-сюда, а я поеду, хариуса подергаю,- и уплыл.

Нашли местечко поровней (привереды!), поставили палатку - она очень неплохо смотрелась под солнцем, красный авизент на зеленом брезентовом фоне. Развели под берегом костер, подвесили котелки. Вечер был хороший - тихий, безветренный. Правда, не совсем: не будь ветра, не случился бы и эпизод с курткой. Вообще, была эта не куртка и не юлина, а синий синтепоновый жилет Артема. Лежал он, отливая небом, на берегу, и за какую-то секунду оказался метрах в пяти от берега. Реакция у славы была (и можно надеяться - будет) хорошая, он моментально оказался по колено в Вишере, но до жилета было еще далеко, а "синяя река больно глубока", и нельзя ж по ней вплавь… Витя поступил проще - подобрал длиннющий дрын и выскочил на микромыс, куда, в полном соответствии с законом Бернулли, "подсосало" искомый жилет, после чего он на шесте был торжественно водворен на берег и прижат поленом во избежание. Славкины камуфляжные штаны пришлось развесить на двух колах и зорко бдить, как бы и они не сыграли со своей парусностью в реку. Событие породило бурные обсуждения и волнения.

Вернулся дядя Ваня, привез полтора десятка небольших хариусов. Мы уже жевали ужин, предложили ему - отказался. Чай попил, а потом сидел, смотрел на нас.

Юли почистили хариусов и передали мне. Хариусы были обваляны в сухарных крошках, зажарены на дядиной сковородке на сливочном масле и пошли на третье - вместо сладкого. И хорошо, надо отметить, пошли! а рыбу я жарил первый раз.

После "сладкого" занялись кто чем: я доламывал гитару, Бестужев обучал Артема азам ориентирования, Гальченко тихо похихикивала над артемовой успеваемостью в этой области.

— А ты-то хоть что такое азимут знаешь?- поинтересовался я у нее. Не мигом, но определение - угловое расстояние от направления на север - сложила. Утки, подумал Штирлиц. Думает, подумал я, молодец. Потом добрались до склонения - Маленькая сообразила (или вспомнила) и это дело, быстрее Артема.

Тем временем, как уже сказано выше, я ломал гитару. Вернее, пытался ее чинить. Дядя Ваня примитивным образом сделал очень приличный ключ, и мне было стыдновато, что сам до такого не догадался. Отсобачил гриф, вырубил новую закладку в межпружинное пространство, чертыхнулся, сложил ее в костер, вырубил еще новее, воткнул на место и густо облил все щели подозрительным клеем из ремнабора. Потом с помощью двух дрынов и набора веревок них деки был намертво придавлен к обечайке, и гитара оставлена ночевать на улице под полиэтиленом.

Приближалась ночь, посвежело, и солнце скатилось к лесу. О, эти уральские закаты - фраза сама по себе заслуживает целого романа для ее расшифровки, но не буду вдаваться в глубинную лирику - не по силам. Да и кто может описать такие закаты, каких нет больше нигде - я, во всяком случае, не видел нигде, кроме Урала - когда чистое, сияющее последним светом солнца небо вдруг внезапно наполняется глубокой звездной синью, а на западе долго еще рдеет светлая полоса…

Мда. Расчувствовался… Дядя Ваня остался ночевать на улице, немало удивив нас этим. А, впрочем, человек он, по всему видно, бывалый - что ему летняя вёдрая ночь под открытым небом! Однако, мы, консерваторы, полезли в палатку.

Палатка с непривычки казалась неудобной, и было в ней душно - нагрелась на солнце. Долго не могли уснуть, чудили, смеялись, потом бегали "до ветру". Небо постепенно заволакивало тяжелыми высокими идущими с северо-востока тучами.

День 2.

9 августа, среда.

Дежурные: Затонский и Гальченко.

Сегодня 44 года назад американцы нанесли удар плутоньевой бомбой мощностью 15 кт на японский город Нагасаки. В следствии этого нам спалось плохо, потому что души усопших японцев мешали нам. Поэтому мы встали с плохим настроением, точнее, вставали мы ужасно.

7.00 - подъем дежурных (АВЗ и ЮВГ)
8.00 - подъем всех остальных
8.10 - 8.30 - завтрак (каша (под.), рыба)
8.30 - сбор вещей.
10.19 - развилина - 10.26 - 4,9 км/ч (скорость, замеренная мной, в основном, "от винта") - 10.37 - поляна.
10.51 - 11.00 - 140° (средний азимут движения) - 11.07 - 30° - 11.12 - 4,4 км/ч - 11.27 - река.
11.47 - 11.51- пик 320°.
11.57 - зимовье, перестой, пик 293° - 12.01 - 60° - 12.10 - 0° - 12.25 - 2км/ч, стоп, Юбрышкин аз.152°.
12.52 - подъем - 13.34 - перекус.
Полусон. Вишера по углу 174°, Мартай по пику 70°, "Пик" 196°.
"Гроб" - 35°, Мартай - 62°, Тулым - 331°, край Ху-Сойка - 351°, Пу-Тумп - 22-34°, Ойка-Чакур - 13°.
16.57 - 17.35 - плато
18.01 - 18.30
18.46 - 19.00 - спуск
19.20 - река, разведка
19.47 - бивуак
21.20 - 21.45 - отбой.
Всего время: 4.41
Переходы: 8
Раб. время: 9.41
(Под рабочим временем подразумевается время от начала первого перехода до конца последнего).

Хороший был день. Неудобно забегать вперед, но все равно - хороший был день.

Утро было тусклое. Спали мало, хотя я, например, после ночной пробежки заснул весьма крепко, но спать-то оставалось уже - совсем ничего. Был утреничек - мозгловатый и холодный. По Вишере тянулись остатки тумана.

Дядя Ваня увидел меня, разговорился - обсудили наше долгое засыпание и виды на грядущую погоду. Потом он дернул "Вихря" и уехал по хариус. Я за время разговора запалил припасенные со вчера дрова, сунул на огонь котелок с замоченным с вечера рисом, ужасаясь своей отваге, плеснул воды на физиономию, а потом уж разбудил Юлю Маленькую. Когда вернулся к костру, уже жарко разгоревшемуся - дрова хорошие запасли, сухие - из костра валил густой пар; пахло подгоревшей кашей. Чертыхнулся, скорее зашерудил ложкой, скинул котел - поздно…

Маленькая вылезла с приездом дяди Вани и четырнадцати молодых симпатичных хариусов, а потому вместо умывания ей пришлось скрести ножом их серебристые бока, и буквально через три минуты руки у нее напоминали… воздержусь. тем временем вскипел чай, я засыпал и пошел будить общество.

Меня послали. Взял дудку, подаренную Вите девочками как прошлогоднему образцовому держиморде и надзирателю за моралью (обычная хрупкая пластмассовая белая дудка - к ее чести надо сказать, что Бестужев в этом походе ей не пользовался), и подудел над ушами общества.

Мне сказали - счас. Русский час равен шестидесяти минутам, и я стал вопить благим матом. В скором времени такая процедура подъема вошла в привычку, и на ор никто не обращал внимания - все дрыхли крепко и сплоченно, а Артем - тот просто очень крепко, так уж приходилось ему - но сегодня вопль,

обращенный к душам, до них добрался. По одному, стройной колонной туристы изволили отзавтракать, попутно ругая кашевара. Кашевар скромно молчал и думал, что надо было не давать кашеварше спать лишние двадцать минут, а свалить дело и все проистекающие из него грехи на нее. И не сыпать "малютку" в рис с тушенкой.

Позавтракали. Дядя Ваня попрощался с нами, сказал - "ни пуха", был послан к черту и уехал, оставив в подарок крючок-двойник с оплеткой - "как раз под хариуса, сам берет - мухи не надо" и великолепную память. Воистину: хочешь памяти - делай людям добро. Есть опасность не получить в ответ дружбы, любви, ответной доброты, помощи, но память, если эти люди - люди, себе обеспечишь. А дядя Ваня - золотой человек: трудно бы нам без него пришлось.

Собирались полтора часа - комментарии излишни. Не знаю, может быть, я эти делом стукнутый, но, коли мне хватает двадцати минут на полную сборку рюкзака, меня такая ситуация - повторявшаяся ежедневно - бесила больше всего. Впрочем, опять забегаю вперед, а не стоит этого делать - лучше идти по порядку.

Первый переход был напряженным. Вел Бестужев, он взял высокий темп и стабильно его держал, не сбавляя. Шли по дороге. Прошли развилку с ответвлением к семьдесят первому, маленький ручеек, потом дорожка взяла чуть вверх и вышла на полянку - подошло время передышки. Попадали кто куда. В основном, девчонки - рюкзаки тяжелые, устали, бедные. Артем и Славка, оттянутые за неприменение кино-фототехники на переходе, на этом, первом, привале спустили по пленке. За что были оттянуты вторично.

Дальше дорога сделала хитрую петлю и пошла в гору. Витя не замедлялся. Настя с Маленькой помирали на ходу, Славка шатался, Артем дышал паровозом. Пришлось просить сбавить темп - эти же друзья гордые, умрут, но не сообщат, что умирают… Похвальное качество, только не в походе. Помирать тоже уметь надо, если уж приспичило.

Поворот. Второй поворот. Я шел как-то удивительно легко, левитировал, настолько был рад, что "вот - маршрут, и вот - идем". Ручей. Масса - перекур. Река - это гипербола из хронометража: ручей, приток Верхней Чувалки, правый крайний, последний перед горой. Девчонки жутко красные, будто их пемзой по лицам терли, Славка не лучше с непривычки. Повытаскивали топор, веревку и что ближе лежало у дам, засунули к себе. Снимок на память и - по рюкзакам!

Влезли на маленькую круть - открылась полянка с запертым бревенчатым домишком, а налево - пички южного склона Чувала, близко - километра полтора. Посоветовались - я хотел взять азимут и через лес впереться на ближайшую осыпь, это заняло бы перехода полтора, Бестужев хотел топтать дорогу дальше, поскольку она, по описанию, вела туда же. Это заняло, без "бы", два с половиной перехода. Впрочем, не берусь ручаться головой за вышесказанные "полтора", а физически путь по дороге был легче.

Юля Маленькая шла тяжелее всех. Она буквально шаталась под рюкзаком, останавливаясь, чуть не падая. Путь после недлинного и очень крутого подъема сразу после домика проходил по полого поднимающимся вверх лугам с чудесной травой, светлой, нежно-желто-зеленой, чуть шевелящейся под ветерком, довольно теплым и приятным… но не был б он в харю…

Витя постоянно отрывался от Гальченки вперед, а у нее, как он начнет отдаляться, вообще ноги идти переставали - научно говоря, психологический барьер невозможности превзойти слабость двигаться с его скоростью. Подтормаживал я его раз шесть за полчаса, потом сказал - пора и честь знать; он выискал взглядом куст на горизонте, сказал: "Туда - там!",- и пошел дальше, за что был награжден шипением общества. Трудный был переход, что этот, что следующий, когда уже по-настоящему подул ветер, и под ногами пошли первые гольцы, и низкой, но чрезвычайно мерзкой стенкой встали безымянные кустики с серо-зеленой листвой и жесткими тонкими ветками, прозванные нами по внешнему сходству тальниками, и приходилось Бестужеву прокладывать через них дорогу. Да он и там убегал, хотя у Гальченки полегчал (немного, правда, остальные тоже не железные) рюкзак и появилось пусть не второе - полуторное дыхание.

Градиент свернул на северо-запад, к гольцам - немалый крюк мы крутанули, как оказалось потом при расшифровке записей хронометража и нанесении маршрута на карту. Влезли на две небольшие терраски, и открылось черничное море - под ногами, вокруг и везде, со всех сторон. Я еще умудрялся на ходу подкрепляться на зависть окружающим, не имеющим привычки кланяться с рюкзаком. Витя делал проще - уходил в отрыв и заземлялся: пока еще Маленькая подоспеет, а у него уже полон рот. Впоследствии это стало его привычкой на весь поход. А я иезуитски нашептывал Юле для поддержания сил, рождаемых злостью, что она остается жестоко обманутой - и без сил, и без ягод, а могла бы оставить без ягод и Виктора Вадимовича… Не сразу, но злость взяла свое, и она пошла ровнее.

Рюкзаки под шумные всплески нашего удовольствия полетели под куст с подветренной стороны, а мы дружно упали в чернику - в огромный и вкусный черничник. Ветер дул с севера, из-за очередной терраски, облизывал ее, падал на заросли тальника, не в силах продраться через них, приподнимался и

мягко проносился над нами без ущерба для нас. Он злился, наливался холодом, рвал ветви кустов, но достать нас не мог.

Черника скоротечно исчезала в чревах. Потом был перекус. На этот раз на все перекусы было взято сало - для всех: в прошлом году девочки сала не ели, "не могли". А в этом - не ел Артем. Окружающие сочувствовали, но принципиально рассматривали вопрос как его личное горе.

Стало прохладно, даже совсем холодно. Ветер-таки исхитрился, крутнулся, отразился, паразит, и обрушился на нас. Тут - а отведенную норму уже съели - не помню уже, у кого, по-моему, у кого-то из дам, возникла мысль: а не поспать ли нам? Коллегиально решили: да, и повалились на те же пены, на которых сидели, в попарно-правильной раскладке. Артем сказал: "Хо!"- и схватил фотоаппарат. Общество ховалось под пены.

Маразм, согласно хронометражу, продолжался, вместе с перекусом и поеданием черники, три с половиной часа! К исходу этого времени общество окончательно задубело, и единственным средством вернуться к жизни была интенсивная ходьба, чем и воспользовались. Буквально через двадцать минут вкатились на последнюю терраску и оказались на чувальском плато.

Плато Чувала! Если, как образно сказал Бестужев, Бог, творя Урал, находился в состоянии тоски, то при сотворении плато Чувала он пребывал в великой душевной щедрости. Это чудесное место, располагающее остаться на нем надолго и вкушать его прелести не спеша и с разбором, наслаждаясь жизнью.

Мы шли по чувальскому плато, его узкой южной "ножке". Ветер рвал одежду, упруго давил на лицо, не давая дышать. Небо неслось над самой головой. Причудливые облака с огромной скоростью убегали на юг, откуда мы пришли. Местами ноги по колено вязли в мох, чуть дальше - некуда ступить из-за ягод, сплошным ковром покрывающих плато. То и дело кто-нибудь, то один, то другой, падал в сие великолепие и, как мог, насыщался им. Плато шло с небольшим уклоном вниз, к перемычке перед "головой" хребта, и, несмотря на ополоумевший ветер, идти было нетрудно, а мне так даже приятно.

Плато проскочили за без малого два перехода. Я унес оттуда дивное чувство красоты и ощущение изобилия, невероятное в этих сравнительно скупых на дары местах. Плато прибавило мне сил - казалось, могу идти вечно, только бы под ногами, слева, справа, над головой, вокруг была та же красота - плато, агонически выгнутый Мартай, "гроб" Вольховочного и пики огромного громоздкого Тулыма, мрачно выдвигающегося зубастой стеной из дальней мари, грозные и величественные.

На очередном передыхе на нас пришел посмотреть хозяин - маленький буроватый колонок с любопытной мордочкой и живыми глазками. Походил вокруг, молча поздоровался, познакомился, расспросил кто, откуда, куда, может быть, даже пожелал счастливого пути, только мы не слышали, плюнул на предложенный сухарь - сами такое ешьте -и исчез так же молниеносно, как и появился.

Сидели в затишке, за ветром, смотрели на Вишеру и далекий Березовый. Я мимоходом рассказал, что где видно, вспомнил, как мы в прошлом году ломались на маленьком, отсюда почти неприметном гребешке между речками Зыряновкой и Ивановкой: Попали на Ивановке в жуткий бурелом, шли по реке - замерзли и измаялись болью ног, а когда Витя искупался, упав плашмя вперед, двинули по азимуту - срезать уголок реки лесом. Дети… Среднее магнитное склонение в районе Мойвы и вишерских верхов составляет 16о и является хаотически произвольно меняющейся функцией наличия многочисленных полезных ископаемых. Азимут вывел к необходимости идти по градиенту, градиент завел на тот гребешок, откуда, безумно уставшие, мы любовались Чувалом, а на западе - заходом Солнца за Курыксарку, а потом впотьмах, едва не ломая ног, спускались, руководствуясь одной интуицией, к Ивановке. Орлуша, обладатель сапог, перенес нас через речку, и мы восхитительно крепко уснули на выворотных камнях и ямах ивановского берега.

Следующий, последний маленький переход шли как-то тяжело, кроме, наверное, ломившего впереди Бестужева и меня - до сих пор левитирующего. Да и левитация начала спадать. Прошли полчаса, я объявил передых и начался очередной совет в Филях, на котором было решено перевалить маленький бугорочек справа и бежать вниз спать, не пытаясь дойти до конца хребта. За бугорочком был внизу известный с прошлого года приток Вёлса, полутораметровый ручеек, гарантированная вода, и места там не так, чтобы очень, но жить можно.

Люди, пока шел Совет, ели чернику с голубикой и встретили решение Совета удвоением скорости пожирания, но прозвучала команда - по рюкзакам!- и мы покатились с ветреного плато вниз, в тишь, гладь и божью благодать.

Сначала не хотели падать низко - был резон остановиться повыше, чтоб поутру меньше набирать высоты. Но ручей, бойко журчавший год назад, представился сухой полузаросшей кровохлебкой стежкой. Кровохлебка - верный маяк - точно показывала места, насыщенные водой, но ни в одном из них и не журчало. Пришлось идти вниз, к ручью, продираясь сквозь тальники. Подошли, перешли, упали - устали…

Мы с Бестужевым обежали кусочек к югу метров 300, Артем со Славкой поднялись к северу - нет места, где палатку поставить, и все тут. Но чей-то взор упал на стоящую рядом с местом падения здоровенную ель, метров тридцать, наверное, высотой, а под ней - ровная сухая площадка, как раз два на два. Начали ставиться. Тут немного взморосьнул дождь, но скоро кончился, а под еловым зонтиком даже полиэтилен натягивать не стали - зачем?..

Развели костер. Достали тросик, припасенный Артемом для подвески котлов, и на пару с Витькой тихо заматерились. "Тросиком" оказался кондовый восьмимиллиметровый стальной шкерт плотного плетения. Обвивать его вокруг чего-либо Артем, видимо, полагал с помощью забытой дома кувалды. Но мы боролись до конца: пытались завязать шкотовый узел с веревкой и подцепиться к дереву, пытались то, пытались се. В конце концов шкертик был оставлен ржаветь на кусту в назидание потомкам, а над костром прилажена березовая дубина. Тут же выяснился недостаток крючков - весь поход в ручку одного из котлов пришлось продевать палку - крючок оказался только один. Ругал Артема вслух, себя - про себя: тоже мне, спец…

Дальнейшее помню плохо - сказалось дневное левитирование, бесплатных пирожных не бывает - надо же когда-то и устать. Ели в палатке, пили чай с родиолой, много - сколько лезло. Уснул я быстро и крепко.

Ночью, после разбудившего меня барахтанья, к выходу двинулась некая тень, и в палатку поплыли кружки с чаем. Я моментально ощутил сухость в горле и затребовал кружку и в наш угол. После дальнейшего посещения некоторыми членами общества кустов сон продолжался.

День 3.

10 августа, четверг.

Дежурные: Семененко и Пономарева.

7.00 - подъем дежурных.
8.00 - 8.30 - общий подъем, завтрак (в 8.29 вылез В.Б.)
10.33 - выход 345° - 10.40 - 30° - 10.50 - 0° - 11.00 - плато - 11.10 - 30° - 11.26.
11.54 - 12.40 - впадина, болото, перекус.
14.15 - вышли - 14.25 - тропа 32° - 14.29 - 25° - 14.41 - 30° - 14.47 - развилка, разведка. Край Вольховочного 344°, "пик" 114°, Ишерим 356°.
15.35 - 16.22 - средний азимут 20°.
16.36 - болото - 16.58 - 17.03 - переправа Лиственичная - 17.10 - переправа Мойва.
20.10 - ужин
23.30 - отбой.
Время : 3.32
Переходы : 5
Раб. время: 6.37.

Утро было светлое и солнечное. Дежурные вылезли вовремя, довольно оперативно сварили вермишель с сублимясом и затрубили подъем. Но вот подъем трубился с трудом. Артем выскочил сразу - в спальнике он был третьим, я, поразмыслив после прошлой ночи, удрал из общества Бестужева с Братчиковой под бок к Гальченко, а Артем - на мое место. (Да, да, да, зря я это сделал, но тогда ж я этого не знал!) Потом вылез я и схватился за кинокамеру. Появилась Настя, вся разоспавшаяся и, что называется, этакая.

Сел есть. Сублимат после тушенки шел плохо, хотя сварено было нормально, а масла я не пожалел. Компот оказался тоже ничего. Или чай? - уже не помню, питие всегда идет неплохо.

Вынырнула Маленькая, подозрительно лохматая (интересно, что это я вытворял ночью? Или не я? М-да…) Села есть. На пару с Братчиковой обложила культурными словосочетаниями пищу.

В 8.29, согласно хронометражу, вылез и Витя со страдальчески помятой физиономией. Пить вчера мы не пили - так, когда разливали чай, для сугрева плеснул по полколпачка на кружку. Но видео у него

было, как после десятидневного запоя, а про аудио я вообще промолчу. Впрочем, цифра 8.29 в хронометраж была внесена значительно позднее, перед самым выходом. Я ж туда ее и задиктовал.

Утренние процедуры приема пищи, умывания, расчесывания и посудомойства длились долго. Я вспомнил про сломанный бинокль (Артем уронил, а в нем оптическая ось не на подшипниках - святым духом держалась), с помощью ножа залез в него и, себе самому на удивление, довольно точно свел оси монокуляров. А и сделаешь, как прижмет…

Наконец, все умывальные процедуры окончились. Я перемотал пленки. Палатка была выпотрошена и рухнула. Начались сборы. Тянулись они тоже весьма долго. Не знаю, почему, но меня это страшно раздражало, хотя первые дни я держался, допуская лишь замечания в виде неуклюжих едкостей. Может быть, все было потому, что только месяц назад, на Кавказе, я находился в группе состава 9М + 1Д, где сборы с бивака проходили за полчаса, а для надевания рюкзаков после перекура требовались секунды? Вообще, я считаю вопрос мелочной дисциплины принципиальным, не знаю, правильно ли это, но такой уж бзык, куда денешься.

Торжественный миг - тушение костра по-пионерски на фоне уложенных рюкзаков и отвернувшихся дам, качественно выполненное мной и Славкой и отснятое Бестужевым на пленку. Потом я еще повыпендривался, поднимая с земли подрюкзачных туристок и, до кучи, Артема, потом Настя подняла (!) Семененку и Витя взял азимут 340°.

День занимался чудесный. Сверху вздымалось светлое серо-голубое, вернее, белесо-голубоватое небо, дул слабый ветерок. Вокруг простиралась вдохновенная картина чувальского предгорья, изредка закрываемая проламываемыми кущами тальников. Краски не были ни яркими, ни приторными, ни чересчур тусклыми - так, небрежно и несильно, блестит червонное золото. Чувал извинялся за прошлый год, когда мы держали азимут, потом градиент, потом опять азимут в сплошных облаках и изредка начинающейся мороси, и, в конце концов, остановились на ночлег на чрезвычайно ядовитой от зелени полянке в двух прямых переходах от Мойвы.

Перед выходом на плато наткнулись на остатки нарт и старую стоянку - видимо, стояли несколько лет назад (или десятков лет? здесь все удивительно сохраняется) оленеводы. На нартах они успешно ездят по травянистым дорогам, плато и даже по курумам. Не догадались сразу осмотреться - наверняка именно оттуда шли дорога к Мойве, на которую мы рассчитывали попасть, пробежав до конца хребет.

Чувал пересекли за один 55-минутный переход. После вчерашнего дня здорово чувствовалась усталость - девчонки попадали в жиденький черничник и долго не могли встать. Особенно "старалась" Настя, довалявшаяся в одной физкультурке до того, что Бестужеву пришлось укутать ее курткой. В поглощении ягод участи она не принимала.

Дальше начались "прелести" участка между Чувалом и Мойвой - перемежающиеся поляны, тальники, лес, болотца с клюквой и без… Он действительно здорово помотал нас, этот участочек, что в прошлом году, что в этом - так разительно отличие ровного, асфальтированного плато и лиственичского чернолесья (здесь, после водораздела, верховья и водосбор маленького притока Мойвы - речушки Лиственичной).

Примерно через пятнадцать минут эти прелести разгулялись вовсю. Стенаний не слышалось, но они висели в воздухе. К тому же в руководстве возникли некоторые мелкие тактические разногласия по поводу конкретных "цепляемых" ниткой маршрута полян, азимута и скорости. По первым двум пунктам разночтения оказались невелики, но убегал Витя здорово, не догонишь. Дамы были недовольны.

Выскочили на ручей среди густого и обильного ягодника на очень корявой мокрой местности. Дружное "Ах!", смешавшее утомление и желание повитаминиться, заставило меня после некоторых колебаний объявить перекус. Рановато - после двух-то переходов - но кто его знает, как там дальше вода и прочие мелочи, а здесь хоть и течет со всех сторон, места сухого на земле нет, зато - пей не хочу. Да и общество явно на сей день не настраивалось идти дальше Мойвы. Так-то бы я на настроения и плевал, но общество в этом отношении возглавлял Бестужев, а не считаться с ним я не мог. Кто еще и с кем больше считался…

Весь этот день почему-то ужасно хотелось пить, и бедный ручеек сначала определенно не понял, что с ним пытаются сотворить - не то испарить, не то перекачать, о чем он раньше, по своей таежной простоте, и знать не мог. Его пили. И как пили! Вот и говори потом, что если не водка, то много не выпьешь… Поубавив в нем воды, стали расстилать пены, готовить место для обеда. Тут всегда возникали конфликты: никто из пеноносителей не хотел пачкать свою, чтоб потом не пихать грязную в рюкзак. В таких случаях всегда первым выручал Артем, а потом срабатывало стадное чувство. Артем вообще, похоже, неплохо понимал свое положение в группе, и это иногда являлось совсем не лишним, за что я ему бывал весьма благодарен.

Достали КЛМН, разделили сало, открыли сгущенку и до поры поставили подальше, развязали мешки с сухарями. Артем сала не ел. Оно и действительно плохо шло на жаре с ограниченным количеством хлеба, но он его не ел принципиально. Проблема на каждый сухой перекус - и чем же его кормить? На сей раз выделили побольше хлеба и халвы, хотя и возник каламбур, что ему бы еще кой-чего на букву "Х" выделить и о методе выделения, чтобы впредь жрал, как все. До прямого насилия не дошло.

Ушли и сало, и халва, и вода, сколько в кого полезло, и опять начался вчерашний маразм - "поспать!" Маленькая шустро откатилась в сторонку, и началось такое, что неприятно описывать. С моей стороны это не совсем честно, но - не буду, и все тут. Кончилось тем, что Витя в принудительном порядке обцеловал Настю и Юлю Большую, предварительно, сидя на обеих верхом, расшлепав по мягким местам. После чего я попытался изобразить командирский тон, не знаю, хорошо ли получилось, и рёк: хватит. Больше такого не будет. Как ни странно, со мной согласились без разговоров.

Сбирались опять очень долго. И почему людям так нравится копушничать? Оттягивают переход? Так ведь смысла нет: отодвигается и конечная дневная цель - бивак и спальник, пройти-то переход все равно надо. Пошли и, буквально через несколько минут, на болоте налетели на колеи тропы, вернее, санной (нартовой?) дороги. На болоте росла клюква, а меня сразу после начала перехода так потянуло пить, что я моментом смахнул десяток крупных белых сочных ягод, хрустко плотных и пахнущих свежестью, и констатировал вслух полную съедобность незрелой клюквы.

Витя долетел по дороге до развилки и остановился. Сбросили рюкзаки; Бестужев и Семененко пошли в разведку, а я, отойдя в сторонку по малой надобности, приметил "покляпыя березоньку" и вскарабкался на нее.

Вид открылся потрясный: из леса вставали стенами Тулым и Вольховочный, за ними маячила Брусья, и высоченный Ишерим торчал двурого за гробовидным Вольховочным, и громоздкий, приплюснутый Пу-Тумп бычился совсем рядом, за тем самым "тычком", венчающим водораздел Вёлса и Мойвы, на котором мы прошлый год провели полтора часа, пытаясь сверху в просветы между сплошными облаками хот что-то рассмотреть. Пу-Тумп мы тогда увидели, но Вольховочный - нет, и сколько ж радости было на следующий день, когда, выйдя к Мойве, мы, наконец, правильно сориентировались, поняли, что на косой десяток километров ближе к цели и усердно ломанули вперед! Радости хватило на то, чтобы в лоб взять хребет, полюбоваться закатом солнца за Тулым и волей Божию найти воду в районе одинокой кучки кустов в зоне альпийских лугов.

Вернулись разведчики; произошел небольшой Совет в Филях, в течение которого незаинтересованная половина общества находилась в отпаде. Потом взвалили рюкзаки и через пять минут, потеряв так тщательно разведанную тропу, вылетели на здоровую поляну с тем же видом, который я наблюдал с березки. Поискали тропу - нет. Витя предложил искать дальше, но мне надоело, взял "штурвал" в свои руки и через переход по Бог весть какому азимуту выскочили на лиственичные болота. В продолжении этого перехода я вполне разделял мнение Бестужева об отстающих. Шел я своим темпом, не спеша, но остальные почему-то все время так и стремились отстать, а на лицах, особенно на некоторых, было написано явное недовольство, хотя, может, это и поклеп, показалось. Однако, спустя чуть-чуть времени, сказал себе: "Стой, … …вый, … …!"- и стал старательно выдерживать темп Юли Маленькой. В этом темпе, перепрыгнув в очередной раз Лиственичную, мы и вышли на болота.

Лиственичные болота - средних размеров аэродром с приятной желтой травой и водой по щиколотку, длиной около 2,5 км и точно не установленной шириной. В прошлом году волей Божией мы выскочили на них и вчесали со страшной силой до самой Мойвы, не останавливаясь. На сей раз долго передыхивали на краю, подтягивали шнурки, доедали шишки, а нас ела мелкая мошка. Вид у всех, как показали отснятые там кадры, был ого-го, после вчерашнего лома и сегодняшнего дурацкого пересыпа. Мелочь, а так из колеи выбрасывает!

Болото промелькнуло без особых интересных моментов, ровно и спокойно. Я вел и чуть было не угодил в бочаг, но, опустив туда ногу по колено, раздумал погружаться глубже, вернулся и обошел. Поясные ремни из соображений безопасности держали расстегнутыми. Правда, я опять начал разгоняться, и уже здорово разозлился на тормозящих - мне и сейчас сдается, что шли они там вполсилы, а, впрочем, какая там сила, где ее взять…

Пару раз из-под ноги выпорхнули две здоровенные светло-коричневые куропатки с белыми хвостами, похожими на махровые пионы. Такая досада - безоружность: они такими аппетитными казались, эти птички… А потом по лесу с реактивным звуком сквозь ветки прошелся глухарь, но на глаза нам не попался.

Поворот - Лиственичная. Поворот - яр - Мойва. Приплыли, тапочки.

Мойву перешли вброд ниже колена. Галька на правом берегу была сухая и гладкая, а здоровенный выворотень так и ждал нас с прошлого года. За такую услугу щепать на костер его не стали, а отправили

всех "сапожников" - Славку с Юлями - на левый берег, в лесок за сушиной. Тем временем я извлек свою "заветную" алюминиевую фляжечку, в которой еще с Кавказа плескалась "Пшеничная", и раздал по два колпачка для сугреву. Настя скромно уточнила: "Мне один",- я настаивать не стал. Потом переоделся, достал свои волшебные шестимиллиметровой толщины шерстяные носки, влез в легонькие кеды и почти воспарил. Поставил палатку - один, никто почему-то не захотел помочь, но "Лесная" тем и хороша, что ставится водиночку при любых атмосферных условиях. Потом кинул на траву спальник - подсушить - и заметил, что Братчикова, сидя на пеньке в мокрых ботинках, стучит зубами. Отпустил язвость по поводу того, что надо пить столько, сколько наливают, и получил в ответ возмущенное: "Ну так давай!" Глотала она не закусывая, хотя есть хотелось. Потом улегся на спальник и стал размышлять о том, как хороша жизнь, если лежать зубами к стенке, а если не зубами и не к стенке, тады ваще. На том мои глубокомысленные размышления и прервали - пришел Семененко, принес лесинку и пару сучков, бросил оземь, запаха не унюхал и пошел за второй партией. Витька начал разводить костерок. Похоже, ему было холодно - он закутался в штормовку и даже натянул капюшон. А может, усталость вылезала.

Почва под ногами - сплошная мелкая слежавшаяся галька, гвоздя не воткнешь (намаялся я, палатку ставя), и котелки поставили на землю, обложив чурбачками. Закипали они долго, но варилось быстро, и скоро мы уже рубали нехитрый, начинающий уже надоедать супчик. Впрочем, в этот - последний! - раз в нем еще плавала тушенка, а не только сублимат. Съели. Меня перестало тянуть в сон, побродил по близлежащим кустам (они чертовски хорошо просматривались, пришлось утопать далеко-далеко) и вернулся к костру. Здесь Славка сушил свои сапоги и обучал этому искусству Маленькую.

— Берешь камушек и - в костер, а потом, как накалится, в сапог.

Юля поняла буквально и, взяв двумя пальчиками раскаленный камень, донесла его, с метр, до сапога и кинула туда. И только после этого удивленно завопила "ой".

Из сапога шел дым - горел изнутри. Сапог спасал я. Пальцами занимались девочки. Ситуация выглядела комично, но только не для Гальченки. Не знаю, как это объяснить,- сильного ожога она не получила, а болеть - болело, конечно. Реакция мозга на усталость: синдром замедленного въезда.

Потом девчонки пели (я посидел и с удовольствием послушал, но голоса у меня на тот момент напрочь не было), потом повторился процесс питания, потом полезли спать.

В палатке Юля Большая разминала всем желающим плечи. Получалось у нее хорошо - прошлый год вообще числилась штатным массажистом, вот и в этом продолжила. Но мои плечи разминки не требовали, и, кроме того, существовали некоторые соображения, по которым я на массаж не напросился, а тихо лежал-полеживал в стеночке. Пономарева завершила свое святое дело и велела Маленькой, сидящей у двери со свечкой в забинтованной руке: "Ну, гаси!" Гальченко ответила: "Ага",- и аккуратно взялась двумя пальцами здоровой руки за огонек свечи, подержалась, ойкнула и отпустилась. Бестужев чертыхнулся и дунул из своего угла так, что свеча мигом погасла.

Бедная Маленькая! Меня всегда интересует такой вопрос: если бы новички знали, на что идут (а они этого никогда не ведают, заочно сие знание не передается), пошли бы они? Ведь, фактически, приходится жестоко ломать себя - свою немочь, "тормоза", желания, привычки, плохое настроение… Это затруднительно каждый раз, мне пока кажется, что к такой довольно-таки грубой ломке вообще привыкнуть нельзя, но, Бог мой, как же это трудно впервые!

Сначала было жарко: общество вылезло из спальников, потом попарно заползало обратно - быстро холодало. Последними залезли Гальченко и я.

Утром с полиэтилена палатки скалывали лед - намерз за ночь.

День 4.

11 августа, пятница.

Дежурные: Филиппов и Братчикова.

7.00 - подъем дежурных
8.25 - 9.35 - общий подъем, завтрак
11.05 - выход, болото, 340° - 11.17 - лес, 330° - 11.56 - привал.

12.09 - 12.30 - подъем.
13.10 - 13.43 - переход.
13.46 - 14.03 - траверс первого тысячника - 14.33 - 14.38 - перекус.
16.16 - 16.27 - тр-с 2 тысячника - 17.09.
17.30 - 18.10.
18.40 - 19.25 - вода.
21.00 - ужин.
23.30 - отбой.
Время: 4.45
Переходы: 7
Раб. вр.: 8.20

Утром на полиэтилене, между ним и тканью палатки, оказался лед - намерз за ночь. Однако, само утро было теплое и до боли в глазах солнечное. Небо, в отличие от вчерашнего, синее-синее. Вчера его белесость то казалась нервно-напряженной, то придавала ему умудренность и как-то старила (насколько это понятие вообще применимо к небу), сегодня же оно просто глубокое и спокойное. Редкие глаза выглядят столь глубокими, как небо над Мойвой в то утро, и нечасто увидишь в них искру такой чистоты, чтоб могла соперничать со светлым матовым блеском редких облачков на этом небе. Тулым и Вольховочный неестественно красиво поднимаются из-за гущи лесов, загораживая небо, и насыщаются его таким земным, мягким и сильным синим светом. Мойва хрустально-прозрачна, и зелень березок свежа, как в мае. Впрочем, хватит - прозы на берегу Мойвы в то синее утро тоже хватало.

Начать с того, что ни в этот день, ни в следующий, к моему стыду, я не помню, как, при каких обстоятельствах и во время каких фоновых событий вылезал из палатки. Остались только урывки, не составляющие цельной картины. Не то я спал… впрочем, сегодня будильник запищал, я услышал, но продолжал лежать в полусне - дежурные, поди, и сами встанут. Минуты через три мое сознание окончательно покинуло нирвану сна и вернулось ко мне, и я хрипло скомандовал дежурным доброе утро, не оправдав надежды Братчиковой, тоже слышавшей писк часов, что я сплю, и можно подремать еще минут двести. Короче, самого утра я не помню. Память возвращается только с момента разгара сборов, потому что от их разгара, то есть с того времени, как мой рюкзак был уложен и стоял, готовый водрузиться на меня, до выхода прошла чертова уйма времени, что меня опять разозлило, и еще более, чем вчера. Вообще, что-то, наверное, странное со мной было. Например, меня страшно бесило то, что Витя предпочитает задействовать к сборке своего личного рюкзака всех и каждого, делая вид, что сам он ну никак не может его уложить. Спальник они укатывали с Артемом, полиэтилен складывали со Славкой, рюкзак упихивали с Настей… В результате он же костерил Темку за долгую укладку рюкзака. Я бы для себя… нет, за оскорбление, конечно, не счел бы, но и особого приятства не имел от демонстрации своей беспомощности. Впрочем, Карнеги утверждает, что люди хорошо относятся тогда, когда осознают свою для вас значимость, ценность и необходимость.

Наконец, собрались; пошли. Я предварительно поимел разговор с Витей о темпе движения, и он обещался в зеркало заднего вида следить за сзади идущими. Первые переходы он честно соблюдал уговор: Маленькая больше, чем метров на двадцать от него не отрывалась.

Пересекли болото, на его краю решили: не брать хребет в лоб, а попытаться выскочить на седловину между "столовой" частью и куполообразным тысячником. Взяли азимут, двинули дальше. Первый переход шли очень хорошо - свеженькие!- и ушли далеко. Остановились. Настроение было веселое. Юля Большая захотела массажа болящих плеч, Слава сказал - пожалуйста, взгромоздился сверху, положив ее лицом вниз на землю и приступил. Артем рядом уложил Настю и повторял славкины телодвижения. Массаж был с приговором и использованием всех массажных средств от пальца до кулака с размаху. Дамы визжали и были очень довольны происходящим.

Через двадцать минут после передыха мы выскочили на гольцы, и Витя попросил четверть часа, чтобы одеть ботинки.

Красные мхи Вольховочного!.. На сером курумнике - кроваво-красные острова мхов, уникальное явление, нигде нет - только на южном склоне Вольховочного. Неестественно красные и притягивающие взгляд, вперемешку с буро-зелеными пятнами черничников и металлической зеленью брусники. Бог не скупился, воистину, создавая Урал.

Произошло очередное падение в бруснику и чернику. Слава произвел "наговорной" массаж Юле Маленькой по несколько сокращенной программе и упал тоже. Я пудрил мозги Братчиковой: ночью из их угла прослышивался некоторый шепоток, и, хоть сквозь полусон, естественно, не разобрал ни слова, сделал самую загадочную из имеющихся в запасе физиономию и, для начала, сообщил, что сегодня ночью слышал

много, много интересного… а сам наблюдал на настином лице бурно меняющиеся градации красного цвета. Ну, попал бзык: покрутил ей извилины, а потом резко свернул на какую-то левую тему, и Артемий вовремя подошел. К братчиковской чести будь сказано, похоже, она меня таки раскусила в моем истинном неведении, поскольку последовало только два небольших наезда, и она отступилась и больше к этой теме не возвращалась. А еще мы, конечно, беседовали о простирающихся перед нами красотами - длинным, зловещим вытянутым Пу-Тумпом, тычком, покатым Чувалом, повишерским лесом…

Витя одевал ботинки, с перерывом на ягодный сбор, разговоры и экскурс в лес, сорок минут. После этого общество с видимым неудовольствием подлезло под мешки, вскряхтело, и мы тяжело потащились вверх. Подъем был некрутой, хотя - как сказать: местами градусов до тридцати, как эскалатор в метро,- но оказался довольно трудным для нас. Витя впереди перестал реагировать на отставания Маленькой и часто изображал локомотив, потерявший состав, а я - в потерянном составе - проводил политинформации на тему: быстрее потопаем, меньше убежит… Как ни странно, иногда политинформации имели действие.

Вылезли на плато, вздохнули раз сто (нормальный цикл вдох - выдох занимает 4 секунды, дышали мы, конечно, учащенно) и двинули дальше. Бестужев прицелился на маленькую терраску на скате первого куполообразного тысячного возвышения и - больше скорость, меньше ям. Группа невесело потянулась за ним. Я передвигал ноги и обозревал окрестности.

Окрестности того стоили. На севере северо-западе хаотично громоздился большой и грозный Ишерим, круто обрывавшийся юго-западным склоном в черно-зеленую тайгу. На западе стеной стоял Тулым с двумя главными вершинами - острой и гребешковой, под которой белой заплаткой маячил снежничек. Подошва Ишерима тоже была усыпана маленькими белыми пятнами.Справа, на востоке, и сзади поначалу были Капкор-Не-Тумп и Пу-Тумп, потом их закрыл траверсируемый тысячник.

Остановились на перекус, пройдя над тем тестом, где прошлый год ночевали после "перевала" через "стол" Вольховочного - округлая крутая осыпь, глубокое русло-сухоток, маленькая площадка, заросшая высокой травой вперемешку с иван-чаем на самой границе леса. Место по внешнему сходству на одном из слайдов, было окрещено буквой Ж - уж очень оно напоминало сверху, с хребта, эту анатомическую точку, слегка деформированную оползнями.

Артем с Большой Юлей отправились вниз за водой. Братчикова с Маленькой где стояли, там упали. Их перенесли на пены за рюкзачную стенку - было тепло, но поддувал ветерок сверху. Общество погрузилось в сон. Со Славкой еще нашли сил сбегать немного вниз посмотреть, где же наши водоносы - они сильно задержались - потом поднялись назад и тоже упали. Витя все не хотел встать, достать и нарезать сало - лень подниматься. И резать тоже лень. Высокое небо располагало к философии, а от нее в нашем состоянии один шаг до сна - вот и щемали, кто как умел.

Пришли уставшие добытчики - по-моему, они добрели, сами того не поняв, чуть не до Ольховки, пока нашли воду. Высказал им благодарность за спасение личного состава от жажды, выговор за нарушение приказа - поискать воду рядом - и занялся обедом. Съели по сырку "Янтарь" (и то, в общей сложности, сырка два спараболизировали вниз в недоеденном состоянии) и, кажется, печенье вприхлебку с водой. Шло плохо, мы уже устали, и кабы знали, что еще впереди… Ох, с какой неохотой все лезли под рюкзаки!..

Дальше, как всегда происходит на однообразно-трудных переходах, один из них в памяти наползает на другой, и трудно раскопать в своей голове, как что случалось на самом деле. Одно бесспорно - было трудно. И тогда, когда проходили терраски, и дальше - тридцатиградусный траверс по вытянутому второму тысячнику, и когда обогнули его угол. Солнце покатилось к закату, все лежали с убитыми лицами на зеленке. Мы с Бестужевым выдвинулись вперед, откуда открылся вид на Ойку и перемычку ишеримского массива, и жарко спорили, как идти. Витя хотел траверсами, теряя немного высоту, слететь вниз, проскочить остаток тысячника по зеленкам у подножия и наискосок пересечь перешеек с выходом на его дальний угол. Я соглашался с траверсами и зеленками, но хотел затем немного подняться на ближний угол перешейка, у самого тысячника. Бестужев переспорил. До сих пор ругаю себя, что уступил - возможно, стоило воспользоваться командирскими правами, продлить и без того бесконечный день на один переход - выйди мы на плато перешейка, волей-неволей пришлось бы бежать до Малой Мойвы, и на следующий день вышли бы на Ишерим, и скатились бы на Хомги, и нормально ушли бы дальше - тремя часами разошлись мы с погодой! Или же все убились бы на этом последнем (конечно, самом трудном переходе) настолько, что неделю не в состоянии рукой двинуть, а там - ползком на Анчуг… Мечтай, дурень, мечтай…

Траверсом склона сделали два полных перехода. Вымотали огромное количество сил, несмотря на получасовой перекур между ними, когда все желающие - а было их немного - объедали очередной черничник, а большинство просто лежало. После следующего перехода возникла идея куснуть чего-нибудь и сделать еще один, до перешейка, или выскочить на Вёлс. Чтобы перекусить нужна оказалась вода, и Витя с увлечением занялся разгребанием камней на довольно сухом месте. Мы с Артемом спустились пониже, слушая явственно нарастающий журк, порыскали там, тут, и, наконец, нашли метрах в двадцати ниже по

склону. Наверху тем временем споро работали, большие бульники разлетались далеко. Объявили о находке, Витя потребовал у Насти своего публичного целования якобы за отыскание воды, и зафиксировать процесс в кино. Мотив, скажем весьма мягко, не совсем обоснованный, но целование Братчикова выполнила, а я отснял.

Потом, после некоторых колебаний, решили не ходить дальше, а ночевать здесь - благо, дрова и вода налицо. Общественность воспряла и дунула вниз на выбранную наскоро площадку.

Пока ставили лагерь, я, убедившись, что моя помощь экстренно не требуется, взял метров 50 наверх и затрясся от досады. Предо мной расстилалось ровнейшее плато типа "аэродром", мелкотравянистое, с редкими включениями курумника. Даже при нашем теперешнем состоянии и полностью иссякшем энтузиазме, мы шли бы здесь минимум в полтора раза быстрее, чем траверсами. И, конечно, никакого намека на воду - или спускайся вправо, на Вёлс, или вперед, на Малую Мойву - все ближе к Ишериму, от которого нас сейчас отделяла широкая лесистая котловина и стена юго-восточного склона горы, крутая и, возможно, осыпеопасная. Идти на восхождение здесь в лоб?! - не рискну. Да, все же дурак ты, товарищ руковод…

Внизу неспешно, но уже отработанно, а значит, быстро, ставился лагерь. Все занимались своим - кто делом, кто узаконенным отдыхом. Начинало темнеть - поздно сегодня закончили ходовой день. Закат солнца за Ишерим навевал тоску: медленно меркнущее холодное бледно-багровое зарево…

На следующий день, о чем напишу своевременно, мне пришлось с натугой припоминать, что же я вытворял этой ночью, но - никаких деталей память не сообщила, абсолютно ничего.

День 5.

12 августа, суббота.

Дежурные: Бестужев и Гальченко.

8.40 - подъем дежурных.
9.50 - общий подъем.
10.15 - завтрак.
12.46 - 13.00 - плато - 13.36.
13.56 - 14.25 - обход котловины.
14.40 - мороженое.
15.16 - 15.53 - траверс с подъемом.
16.03 - 16.27 - перевал - 16.31 - спуск - 17.10 - вода.
17.23 - постановка лагеря.
20.10 - посвящение, ужин, песни.
20.30 - массовое попоище.
22.00 - отбой.
Время: 3.40
Переходы: 4
Рабочее время: 4.38

День намеревались провести отдыхаючи, слишком уж вчера вымотались. А я для себя решил, обозлившись на скоростную невменяемость Бестужева, идти впереди самому, потихоньку, не разгоняясь.

Утро походило на вчерашнее, такое же солнечное, но небо белело, как над Чувалом, и на большой высоте пробегали облачка.

Витя не стал джентельменничать и, разведя костер, предоставил Маленькой делать с рожками все, что угодно. Вышло съедобно и не подгорело.

Поев, я еще раз поднялся на плато: три четверти дневного пути просматривались, как на ладони. Одну четверть составлял проштурмованный в прошлом году пфальц - впадина, образованная истоком Вёлса родникового питания. В прошлом году мы, отсидев день под дождем, подошли к ней, посоветовались ("В лоб? Обход?" - "В лоб!" - "Ну, в лоб!"), пересекли ее и вылезли на муторный траверс котловины Вёлса под Ойкой-Чакур.

Собирались как всегда - долго и со вкусом, с обходимой взаимной помощью и медлительной аккуратностью. Ей-богу, нет никакой охоты на этом останавливаться.

Пошли. Я молча, ничего не объясняя, встал впереди. Даже не знаю витиной реакции, в сущности, он ее не проявил. Шел я медленно, прямо по градиенту. Как начал подходить к плато, завалил курс влево и медленно же стал набирать скорость, все время наблюдая за дистанцией. Группа шла плотно, постепенно разгоняясь. Интересно, что у меня за ненормальность такая - чтоб группа держалась обязательно плотно? От слова группа, что ли? Здраво поразмыслив, не отбросить ли сию идею-фикс, ни к чему она, пожалуй… однако, хорошо, когда толпа идет группой.

К концу перехода набрал почти что нормальную скорость, не снижая ее вылетел на небольшой осыпной обрывчик терраски - Маленькая не отставала, только на подъеме один раз несколько удалилась от меня.

По пути попался маленький, метров двадцать, останец, торчащий из плато. У меня мелькнула шальная мысль, и мы сфотографировались все вместе на этом останце. Впоследствии этот снимок фигурировал в отчете, будто снятый на вершине Ишерима. И, кстати, он оказался единственным, где были все семеро. Единственный слайд за поход.

Потом мы с Артемом сбегали на край терраски, посмотрели вниз, на исток, вперед, на перемычку между Ялпингом и Ойкой-Чакур, я мысленно наметил путь по маленьким уступам склона перемычки. Внизу белел снежничек - а не поесть ли нам мороженого? Сгущенка еще есть, кажется. Да, должна оставаться.

Вернулись, вперлись под рюкзаки. У меня здорово разболелось колено - саданулся на останце, когда спешил занять свое место, а автоспуск медленно жужжал. (Потом смотревшие слайд удивлялись: как успел?) Пошли, нырнули в пфальц, решив идти его не совсем в лоб, а наискось к северу, чтобы меньше терять высоты, и оказались на мокром зеленом болотничке - самый исток Вёлса. На северо-западе за небольшим поднятием угадывалась долина Малой Мойвы. Да, выйди мы вчера вовремя на плато, один хороший переход - и, может, спускались бы на север, а не на запад.

Взяли засечку на снежничек и начала карабкаться траверсом вверх по перешейку. Когда, по прикидке, оказались над снегом, я дошел до удобного для сидения места и огласил идею мороженого. Инициатива наказуема: экспедиционный корпус, направленный за снегом, составили Семененко и я. Спускались бегом - не терять же времени, а здоровье позволяло. По курумнику я бегаю хорошо, но Славка отставал ненамного. Выскочили на белую линзочку, набрали жесткого крупнозернистого снега в бестужевскую кружку и мой ковшичек, я еще умудрился прочертить снежник наискосок глиссером, прямо как на Кавказе, и двинулись обратно, наверх. Поднимались быстро. Славка проявлял чудеса наблюдательности, здорово корректируя траекторию. Мимоходом заметил:

— Сегодня Маленькая что-то жаловалась, говорила: "Уберите от меня Затонского"… Ты уж это - имей в виду.

— Ладно, спасибо - буду иметь,- интересно, чем я ей сегодня ночью досадил? Беглый анализ ничего не дал, как, впрочем, и дальнейшие беспокойные размышления.

Вернулись, раскидали по мискам снег и залили сгущенкой, сначала одной банкой, потом пришлось открыть вторую. Поглощалось так себе: уж больно грубый снег. Да и какой еще снег может быть на Урале в августе?

Следующие сорок минут пути были, пожалуй, физически самыми трудными за весь поход. Перемычка между грядой вершин Ойки и ишеримским массивом, горой Ялпинг, с юга является перевалом 1А девяносто шестой пробы, осложненным исключительной крупностью осыпи. Подъем очень тяжелый. Так всегда кажется, что седло перевала при приближении к нему убегает, прячется за новые, невесть откуда вырастающие гребни, терраски и платушки, но уж очень долго мытарил нас перевал Ялпинг. Пришлось устроить передых, после чего я плюнул на все траверсы, повернулся в лоб, и через десять минут оказались точнехонько на плоской нижней точке мшанистой седловины.

Гулял ветер. Тучи пачками проносились над головами. Я скинул рюкзак; мокрая спина заледенела. Впереди открылся неизвестный путь. До сих пор мы топтали торную с прошлого года дорогу. Но тогда, пройдя всю перемычку траверсом, мы заложили лихой перевал в густых облаках через - сдается мне - главную вершину Ойки-Чакур или где-то очень рядом. Сейчас вдаль простиралась плоская, немного наклоненная к северу долина реки Хомги-Лох-Я, слева ее сжимали отроги Ишерима, справа - Ойки и Молебной, впереди, в дымчатой дали, поднимался нож Муравьиного камня, по описанию - сверху острый и обрывистый. Долина Хомги сверху - от розового до слабо оранжевого цвета с вкраплением черно-зеленых кущ можжевельника. Другую растительность поблизости рассмотреть не удалось - деревьев не было.

На перевале простояли четыре минуты, потом начали спуск до ближайшей воды с дровами. Спуск ничего сложного не представлял - выцветшая "зеленка" с полосами слежавшегося курумника. Там, за перевалом сзади, был конец лета. Здесь, в узкой и влажной долине - разгар неумолимой холодной осени.

Вода не выдала себя журчанием или блеском. Она стояла в облицованных камнем ямах, такая чистая и прозрачная, что ее трудно было заметить. Текли и небольшие ручейки, но тоже бесшумные и незаметные. Вообще, в долине Хомги стояла неестественная тишина, укрепляемая со всех сторон горами, снизу - глухим мхом и плотными дождевыми тучами сверху. Здесь можно кричать в голос - никто не услышит: до людей далеко, до Бога - высоко.

Долго искали площадку под палатку, старались найти поровней, помягче и посуше, придирчиво притаптывали ботинками мох и глядели - потечет или нет. Нашли, поставили со Славкой палатку. Витя вырубил пласт мха метр на метр, отнес его в сторону, а на оголившемся месте стал разжигать костер. Дул ветер, пламя металось по плоским принесенным "для основания" камням и с немыслимой скоростью пожирало сухой можжевельник. Ветер усердно рвал полиэтилен, хлопал им по палатке, завывал в ушах, но звук растворялся в глухости долины. Изредка капало. Артем попросился сбегать на Ойку, я отпустил. Сам принялся помогать Бестужеву рубать кустики на дрова. Кустики поддавались исключительно плохо; у него заготовка шла немного лучше, чем у меня. Потом мы присели у костра, плавно охватывающего факелом пламени умело поставленные котелки, и стали обсуждать идею посвящения контингента в туристы-двоечники. У нас это была уже третья "двойка", первую мы прошли в мае по воде, вторую - в июле по Кавказу, а у всех остальных - первая. Идея возникла вследствие посвящения нас в мае в туристы-водники. Ритуал упростили, отказавшись от целования портянки руковода и традиционного пинка под зад сапогом, оставили клятву, ложку водки и отметку на щеке давленной черникой. Клятву сочинили на ходу, вышло не совсем уклюже, но приемлемо:

Мы, пеньки доморощенные, робкой ногой вступая в общество пеших туристов-двоечников, с замиранием сердца клянемся каждой извилнкой своих туристских мозгов, каждой своей туристской селезеночкой и печеночкой в том, что с сего дня:
= ни одна дорога не заставит нас сойти с нее
= ни один рюкзак не вдавит нас в землю глубже, чем на один аршин
= чтимо, как папа и мама, будет всегда наше руководство
= и пить будем мы на всех своих двоечных дорогах не больше меры, не меньше нормы.

Личный состав выстроили у палатки, хором затвердили данный документ (бедные!..), троекратно клялись в его выполнении, после чего подходили за ложкой и ягодкой. Ложку вливал Бестужев, ягоды, пять штук, самых крупных из собранных для компота Юлей Большой, давил я. Дамы были очень недовольны мной, Славка с Артемом - размерами ложки.

Забрались в палатку. Витя достал пузырь и рёк: "Будем пить." Девочки отказались. Я попросил - мне чуть, Артему налили пол-чуть из соображений возраста, Славка испугался количества, налитого ему, и половину сплавил Бестужеву, у которого на мах вышло что-то около стакана, и на счет "раз - два - три!" содержимое усохло. Девочки сделали такие лица, будто им в них наплевали, и заявили, что "мы будем спать сегодня в отдельном спальнике".

Закусили ужином, ели в палатке - дуло и капало снаружи, да и с вылезанием могли возникнуть навигационные проблемы, поскольку под горячее повторили. Попили компоту. "Споем?" - "А то!" Пелось неплохо - единственный раз пошла в групповое употребление героически переносимая весь поход Пономаревой гитара. Одно плохо - голоса у меня не было еще с Мойвы, пить надо было больше.

Начали укладываться ко сну, пошли прогуляться партиями - сначала мальчики, потом девочки - чтобы не отходить далеко. Я вылез: Слава Семененко стоял у угла палатки и покачивался. Направил его на курс истинный, он пошел, добрел до куста, уперся в него и, подумав минуту, полез в штаны. Артем был трезв и этим обижен. Витя вылезать не стал. Он переоделся в свои спортивные спальные трусики - весь поход спал только в них, поутру отвоевывая десять минут после подъема на их переодевание - и закатился в спальник раньше всех.

Начали ложиться. Мы со Славкой договорились, что сегодня я сплю у стены - он лежал там предыдущие ночи, хотя, сдается мне, Бля Большая грела его неплохо, чего нельзя сказать о Маленькой в отношении меня. И тут я с удивлением увидал, что Маленькая заползает ближе к середине, потом Большая, потом Славка. Последний с виноватой физиономией, вроде как извиняясь за не им принятое решение, указывает моей изумленно вытянутой морде на теплое местечко между собой и наветренной стенкой.

Так. То ли я сегодня пьян, то ли леший нынче рьян…

— Девочки, а вы не ошиблись? - Нет.

В принципе, я бы даже не обиделся - свято уважаю право любой дамы спать так и с кем, как ей того хочется. Но меня взбесило то, что меня ставят перед фактом, молчком, без единого намека, и, сказав какую-то грубость, я обрушился между Маленькой и соседним спальником и умело проник вовнутрь. Гальченко напружинясь подлетела и обнаружилась уже у стены. Померзни, подумал я, отвернулся от Пономаревой и небыстро уснул. Славка попал в несколько неудобное положение: ему приходилось лежать спиной к одной Юльке, находящейся у весьма холодной стены, чтобы не поворачиваться спиной к другой, чего он просто не мог. Я мерзко злорадствовал про себя. Примерно через час они решили проблему просто: Пономарева перекатилась через Семененко - греть дубеющую Маленькую - и я оказался подпертым славкиной спиной. Впрочем, подпертость скоро исчезла. Еще примерно час я в полусне слышал, как вежливый Слава осведомляется у крайней Юли, не мерзнет ли она. Теперь особого злорадства при этом я, видит Бог, не испытывал, но считал данную сделанную ей пакость более-менее справедливой. Что-что, а слова, в отличие от намеков и жестов, я всегда понимал неплохо - почему не попытаться сначала их применить?

Потом я уснул.

День 6.

13 августа, воскресенье.

Дежурные: Затонский и Пономарева.

7.30 - подъем дежурных
9.00 - общий подъем
11.14 - 12.04 - траверс
12.16 - 12.59 -. Дождь.
13.20 - 14.04 - обед, дождь.
16.15 - 16.38 - разведка
17.40 - 19.10 - лагерь на Вижае
В десятом часу - ужин
24.00 - отбой.
Время: 3.10
Переходы: 5
Рабочее время: 8.56

Это был самый страшный день для меня за весь поход. В принципе, он оказался последним походным днем - оправдал он и свое число, и преждевременную обмывку похода, и непродуманную клятву о "ни одной дороге", и мою (со зла-то) неуемную на сей день настойчивость… Такой уж был шестой и последний день маршрута, тринадцатое августа тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, воскресенье.

Утром моросило. Проснувшись и заглушив будильник, я, к стыду своему, подумал - "еще минутку…" - и открыл глаза в 7.20. Пока еще минутка… вылез в полвосьмого.

Костер долго не хотел разводиться - дуло, и было сыро. Дров со вчера осталось мало, долго лазил по кустам, а потом, несмотря на все ухищрения отечественной химии, хранившейся в пакете Артема, долго оберегал маленькие язычки от воды и ветра, пока огонь не взревел и не стал яростно облизывать бока котелков.

Разбудил Пономареву. Вылезла хмурая, лясы точить со мной у нее интереса на было, засыпала еду, пару раз поворочала там ложкой, спросила: "Может быть, ты помешаешь?"- и, получив утвердительный ответ, забралась обратно в палатку.

Жорево сварилось, я заорал "подъем" и подтащил котлы к палатке. За едой вспыхнула дискуссия о том, стоит ли сегодня двигаться дальше. Поскольку мы уже отставали от маршрутного расписания, я настоял на том, чтобы сделать обычный ходовой день. Юли были очень недовольны, на что я им отвечал:

— С таким настроением только на Усьву ходить!

— Ладно, в следующий раз пойдем на Усьву!

Это меня вконец обозлило: посмотрим, куда и с кем вы в следующий раз пойдете, подумал я тогда и, для полноты картины, наехал на Братчикову. Она резонно холодно заметила, что в дискуссии участия не принимала и вообще всегда делает в таких случаях то, что говорят. Пришлось экстренно остыть и признать данный тезис справедливым. Собрались довольно быстро, хоть и со скрипом. Ну, быстро - это, конечно, в сравнении. То, бывало, полтора часа, а тут - час с копеечкой. Тоже не дело, но шерсти клок, и ладно.

Первый переход шли хорошо. Я в меру злился, шел впереди, и сзади идущим здорово медленно не казалось. Общество тоже находилось не в особо мирном настроении, а разумная злость всегда не то, чтобы прибавляет сил - подавляет бессилие. Шли по азимуту, взятому вчера - на долине лежали облака. Они текли, именно текли широкой медленной рекой с перевала, лениво отрывались от земли примерно у нашего бивака и, ватный и набрякшие водой, проходили над нами, ударялись об горы, сердито морщились и нехотя, царапаясь об острые валуны, обтекали их. Молебную закрыло наглухо.

К концу перехода подошли к гольцовой зоне и начали траверс, более-менее держа азимут. В этом-то и заключалась принципиальная тактическая ошибка - идти надо было по границе горной подошвы и леса, где траверс положе, а можжевельники и прочие ногохватательные кустики в большинстве остаются ниже по склону. Да и вообще, весь этот день был сплошной ошибкой. Чьей только?..

Второй переход оказался еще веселее: мы уже проскочили отроги Ойки, впереди время от времени открывалась Молебная - подпирающая небо гора с большим могутным плечом, через которое надо было ползти. И какой дурак мне сказал, что пройти надо именно через него?! Еще одна ошибка.

Камни стали крупнее и противнее в преодолении, мокрыми и очень скользкими, и я все опасался, что кто-нибудь что-нибудь на них сломает. Особенно меня беспокоила Маленькая - она не имела достаточного опыта в преодолении таких препятствий и, особенно вначале, шла весьма неважно. Потом разошлась - научилась, но я все старался находиться неподалеку и прикидывал - за что хватать, чтобы не обидеть. Юли шли в сапогах, поэтому сцепление с поверхностью у них было аховое, как на лыжах, с ботинками не сравнить.

Нас накрыл дождь. Он начался незаметно, потом ощутимо брызнул раз, два, три и хлынул, как из бочки. Бегом выдернули маленький полиэтилен, укрылись. Рюкзаки остались за крышей, не влезли, и на них лило безбожно. Сидели кто на чем и костерили непогоду.

Посветлело, дождь перестал. Напялили рюкзаки - ох, и мокрые же они были! Хоть выжимай. Только Витя сумел спасти свой мешок от намокания - он всегда здорово заботился о сохранности вещей. Особенно своих или переносимых им.

Следующий переход задул ветерок, и к его середине камни подсохли, пошлось быстрее, тем более, что двигались с потерей высоты, целясь на обширные зеленки неподалеку от границы леса. Вышли на зеленки, поплутав среди здоровенных камней на подходах к ним. Кстати, на этом переходе возникло что-то вроде социалистического соревнования - какая пара быстрее (Артем остался без пары), и это здорово повысило скорость.Еще одна ошибка: не рационально, оказывается, на технически сложных местах ходить монолитом. Люди любят играть, и надо давать им такую возможность. Под конец перехода Маленькая устала, и мы безнадежно отставали, но перед самым привалом в нее что-то вселилось, она дунула вперед, легко догнав Артема и Славку с Юлей Большой.

Воду нашли в кустах тальника и сели есть. С завтрака остались початые пачки какао и "Малютки" и кто-то - не помню сейчас, кажется Бестужев - догадался сделать "крем", смешав эти два ингредиента с небольшим количеством воды. Не скажу, чтобы штука вышла здорово питательная, но на сладкое, для разнообразия, ничего, особенно, если всыпать туда сухарной крошки. Поели, закусили черникой - отменный кустарник оказался совсем рядом. Потом я оглядел юг и посоветовал приготовить большой полиэтилен. Пока его доставали, ветер рванул несколько раз и мягко стих. Верный признак: жди, будет, как из ведра.

На сей раз рюкзаки от дождя спасли все - большой, черный, полиэтилен пять на три метра, хватило с запасом. Сели плотненько в ожидании. Настроение лично у меня было скверное, да и не только у меня. Появилась нехорошая апатичность, самый поганый признак из всех плохих примет. Артем клевал носом, Маленькую поколачивало - погода стояла прохладная, об меня греться она не хотела в принципе, остальные уже грелись парами. Край полиэтилена трепало ветром, он хлопал, мне все время приходилось ловить и держать мерзнущей от воды рукой угол.

И я понял, что маршрут нам не пройти. Мне пришлось прочитать это во взглядах, услышать в молчании и сломать себя - пусть не покажутся стертыми эти слова. Дождь лил то сильнее, то ослабевал; ветер неприятно поддувал под задравшийся край накидки, а я сидел и ошеломленно осмысливал понятое. Мне хотелось познать, вычислить, обосновать происшедшее понятие, и, когда дождь припустил и перешелся, я сказал - "скоро вернусь" - и выскочил из-под полиэтилена.

Сразу почему-то ужасно свело ногу, будто я ее всю ночь отсиживал. Боялся только - как бы не упасть, и заковылял вверх, стараясь движением разогнать боль.

Плато лежало рядом, красивое, ровное, щедро укутанное близкими тучами. Они притекали с юга и уходили на Свердловскую область - пригорки и холмы, густо поросшие лесом, засасывающие в свое темно-зеленое нутро отроги гор. Усердно вглядывался на северо-восток, надеясь увидеть Чистоп, и не увидел - далеко. Слишком далеко. Не дойти.

Вид Свердловской области нагонял уныние. Мысль о том, что надо рвать маршрут, облеклась в материальную форму, стала реальной - вот она, эта воплощенная мысль: осыпи тонут в кустарниках у подошвы горы, дальше темнеет мрачный лес, и где-то там течет речка Вижай, и где-то там поселок Тохта, тридцать километров по тропе вдоль реки, карту я помню наизусть. Севернее Тошемка, Вапсос и дорога на поселок Вижай - нет, нечего туда соваться: тяжелый болотистый путь. Незачем заниматься мазохизмом, надо кончать дело быстро. До Тохты два, от силы три дня нормального хода. До Ушмы сто неведомых километров. Или?.. Опомнись, кому они нужны, эти сто километров? Ты сам виноват - что за руковод, в чьей группе люди изматываются до падения, что за руковод, которому приходится рвать глотку на своих, какое право ты, пусть временами, имеешь чувствовать себя одиночкой…

Нырнул под полиэтилен; там что-то весело обсуждали, притихли.

— Завхоз, сколько у нас еды?

— Не знаю.

Я не стал кричать, что она обязана на каждый день и час иметь точные знания о наличии продуктов. Я говорил это не раз, а Юля отвечала, что она не имеет никакого желания, не хочет числиться завхозом. Интересно, а чего она хотела, идя сюда?..

На душе было легковесно и сыро.

— Маленькая, доставай бумагу, будем опрашивать,- опросили:

А.З.: 4 пакета сублимата
500 г вермишели сухари.
Ю.П.: 500 г карт. хлопья
4 пакета каши
2 пакета супа.
Ф.А.: сухари 1/2 пакета
1 б. тушенки
1 пакет супа
вермишель 400 г.
сухофрукты
чай
сахар.
С.С.: сухари 1/2
сахар 2 кг
5 б. сгущенки
малютка.
Ю.Г.: сахар 2 кг.
Б.Н.: малютка
1 б. сгущенки
1 кг сахара.
В.Б.: 1 б. сгущенки
мешок сухарей.

(списано из книжки хронометража).

— А сколько мы прошли?

1 день - 15 км
2 день - 12 км
3 день - 16 км
4 день - 8 км
5 день - 8 км

59 км

Все. Что-то оборвалось внутри, и стало легко и ясно. Обломавшись на шестидесяти километрах пройти сто на сахарке с недостатком сухарей нельзя. И опять ты виноват - не завхоз, ты писал раскладку, где твой запасной день? Где заначки? А-а…

Сообщил. Прошу совета. Риторический вопрос! Они рады. Этого нет на лицах, но они рады, что я понял их молчание, увидел их взгляды, они добры и не хотят заставлять меня поворачивать - как хорошо, что я предложил повернуть сам. Бестужеву все было ясно "еще вчера". А может, еще раньше - может быть. Но где ж ты был раньше - ах, впереди… Артем радуется просто, он молод и любит, когда не надо идти. Хотя нет - я зря: радуются все, и он радуется. И я радуюсь вместе со всеми.

Поход закончен. Понедельник не успел начаться, сегодня воскресенье. Понедельник начинается в субботу, и она тянулась с двадцать восьмого прошлогоднего августа до вчерашнего дня - мы мечтали, работали, шли - по знакомой дороге. Сегодня было воскресенье, мы ломались на траверсах Молебной, на неизведенных горах, ели взглядами плечо Молебной и жаждали напиться тошемской водой. Понедельник кончился, не начавшись, а пить мы теперь будем из Вижая.

Двинулись средним темпом, не спеша. Поднялись на плато, пересекли поперек и остановились на краю, перед самым спуском - следовало поразмыслить, куда идти. Впереди торчали лесистые гребешки - кому как не нам знать о их труднопроходимости, наломались, было дело. Стоило определить, то ли Вижай течет перед ближним из них и можно спускаться по градиенту, то ли его надо обходить. До гребешка - полтора перехода.

Решили сходить в разведку, оставили девочек со Славкой и втроем удалились метров 800 в сторону на торчащий из наклонной зеленки тридцати-сорокаметровый останец, похожий на звериный клык. С останца толком ничего не разглядели - то же, что и с ног, но сам по себе вид оказался очень красивым: отвесно падающая южная грань скалы под ногами, и за ней - море леса. Ни просек, ни ориентиров.

Вернулись, еще немного посидели и пошли вниз. Продрались через кусты; пара полянок, и начался здоровенный сухоток - по нему-то и двинулись. Ниже появилась вода - первая свердловская вода на пути, как и вся свердловская, по сравнению с пермской, пресноватая и невкусная. Потом отклонились от ручья, появилась наметка тропы - я ее проворонил, хоть и шел впереди, а разглядел Славка. Пустил его вперед - иди, гляди, пограничник. Глаз у Славки оказался верным, тропка была еле приметна, но он ее не потерял.

Начал капать дождь. Общество заколебалось - лезть под полиэтилен или нет, и тут мы выскочили на столб, разметочный столб теодолитной просеки. Скинули рюкзаки, и мы с Витей сфотографировались у него - прямо как год назад. Девчонки посетили кусты и обнаружили брошенную ржавую печку. Направился поглядеть и увидел тропу, а пройдя чуть-чуть по ней - зарубки, разметку просеки. Тропа вильнула под нее и больше от зарубок не отклонялась.

Вперед - вниз. Дождь шел уже не переставая, но было все равно - мокнуть, так мокнуть. Определенное недовольство этим сохранялось, пока его не смыло освежающем душем с набрякших водой веток, но я счел, что достаточно долго и приятно сидели под полиэтиленом наверху и не предлагал больше его разворачивать.

Дождь не мог заглушить приближающейся реки. Скользкое бревно поперек овражка, огромный кедровый выворотень, и перед нами ровная обжитая площадка. Запах цивилизации стал предельно явственен.

Дождь продолжался. Решили бегом ставить палатку и отсиживаться в ней до его окончания. Палатку поставили, параллельно с накрыванием ее пленкой, за пятьдесят одну секунду. "Можно ехать на турслет,"- удовлетворенно заметил я вслух.

Потоп сразу прекратился, как по мановению руки. Теперь, когда он нам перестал быть интересен, на палатку падали только редкие крупные окапки с деревьев. Дождь кончился. Больше до людей он не начинался.

Я расшугнул общество в мини-разведку вверх и вниз по реке, сам по колено - все одно, терять нечего - перешел Вижай и увидел, что засечки пошли дальше тем же азимутом в лоб на гребешок, а также разглядел метки расстояний, одну косую, две прямых. До чего-то, что являлось началом координат для этих засечек, оставалось восемьсот метров.

Выглянуло солнце. Солнце!! Где ты скрывалось раньше?!. За ужином оповестил, что завтра схожу в разведку по зарубкам и поинтересовался, не намеревается ли кто ко мне в компаньоны. Тишина. All correkt[3].

Спал крепко, места у стены мне оставили прилично, тем более, что отбросив свою обычную деликатность, я взъежился, когда залезал Славка, и отвоевал потихоньку лишние сантиметры, а потом, памятуя о славкиной массе, расперся конечностями в стену и провалился в сон. Шурк за спиной мне нисколько не мешал.

[3] Все в порядке (искаж. англ.).

14 августа, понедельник.

Дежурные: Семененко и Братчикова.

Дневка - ура!!!

10.00 - подъем дежурных

10.00 - 12.00 - общий подъем, готовили завтрак, предавались преятному времяпровождению.

12.00 - завтрак, пели песни. Андрей ушел на разведку. В.Б. и Ф.А. ходили на левый берег реки Визжай. Витя лазил на дерево и сшибал шишки, а Артем их собирал, всего 55 шишек.

Фотографировались на фоне тайги. Навели порядок в лагере, постирали, сушили вещи. Ю.А.П. выступала в роли косметолога. С.С. и Ф.А.- ходили за грибами. Вообще, сегодня не день, а балдежь!

Настроение боевое, и идти больше с этого места никуда не хочется[4]

Вечером пели песни. Больше я почему-то ничего не помню!

А я не помню утра. Проснувшись, долго лежал и прокручивал вчерашний день, чем слегка сдвинул себе мозги, и настрой у меня был соответственный событиям. Ответил на вопрос Братчиковой, что это я такой "веселый" что-то вроде - где мне найти источник веселости?- по-моему, вполне логичный ответ в такой ситуации. Взял нож, дубину, сто грамм печенья, еще раз спросил:

— Кто со мной?- тишина и молчание.- Вернусь часа через четыре,- ага, ясно, поняли. Пошел через реку. было 12.10.

Перебрался через Вижай по бревну, спрыгнул на левый берег и почувствовал, что натягиваюсь, как струна. Это была моя первая одиночная разведка… если не считать таковой весь поход (сейчас я скрупулезно описываю то, что кипело тогда во мне, вне зависимости от того, как оно потом трансформировалось - людям свойственно забывать и прощать других и, в особенности, себя, и бай мне Бог памяти сейчас вспомнить, что я думал тогда, бродя один по лесу).

Гребешок я взял быстро и, слегка запыхавшись, вылез в невысокий очень приятный кедровник наверху. Сто метров по ровному месту - и передо мной угол просек, покосившийся столб, вокруг густо - деревья, очень красиво: залитый светом желтый крест, вдавленный в темную хвою леса. За столбом две зарубки, как стрелка, а дальше светлее. Я оглядываюсь, стараюсь запомнить дорогу. Почему-то у меня страшно были напряжены нервы. нет, я не боялся до дрожи в коленях, но отчетливо сознавал: я один, втроем с ножом и дубиной, вокруг незнакомый лес; компас и глаз - два верных приятеля, но я один. И, наверное, сказалась давешняя злоба, при воспоминании о таком уже далеком вчерашнем дне меня перетряхивало.

Светлым местом оказался огромный выруб. Я взял азимут по направлению засечек и двинулся через него. Выруб густо зарос малиной между редкими несваленными деревьями. На директрисе азимута оказался характерный ободранный "пенек" метров двенадцать высотой. Я так засмотрелся на него, что не глядел под ноги, и одна нога вдруг соскочила с бревна, куда встала на "автопилоте", попала в заклин, а я начал падать. Выручила согнувшаяся, но все же выдержавшая палка. Перелома только мне и не хватало, вот именно сейчас и именно здесь.

Высвободил ногу, огляделся. И будто что-то щелкнуло внутри и мягко упало, а я вдруг понял, вернее сказать, исходя из моих ощущений, узнал, что мне нечего бояться. Со мной ничего не случится. Леший вынесет, в шутку подумал я, и с этого момента добрый местный лешачок не отставал на меня ни на шаг. Это был не бред, я трезво осознавал невероятность, но чувствовал очевидность этой мистики. И совсем не был против: чем плох добрый леший в попутчиках?

Мысок леса; в него уперся азимут. Я зашел под кроны, побродил, поискал - засечек не было. Дурень, сказал мне лешачок, посмотри направо. Я посмотрел и увидел широкую просеку. Вышел, посмотрел назад - там, откуда пришел, две елки: одна корявая, другая гнутая и голая, и вершинки не ней нет, стоят себе посреди малинника. Интересно, в этом малиннике медведи появляются? Ничего, мы с ними договоримся,

[4] Жирно выделено мной в хронометраже в качестве вещественного доказательства моих невеселых выводов.

верно, лешачок? Просека была вывозная и наезжена неплохо. В этом году кто-то здесь уже был - на одном из кедров четкие, затекшие свежей смолой следы "кошек", и сколько не вглядывайся - ни одной шишки.

Угол просек, разворотная площадка, просека идет вправо, пробитая по меридианальному азимуту. Я решил не верить, углубился в лес, убедился, что он не хожен уже несколько лет, чуть не сверзился со ствола и вышел назад. Леший обругал меня непечатно за мою к нему недоверчивость и посоветовал дальше слушаться его. Он был молодой, этот леший, редко видел людей, и ему доставляло удовольствие быть моим проводником. На мое замечание о том, что завтра я ему целую толпу приведу, он ехидно заметил: как же, ты в толпе и их-то по одному не слышишь, услыхал ты меня завтра, держи карман шире. Я тишину люблю, а твоих - видел, насмотрелся…

Поворот, впереди поворотный тупичок, на скрещении просек флагом вздымается ослепительно золотая молодая березка. Не верю, упрямо заявил я лешему, он хохотнул и сказал: ну, поди. нет, впереди идти некуда. Справа возвышается красивая Ойка, а здесь только разворотный пятачок, и надо ж - два одуванчика на нем, желтые, свежие, как в мае, торчат из ровной влажной грязи пересохшей лужи, нежные и теплые. Возвращаюсь, ласкаю взглядом березу и иду по просеке. Опять угол, разворотник слева, просека справа, меридианальная. На углу остов березы и пушистая, просто-таки новогодняя елочка. Узел большой, под неправильными углами сходятся пять просек, но я верю тебе, лешачок, из них только одна моя, я не хочу логики, говорящей, что Тохта на востоке, я верю здешнему хозяину и иду на юг.

Маленький накат из коротеньких чурочек, и под ногами начинает хлюпать. Оборачиваюсь - вот те на: в лоб смотрит черное жерло артиллерийского ствола. Хо, напугался? - Да нет, лешачок, спасибо за ориентир. Бревно, торчит со ската, срез настолько черен, что воспринимается, как провал. А елочка - вон она, зеленая.

Слева по ходу слышен журк ручья. Нет вопросов - течет впадать в Вижай, значит, недалеко, значит, можно идти. А время выходит, не повернуть ли?- Иди ты, погоди поворачивать, не то увидишь.

Просека чуть виляет - черт, набрал ботинок, надо же, такое место с виду ровное, а бочажок. Ну ты шутник, приятель… Просека распахивается - раза в четыре шире, под ногами сплошная вода, так и сяк набросаны бревна, двухметровые чахлые осинки, белесое небо и далеко-далеко - стена леса. Ну, друг, пора мне и домой. Это я уже год назад видел - не здесь ли мы топтались, искали, что и куда?

— А ты погляди хорошенько, может и здесь.

— Да уж, погляжу.

Но пора назад - будут беспокоиться.

— Держи рот варежкой, надо им это было восемь раз.

— Ты, лешак, на них батон не кроши!

— Ладно, ладно, ну, не ершись, несговорчивый, иди дальше.

Все. Дохожу до того куста, он повыше, на пригорочке, гляжу вперед и оверштаг. Или?.. Леший молчит, мол, делай, как знаешь. Обиделся, леший его разбери. Ломаю ветки куста, лезу с пригорка на юг, иду дальше. Меня наполняет азарт, я знаю, что должен увидеть что-то интересное, и я скольжу по бревнам, срываюсь в грязь, спешу, лешак обрадовано толкает в спину, иногда совсем некстати - иди, иди, не пожалеешь, иди!

Поворот, сухое, приятное местечко. Ручеек пересекает просеку под полуразрушенным мостом, дальше просека петляет вроде, я хочу идти туда, но ручей течет на юг, и с юга же низко и мощно звучит Вижай. А леший - он же все-таки нечистая, чай, не из ангельского рода - толкает под руку: ну ее, эту просеку, пошли туда.

— Ну, пошли.

Через ручей - бревно, и вдруг за ним на дереве появляется большая темно-серая белка. Она сидит, внимательно разглядывает меня. Я не двигаюсь, кабы не спугнуть.

— Ха, парень, знал бы ты, *кто* это, спугнешь его, кажется, он бы тебя не спугнул.

— Не пугай, лешак, или мне его бояться?

— Нет, бояться-то зачем, но уважить нужно.

Белка не спеша поворачивается, скрывается за узким, тощим стволом сосенки и исчезает. Без звука, без мелькания хвоста. Иду через ручей, балансируя на бревне, достаю печенье, кладу несколько штук в развилку ствола. А остальное, лешачок, мы с тобой на обратном пути приголубим. Примеряюсь идти дальше - Куда, смеется леший, тут черт ногу сломит,- и я возвращаюсь по бревну назад. Я устал, я просто слушаюсь своего проводника. А и в самом деле, два шага после бревна, и я вижу сухоточек направо, а там лобик метра на два, карабкаюсь… Передо мной хорошо оборудованная стоянка, две площадки под маленькие палатки, стол, скамейка, кострище. Внизу, метрах в трех, Вижай. От такого места не может не быть тропы, решаю я и сажусь у стола. Здесь удивительно хорошо. Это нельзя отложить на бумаге, но я за пять минут очень здорово отдохнул, как мне показалось.

Обратный путь был тривиален. Лешачок только изредка напоминал ориентиры, а так мы с ним беседовали о многом. Леший слегка пророчил, и на его пророчества по поводу оценки и перспектив нашей группы у меня так и чесалось сказать "соль в глаза", но он вполне серьезно предупредил, что что-нибудь мне сломает или где-нибудь утопит, и я прикусил язык. Вообще весь обратный путь я прошел всухую, ни разу не оступившись. Нет, один раз было - там же, где и на прямом пути.

— Своди сюда ближних своих,- посоветовал лешачок,- заслуживают…

— Иди ты,- ответил я и, только пристально вглядевшись и ткнув палкой, обнаружил еще один потайной бочажок. А что? и заведу. Ненароком. Так и скажу: ах, леший попутал, не упредил я вас.

Прошел "ствол" и гатенку, решил - пора подкрепиться. Повернул на шум, вышел на ручеек. Он здесь обтекал маленький галечный островок, поперек лежало чистое сухое бревно - леший проявлял гостеприимство. Мы посидели, я поел-попил, сказал спасибо и вернулся на просеку. Подошел к золотой березе, сунул пакет с половиной печенья в дупло - заберешь потом, приятель.

Леший действительно говорил, прервавшись только на время еды, очень интересные вещи. Опомнись, ты зверем смотришь на них, перекладываешь злость с себя. Они не заслуживают этого. Никто не виноват, что ты оказался непонят. Они не виноваты, потому что не может быть виноватым не понимающий. Ты не виноват, потому что объективно не смог им объяснить. Они не видят смысла в далеком Чистопе - ты кажешься себе лишенным романтики, но ты ее находишь вдали. Они не хотят романтики вдали, не хотят ждать, а пользуются ей сейчас, ежечасно - на дневке, на привале, в черничнике, у костра, в спальнике… Правы все, о вкусах не спорят. Они очень хорошие люди: ты их вел, они шли за тобой, понимали или принимали необходимость ходовых трудностей, но они большей частью действительно не смогли идти с тобой дальше. А меньшая часть утонула в большей, им было проще противоречить тебе, чем большинству и своему подспудному инстинкту отдыха. Кто виноват, что ты не умеешь отдыхать и не желаешь понимать вкуса отдыха у других? Это твое право не понимать, как их право не понимать тебя. Ты был обязан уважить их желание отдыхать, и ты это делал. Тебя обошли местом в спальнике? - вот тут ты неправ: не совладал с собой, не примирил бурлящие якобы оскорбленные чувства с четко оценивающим мелочность ситуации мозгом. Эта мелочь здорово мотнула тебя, ты долго будешь меня, лешего, поминать, размышляя о ней.

Ты ошибся только в одном. Не смог решить противоречия между необходимостью и объективностью, между необходимостью идти и желанием людей непрерывно получать удовольствие. Да, ты решил его для себя, но это частный случай, частное решение. Для остальных решение получилось тривиальным: нуль равен нулю, и маршрут накрылся. Ты не смог доказать им, что каждый обязан обдумать это заранее, и решать вопрос об участии исключительно исходя из этого. Они и решили сие противоречие, прямо тут, впопыхах, но - не в твою пользу. Они правы - единственное и достаточное тому доказательство, что им сейчас хорошо. Плохо сейчас тебе, и ты сам в этом виноват. Нельзя позволять обстоятельствам делать тебя одиночкой, один в поле не воин, это столь же верно, сколь и банально. Обстоятельства нужно творить самому, причем заранее, а не наблюдать пассивно за их поворотом в тартарары. Вспомни, как трещина за трещиной, скол за сколом ты сам - сам! - отошел, и теперь я с полным правом говорю о тебе и о них. Помни и не гнушайся средствами: говорить должны только о вас. И это ты знаешь, но понимаешь неверно. Дело не в "чувстве локтя" и пионерской колонне на переходе, дело не в послушании или тебя, это всегда только сильнее откалывает, дело не в объятиях в спальнике и не в приятных беседах. Друг не тот, с которым можно болтать без умолку. Друг это тот, с которым можно молчать. И когда вы сможете замолчать вместе, монолитно и понимающе замолчать, ты увидишь, что нет на свете людей, лучше тех, что молчат вместе с собой, и ты еще сможешь это увидеть.

Просеки кончились, пошел малинник. Леший устал, он не привык долго общаться и, спросив, дойду ли я, попрощался. На душе у меня было легко и светло, я с удовольствием обтаптывал малинник, помня, что завтра здесь пойдут, и вдруг заметил, что слегка куда-то уклонился и не зрю знакомых ориентиров. Азимут азимутом, но мне почему-то жгуче захотелось увидеть тот наклоненный угловой столб, я остановился и неспешно заозирался.

В вышине светлым крестиком ходил ястреб. - А неплохо бы было,- негромко произнес я,- чтоб ты мне дорогу показал, сверху-то виднее,- то ли мне померещилось, то ли и в самом деле - ястреб лег на прямую траекторию и несколько раз прошелся по ней туда-сюда прямо надо мной.- Спасибо,- с признательностью поблагодарил я, через три минуты ласково погладил столб и пошел по зарубкам к реке.

Подобрал пару свежесброшенных кедровкой крупных шишек и сел на склоне. День подходил к концу, вернее, начинал кончаться, до вечера еще далеко, но это был уже не день. Спокойные светлые горы просвечивали сквозь влажно-зеленую кедровую зелень, а шишки были смолистые, совсем свежие, в них еще пульсировала жизнь, и смола была еще жидкой, а орехи, молочные и кремово-белые, необычайно вкусны. Я сидел и впитывал в себя остатки того, чего-то необычного, что окружало меня сегодня все эти пять часов. Внизу текла река и лежал лагерь, меня ждали - я опаздывал минут на сорок, если не больше, но ничего не

мог с собой поделать, так мучительно хотелось сидеть здесь и есть эти дареные шишки. Да, внизу ходили и разговаривали наши, я слышал их голоса, каким-то чудом они прорывались сюда сквозь шум воды и шелест крон, или мне это только мстилось, не знаю. Я жаждал поделиться с ними радостью открытия, мне мало стало делиться им с нежитью, рожденной моим уставшим воображением, но я настолько ясно знал, что там, внизу, мне не будет так здорово, как на этом теплом склоне - это бред мысли, что я там не нужен или меня не хотят видеть, но мне здесь хорошо, и буду тут сидеть, пока не кончатся орешки. Могу я за весь поход один раз почувствовать тот неведомый вкус к отдыху?..

Шишки отлущили последние орешки. Я сдержал данный себе обет и двинулся вниз. Усталость упала как-то разом, как я спустился на берег и разглядел их. С трудом перешел по бревну, проковылял по камням к палатке. Меня заметили. Подошел, ждал хотя бы дежурного вопроса - "как дела". Вопроса не последовало, или я его не расслышал. Сказал сам - "все нормально",- подумал - "Где ты, леший?"- и рухнул в палатку на пену. Моментально сон скрутил меня, намертво подмял под себя, и я провалился в его теплое беззвучие.

Проснулся. На улице кричали - к столу. Вышел, уселся в ожидании наполнения ковшика. В углях костра шипели свежезажаренные шишки.

Ел как-то медлительно, вообще, хоть и отдохнул за время сна, резко или быстро двигаться не хотелось, ловил себя на замедленности движений.

— Что-то ты чересчур загадочный пришел,- заметила Братчикова.

— Ну, и что?

— Да нет, просто загадочность как-то больше девушкам к лицу. Спорить было лень, да и не о чем. Пришел, и пришел. После еды вкратце рассказал, что и как, что нормальная дорога на полтора часа хода, а дальше стоянка и, по-видимому, тропа.

Вечерком мы с Артемом перешли Вижай на осыпь на левом берегу, так, посмотреть, а Витю я попросил прогуляться чуть-чуть вниз по течению - я просил и утром, да он забыл - и оглядеть, нет ли там чего интересного. Он пошел с Братчиковой, и мы с Артемом старательно прислушивались с другого берега к медленному, чрезвычайно медленному передвижению точки хруста валежника. Объяснено это было потом тем, что Настя пошла в кедах.

А мы сидели на лапах небольшого кедра посреди осыпи и вели беседы о жизни. Темка рассказывал о школьных делах, строил планы на техникум, куда он только что поступил, жалел, что в поход вместо Юли Гальченко не пошла Наташа Мазур, к которой он был несколько неравнодушен, а по поводу Маленькой отпустил пару комплиментов, что с ней ни поговорить, ни… ну, сам понимаешь. В последнем я и сам убедился. А с Наташей произошла целая история - я бы ее взял, но она поздно запросилась. Разработали целую операцию по удалению Гальченко, но Мазур даже не начала его осуществлять, я так и не понял, почему. А операцию, не без моего участия, продумали так, что сидеть бы Юле дома, хотя, как выяснилось, я нечаянно заложил туда пару заведомых промахов. Конечно, из всего разговора критические комплименты я запомнил лучше всего…

Хруст на том берегу вернулся в лагерь. Уже?- удивились мы, и поспешили туда же. Разведчики вернулись ни с чем.

На ужине открыл референдум по поводу *а не сделать ли нам еще дневочку*, исходя из внезапно открывшегося солидного запаса продуктов и желания контингента не выходить так быстро из лесу. Контингент с удовольствием отдыхал, а я не имел ничего против - мне же все растолковали. Референдум с радостью поддержал мое предложение. Потом информировал всех, что завтра пойду снова и прямо попросил Артема сопровождать меня. Он согласился. В этом плане он парень хороший, если просить, не отказывается. А одному вторично мне гулять не хотелось: вроде бы мы все с лешачком обговорили.

После дневной разведки пришло какое-то странное успокоение. Мне было все до фонаря ворота, или просто до фонаря, наступило какое-то блаженно-безразличное состояние, пребывать в котором, к моему стыду, было весьма приятно. Ощущение, будто одной ногой я тут, а другой - уже где-то далеко. Одна нога, как в анекдоте, в Москве, другая - в Петербурге, а сам я в районе Бологого, а там такая дыра…

Пели песни. Достал фотоаппарат, сказал - "Товсь!"- и с рук на трех секундах сделал удивительно неплохой слайд.

"Больше,"- см. хронометраж,- "я почему-то ничего не помню!"

15 августа, вторник.

Дежурные: Филиппов (не дежурил) и Гальченко.

Дневка - ура!!!

Встали в десять часов. Позавтракали. Андрей и Артем ушли в разведку.

Ходили почти шесть часов, ушли за обнаруженную мной стоянку на правый берег, поблуждали, нашли тропу, пробежались по ней с километр, убедились, что тропа хоженая, недавно тут бывали люди, колотили шашки; на стоянке поели, оставили лешачку заначку. Около стоянки насобирали штук сорок сколоченных кем-то шишек, сховали под корни на стоянке. Вернулись в лагерь, Артема я невольно здорово утаскал, он свалился в палатке, как подкошенный. На него стали наезжать - что, мол, не дежуришь!- я ответил: отвяжитесь от ребенка, если сами весь день груши околачивали, ничего, подежурите,- и помог сам.

Юля П. и Слава тоже пошли в разведку в лес по реке.

Попросил Славку, дав карту, поискать тропу, обозначенную на карте. Злые языки утверждают, что далеко они не ушли. Сам Семененко уточнил, смущаясь,- километра на два отошли.

Настя, Витя, Юля Г. ходили сшибать шишки (с последнего дерева Витю пришлось снимать Насте). Тут же мы насобирали грибы.

По слухам, Бестужев висел в полутора метрах от земли и орал, что он упадет и ушибется, и Братчикова изобразила из себя подставку.

Пришли в лагерь, сварили обед, пожарили на крышке грибы (во!!!)

Нам не оставили…

Вскоре подоспели все остальные. После обеда Юли чистили грибы. Ужин был очень вкусным.

Но, по слухам же, грибы, потушенные за ужином с кедровыми орехами, существенно уступали аналогичным за обедом.

Затем ели шишки. Легли спать в 12.00 (*имеется в виду 24.00*), но очень долго не могли уснуть, т.к. Артем проводил ночь поэзии.

У меня случилось чудливое на букву "му" настроение, и я долго болтал с ним о всяких горновыработочных работах, а потом уже он орал непотребные частушки, пока Бестужев его не закрыл.

16 августа, среда.

Дежурные: Бестужев и Пономарева.

Ночью Витя, спавший, по обыкновению, в трусиках, сверкая выскочил "на двор", прибежал, трясясь от холода, и залез обратно. Я мерз всю ночь: слишком много места мне оставили.

8.00 - подъем дежурных

Я вылез вслед за ними, совершенно не в кассу, как говорят, чем Витя и воспользовался и залез обратно, оставив на меня костер. А потом и Юля, спросив: "Помешивать умеешь?"- исчезла за ним. Пусть их, подумал я.

9.47 - общий подъем

То есть я заорал: "Порево готово!!"- и долго ждал, пока все вылезут, поедят, подурят вволю и соберутся. Но не торопил особо: спешить некуда, часа за три мы до найденной нами стоянки дойдем с гарантией.

12.50 - выход, переправа - 12.56 - 13.10 - подъем (на гребешок) - 13.28 - I угол.

Там, где я "не верил" и лазил по кустам на восток.

13.39 - 14.22 - I стоянка, перекус.

Перекусили на "моей" стоянке с горячим чаем с брусникой, потом мы со Славой сходили, наладили переправу по бревну. Дошли до этой стоянки мы быстрее, чем я ожидал - отдохнули за две дневки.

16.13 - 16.25 - переправа - 16.54 - II стоянка.

Та, докуда мы дошли вчера с Артемом, последняя стоянка в этом "кусту". Там были кем-то заготовленные дрова, мы ими не совсем вежливо воспользовались.

А.З. и А.Ф. - разведка

Убежали почти на восемь километров, хотели достигнуть Кула, немного не дошли - здорово устал Артем, да и я тоже. Для интереса засекли: то, что мы пустые пробежали за семь минут, на следующий день под грузом шли 18 минут. Вернулись, набрав по дороге грибов, Артем как стоял, так упал.

20.00 - ужин
23.00 - отбой
Переходы: 3
Время: 2.20
Раб. время: 4.04

17 августа, четверг.

Дежурные: Затонский и Братчикова.

7.30 - подъем дежурных.

То есть вылез я, с удовольствием экспериментировал с разными типами костров, пока закипало - перепробовал и "колодец", и "звезду", и "шалаш", и все, что смог придумать. Потом разбудил Настю, она засыпала рожки, сказала: "Помешивай, я сейчас,"- и полезла спать дальше.

8.45 - 9.35 - общий подъем, завтрак, сбор вещей.

Пятьдесят минут занял процесс вылезания из палатки. Потом я, уже поевший, вскипел из-за чего-то мелочного, наговорил грубостей, забыв простую истину о, пусть даже односторонней, любви к ближнему, был по-черному зол и со стороны, наверное - вернее, несомненно - противен.

11.07 - 11.25 - встреча

Чуть прошли и увидели мужичка, ловившего рыбу. Спросили, откуда. Машина, говорит, в двадцати минутах ходьбы. Подвезешь? - Какой вопрос. Тут дорога левым берегом, так вы на тропе не пластайтесь, там легче.- Черт, вся вчерашняя разведка коту под хвост.

11.48 - переправа, подъем - 11.52 - дорога.
12.10 - 12.32 - мост через Вижай.
12.39 - переправа - 12.50 - 14.41 - дорога

По берегу, по заросшей дороге, дошли до выхода дороги к берегу, перешли по бревну, дальше по дороге правого берега еще с километр, и спохватились, что машины нет. Витя со Славкой сбегали вперед в разведку. Остальные валялись на траве, устали. Разведчики машины впереди не обнаружили - мы обошли ее по дороге, она осталась позади, стояла прямо в реке.

14.26 - 14.41 - правый приток - 14.58.

Сели перекусить, жевали и думали, куда запропастилась машина. Потом чуть прошли, тропа потерялась, побродили, ища ее, и услыхали рокот мотора. Подошел "Урал" с отпускниками, омскими геологами, и они согласились подбросить нас с полдороги, а потом, когда на полдороге Бестужев торжественно вручил пузырь, довезли до конца, до Тохты.

17.05 - машина
17.15 - Кул
18.20 - Тохта
19.41 - машина на Вижай
0.43 - отбой.

На Вижай уехали случайно, пошла машина, и майор, начальник зоны, подсадил нас на нее. В Вижае устроились на ночлег в общежитие школы-интерната, а наутро укатили в Ивдель и дальше, поездом, через Гороблагодатскую и Чусовскую, в Березники.

На этом хронометраж похода заканчивается.

… Машина летела по желтой пыльной дороге от Куловского моста, взбираясь на водораздел между Кулом и Вижаем. Шофер не жалел газу, могучий мотор ревел, колеса пожирали километры - нам бы так ходить, как она ездит. Я сидел на борту, у окончания фургона, навеса, занимающего полкузова. Солнце медленно падало за далекие уже горы. Они казались отсюда, с увала, маленькими и игрушечными, хоть и тянулись на две трети горизонта. Чистопа видно не было, но все остальные темнели на фоне заката четким контуром - и Ойка, и Молебная, и совсем далекий тысячник на Вольховочном.

Всё. Последний день нашего пребывания в чудесном краю завершался. Еще поворот, и горы скрылись за частоколом деревьев, в облаках желтой густой пыли, окутывающей дорогу за нами.

Цивилизация приближалась. Понедельник начинается в субботу. На неделе бывает семь пятниц, не случается только нескольких понедельников, и хорошо. Зато каждый неповторим, каждый откладывается в памяти дорогими, бесценными, благословенными воспоминаниями, прекрасными, как все горы на фоне уральского заката, нежного и светлого, как поляна, поросшая иван-чаем на фоне этих гор, как дорога по краю поляны - длинная, очень длинная дорога, ведущая от субботы к понедельнику.

ноябрь 1989 г.

Глава 4.

Тройка с минусом.

Рассказ о реальных событиях, содержащий

исключительно мысли вслух.

1990 г.

Боже милостливый! Дай мне смирения, чтобы принять то, с чем я на могу бороться! Дай мне мужества бороться за то, что я могу изменить! И дай мне мудрости, чтобы я мог различить эти два случая.

Мысль 1. Начало.

Не дай нам, Господи, опять
Такие дни переживать!
/Эпиграф к ненаписанным "Запискам походника"; взят из английского фольклора и относится к смутному времени, когда мирным английским землевладельцам ретиво досаждал благочестивый Робин Гуд./

Господи, как надоедает поезд, если ехать в нем долго, очень, ну, очень долго! Как надоедает покер, если играешь по принуждению, чтобы скоротать время! Я боюсь сказать - убить, ибо время мстительно.

В плацкартном купе весело смеялись четверо. Я, пятый, лежал на нижней боковушке лицом к стене и еще секунду назад бездельно спал, поскольку делать было нечего, но кто-то - да Настя, по-моему - вспомнила расхожую у нас шутку и ласково пропела - ясно, не мне:

— Гюльчита-ай, открой личико!

— М-м-м-мы-ы-ы?- хрипло сказал я, как можно басовитее и повернулся лицом - господи, такое лицо б закрыть, а не показывать - снулое, опухшее после сна - к обществу. Общество с удовольствием грохнуло хохотом - Гюльчитай нашлась!- и я сально и широко улыбнулся, а вернее, улыбился. Мне было хорошо. Поезд несся к желанной цели, вокруг сидели хорошие люди, и мне было хорошо.

Тяжелый славкин рюкзак, цепляясь привязанной снизу палаткой, никак не хотел вылезать из двери вагона, как ни корячились мы с Артемом. Сам Владислав Валентинович Семененко, курсант-пограничник, за полчаса до Котласа был отослан из пятого вагона в девятый - по слухам, тот останавливается как раз напротив касс. А мы, наконец, выперли рюкзак и поволоклись к вокзалу. Оказалось, мы не одиноки: станки и бобы виднелись тут и там, но под ними шествовали солидные люди - Боже, куда нас несет! Здесь такие волки странствий, капитаны перевалов, маститые и бородатые, и смотрят - а, пацаны…

Заскочив в кассы, битком набитые народом, по привычке глянул в хвост огромной очереди - никого. Славка стоял от окна четвертым - специалист. Если б не он, не уехать нам оттуда сегодня.

Двина в Котласе приятна на вид. Вокзал железнодорожный и вокзал речной делят одну площадь с неизменной статуей Ленина, здесь же, кстати, и автостанция - все удобства, только аэродрома не хватает. В пять минут мы - я, Славка и Артем - дошли до пристаней, побродили, потом привели девчонок, болтали и фотографировались. Река неширокая, по сравнению с Камой, но почище. На том берегу невысокой стеной бор - коренастые с пышными вершинами сосны, и леса до горизонта. Справа, вниз по течению, широкая излучина. Оттуда пришла "Заря", на полном ходу встала лагом и, описав изящную дугу, воткнулась бортом в дебаркадер. Со всех сторон - чайки, чайки; на площади они, вперемешку с голубями, что-то склевывали с газонов.

Вагон поезда вскоре снова всех утомил. Разговоры утихли, о картах и не вспоминали. В окно било светлое северное солнце - подъезжали к Микуни, уже Коми. Славка прилег на нижней полке к Свете Шалапугиной и ласково обнялся. Меня на верхней полке слегка покоробило. Четко вспомнились картины прошлого похода и недавний разговор в Кирове, где я, как-то выбредя на эту тему, услышал от него:

— Ну, я-то уж точно мерзнуть не буду…

Ладно. Пока ладно. Заткнись и облаголичься. Господи дай мне пока что смирения!

Вокзал в Печоре, четыре утра. Играем в покер - а чем еще заняться? Артема только что научили, он сидит покачиваясь, с трудом фокусируя взгляд на веере карт.

— Одну… нет, две.

Заглядываю на правах консультанта - семь пик, король и дама бубей и по мелочи. Сдано девять.

— Тема, не мало?

— А?.. А, ну тогда… шесть.

— Эй, Темка, не спи - думай, а?

— А сколько надо? Четыре? Ну, давай четыре…

Маразм. Ночь существует, чтобы спать, а усни-ка тут, на скамейках с поручнями между седалищами. Откидываюсь головой назад, сползаю вниз по спинке - сплю. Сквозь сон слышу, как обсуждают способность нашего Карацупы - Семененко - щемать в любых условиях и веселый возглас Артема:

— Э, а Косоруба-то уже отъехал…

Кой черт дернул Витюшу взять билет на поезд, который опаздывает к последней "Заре" до Аранца? Мы со Славкой прослонялись час по берегу около речпорта, пытались договориться, уехать часа в четыре вечера. Никто не берет. Не везет - так это называется. Что ж, поплывем завтра утром - Господи, дай мне смирения, у меня его явно не хватает.

—Ребята, вы туристы? Кто у вас руководитель?

— Я.

— Можно поговорить?

— Пожалуйста.

Дальнейшие три часа я тесно общался с местным туристом, Валерием Сухаревым, по поводу того, откуда нам заходить в район. Проходить с тяжелым стартовым грузом аранецкие болота он нам не советовал. Просто он тут был недавно на базе Вангыр, где сейчас кооперативная турбаза с вертолетным сообщением: приходят туристы, которые идут болота шесть, восемь дней. Очень мокро в этом году. А отойди 28 км по кожимской дороге - хребет Обе-Из, Заячьи горы, и на Кось-Ю, ближе не придумаешь. Карты, посмотреть, нет, но дорога мне рассказана точно и очень эмоционально. Чувство и логика сговорились; уговорил остальных теми же фразами, которыми уговорен сам. Покупаю набор крючков, леску, едем на вокзал. Ждем тот же поезд, каким приехали. Бог мой, мы здесь потеряли сутки!

Сумерки. Ночи здесь почти нет, темнеет в 23, светает в 2, и это август! Поезд плетется небыстро, хоть и скорый. Я пошлялся, умылся, откровенно немного потянул время. Пришел из своего купе в соседнее, где наверху спал Артем, а внизу слева - Светка, а справа - Витя с Настей; присел на полку.

— Я у тебя тут умещусь?

— Не знаю, наверное…

Мысль 2.

Только дурак учится на своих ошибках.
Мудрый учится на ошибках других.
If anything can go wrong,it doez[5].
Нет худа без добра. А наоборот?

Жарко. Очень жарко в палатке, когда ее насквозь - через брезент, через алые, почти прозрачные для такого излучения стенки - пронзают палящие солнечные лучи. И душно. И дверь открыть нельзя - мошка лезет даже через сетку, ничем не удержишь. Витя с Настей - на улице, мы, вчетвером, внутри; долго смеялись, толкались, укладывались, выскакивали поголосовать проносящимся мимо машинам, которые и не думали останавливаться на шестом километре кожимского тракта, чтобы взять нас и везти дальше. Наконец, окончательно разомлев, пропитавшись влажным душным жаром с припахом болота, засыпаю.

На машине приятнее всего ездить именно так - стоя у переднего обреза кузова, широко расставив ноги и глядя вперед над кабиной. Тем более, если сидеть и негде, и не чем - отсидел за полста километров энергичной тряски. Вокруг - красота. Проехали Саледы, величественную горную цепь; машина долго лезла, надсадно рыча мощным мотором, а вокруг плыли фантастические сбросы и осыпи, чаши каров и зеленые лбы, болота и редкие деревья. Воистину, стоит заезжать в горы Приполярного именно по кожимской дороге - как вводная лекция, смотри - любуйся волнующими перспективами, раскинутыми по сторонам.

Руководитель тульских школьников несколько растерян. После того, как мы проскочили малды-изовский отворот, я решил - чем возвращаться, покатим, пока везут. Кто не рискует, тот не пьет шампанского. И ты, дядя,- я решил - поедешь: вместе, оно завлекательнее. Уболтать его труда не составило.

Но до Желанной машина не пошла, а переехав Лимбеко-Ю, повернула к Инте. Пришлось выходить на полдороге. До нужных гор 50 км вверх по Лимбеко. До Желанной 52, как потом выяснилось. Рожа у меня натасканно-уверенно-кирпичная. А знал бы ты, дядя, кто из нас больше растерян!

Шофер засыпал мучительно и долго, и, наконец, заснул. Машина на скорости влетела в очередной ухаб, рванулась всем телом ввысь и тяжело рухнула передними колесами в следующую колдобину. Я дремал, но успел распереться и еле удержал Светку, чуть не протаранившую головой стекло. Сон слетел с меня, как пух с тополя. Шофер вмиг проснулся - еще бы!- сказал: "Ну, ты…" - вспомнил о даме в кабине, замолк, подыскивая цензурное выражение, вцепился в баранку, шаря дорогу красными мутными глазами, и, наконец, родил - "распрыгался!…" Утреннее зарево лениво шевелилось на востоке под близкими к горам тучами. Приближалось четыре утра, ехали уже три часа. Шофер прошел с полной загрузкой мимо нас вечером, а в час ночи специально вернулся, разумно рассчитывая на гонорар в жидкой твердой валюте. Погрузились: палатку, как и прошлый раз, не сворачивая, вместе со спальниками бросили на дно кузова, еле-еле упихали рюкзаки. Туляки собирались аккуратнее - у них было лишних 10 минут, пока будили нас. В момент побудки Витя проявлял крайнее недовольство тем, что мы дергаемся и высказывал пожелание доспать и ловить машину днем.

В кабину я полез на правах языкастого руковода - уговорить шофера проехать подальше за Желанную. Тот долго не желал разговариваться, но, когда я свистнул, что сам шоферил на ГАЗ-53, взаимоотношения установились.

На Сана-Воже в кузов забрались еще две группы, за которыми заезжали специально. Светка перебралась в кабину на правах болезной - кашляла. Дорога от Сана-Вожа лучше, чем до него, 25 км пролетели сравнительно быстро, и вот - внизу на том берегу видна уже геологическая база Желанная. Цель.

Идя в этом году в поход и крепко памятуя уроки прошлого, я просил, или хотел, если, скажем, просить не у кого, одного: пусть ничто - ничто! - не сможет испортить мне настроение. Пусть у меня окажется в достатке сил и спокойствия превозмочь все с улыбкой. Пусть время, проведенное здесь, будет вспоминаться, как счастливое. Ибо немного надо человеку для счастья, если он того пожелает.

В Желанной сидели больше суток - сначала решили поспать чуть-чуть, потом - до двух ночи, потом - до четырех… Вечером жарили блины. Долго не получалось, потом потихоньку поехало, как по салу, на

[5] Знаменитый закон Мерфи в оригинале: если что-то может пойти наперекосяк, так и будет (англ.).

котором жарили. Вечер на диво изукрасился спокойным бирюзовым угасанием неба над Малды-Нырдом, отражавшемся в едва-едва рябившем озере. Попрохладнело. Спали крепко, еле-еле в 7.15 встали.

Что такое дурной лом? Это, на мой взгляд, во-первых, те участки, по которым идти - ни уму, ни сердцу, а во-вторых, это ходьба, не приносящая ни капли удовольствия. Одно дело, когда, сбрасывая рюкзак, думаешь о том, как хорошо, что сбросил, совсем другое - как плохо, что снова придется надевать. Игра слов и мыслей хорошо и плохо создает соответствующий настрой с проистекающими скоростью и количеством раз, сколько еще придется этот постылый рюкзак надевать. А когда целый день камни чередуются с березкой и болотцами, да то буерак, то косогор, а по сторонам тянется приедающаяся горная цепь - куда там хорошо! Плохо. Одна радость: подошли к повороту, глянули в сторону истока, и как столп небесной опоры - Народная, а рядом клыки горы Карпинского. Точнее хребта Карпин-Ньер-Иркусей, но это с усталости не выговорить.

Вот где нищета!.. Дорога уперлась в стойбище оленеводов на берегу Малого Балбан-Ю. Все - кусочки дерева, ткани, кожи, проволоки - все в ходу. И все вместе, вкупе с обязательной атрибутикой типа чума, собак и нарт производит чрезвычайно угнетающее впечатление. Дальний берег, прошлый век, одно слово. Лица спокойные и отнюдь не недовольные. Как мало надо человеку, и насколько же он не ценит, что имеет, плача потом лишь по по потерянному.

Здесь морошка, как коврами,
Покрывает стылый камень,
И, конечно, между нами -
холодно.

Что коврами? Морошка? Невиданное на Северном Урале дело. И тем не менее, последний переход привел нас на полянку, где в буквальном смысле некуда было встать от морошки, крупной, сочной желтой ягоды. Конечно, мы ее и за день нащипались вволю, попадалась; один раз я даже чуть было не вспылил из-за траты времени на ее поедание, но вспомнил "зарок хорошего настроения", и Славка как раз подошел с предложением постоять. Нет, он шел хорошо и устойчиво, но Настя, например, несла 26 кг, половину своего веса. Упаси Бог - не стонала и не намекала, но мы что ли слепые? Светка тащила 24, а это ее первый категорийный поход, где там сразу привыкнуть. Короче, я бросил удила, если они у меня в руках и были, и отдался пожирательству. Потом отошли буквально минут десять и встали на обед. Хоть отдохнули. А потом, слава Богу, не поперли туда, куда держали путь сначала, на обход слева небольшого пупырышка (это вылилось бы, как потом оказалось, в серьезные трудности), а потрафили своему нежеланию ломаться и спустились от хребта ниже, к реке. А там - морошка, морошка… Поверх самого сухого на полянке места, где хорошо вставала палатка, ее было столько, что я из чувства бережливости дал шутливую команду: съесть три на три метра ягодного покрова. Съели.

Безделье бывает приятным, когда оно долгожданно, необходимо и не слишком продолжительно. Но меня всегда раздражает ненужное и несвоевременное убивание времени, типичным примером которого является отсидка. Льет дождь. Может и не лить - капает, брызжет… Камни мокрые - какой самоубийца с сорокакилограммовым рюкзаком пойдет перевал? Только не я.

Замечание в скобках: в общевойсковом уставе вооруженных сил написано, что командир должен говорить о своем подразделении в первом лице. Не являясь командиром в полном смысле, все же позволю себе делать так же: уж очень неприменимы бывают другие лица, тем более, когда ситуация от них либо не зависит вообще, либо только односторонне, правом "вето".

Вот и сидим день-деньской в палатке, выходя только помочь дежурному порезать (язык не поворачивается сказать про эти прутики - порубить) дров или принести воды: хитер Витя, и сапог с собой не взял. Вокруг же мокро - ни по воду, ни за дровами не сходить. Господи, дай мне смирения… С пением новообретенного гимна "Не одна я в поле кувыркалась, не одной мне ветер в жопу дул", Витюша в одних семейниках, в которых и спал, выскочил из палатки под серую изморось и, передвигаясь на четвереньках с высоко поднятым тазом, стал сгребать в рот морошку. Мы со Славкой, возвращаясь с водой в котелках, замерли наблюдая. От попадания коленом в лужу или наиболее крупных капель на спину он издавал нечленораздельные взрыкивания и вскрики. Потом рек: "Девки, отвернитесь, я с..ть буду!"- и пристроился в трех метрах перед входом в палатку. В палатке хихикнули и , возможно, отвернулись. Помочившись, Витя бурно ворвался в спальник. Энергичное движение, от которого шатнулась мокрая крыша, вопль: "Настя! Настя!! Грей меня!!!"и все затихло. Мы пошли разжигать костер.

Интересно, есть ли человек, для которого не представляет труда в мокрую погоду из мокрых дров разжечь костер? Добиться слабого шипения во всей кучке лысых прутиков и то - проблема; разговор об устойчивом рабочем процессе и не возникает. Лихорадочно бьется у источника слабого дыма подзадник, слышен приглушенный отчаянный мат, и сколько же радости, когда на нетерпеливо-голодный вопрос из палатки:

— Кыпыть?- можно с гордостью небрежно бросить:

— Та кыпыть, кыпыть…

Вечером пришлось бриться под дождичком холодной водой. Невольным образом заставил Славка. Еще стояли у Желанной, и он весьма неодобрительно высказался про то, что я вечером не почистил зубы: к девчонке в спальник, парень, лезешь - следи за собой. Честно сказать, мало меня раньше волновал такой вопрос. На мое удивление Славка, тоскливо усмехнувшись, заметил, что их просто реже в город выпускают, вот оно и самообразование, вернее, самоокультуривание. Дошли, точнее, дошел, язвительно подумалось, курсант студента учит…

Честное слово, я пытался встать пораньше, отсидка ведь была, встать часа в четыре - вот здорово-то будет… Но - кто не найдет причины для безделья! Во-первых, к окну в эту ночь наш спальник не пустили, не наша очередь, спали в углу. Это я поместил в основу: не мог точно определить состояние погоды, увидел над Карпинского тучу, и будь здоров, спим дальше. Хотя, долго колебался: а может быть, все-таки встать?.. Но сыграло во-вторых: покажите мне товарища, который с удовольствием покинет спальник с весьма хорошим соседством на холодную улицу, где надо из мокрети жечь костер, что-то варить, а потом, рискуя быть обозванным, пусть мысленно, собакой на сене, выгонять ближних своих из столь же уютных мест, долго и мучительно надсаживая глотку или же тщетно выпрашивая свыше смирения?.. Итак, я проснулся в 3.50, честно (поди, опровергни!) оценил погоду и уснул дальше, аж до восьми часов. Лепота, как говаривает Витя…

На правом по ходу берегу озера располагалась солидная и красивая по-своему кальдера - серая сыпуха 45° и круче, и, буквально метр от берега - полочка полупогруженных камней. Логичнее идти слева, там зеленый лоб, и полочка пошире, и огибание, вроде, поменьше. Сказал и почувствовал молчаливое несогласие. Сразу же поправился: желающим разрешаю эксперимент.

На эксперимент отважился Витя, за ним потянулись девчонки и верный Артем. Он их было гнал, но они не гнались. Я обиделся: черт возьми, сомнение в профессиональной компетентности руковода! Ну, ладно… Дико глупо сравнивать нашу со Славкой скороходность и медлительность каравана, включающего тяжело груженных девочек, но - надо ж оказаться правым!- я вломил так, что отстал и Семененко. Впрочем, сие оказалось излишним: мы огибали озеро 22 минуты, экспериментаторы - 38. Экспериментаторши надулись, хотя медленно экспериментировалось именно из-за них.

Поднялись на лоб, где я ожидал поворот направо под перевал. Еще одно озеро.

Отвлечемся. Когда сдают в покер втемную, заказываешь количество взяток, не видя карт, потом лупишься в сданное и тоскливо вещаешь: "А и где же мои пять?!."

Еще одно озеро. Поворот. Направо - каровая каменная стена метров 150…250 высотой, около нас - 1Б..2А, чем дальше, тем больше смахивает на 2Б..3А. А и где же наш перевал?

Мораль: идучи - бди. Кто мне мешал вчера и позавчера посмотреть не на одну схему, а на несколько - много их у меня на подходы к перевалу Кар-Кар! Нет, не посмотрел, и попали не в тот исток. Воистину, if anything can go wrong, it doez.

Мысль 3.

Молчанье - золото.

Какая глупость - подняться на перевал без клочка бумаги, ручки и фотоаппарата! Это я сообразил, когда до седла Кара Карпинского осталось каких-то тридцать метров, а позади лежал мало не двухчасовой подъем. Там, внизу, когда я сознался, что завел не в ту дырку, все помрачнели - тяжело поднимались сюда, что и говорить, а Витюша, сбрасывая рюкзак, мрачно заметил:

— Ну вот, еще один поход накрылся жопой,- после чего я истово запросил смирения.

Тур отыскали быстро, извлекли записку, потом я на куске карты (!), пожертвованном для этого, шилом (!!) славкиного перочинного ножа вытеснил ответ. Он еле читался, но, за неимением лучшего, был сложен в тур.

Внизу, под крутым спуском с перевала, лениво шевелилось Голубое озеро, впереди, прямо перед носом, торчала главная вершина Народной - ну почему я не взял фотоаппарата?

Дул ветер - долго не засидишься. Спуск оказался легче подъема, хотя я как руковод допустил серьезную ошибку - дал разойтись в стороны, поэкспериментировать, на камнепадоопасном склоне. Впрочем, покатись там что, и малая дистанция не спасет: исключительно крупная осыпь. Да и не особенно живая, как в сравнении с другим перевалом потом оказалось. Но когда, еще на подъеме, я обогнал Славку и Тему и обнаружил, что примерно пятитонная плита под ногами играет чуть ли не от дуновения ветра, окликнул их и с форсом покачал плиту ногами, это произвело на них соответствующее впечатление. Так и порскнули в стороны: "Ты что делаешь?! Совсем что ли умом тронулся?.." Трудный перевал Кар Карпинского, я уж больше из пижонства на него полез. Хоть и не тот, а слазить: как так - под перевалом стоять и на нем не побывать!..

Три куропатки. Настолько тупые, что когда в полуметре от них вздыбил каменную крошку удар здоровенного бульника, они даже не взлетели. Мы кидали буквально с пяти метров и не могли попасть. Потом одной курице досталось по голове, она обалдело ею закрутила и остановилась, соображая, где та крыша, что на нее упала. Славка подскочил, занес руку с ножом… Рука повисла в воздухе, а он с растерянным лицом остолбенел, борясь с собой и никак не в силах победить жалость - настолько красиво и наивно-беззащитно смотрелась птичка. Птичка оправилась и упорхнула, а смущенный Славка ("Веришь? Не мог! Не мог!!") просил о его промахе не распространяться, дабы избежать насмешек. Правда, впоследствии он сам же об этом всем и поведал.

Потом Артем поднял в воздух одну из двух, улетевших мало пострадавшими, и охотничий азарт взыграл. Гоняли полуобезумевшую от страха куропатку долго и упорно, потом сошлись треугольником к месту, где она затаилась, и, при появлении мишени, открыли "огонь". Мне, как ни парадоксально, было жалко ее и страшно причинить ей боль. Не убить, а именно причинить боль, не убив. Глупо. Я попал ей в зад, выбив 90% перьев из хвоста, случайно, по-видимому - кидал метров с пятнадцати. Конечно, случайно, с детства меткостью броска не отличался. Добить не успели: она взмыла в воздух и - неуправляемая! - с лету ударилась головой в камень. Головой и со всего разгона.

Когда я подоспел, она еще чуть трепыхалась; из клюва алой струйкой сочилась кровь. Приканчивать ее предоставил Славке с Артемом: дело привычки, но пока я не охотник.

Для начала нас (в шутку?) обозвали убийцами. Я внутри себя обиделся и сел разглядывать карты, пока обезглавленную куропатку за лапки привязывали к Славке на станок. Мертвая, она оказалась маленькой и какой-то куцой. Хотя дело представили так, что Настя с утра желала куриного супчика (это и впрямь имело место), так вот он, супчик,- особой радости новообретение никому, по-моему, не доставило.

Наверное, астрология все же наука. Почему случается день, когда, не напрягаясь особо, топаешь пять-шесть ходовых часов, а иногда - и четыре поперек глотки так, что только б ноги на ночь протянуть? Почему бываешь зол и добр, весел и мрачен без видимой причины, то есть - действительно без причины, никаким анализом ее не откопать? Почему иногда утром идется легче, чем вечером, но это-то понятно, а вот почему иногда - наоборот? Наука…

В этот день шлось исключительно тяжело. Причиной ли тому стали очень тяжелые рюкзаки (мы еще немного подразгрузили девчонок) или наука астрология, но, буквально спустившись до того места, где начали эксперимент с обходами озера, всего-то минут 35, я уже едва ноги передвигал, спина болела, откуда ни возьмись родился кашель. Славка дох. Настя со Светой - тоже. Артем уже дошел до кондиции. Дело осложнялось, как выражался один толстый московский турист, отсутствием хавчика: решили отойти переход и лишь потом перекусывать. Без очков увидал: пора тормозить.

По-моему, Витя был не прав. Он крайне резко высказался в том смысле, что мы дергаемся, непонятно, какой смысл он вкладывал в сие полюбившееся слово, неизменно обращаемое в мой адрес, и что пора думать о ночлеге - очень место хорошее. Хорошим местом он именовал южный берег последнего озера - сплошной курумник до самой воды, реденькие тальнички на склонах и холодный резкий ветер с воды. Я взорвался, единственный, скажем к моему оправданию, раз за поход. Грубо сказал, что еще неизвестно, кто из нас двоих больше дергается и дергает других, что стоять здесь негде, но если он мне пальцем покажет на площадку для палатки и дрова - встанем. Симпатии общества принадлежали Вите.

Суперпозицию выданных мной необходимых условий Бестужев с Семененко искали минут пятьдесят. Нашли - плоская, немного наклоненная плита, поросшая мхом, три на четыре, палатку поставить есть где. Дрова, конечно, еще веселее, чем на прошлой стоянке, но больше я не заедался, выезжая на смирении. Пока суд да дело, перекусили. Во время еды Славка, вернувшийся с разведки, обнаружил под камнем удочку, припрятанную, видимо, каким-то постоянным посетителем этих мест. Удочку решили взять напрокат.

Вечером выпивали. Причин обнаружилось вдосталь. Я кашлял. Витя со Славой искупались в озере с исключительно ледяной водой. Настя тоже, по-моему, поперхивала. Артему просто очень хотелось. Светка, единственная трезвенница, не употребляла из принципа.

"С моря" задувал порывами неприятный сырой ветер; над головами, навстречу ветру, двигались обильные тучи. Начинало темнеть, горы вокруг посуровели и задымились туманом.

Пили самогон производства светиной бабушки, крепость почти 60, на вкус приятен, в голову не бьет. Артем втихую - ну как же! - отлил себе из остальных кружек. Сглотнули. Я, предварительно, помня свой, в обыденной жизни, достаточно трезвеннический настрой и негативное отношение к большинству выпивок и выпивох, осведомился у Светки, пить или не пить - вот в чем загвоздка. Пей, тебе сегодня полезно. Ну, ну…

Закусили сухарями с медом, даром Шалапугиной-мамы. Запили горячим чаем. Девчонки побежали до кустов, то есть "в камушки", мы плеснули по второй. Артем шумел, что мало льют. Братчикова по возвращении пытливо оглядела присутствующих, про себя составила резюме и пригрозила, что будет прятать. Довольная, ироническая ухмылка: нес-то его я…

Скоро начали укладываться спать. Тема стоял у палатки, с трудом сдерживая равновесие: медово-алкогольный букет сработал безотказно. Подошел, взял его за плечи, они законтрились, но зад имел все возможные степени свободы. Девчонки стелили, в палатке уютно горела свеча. Мне захотелось кое-куда, и рядом как раз проходил Витюша.

— Подержишь?

— Мм? Ага!

Вернувшись через несколько минут, застал Артема спящим блаженным сном на земле - не долго же его держали. Тему кинули в спальник, еле стянув кеды и синтепошку. Наутро он утверждал, что был, как стеклышко, придурялся то есть, хотя помнил далеко не все.

Долина Балбан-Ю на меня производила какое-то гнетущее впечатление - безлесная, тесно сжатая высокими горами. А в верховьях ее действие усугубляло озеро - при внешнем его спокойствии, почему-то оно напоминало известную байку о Лох-Нессе, аномальных явлениях и всем с этим связанным. Пред сном разыгралась странная феерия: туман в очередной раз отступил назад, в долину (но как бы облизывал озера языком: лизнет и прячется), небо покрывали тучи - черные, низкие, плотные, и вдруг над Малды-Ныpдом появилось светлое пятно - просвет, может быть? Просвет вел себя странно, медленно передвигаясь то ближе к нам, то к горе Карпинского, потом ушел в лабиринты долины Лимбеко, оставив странное напряженное состояние всем окружающим. Впрочем, напряженное - мягко сказано. В момент залезания в палатку (и разворота просвета к Лимбеко) девчонок и Артема объял страх, беспричинный, а потому еще более неприятный. Ну, Тема напился, Настя - чуть, но Светка-то ни под градусом! Однако ж ее трясло, и успокоительные сказки, рассказываемые мной, долго не могли возыметь действия. Обычно очень корректная, Настя вдруг категорично потребовала, чтобы мы прекратили шептаться и говорили вслух, поскольку в палатке больше двух. Приказ казался странным, но я, опасаясь после самогона обнаружить нехорошие реакции, шептаться на время, пока не вернулись "слева" Витя со Славкой, перестал. Может, ей просто досаждал шепот - действует иногда на нервы…

Светка злилась. Она не привыкла еще к столь высокому уровню околоанархической демократии и наивно полагала, что записи в маршрутке делаются для того, чтобы им в течение похода следовать. Оно, конечно, так, только не у нас. Ну, а раз не у нас, то, когда приготовления к завтраку вследствие витиного дежурства затянулись до после полудня, я, поглядев на погоду, настроение и ища дешевой популярности, сам предложил - а не сделать ли нам дневочку. Конечно, конечно! Приготовился осадить взрыв Шалапугиной - нет, еще не взорвалась, но завтра надо будет провести политработу - незачем ей трепать нервы.

Этот день в моей памяти не оставил ничего, наверное, единственный из двадцати одного дня похода, подъезда и отъезда. В принципе, видимо, он слился со вчерашним так, что не разберешь, когда ловили рыбу, когда пили, когда в кусты - пардон, камни - бегали… Одно слово - отдых за общественный счет. Вернее, за

счет общественного мнения. Собственно, запомнилось одно - ловля рыбы, сдается мне, она продолжалась оба дня, поскольку ели мы ее тринадцатого утром.

Первую рыбку словил Витя. Он нашел хорошее место, удобное для забросок, и вытащил махонькую кумжинку. Гуманизм превозмог, и рыбешка отправилась дорастать.

По одной рыбке дернули остальные представители мужской половины группы. Обнаружилась проблема в том, что крючок, рассчитанный на солидного хариуса, не лез в пасть крохотным озерным кумжинкам, как они ни старались ухватить такую симпатичную мохнатую мушку, юрко дергающуюся под самым носом. А уж кидать все старались прямо под нос.

С этим киданием вышел казус. Светке надоело валяться в палатке. Хрустя костями и пошатываясь, она вылезла, и мы с Темой повели ее учить ловить рыбу. Местечко витино находилось на маленьком каменистом перешеечке, куда надо было скакать по влажным камушкам. Шалапугину вели чуть не под руки вдвоем, и я про себя ужасался: завтра - перевал, как ее там ловить?!

Ну, довели. Покидали, посмотрели, как кумжата приценяются, тычутся мордой в несоразмерный крюк и убегают. А немного погодя на мелешку слева пришло что-то большое - относительно, конечно,- я, затаив дыхание, махнул удочкой… и попал крючком по голове рыбешке. Бедная рыбонька! Она взметнулась на полметра в воздух, чуть не протаранила головой торчащий рядом бульник и со свистом унеслась в глуби. Светка согнулась от смеха и долго не могла разогнуться, настолько смешной показалась скорчившаяся от испуга мало не в кольцо кумжинка. Случай запомнился и долго вспоминался.

В тот вечер собирался дождь, вообще, происходило что-то странное: с низу, с долины, поднялся могучий туман, белесое лохматое молоко. Пришел быстро, предваряемый мрачным затишьем (ни ветерка, ни звука, будто все замерло в напряженном ожидании), заклубился сначала хлопьями, потом сплошным непрозрачным потоком над северным окончанием озера и стремительно накрыл все. Светку уже проводили в палатку и все пытались словить еще кого, но увидали, синхронно переглянулись с Артемом и почувствовали - именно почувствовали, правильнее даже - учуяли,- что оттуда надо стремительно сматываться. Как же мы торопились к палатке!..

— Из-за такого, только из-за этого стоило идти сюда,- с чувством произнес Славка на перевале Кар-Кар. Воистину, он прав.

Начинали, как всегда, долгим подъемом и мучительными после двух дневок сборами. Поджарили и съели кумжинок. Огибались. Слонялись. Короче, собирались.

В районе камушка, где подобрали "в прокат" удочку, появились две фигуры. Мы пососовещались и решили проявить радушие, даже если это хозяин удочки. Посвистели, показали издали кружку. Нас поняли.

Опять пермяки. Что ж такое - уже третья или четвертая пермская группа, не считая нас самих. Однако, неплохо освоен земляками сей район. Руковод пермяков поблагодарил за чай и приглашал в гости - на стоянку у того самого притока, по которому мы не пошли вчера, двинувшись к Кару Карпинского.

Первый переход всегда идется даже быстрее, чем следует. Именно поэтому он отбирает так много сил. Мы добежали за сорок минут до стоянки пермяков, причем весьма неоптимальным маршрутом. Минут семь-восемь, наверное, потеряли - опять меня на траверсы потянуло, вовремя не заметил, как еле заметная натопка скользнула с кручи вниз. Пермяки оказались настоящими рыбаками и угостили наше посольство (лагерь был на другом берегу, и в гости отправились Витя с Артемом) вареной и соленой кумжой, здоровыми и вкуснющими рыбами. Вареную уплели тотчас, даже без хлеба - уж очень хороша была. Рыбка открывается, как книжка, выпадают кости, а вкусное белое мясо потом хоть с какого конца ешь, прелесть!

Светка после второго перехода покраснела лицом и убавила скорость, хотя мы неплохо разгрузились в оставленную на месте дневок заброску, и рюкзаки казались после ранешних весьма легкими. Перешептнулись со Славкой и с шутками-прибаутками отцепили у нее гитару. Правда, по-моему, с прибаутками перестарались. Когда я отвязал гитару и сказал, что сейчас будем петь, а Семененко залез ко мне в рюкзак, вытащил самогон (он забрал его себе - компенсация за гитару) и поправил, что сначала будем пить, а потом уж петь, на нас воззрились с недоумением. Шалапугина потом, поняв ситуацию, говорила, что лучше бы рюкзак взяли, а гитару оставили. Ну, ну - вольно ж шутить…

На сам перевал вылезли относительно легко, он как-то не показался сложным. Задержались, правда - сначала я перематывал пленки, потом Витя со Славкой бегали за куропаткой, пытались повторить суп из "курицы", потом минут пять пассивно ждали, пока Витя вернется из особо дальнего круиза за птичкой…

Скопились все и за один махонький переход оказались на седле. Там расслабились (кстати, зря) и принялись обозревать окрестности.

Слева по ходу перевал переходит в грандиозный кар с отвесными стенами - похоже, как если глянуть в гитару без верхней деки изнутри. Сзади разлилось синее озеро Круглое, спокойное и величественное, ограниченное с юга ниспадающими стенами плато Народной с V-образными снежниками. Спереди, чуть справа, сияло под солнцем еще одно озерко, даже с такой высоты производившее почему-то весьма безжизненное впечатление. Прямо перед нами полнеба закрывали отроги горы Янченко; сама вершина, острая и с предвершинкой справа, виднелась на закатном фоне на левом крыле отрогов. Там, где крутым лбом на севере кончалась эта гора, блестела нитка реки Манараги, и гору Манарагу тоже было видно - еле-еле, вся в белесой дымке. Рядом, в проекции, конечно,- крутая с затупленной вершиной Оленья - под ней, в двенадцати километрах от перевала, растет лес, неплохо б туда сегодня дочапать - так надоело жечь прутики…

Хорошо, когда человек имеет свое мнение. Плохо, когда оно рождается не вовремя. Я шел и трясся, что Шалапугина сверзится с какого-нибудь особо выдающегося камушка, но не имел никакой возможности держаться в зоне досягаемости для возможной подстраховки, ибо она шипела и утверждала, что летать лучше водиночку. Ну, что поделать - таково уж было ее мнение. На первой фазе спуска она так умоталась с непривычки и от неумения, что дальше еле ноги передвигала, а их стоило передвигать поточнее и пошустрее.

Спуск с Кар-Кара вполне тянет на 1Б и состоит из трех этапов. Первый - 30°, местами и круче, крупной сыпухи с падением метров на 150. Он промаркирован и, в принципе, не особо опасен, но после похода мы узнали, что один товарищ из пермской группы полетел там лицом вперед, и его счастье, что рюкзак как-то заклинило - повис на лямках. Счастливчик. Второй участок - плоская, местами с небольшим уклоном, каменистая долина. Чертовски неудобно прыгать с тяжелым рюкзаком с одного бульника на другой, а иные методы передвижения там неприемлемы. Потом долина озеленяется и обрывается к реке третьей частью спуска - 25…35° зеленым лбом с недотоптанными тропками. Тоже ничего приятного - кувыркнешься, долго ни за что не задержишься.

Итак, я прошел по маркировке спуск до плато, немного отбежал вперед и заметил, что Светка идет, мягко говоря, медленно. Пришлось ждать и сопровождать, оказывая моральную поддержку, натыкавшуюся на вполне естественное огрызание. Ибо Кар-Кар летом - совсем не то, что Денежкин зимой, где можно в буквальном смысле работать трактором: здесь, на крупной полуживой местами осыпи, тянуть кого-то за руку?! Безумие.

Уже на самом спуске к озеру, где нас все поджидали в компании с перекусом, она здорово ушибла ногу и совсем повеселела. Однако - великое дело вовремя съеденный обед: лучшее лекарство от любой ходовой болезни.

Ели соленую кумжу, подаренную пермяками. Рыба исключительно красивая, но чересчур оригинальная на вкус. По слухам, готовится она за два часа: утром поймай, пересыпь покруче солью, в обед ешь. Можно и сырую, в этих реках даже грязь стерильна.

Съели, запили. Бог ты мой, опять идти… Впрочем, мне лично шлось хорошо. Наконец, пришло то состояние, когда нога ищет камень сама и помогать ей встать на точку - пустое дело. Но, в то же время, было донельзя обломно передвигать эти поумневшие конечности, и очень скоро я резко сбавил ход - вроде как "пасти" Шалапугину, а на деле - мерзко воспользоваться тем, что она передвигалась медленнее всех. Братчикова с Бестужевым летели, аки на крылах, и прошелестели вперед вплоть до исчезновения из поля нашего зрения. За ними последовал Артем. Настя обладает исключительным чувством пути - как по мелочи, куда ступить, так и по крупной - в какую сторону пойти. Тропу сыскали они с Витей, мы смиренно держались их следа. Семененко экспериментировал с оптимизацией пути несколько в стороне и тоже оказался впереди.

Интересное чувство возникает, когда замыкаешь группу. Сзади никто не дышит в затылок. Спереди не бежит под ноги неизвестность - ее уже прошли перед тобой. Можно чуть приотстать, можно чуть догнать. Впереди встали на перекур - видишь, куда надо доковылять, чтобы передохнуть, это придает сил. Вообще, древние утверждали, что идущий по следам отбирает силу у того, кто их оставил. Да, кстати, рюкзаки впереди перестали перемещаться, застыв в сытой черничной зелени; я подумал секунды полторы, плюнул, сбросил свой чувал и упал в инкрустированные синими ягодами кустики. Хорошо!..

Вечер пропитан тонкой звенящей тишиной. Мы сидим на пятачке прямо около магистральной тропинки, ведущей с перевала, отдыхаем. Светлое, но уже неяркое небо; солнце упало за Оленью, и ее силуэт окаймился серебристой полоской. Воздух остывает, и тело приятно ноет, отдавая прохладному пространству накопившуюся за день немалую усталость.

Из-за такого, только из-за этого стоило идти сюда.

Кусты, много толще, выше и суше всего того, что жгли с начала похода, горели здорово. Я их аж утомился ломать. Давно у нас не случалось такого хорошего костра! После тяжелого дня приятный вечерок оказался как нельзя кстати, и даже Артем, опрокинувший котелок с супом, не в силах был его испортить.

День догорел. Рассыпались золой последние угольки. свеча аккуратно, без чада, погашена. Пришла ночь - да здравствует ночь!

Приятно, когда после вчерашней осени возвращается лето. Оно вкупе с теплым солнцем и безветрием расслабило всех, и все предавались приятному времяпровождению, отдыхали. Трогаться не хотелось и мне - я давил сушащийся под солнышком спальник. Слава купал в Манараге девочек. Витя наблюдал, Тема похохатывал. Лень, все лень…

Против такой черники я устоять не мог и после двадцати минут хода от стоянки - надо же, мы все же сегодня пошли!- упал в высокие кусты с сочными ягодами. Такой черники мы в этом походе еще не пробовали и с удовольствием отрывались минут сорок. Когда не хочется идти - как вовремя черника!

Нельзя быть излишне самоуверенным. Но как же я проклинал свою неуверенность, вернее, неуверенность в правильности собственных решений в этом походе! Это надо ж было - пятьдесят минут просидеть на месте на берегу, "набираться духу" на то, чтобы вымочить ноги переправляясь! Славка гулял минут тридцать вверх по течению, искал место, чтоб пересечь, аки посуху - не нашел. А потом все же решились, то есть я, конечно, дозрел до решения перейти вброд и тут же упасть на ночлег. Воздержусь от комментариев.

Все перебрели хорошо, только у Темы со Светкой, как обычно, все было не слава Богу. Артем долго пытался сохранить сухими внутренние поверхности сапог - не судьба, оказалось. Шалапугина весь очень долгий для нее по времени путь через реку пыталась упасть, у самого противоположного берега ей это удалось. Я, впридачу, неловко потянул за раму рюкзака и, кажется, еще добавил. Настя с Витей, как всегда, работали спокойно и чисто, без задоринки. Славка пижонил - перешел босиком: ногам больно, зато сапоги сухие.

Что за глупая мысль - заниматься психоанализом на результатах переправы!.. Исследование предикторских свойств гущи кофе мокко урожая 1926 года… Тьфу!

Интересный поход: все возникают какие-то новые чувства. В прошлом году, видя завал маршрута, я предложил свернуть с него чуть ли не скрипя зубами. В этом - как бы не с радостью и облегчением. Ей-Богу, случилась в этот день какая-то магнитная буря - казалось, все облом, и ноль - на массу. Ну, вот, опять глупый словесный наворот… Ох уж эти магнитные бури!..

Слушали: о дальнейших планах и перспективах перемещения группы.

Постановили: группа идет в горы лесом без рюкзаков. Рюкзаки лесом не ходят, рюкзаки лесом лежат. Осталось решить - кому идти куда и когда. Спорили недолго: Витя был одержим идеей взойти на Колокольню, а на это требуется явно не один день и, как прикинули, лучше им - Вите, Насте и Теме - завтра устроить баньку, собраться с силами, а остальному контингенту пытаться покорить Манарагу. Ну что ж - ведь кому-то надо и начинать.

Мысль 4.

Fortuna non penis - In manus non renis[6].
Каждому - свое: Богу - Богово, кесарю - кесарево, а *слесарю - слесарево*...

[6] Судьба не … , рукой не ухватишься (лат.).

Гора Большая Медвежья Лапа, или Манарага, имеет в высоту, по разным данным, 1820 либо 1667 метров и бесспорно относится к ряду наиболее красивых вершин Приполярного Урала. Самые стандартные пути подъема на нее проходят по осыпному лбу-выкату, начинающемуся под крайним восточным, единственным доступным без снаряжения, когтем, и дальше по ручью, сливающемуся с рекой Манарага между устьями ручья Буревестник, текущего своим правым истоком с одноименного перевала, и устьем реки Ломесь-Вож. Второй тривиальный путь пролегает по упомянутому Буревестнику через упомянутый Буревестник (или Студенческий, н/к, 1050 м.) по скально-осыпной дуге, нависающей над цирком истока ручья Буревестник, притока реки Капкан-Вож, и далее - по гребню упомянутого же восточного когтя до вершины. По большей части подъема он относится к 1Б категории трудности, последняя же четверть включает многочисленные участки, где совсем не помешала бы страховка, плюс небольшие стенки и кулуарчики, проходимые лазанием, так что в целом восхождение туда, даже если не потерять из виду маркировку и не забуриться в совсем приятные места, обойдется не дешевле, чем в 2А.

Однако, если бы подъем начинался с подъема на перевал! Мой тактический гений, если таковой и существует, вероятно спал в то утро, когда мы, налюбовавшись горой издали, по моим прикидкам стали приближаться к ручью Буревестник. Там я увидел справа - то есть в той стороне, куда нам было нужно - симпатичную полянку с поднятием и решил срезать уголок. Встречаются же дураки на белом свете! "Уголок" обошелся нам в час подъема по лесу без тропы - не особенно и густ лес, но все же - и в карабкание метров 250 на совершенно ненужный нам лоб. А по другому берегу ручья, до которого в тот день м так и не добрались, шла удобная торная тропа…

Вперлись на лоб. Не тот. Шалапугина судорожно заглатывает воздух - ей тяжко. Хоть стихами говори - бедняжка… Славка, как обычно, спокоен и сдержан: не тот, так не тот, доберемся и куда следует.

Спуск со лба несложен, 30° травы с кустами и редкими елками. Мы со Славкой сбежали бы бегом, но Света зело нетверда в ногах - опять потеря времени. Время, время - вот, что мы потеряли; вот, что не дало нам осилить гору в этот день; вот, что, возможно, спасло нас.

День вообще претендовал на моралистичность. Первая мораль уже звучала: не зная броду, не форсируй водное препятствие, надеясь на разряд по плаванию. Вторая: как аукнется не вовремя, так и обряшется, отскочить не успеешь. Угораздило нас на ручейке под тем - то есть не тем - лбом выкопать полкуста золотого корня - гигант, хоть Гиннесу посылай. Обиделся на нас кто-то, наверное, ответственный за Гору и прилегающие веси. И - началось, подумалось мне. Не ошибся.

Нервы - не капроновые нитки. Они тянутся практически бесконечно, но очень болезненно. Их натягивают обстоятельства и люди. По-моему, стоит подробно описать натягивающие факторы, имевшие место на перевале Буревестник 15 августа 1990 года, начиная с 15.55 местного времени. Обстоятельства: нехватка времени - и светлого, и оставшегося до дождя; дождь, приближающийся с долины Капкан-Вожа; неведомость вершины и пути подъема на нее. Люди: …

Людей стояло там трое, и каждый тянул нервы и себе, и соседям, сам того не желая. Светку оставили на перевале - она физически не в состоянии была двигаться так, как требовалось, и она злилась. Мы со Славкой боялись, как бы она не замерзла и не простыла. Семененко боялся поскользнуться на сырых камнях - он шел в резиновых сапогах, я боялся, что он упадет и что-нибудь повредит, и одновременно злился на то, что он чуть-чуть - всего ничего!- отстает от меня, ведь мы бежали к вершине, и нас настигали время и дождь. Однако, кроме специфического разговора, вернее, выражений в разговоре между нами, огромное напряжение ни в чем не выразилось. Воистину: люди, будьте взаимно вежливы!- опять мораль…

Кстати, о выражениях. Спустя время, выяснилась пикантная деталь. Гребни организовали интересную акустическую систему, в результате действия которой Шалапугина, забираясь в рекомендованное ей укрытие, слышала почти все, что мы говорили в течение пяти-семи минут. Виду она не подала, но - имеющий уши все услышит, тем более, когда это противопоказано…

Мы физически ощущали надвигающийся на нас дождь на всем пути его продвижения. И не глядя, можно было уверенно сказать: вот идет дождь - сейчас он будет здесь.

Бурно клубящиеся серые тучи обрушились с белесого неба на близлежащие горы. Где-то недалеко на юге то и дело вспыхивали молнии. Камни и без дождя на глазах склизли и отсыревали, все больше скользили под ногами. Профиль "медвежьей лапы" вдруг плавно растворился в наползающей на нас мути, и капнули первые капли дождя. Мы ушли с перевала в 16.13; это произошло в 16.40. Все. В дождь без видимости 1Б не ходят. Отчаянно матеря и погоду, и гору, и все, что попадало в поле зрения, а тем более,

под каблук - скользко!- в 17.15 вернулись на перевал, где моржевалась Шалапугина. Водные процедуры под пронизывающим ветром - откуда у нее столько здоровья?!

У места изъятия золотого корня Слава потерял свой нож, что заставило нас возвращаться опять-таки не по тропе, а через лес, через место потери, "уголком". На нож я с километрового расстояния от подножия перевала вышел довольно точно, ошибся метров на пятьдесят. А потом мы стояли относительно веселые под хлещущими струями и перекусывали молочной смесью "Бона" с сухарями. Я чувствовал себя как-то даже хорошо в этот момент - странно, правда? Но так уж было.

Плохо мне стало потом, в те три часа, когда, сначала по болотистому лесу, потом по тропе шли к лагерю. Лил дождь. Первое время еще возникало желание увернуться от мокрой ветки, обойти лужу на пути, обогнуть набрякший водой куст, но довольно быстро оно пропало. Шли быстро - ведь домой, к греющему, спасающему костру, сухому, теплому спальнику, вкусному ужину. В животе пренеприятно пошевеливалась наскоро заглотанная "Бона". Она очень просила пить, и там, где она появлялась, быстро двигаясь по кишечнику, становилось сухо и жарко, как в Африке. Эх, так бы на улице…

Артем, в мокром славкином дождевике с котелками, полными ледяной речной воды, выпучил на нас глаза:

— Как, вы уже?..

Настя из палатки оправдывалась: мальчики (читай - Витя) сказали, что по такой погоде вы раньше десяти не вернетесь, а еще без двадцати девять. Да, Андрей, ты говорил, что придете в восемь, но дождь… и мальчики… Бестужев, в неглиже сыто возлежа в спальнике, молчал. И правильно: ведь, номинально, дежурил Артем.

Вот не вспомню, вылезала ли из палатки Настя. По-моему, ей не дали, но она проявляла акустическое участие в приготовлении ужина. Я был зол, как не знаю кто. Изрядно проругавшись, пока одевался во все полусухое - рюкзак, необдуманно оставленный мной перед выходом на Гору под деревом, плохо укрыли, и он изрядно подмок - развел с Темой костер, и мы что-то сварили - кажется, супчик. Славка дико продрог и моментально залез в спальник. Светку я туда загнал, хотя она порывалась что-то делать у костра. Артем мужественно мок до торжественного момента готовности еды и питья, и я был ему очень благодарен за это.

Витя из палатки не вылез. И не собирался.

В конце концов, что я к нему привязался? По-совести, надо отметить два момента в этом плане. Первое. Я не имею никаких оснований упрекнуть его бездействием, поскольку он действовать был не обязан; не могу упрекнуть его неподготовленностью нашей встречи, поскольку дежурил Артем, и никакой дождь это положение не менял; не могу предъявить претензии к тому, что мы эту ночь спали в "некомфортабельном" углу, особо предрасположенном к намоканию, поскольку наступила на то наша очередь; не могу отметить с его стороны грубость и даже резкость речи, как не имевшие места. Второе. Я виноват в том, что, находясь в раздраженном состоянии, высказывал ему необоснованные требования и допустил ряд некорректных выражений в его адрес. Точка. Подпись. Дата: 15.08.90, 20.40 - 23.50, правый берег реки Манарага, базовый лагерь.

И все же мораль, куда без нее: главное (это банально, банальнее некуда, но все же в любой ситуации главное) - "а сам не плошай". М-да, сплоховал. Наверное, премерзко я смотрелся в тот момент: "…обло, стозевно и лаяй." Ох, лаяй…

* * *

Витя всегда тщателен, даже в мелочах, и, конечно, к своему радиальному выходу он готовился долго и со вкусом. Планы у него раскрылись грандиозные, он собирался взять Колокольню, а на обратном пути - Манарагу. Сказать по чести, я завидовал, что отдал такую возможность, ибо дней осталось мало, а одну мою радиалку уже постигла неудача.

Погода не торопила, ежась серыми убогими тучами над головой - от горизонта до горизонта. Надежда оставалась на завтра - вдруг развиднеется. Я единственный раз за поход использовал право более громкого голоса по отношению к Бестужеву, категорически запретив ему - принародно!- лезть сегодня на

какие-либо вершины. Витюша сделал вид, что пропустил это сообщение (именно в качестве сообщения, не более) мимо ушей. Я обозлился и повторил громче. Господи, что у меня за талант - искать, как полаяться?

Провожал их с некоторой тревогой. Тревожили многие обстоятельства. Они пошли со спальником и куском полиэтилена - ночевка без палатки, в общем случае, под дождем, ничего приятного. Бестужев явно не вслушивался в мои советы, кои я, естественно, полагал для него жизненно необходимыми. Больше, правда, беспокоило его намерение за оставшиеся полдня добежать до Колокольни, больше тридцати километров, а то и влезть на нее, а на обратном пути, завтра, зайти на Манарагу. И, конечно, как всегда, меня раздражали всякие мелочи типа того, что они, поимев за время нашего отсутствия баню, нам на аналогичное мероприятие оставили маленький котелок, утащив с собой более тяжелый большой; что они очень долго копаются, собираясь выходить, и без ущемления грандиозности планов; что Артем идет в сапогах, а не в ботинках; что на мое замечание о том, что на Манарагу нужно иметь времени часов пять-шесть, не меньше (тут моему самолюбию помстилось, что он ставит под сомнения мои слова и, следовательно, профессиональную пригодность, я вообще готов был распалиться), последовало невнятное "ну-ну"… Вредно раздражаться от таких вещей, ибо надо различать два основных случая, указанных на первой странице, и делать соответствующие выводы - опять мораль, да что ж это такое…

Воистину, я ликовал, проснувшись утром и узрев невероятно чистое небо, летнее, ярко-голубое, без единого облака. Все доступные по геометрическим соображениям горы видны, как… Сравнение подобрать трудно, разве что банальное - как на ладони. Моей, в метре от глаз. Ура! Немного зная Витю, я не сомневался, что какая-нибудь гора сегодня падет, и непроизвольно вглядывался: не видать ли их на вершине (однако, километрах в 30 от меня)?..

Пожалуй, душевнее дня, чем этот, за поход не случалось. Хорошее настроение поддерживалось солнышком, бездельем и радостью за наших: вечером будем держать в руках записку с Горы!

Светка кое-что постирала, мы натянули веревки, и она вывесила сушиться стиранное, вымокшее вчера на нас и выстиранное Настей вчера, но не успевшее высохнуть из-за дождя. За развешиванием двух одинаковых семейников - Вити и Артема - ее застал вышедший из кустов головной какой-то группы. Группа тщетно и безутешно искала Народную, но упорно не соглашалась с мыслью, что Олений и Северный - это две большие разницы. Окинув близоруким взором диораму белья, он поперхнулся и не нашел ничего более приемлемого, чем выдавить из себя:

— Ребята, вы - водники ?..

Неприятно мыться четырьмя литрами горячей воды, балансируя на скользком бульнике, контролируя при этом непопадание пены в котелок. Ветер дул холодный, вода в Манараге текла - и еще более, кожу я б назвал не гусиной, а аллигаторовой… Ладно, было б куда после "бани" под бочок подкатиться. Славка, чудак, вежливо уединился загорать на пене на бережку…

Представляю свои ощущения, кабы идти по тайге и вдруг узреть обнаженную натуру! Данное происшествие чуть было не случилось во время Шалапугинской помывки, когда мы с Семененко шукали грибочки по близлежащему подлеску. По ее словам, она рекордно быстро облачилась во штаны и, прикрывая полотенцем необходимый и достаточный минимум, дала консультацию вышедшей на противоположный берег группе по поводу достижения Манараги, после чего группа (шесть здоровых мужиков с бородами) с вытаращенными глазами протрещала по лесу дальше, не рискнув после увиденного переправляться здесь на наш берег.

Ждать - неприятно. Даже если ждешь электричку, следующую в графике по надежной железной дороге, конечно, когда в ней небезразличный тебе человек. Неприятность удваивается, утраивается неизвестностью, если электричка (или не электричка совсем) идет (плывет, шагает) неизвестно откуда и неизвестно, когда появится.

Сначала попрохладнело - еще мылась Светка. Потом солнце явно начало падать, похолодало, лесные тени вытянулись и зримо налились подступающей ночной тьмой. Потом солнышко и вовсе закатилось, и только пышущее прохладным светом северное небо неярко освещало долину. Костер старался вовсю, поджаривая грибы и доваривая суп или кашу - уже не помню. Ночь неспешно, но быстро прибрала к рукам лес и скрала дальние горы, утонувшие в серо-бирюзовой дымке, языки пламени набухли жарким оранжево-красным цветом, угли подернулись синей пленкой пламени, яркое теплое мохнатое пятнышко

становилось центром местного мироздания, единственным добрым живым существом в холодном влажном и глухом к крикам лесу, а они все не шли.

Первым показался Артем со зримо обтянутыми кожей лица скулами, пышущими жаром, потом скромная спокойная Настя и большой уставший Витя с рюкзаком, тоже большим и аккуратно уложенным. Дальше все закрутилось каруселью и слилось воедино, осталось только общее ощущение, вернее, несколько ощущений. Витя, очень довольный, часто величал спутников мамонтами соответствующего пола и возраста и несколько раз повторил, что с такими людьми можно большие дела делать. Мамонтиха Настя больше молчала и светилась от радости, временами тускнея от усталости. Чай вскипятили махом - не зря днем свалили со Славкой и превратили в кондиционные дрова сухую елочку. Мамонт с мамонтихой от еды отказались, попили чаю и нырнули в спальник.

Мамонтенок Тема трещал без умолку, живописуя одновременно то, другое и третье, с полузакрытыми от уморения глазами торопливо выхлебал миску и с рвотными порывами потопал в сторону палатки. Тут-то его и скрутило, ни встать, ни разогнуть, вот она, усталость. Честно говоря, я испугался, но нащупал ровный пульс, послушал дыхание, более-менее успокоился и выдал целеуказание Славке - подпоить. Ну, то и подпоил - грамм сто чистого, тоже мне, лекарь… С этакой дозы Артем чуть не покрасил все кусты, но потом, как отошло, всю ночь вылезал из спальника и раскидывал бесчувственные конечности всем на физиономии - жарко ему было…

Они взяли Манарагу, честь по чести, хотя и переперли неизвестно зачем все каньоны, завершающие зубцы Горы. Во мне заиграло единственное, ни в коей мере не поддающееся смирению, чувство соревновательности. Или зависть, по-простому говоря. Не терпящим возражений тоном, отдал приказ - завтра первой группе вторично штурмовать Гору.

Гоголь бесконечно мудро определил две основные беды России: дураки и дороги. Страшно представить, насколько же бедоносен дурак на дороге!

Мало того, что теперь мне стало недостаточно Манараги за день через Буревестник по знакомому уже пути, так я еще и поперся через Тулу на Могочу, надоумил меня нечистый снова "уголок срезать", по карте - пара километров в нашу пользу. Польза - пользой, а и накушались же мы, огибая гору Оленью траверсом склона по хорде к изоклинам! Спустились к Оленьему относительно легко, только опасались всевозможных ям, коими склон изобиловал, и скрытых под развесистыми травами камней; а вот подъем к тому спуску оказался… Ну, да ладно: прошли, и прошли. Маленькая гордость: несмотря на всяческие ухабы и колдобины, тщательно маскируемые густым мшистым низкорослым лесом, мы практически не отклонились от взятого на перевал Спартак азимута.

Интересное наблюдение: чем меньше перевал упоминается в отчетах, тем менее удобен он для прохождения. Наблюдение подтверждено попыткой прохождения перевала Атджайляо на Западном Тянь-Шане, где девять километров подъема с уклоном 1:8 отняли день хода и море сил. Так и со Спартаком: 1А-перевал содержит с одной стороны восемь валов типа моренных, только очень крупноосыпных, а с другой - 45°-ный спуск. До 1Б его не повысили, вероятно, из-за пологости с одной стороны и наличия редких зеленых проплешин на другой. Систему валов преодолевали почти два часа, считая от подножия, в основном, конечно, из-за Шалапугиной, поскольку Славка прыгал с камня на камень весьма шустро пожалуй, побыстрее меня, а Светке хоть и понравилось, по ее словам, ходить по особо крупным шифоньерам, двигалась она медленно.

С перевала налево, со стороны истока Капкан-Вожа, углядели какое-то явное седло, не отмеченное крестиком перевала на карте. И опять не шлось чудакам (чудаку, мне, то есть) по-человечески, понесло на первопер: нет ведь перевала на карте? Нехай будет!

Когда я здорово устаю, начинаю, что называется, по ходу экономить "на спичках". Поставить ногу на сантиметр дальше вперед. На процент удобнее. На градус вернее по курсу. Не потерять десяти сантиметров высоты. Не набрать двух лишних. Срезать пологий уголок. Какая скучная, хотя, может быть, и необходимая иногда рациональность!

В этот день все, исключительно все, делалось нерационально. Срезали "уголок" на Оленьей. Пошли Спартак. Сделали первопрохождение. И дальше - на Горе - поступали, местами, исключительно неэкономично, но зато как интересно и - банальны слова, что делать!- с душой!

Седло - ничем не примечательная милая н/к-шка из тех, что берутся легко и редко ведут туда, куда хотелось бы. Тур действительно не обнаружили, и я нашел в себе наглость объявить нашу нерациональность первопрохождением. Соорудили пирамидку из камней, торжественно вложили записку в полиэтилене примерно такого содержания:

Придурок! Коль уж ты сюда вперся, невесть что тебе здесь занадобилось, знай, что сей трехсторонний перевал первопройден нами и назван Обманщиком в силу личных обстоятельств. Группа из города Березники… и так далее.

Я сбегал на отрожек посмотреть вперед, чуть не навернулся, зато обнаружил явное несоответствие отрожка с картой. Пока я ползал, Семененко с Шалапугиной обсуждали животрепещущую проблему - а не закатать ли им в новенький тур и руковода, и не топать ли домой, покуда живы. Бедняги! То были еще цветочки…

Однако ж мне пришлось шустро сбежать вниз по сыпухе рысцой - грозились побить за голодность и холодность…

К моменту выхода на Буревестник я включился в такой режим, когда все уже до поясницы, но глазки пока не в кучку - интересное состояние, при котором, случается, и рюкзака не ощущаешь, и ботинки не трут. Жаль, продолжительность его невелика: на сей раз оно улетучилось вместе с плиткой казинаков; остатки развеял всепроницающий сквозняк, старательно вылизывающий седло перевала.

Осмотрелся окрест. Славка, весь какой-то напряженный, всухую сжевал подкормку, резким движением метнул в рот крошки и, казалось, еще больше натянулся и осерьезнел. Ему явно хотелось рвануть вершинку, что возможно было лишь при повторении оставления дамы на перевале. А еще он замерз и был голоден (что те казинаки! одно слово - семечки!) и слегка раздражен, что, в силу врожденной интеллигентности и уравновешенности, не проявлял.

Светка тоскливо бодрилась и старалась выглядеть, как ни в чем не бывало, всем своим видом отражая суровую реальную готовность к восхождению, и изредка жалобно напоминала - вот, не взяли меня тогда… Оставить ее бы надо было, но, во-первых, меня удивило то, что, буквально умерев позавчера на одном перевальчике, сегодня она прошла уже три - между тем, все еще жива, а во-вторых, это просто было выше моих душевных сил - сказать: "Вон там - видишь?- щелка, забейся туда и не высовывайся". Будь, что получится.

Подъем на Гору оказался сродни тем снам, в которых все время от кого-то убегаешь, прячешься, скрываешься, а не знаешь, от кого - и страха вроде большого нет, а некоторый дискомфорт все-таки ощущается. Все смешалось на том подъеме: и домоподобные бульники, и потерянная маркировка, и убежавший куда-то вперед водиночку Славка, и испуганная, жмущаяся к скалам Света… Мы лезли в лоб по скалам, я подсаживал ее вверх на лбы, в двадцати метрах от тропы, боялись за урвавшего Семененку, терялись в лабиринте каменных наворотов…

Вот они, зубцы Манараги, черные, жуткие в дымящемся снежными иглами морхлом холодном облаке и жутко красивые. Площадка - метр на два. Триангулятор. Таблички:

"Группа такая-то…" "Группа такая-то тогда-то…" "Такой-то, погиб тогда-то, памятник установлен…" Высота 1820 - первая светкина вершина, вторая - славкина, третья - моя. Нас ощупывает влажный холодный пар дыхания Горы, в котором глохнут слова и вязнет взгляд - куда его не кинь, так, что кажется: внизу - бездна, вверху - бесконечность, по сторонам - неизвестность.

Первый раз на вершине я физически ощущал высоту, вернее, количественную сторону сложного понятия "и как же высоко мы забрались!", хотя высота несравнимо уступала тем, на которых я бывал. Может быть, дело в том, что я впервые, наверное, понял, что в горах есть где разбиться, когда по полочке - маркированной! - шириной 60 см с наклоном от скалы огибал 120-градусный уголочек выступа горы и видел, что 50 метров вниз я, случись чего, пролечу беспрепятственно, а там видно будет - молоко, хоть глаз коли. Да, мы забрались высоко, глотнули самого чистого на ближайшие 20 километров воздуха, и пора было идти вниз.

Семененко все время убегал вперед - ох, уж этот Семененко! Его иззябший взгляд укоризненно скользил по Шалапугиной, останавливался на мне и просительно вещал: "Дал бы ты ей раза, что ли,чтоб летела!" А у той от усталости и страха подкашивались ноги, и даже по ровным местам она старалась

перемещаться на четвереньках. И если подъем чем-то напоминал сон ужасов, то сие можно сравнить со сном ожидания, когда чего-то ждешь, а чего - кто ж его знает?

Всему свое время и порядок: двое на бревне - недопустимо, а, между тем, один в поле не воин. Мы разделились: утомившийся поджидать Славка рванул вперед через Буревестник, забрав рюкзак, а мы должны были вдвоем спуститься по кулуару и срезать уголок. Шли, болтали - я в обычной своей манере старался говорить побольше и поувереннее, заговаривал зубы, чтобы легче шлось. Ибо сказано: беседа с попутчиком сокращает путь вдвое.

В кулуар, однако, лезть не рискнули: он оказался крутоват для нас, уставших, и состоял из чрезвычайно живой сыпухи, как и вся гора Манарага, а Светку до сих пор потряхивало от столь свежих воспоминаний. Вот и сыграл свою роль диалектический алогизм "один и двое": Славка-то удрал уже далеко… Ладно, в некоторый момент мы, находясь на гребне, проецировались для него на фон яркого заката, и мне удалось его высвистеть - он догадался, что нас придется ждать долго. Когда рандеву все же состоялось, минут эдак через двадцать, лицо его выражало снисходительно-нетерпеливое томление: "Ну, сколько еще-то?!"

Когда пройдена наиболее трудная часть спуска (необходимое условие) при движении непосредственно в сторону палатки (достаточное условие), наступает слегка эйфорическое состояние, включающее в себя легкость, обманчивые свежесть и бодрость и, временами, придурковатое веселье. Состояние особенно опасно при возникновении неожиданных сюрпризов, ибо притупляет все, что угодно, но у нас сюрпризов не предвиделось, и я чувствовал себя очень хорошо и когда шли по гребню, залитому заходящим солнцем, и когда Семененко, как обвал, катился по тропе вдоль Буревестника вниз - торопились успеть засветло на "магистральную" тропу по берегу Манараги, и когда, уже в темноте, топтали магистраль. Ничто не мешало мне смаковать такое, к примеру, божественное воспоминание, как густо-сиреневая тень зубцов Медвежьей Лапы на золотистых от уже убитой осенью густой невысокой травы выкатах подножий Горы, как резко очерченные глыбы зубцов, будто черные огромные кристаллы в мареве облака, как журчащий под ногами по плите предательский слой мелких камушков - наступишь в них, сердце замирает, а потом рвется вперед, радуясь что это позади…

Стыдно, но я почти ничего не помню из того, как нас встретили: одно несомненно - встретили здорово. Накормили, напоили, спать уложили и ваще. Еще, помнится, ляпнул какую-то наезжачую глупость, и Настя с возмущением заметила, что нас очень ждали, сильно волновались (мы опоздали на два часа с гаком), и на тебе - он (я) еще и ругается! Мне стало стыдно, и я поспешил укрыться в спальнике, где Шалапугина всю ночь "играла в футбол" - набегалась…

Засыпаю, а в голове: "Гора! Эй, Гора! А мы на тебе были!"

Мысль 5.

"…Всегда мы должны возвращаться…"

Don't worry, be happy[7].

Путь домой! Путь домой!
Если мы придем домой,
(а мы придем домой!)
Мы помянем эти горы,
Если мы придем домой!

Был один, скажем, неглупый человек, который все, буквально все жизненные ситуации мог обрисовать двумя понятиями "облом" и "халява" с небольшим дополнением обстоятельств времени и действия. Халяву он считал двигателем прогресса, а облом - индикатором этого движения. Ненаучно

[7] Не беспокойся, будь счастлив (англ.).

выражаясь научным языком, опирался на вероятностные характеристики процессов: повезет - халява, а нет - ну, облом…

Однако, в холодное утро, влажное пасмурное дыхание которого ощущалось даже внутри спальника, стоило только чуть бросить взгляд на окно палатки и увидать сизо-серое рыхлое небо, набрякшую водой зелень кустов, поникшую траву и аспидно-черное мокрое кострище, обрамленное серым причудливым воротничком золы - в этакое утречко вылезать из палатки - облом. Лучше поваляться на халяву в спальничке на пене, поуютнее укутывая бок, обращенный к набухшему брезенту стенки, а другим боком… Кстати, частенько тоже на халяву, другим-то боком, а?..

И просунулась в палатку черная от обморожения (белая от плесени) рука Черного Альпиниста (Белого Спелеолога), и услышали они его леденящий душу голос, что молил дать ему хлеба…

Вспомнится такое, когда, не совсем проснувшись, вдали от всякого жилья, слышишь из-за стенки: "Ребята, дайте сухарика, стосковался!.."

Он ходит в походы один, без еды - обладает какими-то экстрасенсорными способностями, вроде даже Учитель - есть ученики, он, например, за них курит, чтоб молодые здоровье не калечили. Обошел уже все вокруг, что есть интересного - от Россомаши до Манси-Ньер, и сейчас хочет знать, сколько по реке до ближайшей железной дороги.

— Сто тридцать? Ну…- задумался,- дня за четыре дойду, даже за три, если будут ягоды.

Однако…

Я вылез к нему из палатки - поговорить - в одной футболке. Он посмотрел и участливо спросил: "Больной, что ли?"

Поначалу и я, и население палатки отнесло вопрос к моим умственным способностям, поскольку было хладно, а футболка была женская, малая и вся в цветуечечках, по-другому про этот аляповатый букет и не скажешь. Но тут же выяснилось, что он действительно имеет в виду состояние моего здоровья, то есть каким-то своим нечеловеческим чувством уловил, что вчера я много ходил, устал и подпростыл. Уточнив сие у меня, он начал как-то по особому, с усилием, слегка изгибаться в пояснице, проделывая телом довольно сложные пассы с небольшой амплитудой. И - у меня согрелась спина. Нет, все еще было холодно, по коже от стылого ветерка бежали мурашки, но это был уже не тот холод, от которого замерзают до посинения: спина-то теплая…

— А что про нас думает дух этой поляны?- спросил Витюша, когда выяснилось, что он свободно общается с духами природы.

— Да ничего плохого. Ну, траву вы, конечно, помяли, так она поднимется, а ведь специально ничего не уродовали…

Надо сказать, откровенный экстрасенс попался. Все-то про себя рассказал. Интересно, и всем он так? Ошибся только малость - изрек, что дождя в этот день больше не будет, даже полиэтиленовую накидку с клапана "Ермака" снял и вовнутрь спрятал, а стоило ему удалиться, живительная влага тут как тут - капает…

— А в рюкзаке у меня мой домовенок сидит,- интересно, что ж - не с кем дома оставить? Плохо дело. Как же так - дом, и без домовенка?

Как-то этот мужичок (куртка цивильная, синяя японская болонька, джинсы, кроссовки, будто в городе, шляпа с большими полями) вытеснил из этого обломно-халявного дня все остальное. Ну, да на то она и вынужденная дневка…

Вечером ели с Семененко тушеные грибы, натворили их много, а хлеба осталось - вобрез: насыпали экстрасенсу, хоть он поначалу и отказывался,- пусть его хлебушка пожует, путь неблизкий. Да, я же о грибах. Ей-Богу, всегда недостает чего-нибудь. Парадокс: полный котел отменных грибов, и не хватает едоков (казалось бы!..), и не хватает хлеба, и не хватает желания те грибы есть. Зажрались…

А утром, 20 августа, неспешно проплыло над горой Янченко облачко и оставило за собой заснеженные скалы. Больше на наших глазах это снег не стаял - в горы пришла зима.

День выдался ломовой. Перевал средний отмечен на карте, как некатегорийный, но я бы с этим не согласился. Хотя, скорее, сыграл тут роль мой "проходческий" талант: нашел же, где поубиваться! Слушать надо было Бестужева, он сразу предложил - пошли, поднимемся на платушку на левом берегу ручья Среднего, там поположе. Я, тщась умом своим, повелел - идем руслом, нечего лишнюю высоту набирать. Вспомнить Чувал, сообразил бы, что такая высота лишней не бывает. И колебался я, кстати, порядочно, скажи мне тогда Витюша спокойно: "Дурень, очкнись!" - и пошли б хорошо, но он, стоя в двух шагах от меня, сделал вид, что не слышит, и медленно начал движение в сторону платушки. Я, как всегда, по-глупому издерганный растягиванием группы, несвоевременным поеданием черники, и т.д., и т.п., взбеленился и категоричным тоном повторил распоряжение. Потом, карабкаясь уже по весьма неудобному склону на ту же платушку (русло вскоре перегородили водопады - не пройти), расхлебывал: как стало потруднее, Шалапугина вообще отстала, ногу подвернула, говорит, а я ее пас, то есть тоже двигался в арьегарде - неприятно. Впрочем, на мой явный промах никто не бурчал, спасибо всем, а могли бы…

Перед седлом Среднего - красивое спокойное озеро, обрамленное скалами с двух сторон, с других - тундра, очень красиво. И нога прошла, вроде, как поплоще стало… Однако, записки (их в туре два оказалось) снял Витя, далеко оторвавшийся вперед с Темой.

Девочек мы обманули. Пообещали перекус сразу после седла перевала, а там - то воды не попадалось, то дуло, то зелени мало, то камней много… Бедные, остались без перекуса до самой Балбан-Ю.

Я страшно злился на Светку и не знаю, насколько мне это удавалось скрыть. Братчикова спокойно, не торопясь, пилила вверх по склону за Бестужевым, а тут все время возникали какие-то мелкие, но весьма многочисленные проблемы, типа неудачного камня под ногой и тому подобного, борьба с которыми либо не велась напрочь, либо отнимала столько времени… Господи! Дай мне смирения!

А может - мудрости?!

Бестужев пошел круто. Язычок хребта Юас-Ныpд перед нашим н/к-шным перевалом образует выступающий острый угол с довольно крутыми скатами. Я взял курс вниз, под уголок, на зеленки. Витюша, а за ним, конечно, Настя и Тема, попер вверх по выполаживаниям, и, сдается мне, на перевал они спускались через гребень хребта, мало того - сверху, так еще и верную 1Б накрутили на ровном месте.

Хочу сам себя похвалить: несмотря на то, что мы поднялись на перевал на 15 минут позже, в основном, из-за медлительности Светки, так-то мы со Славкой их еще и опередили бы (разболтался! был бы Витя один, видали б вы его пятки издали - скороход!), я на все 100% уверен, что здесь с тактической точки зрения оказался прав. Не то, что на Среднем…

Перевал обозвали перевалом Вебера - в честь бывшего соседа по комнате в общежитии, Витя ему давно пообещал такое, и вот, нашел момент воплотить обещанное. Нехай изумленные последователи расхлебывают сей ребус с именем немецкого физика на Приполярном Урале.

Осенью, в Москве, я по всем правилам выписал Жене Веберу "Свидетельство о поименовании". Женя был очень доволен.

Опять долина Балбан-Ю, опять мрачная, опять под тучами, только близлежащие горы уже припорошены снегом.

Остановились неудачно - на выпуклой излучине, на пригорке - самое ветреное место, и почему только кто-то там стоянку оборудовал? Подходили, далеко растянувшись: Бестужев, собирая по дороге дрова, рванул далеко вперед, я шел замыкающим и на пару с Братчиковой объедал последнюю за поход чернику. С подперевального озера тянуло жестким холодным ветром, а поседевшие вершины казались еще выше и величавее, они неизменно спокойно взирали на нас, копошащихся у их подошв на маленьком клочке мерзлой земли, потерявшемся среди мало не бескрайних просторов Урала, где, если не гора, то болото или тундра с желтой жухлой - осень!- травой.

Полгода спустя:

— Славка, помнишь, как мы с тобой заброску снимали?

— Как снимали, как снимали… Пошли - и сняли…

Взяв оба "Алтая" мы двинулись к Верхним озерам снимать нашу заброску о запихивать обратно удочку, неловко позаимствованную у того, кто ее плохо спрятал.

(Шалапугина вслед сказала: "Сейчас сожрут половину." Братчикова запротестовала: "Ну, что ты, Света, как можно…" Можно, можно…)

Каждый раз вспоминаю эту прогулку с удовольствием. Славка рассказывал случаи из курсантской жизни - он напичкан ими не хуже бравого солдата Швейка, мы двигались как-то легко и приятно, хотя только что, спускаясь с перевала, ощущали явный недостаток сил и оптимизма после тяжелого ходового дня. Я тоже время от времени трепал языком, а, как известно, приятная беседа сокращает дорогу вдвое.

Нет, много из заброски мы не съели. Но пока шли, пока копали около заброски корень (его вокруг росло много, мы, не хищничая, искали кусты покрупнее и ополовинивали), пока разгребали "саркофаг", и я диву давался, как сам сумел этакие глыбы на яму навалить - проголодались. Утолили голод сухарями с сахаром. Хлебнули озерной водички - пить на ходу нельзя, но если только поел - можно. И двинули домой.

Дома ждал приют и барский ужин: наваристый пакетный супчик и манная кашка на второе. Настя все удивлялась: и куда это их (наш со Славкой) аппетит пропал? Света - про себя - не удивлялась.

Палатку укрепляли лихорадочно быстро, натягивая туго полиэтилен и обкладывая по периметру камнями. Ветер внезапно усилился, а был и без того не слаб, и вовсю терзал многострадальную пленку.

Ночью спали плохо, по утренним разговорам вышло, что выспались отчасти только я и Семененко, остальные толком глаз не сомкнули. И правда, трудно спать, когда где-то в вышине (а темная палатка черной ночью кажется практически бесконечной, пока не ткнешься носом в брезент) грохочет артиллерийская канонада, группа аборигенов опробует новые там-тамы и то и дело включается отбойный молоток. Ветреное местечко!..

Люблю финал похода за обильную пищу! Помнится, на Кавказе мы наэкономили на последний обед столько, что после него еле встали, зато как потом пошли!

Завтрак не отличался таким же разнообразием, как ужин, так как готовил его, по большей части, я, и Славка помогал, однако на хорошем ветру при минусовой температуре мы даже умудрились сварить "какаву, да на…" нет, не на сгущеном, конечно, на сухом молоке, но все же… Праздник души и желудка: на пронизывающем ветру (остальное общество рубало в палатке) - кружка горячего напитка и море сахара!..

Я знал, что Витя - ходок скорый, но не настолько же! Он загнал даже Семененку, не говоря об остальных, так спешил. А шлось плохо - долина не хотела отпускать нас, цеплялась за ноги легионом невидимых нитей, от которых ноги становились пудовыми, и рюкзак сильно вжимал в землю, в плотную, утоптанную тысячами туристов дорогу от перевалов верховьев Балбан-Ю к базе Желанной.

Желанная встретила дождем и мозглым ветром с самого большого на Приполярном Урале озера. Поскольку "мамонты" за нас как-то передежурили, последняя варка оставалась за нами, а их направили в поселок, узнать насчет машины - раз, насчет какой-нибудь крыши над головой - два.

Суп практически успел свариться, когда мамонты утомленной походкой прибыли и доложили: машины нет - раз, хаты нет - два, когда что поедет, неизвестно - три. После такого доклада я изрек что-то нелестное, бросил костер на новоприбывших, и мы со Славкой пошли разведывать по второму разу. Через час мы имели информацию о том, что машины могут пойти, поскольку при нас пришел и собирался назад в компании ему подобных бензовоз. Через полтора часа, съев подгоревший суп и вымыв котлы (холодна водица!..), мы все сидели в клубе - оставалось ждать, только ждать.

Светкину голову кидало то влево, на меня, то вправо, на щемающего в углу Семененку. Машину отчаянно бросало, и каждый раз, включая четвертую скорость, шофер бил меня рукоятью по ноге, в самый "автостоп", отчего я съеживался, но ненадолго.

Шофер только что в компании своих приятелей допил литр самогона, презентованный за транспортировку нас до Инты, и был одержим мыслью поскорее туда добраться. Шел четвертый час непрерывной езды. Ниши благие намерения - добираться на одном бензовозе, стоя втроем между бочкой и кабиной, уже казались нелепыми и безумными. А как готовились, как утеплялись!

Дорогу строил еще Туманов, по ней "на речку Вачу", ездил к нему, говорят, Высоцкий. Не зря здесь шоферам деньги платят: ох и дорога! ЗиЛ-131 с мамонтами впереди бросает из стороны в сторону, как щепку на перекате. Что же творится с нашим "Уралом" - шофер наш хуже того, впридачу спит на три четверти, и как тут не спать. Могучий мотор швыряет металлическую махину, из окна которой "Жигули"

напоминают крашеную канцелярскую кнопку, в очередную колдобину, шофер, треснувшись мордой в руль, на мгновение просыпается, говорит : "Ё!", корректирует курс, и цикл повторяется - до нового буерака.

Ох и дорога!

Привычка набиваться в попутчики довела до того, что очутившись в Инте я чуть было не привязался к какому-то машинисту с расспросами - не везет ли кто сегодня до Котласа. Докатился… А все Инта - мерзкий вокзальчик, мерзкая путейская столовка без хлеба в километре от вокзальчика, мерзкий… нет, просто выдающийся по своей омерзительности клозет… В Москве потом досужие люди посоветовали: бери с собой на такой случай пачушку дрожжей. Знаешь, как интересно, когда через недельку все это из окон полезет! Шутники, их бы туда хоть на одну дефекацию…

Гонка поездов. Тесные, набитые людьми вокзалы. Толчея в кассах. Пустые, времяубийственные разговоры. Натяжки и накладки. Вот чем кончается каждый поход. Но ничто не могло в этот раз убить во мне прелесть свежих еще воспоминаний, не засаленных многократным смакованием и не сглаженных бесконечными переоценками. Пройдет чуть времени после посадки в поезд, и наступит то момент, когда по первому зову из памяти всплывает любая картинка, как полный сочный слайд, с безумно прекрасным цветом, запахом, ощущением и еще без ностальгического привкуса - самое хорошее время.

Из-за такого, только из-за этого стоило сюда прийти.

Впрочем, настроение мне внезапно подпортили. На Кожим-Руднике в соседний вагон сели тульские "пионеры", с которыми мы въезжали на машине в район. Они, детишки, с палатками без полиэтилена, махонькими прыщавыми рюкзачками с вареной дома еще картошкой в них, с составом 50:50 и вымотавшимся килограммов на пятнадцать за поход руководом, с жадным до дорог и новых мест блеском в глазах, за то же время накрутили больше двухсот километров, пройдя верховья Лимбеко, Капкан-Вож, Манарагу, зайдя на Кар-Кар, сплавившись три дня по Кось-Ю, блуждая в лесах за Обе-Изом… Они сделали честную четверку, с радостью рассказывали нам о пройденных, буднично преодоленных немалых трудностях, весело делились опытом - как хорошо, когда есть в лесу грибы: тогда две горсти риса, которого так мало осталось, можно растянуть на всю группу. А быстрее всего идется, когда нечего есть. Тридцать километров до станции после диетического завтрака, если знаешь, что обедать нечем, это сущая ерунда. Они нечаянно, невольно дорисовали к нашей тройке, знамя которой украшено с одной стороны сентенцией "Не одна я в поле кувыркалась", а с другой девизом "На халяву и уксус - сладкий", длинный минус.

И поэтому я не могу поставить в конце этой, последней, мысли точку - да и доходят ли мысли вообще до исчерпания? Каждая мысль рождает новую, и надо лишь иметь твердость откинуть несбыточное, смелость взяться и воплотить жизнь реальное и бесконечно много мудрости, чтобы различить эти два случая…

6 июля 1991 г.

Глава 5.

На пути к чудесам.

Две статьи о памятных событиях, опубликованные в газете "Примета" с подзаголовком "Аномальная зона" для получения разрешения на вход в Вишерский заповедник и материального вспомоществования.

1992 г.

Часть 1 : год 1989.

Долина каждой реки имеет свой характер. Тот, кто со мной не согласен, пусть сравнит приятную тишь предгорной Вишеры с гнетущим молчанием приполярного Балбан-Ю. Каждая долина имеет свои дурные и хорошие привычки и наклонности и свое лицо.

Долина реки Хомги-Лох-Я молчалива. Неширокая река тихо несет свою безумно чистую воду в речку Молебную, леденя убитую осенью желтую траву, тщетно пытающуюся напиться живительной влаги и возродиться к жизни. У истока процветают лишь два аборигена - темный, почти черный можжевельник и темно-оранжевый, местами кирпичного цвета мох. Зеленые плешки на северном склоне перевала Ойка Западный, или Ялпинг, впитывают жадно остывающий воздух и радуются своей короткой жизни, которую скоро решительно прервет первый снег. Там, за перевалом в долине Вёлса, еще лето. Здесь, в глухой долине стиснутой хребетиком Ялпинг, северным отрогом массива Ишерим, и горами Ойка-Чакур и Молебная, или Молебный Камень, уже середина осени. Лес в низовьях потемнел, и редкие оставшиеся еще на покляпых деревцах листочки покорно ждут своей незавидной участи.

Такой я увидел долину реки Хомги-Лох-Я, руководя в августе 1989 года пешим походом 2 к.с. по Северному Уралу. Выходили мы (Бестужев В.В., Братчикова А.Н., Гальченко Ю.В., Пономарева Ю.А., Семененко В.В., Филиппов А.С.) из посёлка Вёлс; нашей целью были хребет Чистоп и Ушма. Хотя цель не была достигнута в силу многих причин, я, отчасти, был доволен походом - я побывал под горой Молебной.

Этот район плохо освоен туристами. Причин здесь три. Первая - дурная слава признанного аномальным места, но это причина малозначительна для любого нормального туриста. Вторая - район практически не описан в литературе, и редки его карты. Упоминание о Молебном Камне в бестселлере С.А.Торопова заведет вас куда угодно, только не туда, куда вы хотите. Если на реку Ниолс по Тошемкам по этой книге попасть ещё можно, то Мойва уже практически недостижима. Третья, основная, следствием которой является и вторая, - район сравнительно трудно доступен. В наших краях, где преобладают туристы-водники, привыкшие к везущему до самой реки транспорту в силу специфики переносимого ими груза, мало желающих идти больше 50 км до места начала сплава по неосвоенной речке.

Два пути ведут к горе Молебной. Первый путь начинается в посёлке Вёлс, откуда, если повезет, можно уехать к устью речки Ивановки. Дальше надо подняться на Чувальский Камень, и хорошо, если вы умудритесь обойтись без атаки на изнуряющий бурелом под западным склоном хребта. Чувал в августе удивительно спокоен и по-своему красив. Его "спина" изобилует ягодами - черника, голубика, морошка - чего только нет! - а когда вы пройдете его весь, насладившись ровным приятным для ходьбы и исключительно плодородным плато в южной части, видом на гору Мартай (1129…1131 м), похожую на мирно дремлющего посреди тайги и болотин огромного зверя, и мягким болотистым понижением в северной части, распадок между Чувалом и хребтом Пу-Тумп (945 м) накормит вас белой, незрелой клюквой и выведет на Верхмойвенские болота. Идти по ним, по сравнению с окружающим буреломом, приятно, хотя тропка получается сантиметров 20 в глубину, а некоторые бочаги могут скрыть и грузовик.

Мойва в районе болот неширока и туристу по колено. За ней стеной стоит Вольховочный Камень, из-за которого выглядывают две вершины горы Ишерим(1А,1331 м). Слева - хорошо видный с болот огромный Тулымский Камень (вершина Главная 1А,1469 м). Вольховочный некрут, но подём на него утомителен. Южный склон покрыт уникальными красными мхами, особенно красивыми на закате. Дальше

можно пройти частично по плато,частично траверсами склона, обращенного к Ишериму, до самого истока Вёлса - это глубокая впадина между массивами Ишерима и Ялпинга; с другой стороны из нее же вытекает Малая Мойва. Отсюда начинается подъем на перевал.

Перевал типично уральский: зеленки перемежаются с никак не обходимыми участками, усыпанными огромными бульниками, сложностью до 1Б. В целом в союзном каталоге перевал Ойка Западный оценен 1А. Седло перевала широкое и длинное, и вот - перед вами Хомги-Лох-Я,увенчанная Молебной и упирающаяся в далекий "нож" хребта Муравьиный Камень (главная вершина Ху-Сойк, 1263 м). Молебная еще неблизка, и хорошо разглядеть ее пока не удастся.

Теперь все зависит от ваших намерений и степени подготовки. Если ваш путь лежит в сторону Ниолса, обойдите Молебную слева по границе леса, поднимитесь по речке Молебной и перевалите перевал 1А на Тошемские болота. Изрядно повязнув в них вы достигнете южного ската Поясового хребта.

Сюда есть и другой, более легкий, но болотистый,путь: дойдите до седла между Молебной и предыдущей по ходу безымянной вершиной, легко перевалите его в Свердловскую область и поднимитесь по реке Вижай до самого истока. За перевалом вас встретит обилие разного рода ядовитой зелени, от огромного количества всевозможных зонтичных до стрелолиста в болотцах. Создается впечатление, что она подкарауливает путника, чтобы одурманить его, и, когда это ей не удается, раздраженно хрустит под ботинком, обдавая все вокруг своим отнюдь не целебным соком.

Вы можете также уйти по Вижаю до устья реки Кул, подняться по ней километра 3 до моста и попытаться поймать машину до посёлка Тохта. В обратном направлении это составит второй путь к горе Молебной, наиболее легкий и менее интересный. Его начало - поселок Тохта - трудно достижимо, если начинать путь от нашего города. До промежуточного пункта, поселка Вижай, ходит дважды в день автобус на 25 мест от города Ивдель, но дальше до Тохты добраться сложно.

Район этот очень богат полезными и вкусными вольготно произрастающими продуктами, такими как всякие ягоды - от брусники и клюквы до желтой боровой морошки с пьянящим привкусом; рыба - в Вишере - таймень, в Мойве - хариус; птица - непуганные куропатки на Лиственичных болотах взлетают в 5-6 метрах от путника, а то и ближе, глухарь, с треском прорывающийся сквозь плотную вязь ветвей, если неожиданно, то может серьезно напугать… Есть и хищники, если верить вышеупомянутой книге, но нам они не встречались, а вот все остальное, что перечислено выше, очень приятно разнообразило наш убого-походный рацион.

Итак, гора Молебная перед вами. Со стороны истока Хомчи-Лох-И она представляется конусообразным возвышением со скругленной вершиной, справа от которой видно "плечо" - отрог, на самом деле отходящий от главной вершины на северо-восток. Сложность подъема на вершину (1247…1253 м) с запада можно оценить 1А, но проход через перемычку, соединяющую её с "плечом" обойдется не дешевле 1Б, так как "плечо" достаточно круто обрывается в сторону Вижая. Но зато с него лежит удобный сухой некрутой траверс в сторону северных отрогов Муравьиного Камня. Около западных склонов Муравьиного находится старое вогульское кладбище и молельное место - не потому ли и называется гора Молебной? По слухам, оно украшено лиственичными идолами; по другим слухам, на него даже смотреть надо с некоторыми предосторожностями, а уж фотографировать… Зимой всё становится сложнее: например, в 1977-79 гг две экспедиции МВТУ им. Баумана не смогли подняться ни на перевал Ялпинг, ни на саму Молебную, ни на Поясовой и ушли по Тошемкам в Вижай. Надо, однако, отметить, что что года попались исключительно снежные и с плохой погодой.

Сложно что-либо сказать об аномальных явлениях в окрестности Молебного Камня, так как наша группа ничего бросающегося в глаза на заметила. Можно ли считать аномальностью, что тучи, которых очень много там в середине августа, задерживаются охотно на Тулыме, Ишериме, даже на низком Березовом хребте (803 м), но не на Ойке и Молебной? (Да, Молебная выгнала нас из долины Хомги-Лох-И обильными мятущимися прямо над головой тучами, дождем и пронизывающим ветром, но, стоило нам спуститься к Вижаю, над ней установилась чудная погода, не менявшаяся, по крайней мере, неделю. И пока мы подходили к ней со стороны Вольховочного, она также радовала глаз сиянием вершин под безоблачным небом.) Можно ли предположить, что мы тогда "без потерь" ушли из-под Молебной потому, что перед разведением костра сняли пласт мха, отнесли в сторону, а перед уходом закрыли кострище и, таким образом, не обидели Гору? Можно ли думать, что гора прогнала нас от себя - ведь желание сократить маршрут было удивительно единодушно? Чудо ли - природно выложенные камнем бочажки посреди моховых полян, наполненные столь чистой водой, что ее очень сложно заметить, пока не дотронешься?

Уверенно ничего сказать нельзя, но общие негласные правила вторжения в "дурные" места гласят: не стоит ходить туда только для того, чтобы поглазеть что и как. А если уж пришел, случайно или по незнанию, относись уважительно - не кричи зря, все равно никто не услышит, не пьянствуй и не делай множества других, самых неожиданных действий. Кроме того, у любого сложного для восприятия места

бывают обычно свои причуды и извороты, в которых также сложно разобраться, как и выкрутиться из них. Любой турист, а тем более альпинист или спелеолог, приведет массу примеров таких мест и удивительных ситуаций, которые там возникали. В связи со всем этим, вызывает беспокойство желание некоторых отважных школьников самостоятельно посетить эти места.

Напрашивается банальное, но, пожалуй, единственно верное резюме - множество вопросов задает Гора, и ждут они ответов на себя. Жди, Молебная, мы придем…

Часть 2 : год 1992.

Спонсоры.

В предисловии к каждой приличной книге или статье принято выражать благодарность тем, без помощи кого описываемые события не состоялись бы.Не отступлю от этого правила и я.

Мы долго искали спонсоров, от которых требовалась, собственно, мизерная сумма-вся экспедиция обошлась в 9 тысяч рублей.Но, видимо, березниковские коммерсанты не подвержены альтруизму-ни через газету, ни по радио не удалось найти людей, согласных уделить на благо исследования родного края даже столь ничтожные деньги.Никого не нашлось, кроме одного человека-директора фирмы "Порт" Сергея Алексеевича Матузко, любезно предоставившего нам автомобиль для 12-часового заброса.Он доставил нас на Вишеру на 30 км выше поселка Велс, откуда и началось наше путешествие.Все участники экспедиции искренне благодарны Сергею Алексеевичу и другим работникам фирмы "Порт", принявшим участие в забросе.

Мы.

Изначально планировался выход группы в составе 9 человек, но в результате некоторых дополнений и перетасовок сформировалась компания из 12 участников.

1. Затонский Андрей Владимирович.Возраст: 22.Профессия: студент 6 курса МГТУ им.Баумана.Увлечения: руководитель экспедиции.

2. Затонская Светлана Юрьевна.Возраст: 19.Профессия: студентка 3 курса МИТХТ им.Ломоносова.Увлечения: рачительный завхоз группы и молодая жена руководителя.

3. Журавлев Владимир Леонидович.Возраст: 28.Профессия:шихтовщик БТМК.Увлечения: водный туризм и двое детей.

4. Хусаинова Екатерина Феликсовна.Возраст: 20.Профессия: студентка 4 курса КГУ им.Ленина.Увлечения: начинающая альпинистка.

5. Орлов Вячеслав Егорович.Возраст: 21. Профессия: милиционер.Увлечения: все виды туризма.

6. Зенцова Елена Александровна.Возраст: 19. Профессия: медсестра.Увлечения: малый пудель Патриция шоколадного окраса.

7. Затонский Алексей Владимирович.Возраст: 36.Профессия: механик РМЦ БТМК.Увлечения: зеленый "Москвич".

8. Затонская Елена Александровна.Возраст: 37.Профессия: адвокат.Увлечения: трое нижеперечисленных детей.

9. Затонский Владимир Алексеевич.Возраст: 14.Профессия:старший ребенок в семье.Увлечения: 9 класс школы N1.

10. Затонская Светлана Алексеевна. Возраст: 13. Профессия: средний ребенок в семье.Увлечения: 8 класс школы N1.

11. Затонская Алиса Алексеевна.Возраст: 12.Профессия: самый младший ребенок в семье.Увлечения: 7 класс школы N1.

12. Полосухин Юрий Владимирович.Возраст: 34.Профессия:опора наша.Увлечения: мастер спорта по туризму.

Вот и все мы.Отдадим же должное героизму родителей, отважившихся взять в путь к чудесам всю семью и романтичности молодоженов, выбравших такой маршрут для свадебного путешествия. Первая

половина состава предназначалась для путешествия в горы, в том числе и на Молебную, а вторая-для параллельного сплава по Мойве, реке интересной и сложной.Многочисленностью экспедиторов был обеспечен выбор судов для сплава: двухместная байдарка и плот спасательный надувной ПСН-10.

Экспедиция.

Наши планы:

1. Доехать на машине до квартала N 71 на реке Вишера, километров 30 выше последнего населенного пункта, поселка Велс.

2. На той же машине перебраться через реку и подняться на хребет Чувальский Камень хотя бы до границы леса.

3. Пройти Чувал и выйти к реке Мойва.

4. Разделиться на водную и пешую группы. Водная начнет сплав по реке до устья Малой Мойвы; горная поднимется на хребет Вольховочный Камень, пройдет его весь, перейдет перевал Ялпинг (1А) и выйдет в долину реки Хомчи-Лох-Я[8]. Далее будет восхождение на гору Молебный Камень (1250 м.), и группа спустится по Хомчи-Лох-Я и Малой Мойве к точке встречи

5. Объединенная группа сплавится по Мойве до ее устья и далее по реке Вишера до поселка Вая.

Наши основные задачи:

1. Дойти до покрытой ореолом разговоров аномальной зоны в районе горы Молебный Камень и попытать счастья в обнаружении доказательств ее аномальности.

Справочная информация.

Гора Молебная, или Молебный Камень (1250 м.) - вершина в южной части Поясового хребта между хребтом Ху-Сойк и горой Ойка-Чакур (1279 м.) Хребет в районе Молебной служит водорахделом рек Хомчи-Лох-Я, бассейна Вишеры, и Вижай, бассейна Лозьвы.В основном, сложеня крупной и средней осыпью сложность подъема по самому простому пути некатегорийная, по самому сложному, с юго-востока, около 1Б. Находится в районе, где отсутствуют освоенные туристические маршруты, вследствие чего редко посещается туристами. По мнению местных жителей, район горы является дурным местом, или аномальной зоной, в современном понимании. С названием Молебной связаны факты загадочной гибели группы туристов-лыжников в пятидесятых годах, появления летающих объектов странного вида, необъяснимые природные явления, а также множество слухов и домыслов. В присутствии группы туристов в августе 1989 г. и экспедийии газеты "Примета" в феврале 1991 г. очевидных аномальных явлений не обнаружено, кроме ухудшения погоды по мере приближения стремящихся к Молебной людей. Кроме реальных событий, происшедших здесь, с Молебной часто связывают другие несчастные случаи, имевшие место в районе, например, гибель группы Дятлова под одноименным перевалом в 40 километрах к северу.

2. Пройти сложную по уральским меркам сплавную реку - Мойву - и Вишерские пороги; сделать вывод о возможности сплава по Мойве в это время года.

3. Получить удовольствие от общения с природой, если природа не будет против.

Стихия.

Мудрецы спорят: обстоятельства ли управляют человеком? или человек творит для себя подходящие обстоятельства? Не будем досконально разбираться в столь сложном философском вопросе, а просто восстановим последовательность проявлений окружавшей нас стихии, которая всегда манит и отталкивает, ведет и сбивает с пути, вдохновляет и угнетает…

[8] Как выяснилось позднее, название *Хомчи*, списанное нами с лесотехнической карты в Вёлсе, ошибочно - читать следовало *Хомги*, но, коль уж эта неточность опубликована в газете - пусть так и остается.

Стихия крепко держалась за наши ноги, мешая запланированному скорому передвижению по горам и долам чудесных мест. Первое прикосновение ее мы ощутили на своих щиколотках в тот момент, когда дорога почти вертикально рухнула с очередного увала , вильнула, машину в последний раз отчаянно швырнуло из стороны в сторону, и перед нами раскрылась панорама Чувальского хребта, а перед ним- ослепительно сверкающая, невероятно вздувшаяся для этого времени года лента Вишеры.

Справочная информация.

Хребет Чувальский камень имеет в длину 18 км и в северной части расширяется до 6 км по границе безлесной зоны; высота до 800 м в южной части.Хребет разделяет долины Вишеры и ее притока реки Велс; в северной части на его, в частности, склоны опираются истоки реки Мойва и ее притока Лиственной, а также притока реки Велс - Южный Велс. Западный склон более крут и изобилует лесистыми отрогами, а восточный полого опускается к Велсу и богат болотами и ручьями, а также зарослями родиолы розовой, или золотого корня(растение занесено в Красную Книгу,сбор карается солидным штрафом). Растительный мир обычен для этих мест: хвойный, в основном, еловый низкобонитетный лес, с примесью кедра и березы, выше-угнетенные обычные и, местами, карликовые березы, луга в южной части и болота в северной.Ягоды: черника, голубика, морошка, брусника, в лесах малина и красная смородина, в болотах северных склонов клюква.

Мы рассчитывали , что машина, ЗИЛ-157, сможет без затруднений перейти мелкую обычно в это время года Вишеру и по дороге, которую видели в 88-89 годах, подняться на южный склон Чувала. Основные сложности предполагали в проходимости дороги, даже для такого вездехода, но трудности начались раньше - стихия была неблагосклонна. Вода на перекате ниже 71 квартала , где был брод , стояла выше пояса и активно перемешивала мелкогалечное дно. Дно не держало даже ног - не могло даже быть и речи о преодолении брода тяжелой машиной. Пришлось вспомнить поход 89 года и по однажды пройденному пути подняться на гору пешком. Со сплавсредствами, между прочим, на плечах.

Первое предупреждение последователям: если вы хотите въехать на Чувал на машине, знайте: это возможно , но сложно чрезвычайно. Необходимы, как минимум, полноприводной "КАМАЗ" и нисколько не щадащий его отчаянно решительный шофер-авантюрист.

Итак, мы сердечно распрощались со своими транспортными благодетелями, искренне пожелав им счастливого пути обратно, и отдались во власть стихии, понесшей нас на 4 км вниз по реке, к началу подъема на Чувал.

Справочная информация.

Река Вишера (древнее название Пассер-Я*, большая вода, с манси) берет начало на западных склонах горы Гумпкапай. Далее течет на юго-запад вдоль хребта Поясового, вдоль Тулымского, Чувальского и Юбрышкина камня, затем поворачивает на запад до устья реки Вая и течет в общем плане на юго-запад до Красновишерска. Основные притоки в верхней части : Лопья(пр), Ниолс(лев), Мойва(лев), Лыпья(пр), Велс(лев), Улс(лев). С точки зрения водного туриста делится на две части: 1. Участок выше устья реки Лыпья. Характерен для походов второй категории сложности, содержит Вишерские пороги. 2. Участок ниже устья реки Лыпья до города Красновишерска. Содержит множество плесов, препятствия, за редким исключением, просто обходятся или соответствуют 1 к.с. От поселка Вая до Красновишерска проходит стандартный маршрут 1 к.с.*

Вишера вечером изумительна. Здесь, выше устья Велса, вода очень чиста, и даже возникает иллюзия очень мелких мест там, где глубина еще достаточна для моторной лодки. Быстрое течение уверенно несет суда, и надо лишь правильно выбрать, с какой стороны обойти очередной встретившийся на пути остров. Старицы по берегам густо заросли кустистыми ивами и разнообразнейшими травами, отмели - неизвестными нам, в силу отсутствия в группе ботаников, лопушистыми растениями, составляющими целые насыщенно-зеленые ковры. Лопушки очень полезны для туристов-они указывают те места,где золотистое дно слишком близко подходит к поверхности воды и грозит порвать ветхую, латанную-перелатанную резину древнего сплавсредства, десятки лет исправно возящего туристов по разным рекам. Ведь у спортивного туризма спонсоров не было никогда, а по теперешним временам стало еще меньше, вот и ветшают драгоценные одноразовые ПСНы, от целости которых часто зависит жизнь или здоровье десятка человек

команды. Впрочем, безусловно, к красотам вечерней Вишеры это не имеет никакого отношения. Память, к счастью, не подвластна стихии: мы без труда отыскали начало подъема на Чувал и, полные ожидания предстоящего, расположились на ночлег. Начало темнеть; воздух похолодел, легкий вечерний ветерок стих, и атмосфера вдруг наполнилась подозрительным гулом кровососущих насекомых, для краткости обозванных нами во всем ассортименте "мессершмитами". Странно, подумалось, комары в августе?..

Когда в группе на 12 человек 5 мужчин, да еще трое подростков, к рюкзакам мало способных, вес рюкзаков подозрительно сильно растет. ПСН в комплекте весит 40 с лишним кг; упакованный, он потянул больше 45. Не сильно отличались от него и другие мужские рюкзаки. Тяжело.

Пятиэтажный дом имеет в высоту 20 м. Самая высокая труба в Березниках-200. Нам предстоял подъем небольшой по горнотуристским меркам, метров 600, но дался он нам с большим трудом. Дорога, сначала прямая, потом начинает вилять и с небольшим подъемом огибает все южное окончание Чувала. Местами она перегорожена завалами, местами рытвины делают ее невыносимой, но она верно и безвариантно выводит путника к прекрасному месту-"французской избушке". По непроверенным сведениям, такой титул присвоен избушке в честь заброшенного обноименного карьера, расположенного невдалеке. Некий француз промышлял когда-то в этих местах не то камни, не то зверя, вот и появилось название. От избушки можно лицезреть вершину Южный Чувал, а дорога круто взбирается вверх, собственно, на хребет. По пути мы были удивлены некоторыми обстоятельствами, как то отсутствием спелых ягод и сбрасываемых птицами кедровых шишек, а также найденным у французской избы чайником с десятком крупных вываренных корней родиолы розовой. Зола была еще горячей-запомним это обстоятельство на будущее.

Выше избы открывается чудесный вид назад на густые леса, на причудливые вишерские изгибы, на мерно колышащиеся под ветром сочные травы…Сочные-в августе?

Кстати:

Лето в 1992 году на севере области присутствовало лишь отчасти. В последние числа августа развитие природы соответствовало началу июля. Зрелых ягод не было; "мессершмиты" свирепствовали вовсю. Начинали цвести зверобой и кровохлебка, кедровые шишки находились в состоянии смолисто-молочной спелости, болота, не успев отцвести пахучими водорослями, благоухали. Лето здесь окончилось, не начавшись.

Еще выше подъем постепенно выполаживается, и дорога разбивается на множество тропинок, испещривших Чувальское плато. Слева чуть возвышается основной стержень хребта, в южной части он сер и, при взгляде в лоб , напоминает угрюмую крепостную стену, сглаженную временем. Правее, на приличном удалении, возвышаются настоящие горы, высокие, с отчетливо выраженными вершинами, упорно рвущими проплывающие облака. Слева направо их порядок следующий: Тулымский камень, почти в профиль, две главные вершины практически сливаются; Ишерим, отчетливо различима двойная вершина; между ними, низкий с такого расстояния, гребешок Муравьиного камня; затем Ялпинг, Ойка-Чакур и Молебная. Правее близкий угрюмый Пу-Тумп, и в цепи гор начинается понижение, знаменующее водораздел Вишеры и Лозьвы, вдалеке за ним видны округлые белые купола гор в долине реки Кул. Справа от направления движения громоздится последняя значительная гора-Мартай, видимая на всем своем протяжении от северных клыков до бастионов Капкор-Не-Тумпа на юге. На фоне Мартая видны чувальские "крепости"-локальные нагромождения огромных камней среди полей шелковистой травы и кущ черно-зеленого вереска.

Однако, долго любоваться красотами дальних перспектив не приходится., ибо после утомительного подъема тянет к отдыху, а удобные ночевки на Чувале лежат на речушке Гундрихе за поднятием, венчающим середину хребта. До нее по хребту часа 3 хода, если не плутать среди можжевельников и тальников на нижних плато, а сразу не полениться и выйти на самую спину, замшелую, ягодную… только не в этом году. Плато плавно упадет , потом трехступенчато приподнимется и вильнет влево, описав дугу. Из фокуса этой дуги и стекает Гундриха, по которой на границе леса несложно найти дрова и площадку для палатки.

День кончился, как и вчерашний-ветер, прохлада, ветер стих и насекомые, ох, насекомые…Спать, спать, завтра-к Мойве и в горы, в горы…

Назавтра выяснилось, что путь к чудесам последних уже достиг. Предоставлю читателю самому искать причину комических и печальных воздействий стихии, в упрямом водовороте коих нам пришлось вращаться в этот тревожный чудесатистый день.

Справочная информация.

А. Стругацкий, Б. Стругацкий. "За миллиард лет до конца света. Рукопись, найденная при загадочных обстоятельствах." Повесть о том, как Природа, в соответствии с ее неведомыми еще законами, всеми силами противостоит нежелательным для нее действиям людей, способным в дальнейшем причинить Природе вред. Ничего не подозревающие люди оказываются в гуще событий, направленных на прекращение их совершенно разнообразных деяний, причем методы воздействия и прилагаемые силы воистину неограничены. Авторы полагают такое положение дел совершенно естественным с точки зрения защищающейся Природы. После похода все участники экспедиции вполне согласны с изложенной в книге гипотезой.

Чувал закрыло облаками. Фронт облачности спустился до высот порядка 650 м. Дело обычное, мы к этому были готовы-у нас была карта, компас и информация о местном магнитном склонении.

В облаке голос глохнет и размывается. Теряется направление на источник звука; если свист слышен, то он звучит сразу отовсюду, а отойди шагов на 30, и свист а не услышишь. Видимость от 20 до 100 метров, из серо-молочной стены внезапно выпрыгивают разбитые ветрами березки. Их кущи напоминают разметаемые мощным ветром языки пламени, они то стелятся по земле, то упрямо поднимаются вверх, чтобы в следующее мгновение быть смятыми и угашенными. Пологое болото однообразно чавкает сырым мхом, наполняя ботинки водой снаружи, сапоги-изнутри. Идешь, стремишься догнать убегающую мутную стену, а она, как горизонт, отодвигается, а сзади приближается еще одна-того гляди, раздавят…Так и двожешься, будто в коробке, под колпаком, что плавно и бесшумно скользит, не задевая кустов и трав, окружая, обволакивая…

С учетом склонения, азимут нашего курса по карте составил 30 градусов. Нацелились, двинулись. Шли медленно, часто сбрасывая тяжелые рюкзаки и разминая намятые плечи.Как и должно было быть, плато чуть приподнялось, затем образовало точку перегиба, от которой - я помню - нужно взять градусов десять к востоку, чтобы не упереться в круто останец, завершающий Чувал с севера. Взяли. Прошли полчаса - ручей, вроде бы течет на север. Чудеса - неужели ручей уже мойвинского бассейна?

Планировалось пообедать на Мойве и разделившись двинуться половиной группы в горы, половиной - начать сплав по реке. Планировалось выйти к Мойве часов в 15. Планировалось горной группой в этот же день пройти половину Вольховочного хребта. Планам помешали начавшиеся внезапно чудеса. Во-первых, в этот день, ведя группу, я дважды ошибся азимутом на 40 градусов и один раз на 20. Не сильно хваля себя, могу заверить всех интересующихся в том, что такая ситуация весьма маловероятна. Мы свалились с Чувала в долину Велса и долго и трудно оттуда выбирались, затем выписывали дуги и параболоиды по болотам и, вконец измученные буреломом и тяжелым грузом, вышли на Мойву, когда уже начинало темнеть, то есть после 21 часа. Горы на сей день объективно были недостижимы. Во-вторых, случилось в этот день и более неприятное событие. Володя Журавлев, опытный турист, руки которого привыкли держать любой инструмент, и топор тоже, прорубил себе ногу.

Топор - хороший друг в походе. Он любезно поможет приготовить пищу, обогреться и высушить вещи, обережет от четвероногих злоумышленников и вообще поможет выбраться из самых невероятных ситуаций. Топор, как правило, добр. Если у него плохое настроение, если он собирается поотлынивать от работы, он непременно дважды предупредит вас об этом, прежде чем коварно соскользнуть с чурбака и вонзиться в камень. Или в вас - если ему совсем не хочется работать. Журавлева топор не предупреждал. Он мягко оторвал от чурки косую щепку и бесшумно перерубил вену и артерию на подъеме ступни. Кровь обильно забрызгала через прорубленный сапог.

Хорошо иметь в походе специалиста-медика! Еще лучше - двух. Операция обработки раны в условиях отсутствия шовного материала, темноты и общего испуга и нервозности заняла у Юрия Полосухина, при ассистировании Лены Зенцовой, менее 20 минут. Через 15 минут уже была наложена давящая повязка и снят жгут с артерии. Володя родился в рубашке - лезвие вошло в двухмиллиметровый промежуток между сухожилием и нервным окончанием, в пугающей близости от бедренной артерии. Он мужественно перенес операцию под неполным общим наркозом и с почестями и заботой был водворен в палатку. Ситуация с попаданием на Молебный Камень серьезно осложнилась, поскольку было и "в-третьих", и "в-четвертых". Весь день то поливал дождь, то изморось; если уж Чувал был глухо закрыт облачностью, то что же говорить о более высоком Вольховочном и километровом перевале Ялпинг. Тенденции к просветлению в этот и 4 последующих дня, как показала практика, не было. Более серьезна, чем простые облака, которые, в худшем случае не дали бы нам подняться на Молебную, была совершенная

непригодность Мойвы для сплава. Русло завалено камнями, воды мало - и откуда в Вишере такой уровень? Руководству экспедиции пришлось собраться на совет.

Кстати:

Одновременно с нами по Чувалу перемещалась комиссия управления заповедника "Вишерский" по проверке отношения геологов пермского управления "Геокарта" к окружающей среде - вспомним горячую золу на французской избе. Вышли они раньше нас на день; мы где-то на хребте их обогнали. Комиссии повезло еще меньше. Не помогло дажде глубокое знание собственного заповедника - они вообще закружились и благополучно спустились в долину реки Велс, километров 15 к востоку, на чем потеряли три дня и отстали, на наше несчастье, от нас.

Решение руководства было очевидным и единственно возможным - отставить мысли о продолжении пути к чудесам и выходить, а кого и вывозить, по Мойве - к людям.

Стихия жестоко подошла к решению вопроса о проникновении нас в святые места района. Она применила все средства для того, чтобы сбить нас с пути, измотать, подавить все стремления и желания, а для верности нанесла последний тяжелый удар. Стихии нельзя противостоять (читайте вышеуказанную книгу Стругацких), а изучать ее мы решили на более безопасном пути.

Мойва.

Увезти Володю не удалось. Как ни пытались, мы не смогли даже представить, каким образом можно по этому заваленному бревнами и камнями руслу провести ПСН, пусть даже с одной лишь накачанной половиной, с человеком на борту. Оставалась надежда, что после впадения речки Лиственной, километров 8 ниже нашей стоянки, характер реки изменится и, пусть не груз, как думали раньше, но одного человека увезти удастся.

Справочная информация.

Река Мойва (Бобровая Вода, с вогульского, от мой *- бобер) - левый приток реки Вишера. Берет начало в болотах между хребтами Пу-Тумп и Вольховочный Камень вместе с рекой Южный Велс, далее огибает Вольховочный с юга, поворачивает на север, проходит вдоль всего Тулымского Камня, за горой Брусья поворачивает на запад и впадает в Вишеру между устьями рек Ниолс и Лыпья. Основные притоки: Лиственная (левый), Вольховочная и Малая Мойва(правые). С точки зрения туриста-водника делится на три части:*

1. От истока до устья Лиственной. Участок слаломного сплава по большой воде протяженностью около 12 километров. Может по большой воде оцениваться до 5 категории сложности. Проходим на катамаранах или каяках.

2. От устья Лиственной до устья Малой Мойвы. Мелководный участок протяженностью 28 километров, испещренный перекатами и небольшими шиверами. Проходим на надувных судах и, на большей части, несложен. Имеется серьезное препятствие - Средне-Мойвенские пороги (14 км от устья Лиственной). Четыре километра слаломного по малой воде участка, интервал между грядами порогов 10 - 30 метров, скорость течения в августе около 20 км/ч. Заканчиваются порогом Медведь, представляющим высокий слив на обливной валун, по большой воде 4 к.с. В целом пороги оцениваются 3 к.с.

3. От устья Малой Мойвы до впадения в Вишеру. Достаточно глубокий участок длиной 15 км, осложненный островами с нетривиальным выбором обхода и перекатами. В целом не сложнее 2 к.с. Перед самым впадении в Вишеру зигзаг и прижим в узком русле к левому берегу. Одно из первых зарегистрированных прохождений в августе 1982 г. совершила группа работников пермской скорой помощи под руководством Ю.Полосухина. Река находилась в аналогичном состоянии, и группа, кроме прохождения порогов, прошла участок N 2 пешком, а N 3 - частично сплавилась.

На следующий день была объявлена дневка для заживления раны и общего отдыха. Дневка была не у всех - руководитель с Полосухиным занялись проводкой судов вниз по реке, чтобы назавтра облегчить групповой груз и хотя бы оставить Журавлева без рюкзака. Проводка была нелегкой, зато - кто еще может похвастаться тем, что играл в кораблики пятиметровым 30-килограммовым судном! Русло было завалено ужасно - за три часа удалось отвести суда на, в сущности, ничтожное расстояние.

Вечером было событие - праздновался день рождения Алисы Затонской. Никакая стихия не помешала торжеству, даже погода, как ни странно, не подвела, не мочило и не особенно дуло. Был съеден вкусный торт, родившийся за время дневки, и все легли спать, предвкушая уже грядущий день.

Героем дня стал Журавлев. Он с большим трудом, превозмогая боль, дошел до места стоянки судов, но попытка сплавить его опять оказалась безуспешной - камни, проклятые камни! Ему пришлось и дальше идти пешком и пройти все - болота, буреломы, мучительные подъемы и спуски, переправы. После устья Лиственной удалось только полностью надуть ПСН и сложить в него немного груза. Река расширилась, приняв приток, но осталась исключительно мелководной, и то и дело приходилось выпрыгивать из байдарки, чтобы провести ее пустую руками по вершковой глубине.

В устье Лиственной стоит геологическая база. Начальник, молодая радушная женщина, рассказала, что геологи сплавляются по Мойве на лодках типа НЛ-800, но с трудом, а река, несмотря на дожди, что-то очень маловодна. Она искренне сочувствовала нам в наших сплавных трудах. На вопрос об аномальностях района она снисходительно улыбнулась: работа, не до аномальностей. Геологи уже три дня ждали комиссию и предупреждали нас, чтобы мы держались от нее подальше; мы, будучи уверены в договоренности газеты с администрацией заповедника, пренебрегли советом. Зря, как потом оказалось.

Как описать путь по Мойве, чтобы он не показался однообразным читателю? Для этого, сначала, неплохо бы ответить на извечный вопрос - "зачем идете в горы вы?" - ибо далекому от путешествий человеку очень трудно понять, какая же прелесть в том, чтобы весь день мерять шагами тропу, или осыпи, или буреломы, или, сидя на шпангоуте байдарки, напряженно всматриваться в приближающиеся барашки - пронесет? перевернет? проскочу или придется выпрыгивать и бежать рядом? В наше время всеобщей занятости материальными вопросами стало еще труднее заинтересовать людей общением с природой, душевным отдыхом от грязи цивилизации в грязи лесов и гор, это показали, в частности, и тщетные розыски спонсоров. На этот основной вопрос туризма каждый отвечает по-своему, но обязательно находит неизведанное большей частью общества наслаждение. Не буду тратить время на подробное изложение долгого пути, поскольку выше сказано достаточно, чтобы смог его себе представить. В течение дня могучий хребет, подвластный с точки зрения теории относительности нашему перемещению, послушно поворачивается то одним, то другим боком; меняется панорама вершин и перевалов; мчится в воспоминаниях лес - не столпище деревьев, а живой, нетронутый лес, вдохновляющий одним дыханием на подвиги.

Пороги начались к вечеру, внезапно, без предупреждающего рокота и шума - он был поглощен мелкими перекатами без остатка. Сначала по берегу побежали крупные россыпи рыжих камней, затем русло стремительно сузилось, возросла глубина, и река понеслась на каменные завалы. Низкий уровень воды оказался байдарке, отчасти, во благо. В мешеве частых бульников не успеваешь не то чтобы сманеврировать между двумя грядами, просто вынести весло вперед для обноса очередного обливняка, и регулярно садишься на каждый следующий подходящий камень. Я спокойно вставал на него, выбирал курс до следующей посадки, сталкивал байдарку, когда носом, когда кормой вперед, и прыгал в нее, чтобы перебраться через очередной омуток. Днище байдарки отчаянно трещало и Наконец, догнал мертво застрявший посреди реки ПСН. После недолгого соовещания решили, ввиду близкого конца светлого времени, необходимости клеить суда после столь серьезного испытания и полного неведения о дальнейшей продолжительности порогов, аварийно заночевать. С точки зрения достижения Молебной, был и еще один результат этого дня. Если бы мы не застряли на порогах, потеряв еще один день к двум дням имеющегося уже отставания, была эфемерная возможность с устья Малой Мойвы попытаться подняться хотя бы до Хомчи-Лох-И и посмотреть на гору в облаках. Теперь и это возможность отпала. Очень уж мало воды было над порогами, слишком мало даже для нормального прохождения байдарки - еще немного, и ее резиновая кожа осталась бы на камнях. Пройти мог только более-менее пустой ПСН с двумя людьми. Утром пешая группа пошла к устью Малой Мойвы. Часто принимался дождь, Тулым был плотно закрыт низкой облачностью. Вредные прибрежные кусты долго копили на себе литры влаги, чтобы окатить ими проходящих, камни скользили под усталыми ногами, трава плотно опутывала ботинки. Налицо был полный комплект удовольствий пешего похода. ПСН, шипя после порогов всеми незапланированными от рождения отверстиями, шел на постоянной подкачке по знакомому алгоритму: проплыл - столкнул - пробежался, проплыл - столкнул - пробежался… Устья Малой Мойвы достигли поздно вечером.

Нам казалось, что на сей день наши приключения закончены, мы сидели под мелким дождиком, уже не обращая на него внимания, и ждали ужина. Однако, судьба приготовила нам еще одно испытание. В успокоительном шуме реки заскрипела под сапогами галька, раздались быстрые шаги, и на нашем островке уюта и благоденствия появилась та самая комиссия под руководством Н.Долганова, которую мы обогнали на Чувале и которая, как выяснилось, от самого устья Лиственной гонится за нарушителями спокойствия заповедника - за нами. Информация о договоренности газеты с директором заповедника и письмо к нему действия не возымели, в воздухе зашуршали бумаги с надписью "Акт" и запахло озоном. Акт был составлен, несмотря на всеобщее удивление. Дело в том, что в 90% заповедников бывшего СССР существуют, конечно, определенные ограничения на допуск туристов туда. Везде надо иметь правильно оформленные туристические документы. В Приэльбрусье нельзя разводить костры. В Денежкином Камне нельзя, естественно, рубить живые деревья и так далее. В заповедник Вишерский, как выяснилось, заходить нельзя вообще и в принципе. Можно заплатить 150 рублей и порыбачить 5 дней на Вишере ниже Лыпьи, а так, как громко объяснила несколько раз председатель районного комитета охраны природы Новикова, "тут мы что хочим, то делаем". А в горы - в горы нет, нельзя. Вот ведь вы тут костер жгли? травы помяли? Когда они еще после вас оклемаются? Интересно, как согласуется с Основным Законом хочение определенного достаточно узкого круга лиц из поселка Вая закрыть для доступа людей красивейший уголок области, размером больше пол-Бельгии? Нас уведомили, что когда-нибудь в будущем вопрос будет решаться…

На наше счастье, комиссию ждал ужин на базе проверяемых геологов километрах в шести ниже по течению. Комиссия торопилась к ужину и вскорости отбыла.

Дождь после их ухода зарядил вовсю и лил всю ночь и половину следующего дня. Мы уже прошли, частично проплыли, Журавлиный ручей, последний заметный приток Мойвы, поговорили с геологами на той самой базе, а он все шел и шел. Наконец-то река откликнулась на падающую с небес воду и буквально на глазах начала надуваться черной под обкладными тучами водой! Целью нашей была изба в устье Мойвы, о которой рассказали геологи, мы мечтали об одной сухой ночи и изо всех сил стремились успеть добраться до избы.Посмотрели на реку, мысленно перекрестили ветхий ПСН и вынесли вердикт: сядем все. Так началась собственно сплавная часть нашей экспедиции. Река несла быстро. Воды стало много, вода бурлила на перекатах, грызла шиверы и поднимала высокие бурнусы над отдельными камнями. Дождь перестал, будто только и ждал, когда неразумные люди перестанут топтать столь ретиво охраняемые берега. Изба приближалась, и байдарка с молодоженами в нетерпении вырвалась вперед от медлительного ПСНа - жечь костер, готовить ужин, обживать избу.

Поворот. Остров - где его обходить? Справа, где уже? Слева, где широко и мелко? Перекат - где проход через него, спрятанный темными верными барашками? Белые, они предупреждают, что под ними мель, сверкнувшее золотым дно грозит разорвать днище. Надо искать глубокое место - а его нет! А по всей ширине реки бьются белые предательские всплески! И остается только стиснуть зубы в ожидании невыносимого скрежета камней по изношенной резине, напрячься в предверии поспешного выпрыгивания и мечтать - пронеси, пронеси…

Еще поворот. Вишера совсем близко, давно уже виден высокий лесистый гребешок на правом ее берегу. Вдруг - выстрел. Второй. Охотники, подумалось, неужели - в нашей избе?

Последний поворот. Начался прижим, мы энергично заработали веслами и, выходя из прижима, с удивлением лицезрели на берегу у избы знакомые лица и лодки. Комиссия. Наверное, браконьер, охотившийся в заповеднике, будет наказан?..

Вишера.

Сколько спокойствия видишь в величавых водах Вишеры, вырвавшись на их простор из сумятицы мойвенских перекатов и мелей! Могучая река не поспешно, но быстро катит темные воды, подмывая берега, шумя редкими прибрежными шиверами и успокаивая, успокаивая… Нам было не до спокойствия: в день выхода на Вишеру двое участников должны были выйти на работу, остальных время тоже начинало поджимать, и мы спешили, спешили что было сил. Ночлег показался бесконечно малым мигом; с сожалением наблюдали за бесчисленными всплесками вкусного хариуса, которого нельзя ловить, не заплатив руководству заповедника; греби плота не останавливались ни на минуту, проталкивая неповоротливое судно вперед. Байдарке было проще, она легко резала воду и постоянно уносилась вперед - готовить обед или место для ночлега. В один из таких отрывов, окрыленный заявлением лучшего знатока реки о том, что высокая вода закрыла пороги и они уже остались позади, ее экипаж начал наблюдать

странные вещи. Сначала река как бы потекла вверх - иллюзия небольшого подъема была полной. Затем, на подходе к очередному крутому повороту, стал слышен низкий странный гул.

Справочная информация.

Вишерские пороги состоят из 7 каскадов, которые делятся на три группы.

1. Первый каскад: начинается сразу за крутым поворотом реки вправо, имеет дальше прижим к правому берегу.

2. Второй, третий и четвертый каскады. Все - прямые.

3. Пятый, шестой и седьмой каскады. Пятый имеет прижим к левому берегу. Расстояние между 5 и 6 каскадами значительно, создается расслабляющее впечатление, что пороги закончились. Пороги оцениваются 3 к.с. для байдарок в любую воду и 3 к.с. для надувных судов в половодье.

Порог! Мечта туриста-водника, измученного спокойной водой, страстно выискивающего на глади реки отдельные барашки, чтобы отважно ринуться к ним и получить свою порцию брызг в разгоряченное лицо. Порог может иметь обход, его можно бывает обнести, но где найти туриста, который согласится на это!

Байдарке прохождение всех каскадов обошлось в два обливных камня, поцарапавших дно, мокрые штормовки и два ведра воды в судне. ПСН пробулькал по порогу спокойно и не напрягаясь. По инициативе его командиров, перед последним каскадом он развернулся кормой вперед и под громкие крики восторженной команды прошел его задом наперед. Всем участвовавшим прохождение порогов доставило массу удовольствия.

Собственно, технически сложная часть похода осталась позади. Впереди было еще много событий и много труда, положенного на скорейшее достижение поселка Вая и желанной машины домой, был уникальный для ПСНа 60-километровый дневной переход, были люди - хорошие и не очень…

С позволения читателя, оставлю эту часть похода без описания, чтобы скорее перейти к обсуждению итогов путешествия. Замечу только, что хороших людей на своем пути мы встретили значительно больше и передаю нашу общую благодарность завхозу поселка Велс Михаилу Григорьевичу, приютившему нас на ночь в общежитии, и героическому шоферу "УАЗика" из Соликамска, даже имени которого мы не знаем, доставившего нас из Ваи поздней ночью прямо на соликамский вокзал. Приятно, когда встречаешься с добрыми, готовыми оказать помощь людьми.

Итоги.

Итак, чего же достигли мы, проведя двенадцать дней в горах и на реках Северного Урала? Что вынесли мы из хитросплетений буреломов и лабиринтов порогов?

Наша первая цель, давшая нам статус уфологической экспедиции, строго говоря, осталась невыполненной. Мы не были на горе Молебной и не приближались к ней ближе, чем на 15 километров. Но вот вопрос - может ли аномальная зона иметь четко выраженные границы? Может ли ее влияние проявляться только на пятчке диаметром 2-3 км ? ЧТО держало нас за ноги, в переносном, конечно, смысле, пока в наших планах на первом месте стояло достижение Молебной - наша ли только степень профессиональной пригодности? Почему-то чувство искусственного замедления нас чем-либо появилось одновременно сразу у половины группы и вызвало некоторый дискомфорт. После же того, как окончательно решено было отложить посещение горы до лучших времен, никаких неприятностей не случалось, кроме посещения комиссии, которая, кстати, весь вечер доказывала нам, что и на лучшие времена не стоит расчитывать. Вопросы остаются открытыми. Мы сошлись на мнении, что за их разрешением неплохо обратиться к вышеуказанному первоисточнику Стругацких.

Остальные цели, собственно, выполнены. Мы прошли Мойву и Вишеру в самых красивых и интересных ее местах, выяснив, что по Мойве в августе лучше передвигаться на вездеходе, а не на судах. Мы побывали на Чувале и целый вечер наслаждались царящим там вековым покоем. Мы прошли и Средне-Мойвенские, и Вишерские пороги. Городской маршрутно-квалификационной комиссией поход был оценен

как пеше-водный 2 категории сложности. Мы вкусили полный набор трудностей и пешего, и водного походов - что может быть лучше, чем сознание собственного превосходства над трудностями?

Район верховьев Вишеры и ее притоков великолепен. Думаю, многие люди даже не подозревают о том, что всего в 300 километрах от родного города есть край, где к куропатке можно подойти на три метра, где от хариуса тесно на реках, где… Всего перечислить невозможно - там надо побывать. Если, конечно, дирекция заповедника не будет против и не составит на вас акт.

Февраль - октябрь 1992

Глава 6.

Авантюра.

1995 г.

Совершенно необходимое предисловие.

Среди недостатков, которыми Создатель щедро оделил людей, в приведенных ниже воспоминаниях особенно выпирают два: эгоизм и забывчивость. Что поделать, естественно, лучше всего запомнилось то, что имело непосредственное отношение ко мне лично, а и запомнилось-то не очень много вследствие второго упомянутого недостатка. Поэтому повествование сие полно смысловых каверн и лакун, а за единственного героя запросто можно принять меня, склеротичного и самоозабоченного. Не так все было, совсем не так.

Свистать всех наверх!

Не верится. До сих пор не верится, что все это произошло наяву. Так не бывает, потому что не бывает никогда. И все же - это случилось.

Об очередном выходе на Приполярный Урал мечталось три года. Маршрут подготовили в 1993-м, но не смог пойти Бестужев, и остатки компании зарулили на матраснейший сплав по Вишере. В 1994-м люди не набрались вообще: Лёша Никонов и Андрей Королев не приехали из Москвы, идти же втроем (двое - девчонки!) - несомненное сумасшествие. И вот новая попытка: *попытка - не пытка, верно, товарищ Берия*?

На сей раз Андрей приехал. Я глазам не верил, когда углядел его, вываливающегося из свердловского поезда с огромным полупустым брезентовым "Алтаем" за спиной. Однако, факт: приехал!

Все равно, затея ужасно смахивала на пошлую выходку школьников. Намечаемый маршрут можно защитить как тройкой, так и пешей четверкой - при некоторых ухищрениях. Соваться в четверку вчетвером два плюс два - таких финтов в истории что-то не припоминается. Под Российским крестовым флагом и девизом "авось"… Собственно, людей в округе меньше не стало, но, как водится, всех что-то держало. Володю Журавлева - отсутствие средств и последствия плеврита. Брата Алёшу - злые обстоятельства и ну очень вовремя возникшая пневмония. Его приятеля, Сашу Филимонова (а мы-то уж распевали в предвкушении: Лим-бе-ко! И Филимонов…), - лицензия на право торговли спиртным для фирмы, чтоб ей сгореть. Бестужевы отправлялись в Устюг (почти по дороге!) к Витиному деду, чье здоровье давно внушало опасения. Слава Орлов, услыхав про поллимона, требуемые для материального обеспечения похода, тоскливо опустил глаза. Да и его жена Ирина вкупе с директором "Софт-Про", где Орел работал, были против. Особенно Ирина. Темные для нас личности типа господ Плотникова, Шарова и т.п. и в этот год не рвались. Боря Ситев, как мне показалось, после двойного облома в 1991-м каждый год ясно давал понять, что с радостью ходит в походы подальше от нас, шлангов. Что, все? А, Андрей Павленин - тот уж не турист, здоровенный, а здоровье не то, говорит. Вот теперь все. Осталось "два человека и два якоря": я, Андрюша Королев, первый раз идущий неведомо куда (и не только для него), Света и Лена Зенцова, давно желавшая повидать края дальние. Четверо. Четверо!..

Последние дни перед выходом проходили в бегах неостановочных. Клиенты озверели и хотели меня сто раз на дню. Продукты дорожали, и надо было искать, где дешевле. Андрей приехал без резиновых сапог, нужен 45-й, нашли только 43-й. Звонили Сухареву в Печору, он сказал, что база Желанная окончательно померла, вот те раз - куда же мы будем выходить? Ладно, ладно - хлопоты, бега, нервы - там посмотрим. Примерно параллельно с нами в тот же район намеревались две толпы: группа СЮТур'а во главе с Серёжей Кокшаровым и, вместе с ними, десять человек, в числе которых не

последней была знакомая еще по штабу Инна Корюкова, теперь Нилова, вместе с мужем. Они собирались вылететь вертолетом из Березников под Народную, залезть на нее, Манарагу, может быть, на Колокольню, пройти через Медвежий на Вангыр и улететь с сухаревской базы Озерной под Сундуком. Я кое-что им рассказал, что знал, дал скопировать хорошие карты, попросил: возьмите одного человека с ПСН-ом (Филимонова: еще не знал, что он не сможет), он нас подождет под Народной или на Оленьем, раз Желанной нет, сплавимся по Кось-Ю. Мнутся: мол, только СЮТуровские детки летят бесплатно, остальные выкладывают за вертушку по четыре сотни. Мнутся некачественно: перед этим проболтались, что смета на весь поход - семьсот с носа, а считать я умею: четыреста - за вертолет туда, двести - за обратно, что же - сто на все остальное? или врут, или завираются. Решил: черт с вами, обойдемся. Как?! Авось.

Сами мы экономили на походе, как могли, поскольку ресурсы были жестко ограничены, и хотелось оставить кое-что на запас и кое-что на потом. Чудом удалось закрыть договор на полтора миллиона, потеряв на этом сотни полторы - за срочность, иначе сия вылазка и не состоялась бы, скорее всего. Нас же со Светой двое - если другим надо по половине, нам-то требуется целый миллион! Доходило до смешного: купил грузинского чая (по нормативам насчитал 600 граммов, фактически не выпили и 250), Ленка возмутилась и приволокла что-то индийское. Его и пили, а запаянный пакет грузина благополучно возвратился домой. Вообще, Зенцова любит комфорт. Притащила дорогую индийскую зубную пасту, сказала: не хочешь - не проводи в расходы, но "Поморином" я зубы чистить не стану. Взяла второе мыло - зачем? В итоге, первое я протаскал так же напрасно, как и лишний чай. До Перми ехали в общем вагоне, для Андрея состоялось первое с ним, общим, знакомство, так он ниже плацкартного не опускался. Как потом жалели, что в скорых поездах, куда поневоле приходилось залазить, общих не было вовсе, а плацкартные - они такие дорогие!

Труднее всего оказалось с мясом. "Мясную начинку" московский "Колосс" давно уже не выпускает (сам звонил в отдел сбыта, интересовался), при словах сублимированное мясо в МГЦТК посоветовали дверцу духовки почаще открывать, чтоб фарш лучше подсыхал, но на такие эксперименты не тянуло. Постановили - банку тушенки в день. Надо же, как мы недооценивали раньше это невкусное, противное, такое легкое и калорийное сухое мясо! Глупые.

Мою замечательную удобством и весом - 5,5 кг сухая - палатку без разговоров отмели, как негодную, еще раз выпросили у Буторина самошивное изделие из парашютного шелка весом килограмм. Чтоб легче выпрашивалось, отпечатали ему наш фирменный песенник, снабдили дарственной надписью и торжественно вручили. Он когда-то говаривал, что будет рад, если я напою ему кассету самодеятельными песнями. На такой подвиг, пожалуй, способен я уже едва ли, слишком долго не практиковался, а вот в "бумажном" изложении - ради Бога. После такого дара клянчилось запросто.

К этому походу даже сшили новый спальник - красивый, синтепоновый, теплый и очень легкий: килограмм против 3,5 старого спальника. Сначала мыслилось взять только его одного, но, попытавшись вместиться туда вчетвером, эту идею отбросили. Так и волокли весь поход спальники на шестерых, зато спали весьма комфортно. Почти всегда и почти все. Беготня, беготня… Напоследок обежали с Андреем весь город в поисках резиновых сапог для него. Сорок пятый размер, отрастил ласты - так и не нашли! Надо ж было прикатить босиком, когда я не единожды предупреждал - мокро зело там, без сапог, как без рук… или без ног. К счастью, вытаскивая тушенку из подвала гаража, обнаружили рядом сапоги сорок третьего, но налезшие ему на многострадальные (в дальнейшем) ступни, и их "отпустили" с нами. Все равно, идти в них ему не удавалось, одевал только на биваках, а шел исключительно в ботинках. Ох, и ботинки то были! Другого полуторного вибрама такой величины на всем Приполярном Урале поди и не гуляло…

Беготня кончилась. Все - купили, собрали, сшили, уклали. Упихали. С трудом. С большим трудом, потом и кровью - плохо лезло, а с ноги толкать жалко. Сухарные "головы" рюкзаков солидно возвышались над нашими собственными, когда солнечным вечером 29 июля мы протискивались сквозь узкий проход вагона поезда до Перми. Как-то сразу решили проблему сна в общих и прочих вагонах без белья. Спальник-2 везли несшитый, то есть в виде двух одеял - шерстяного и ватинового; также в наличии имелся новый спальник и вдосталь пены. Так и разлеглись: Света на новый, Лена на старый спальники, Андрей на одеяло. Мне осталась пена, а потом - и краденые матрасы. После предстартовой карусели уснули быстро и крепко. Утром Андрея поразил вид устья Чусовой, по мосту через которую неспешно шлепал наш паровоз. Есть чему дивиться - мост с дамбой вкупе километра два с гаком…

Пермь встречала неласково. Залы ожидания - какие на ремонте, в другие только по билетам, ни буфета, ни привета. Сунулись в расписание - надо ж, по нечетным идет очень удобный пассажирский, очень медленно идет, долго в Кирове очередного поезда не ожидать, а сегодня-то тридцатое. На дворе не то чтоб холодно, прохладно и слегка сквозит, не то моросит, не то приморашивает… Постановили: рвем

отсюда, как можно скорее, Киров, по воспоминаниям, много любезнее, и уже через 50 минут сидели в скором (по номеру) пассажирском (по виду и скорости) поезду, увозящему нас все вглубь и вглубь нашей дерзкой авантюры.

Поезда, как правило, не запоминаются и ничем не отличаются друг от друга в памяти уже через несколько дней после того, как их покинешь, если, конечно, ничего изрядно вон выходящего не произошло. И такое бывало, четыре года назад на том же перегоне упавший с третьей полки один из наших рюкзаков до немоты ошарашил одну ругучую бабульку, но этот переезд ничем примечательным не обозначился. И славно. Хотя нет: случился выброс пара и шипа при попытке научить Лену играть в любимец народа - покер, нужно же четвертого игрока для компании! Конечно, поначалу дело не шло, Зенцова злилась на свое неумение, мы злились на то, что она злится, она начинала злиться на нас за то, что злимся на нее… Ничего, известно, что любой, самый заколдобистый зачет всегда можно сдать ходками, не с первого, так с восьмого захода на десятой попытке. К пятой-шестой партии она уже вполне соображала и испытывала вполне нормальное садистское наслаждение, обувая окружающих в пух и прах, когда сие получалось.

Поспали, перекусили, поболтали. Обнаружили, что оставили дома любовно сваренный десяток яиц и дружно осожалели утрату. Пригодились бы, перезаклада по забросным продуктам и так что-то не ощущалось. Погоревали, глядь - вот и Вятка. Вываливаемся.

Хитрое место есть на кировском вокзале - конкорс. Запомнил это название, наверное, с сотого прочтения. Ситуация, аналогичная стилобату в нашем общежитии (помещение между двумя шестнадцатиэтажными тумбочками) - как только это бедное слово не писали, не читали и не произносили! Однако, чтобы усесться в конкорсе на свободные стульчаки, которые там, почему-то, всегда в наличии, совсем необязательно правильно выговаривать то, что в принципе не выговаривается. Обязательно иметь билет, однако, с этим-то и приключилась впервые за поход проблема, терзавшая меня значительно хуже голодной, ослабело дремлющей совести: нерешительность. То ли надо меньше думать, то ли монетку кидать, только часто случалось, что при выборе из нескольких примерно равноценных альтернатив меня как заклинивало: и это хорошо, а почему то хуже? Нисколько. Так что же выбрать, тем более, что, как всегда, мучительно не достает вводных данных, и решаться на то или это можно, только полагаясь на волю Случая? Это проблема… Так вот, от Кирова на север идут только два поезда - до Воркуты, проходящий, и до Котласа, местного формирования. На второй есть билеты, но куча пересадок впереди, первый везет до места, но билеты начнут давать только после отправки второго, так что есть шанс зависнуть на сутки. На сутки! Ну уж нет. Критерий минимального риска: отбываем котласским.

Самым знаменательным событием за время пребывания в Кирове была, пожалуй, покупка газеты компьютерного толка с юмореской - как приготовить марабу с клецками. Этот малозначительный, кажется, факт имел столь обширное продолжение, что данный рецепт просто-таки необходимо привести здесь.

Марабу с клецками.

Возьмите одно марабу. Если у Вас нет марабу, то я Вам удивляюсь. Возьмите хотя бы какаду. Затем обрубите копыта и рога, а жабры извлеките, тщательно промойте и выбросьте. После чего вымочите в белом вине, пока не забалдеет. Пропустите через мясорубку два раза - туда и обратно. После этого насыпьте на хвост соли: у марабу это самое нежное место. Тут главное - точная дозировка: на одно марабу - одна соль. Хвост рекомендуется придерживать, так как оно им машет.

Затем набейте ему брюхо рисом, а морду кулаком. Хорошо отбитое марабу по своим вкусовым качествам приближается к молодому цыпленку, плохо отбитое - удаляется от него. Теперь наступает ответственный момент - нужно бросить это несчастное животное в кипящую воду. Тут имеется нюанс: если бросать издалека, можно не попасть в кастрюлю. Поэтому не отходите от плиты дальше, чем на два - три метра. Но если вы все-таки промахнулись - не беда, по правилам кулинарии дается три попытки. Варить марабу не нужно, нужно сразу же вынуть, так как вы забыли ощипать перья.

Как подавать готовое марабу, зависит от фантазии каждой хозяйки. Например, на островах зеленого мяса, где основой кулинарной политики является демократический каннибализм, марабу подается с печенью врага. У нас же каждая хозяйка может просто взять со стола скатерть и завернуть готовое марабу мужу на работу.

Помните, одно марабу наедает до отвала всех, кто рискнет его попробовать.

Что же касается клецок, то варить их надо отдельно: марабу от них тошнит.

О продолжениях - потом, пока мы просто вволю посмеялись и спрятали газету в дежурную сумку. Рядом в зале ожидания (хватит, пожалуй, выговаривать то страшное слово!) сидел до того же поезда интересный старичок с рюкзаком, собиравшийся на рыбалку в горы Полярного Урала, не то на Собь, не то где-то около. Взяли интервью - а и как же ловить рыбку большую, ну, ладно, пусть маленькую, но чтоб ловить? Дедушка надавал кучу полезных советов, большинство из которых тут же предали забвению, а остальные, как водится, в реальных условиях оказались бесценными, то бишь оценивать их нарицательную стоимость даже отрицательными числами язык не поднимался. Такие уж мы… рыбаки. Обсудили со старичком проблемы современного спортивного туризма, почему турья меньше ходит, а в поездах свободнее не стало. Заодно подивились целеустремленности довольно пожилого человека, который много лет подряд находит силы и средства для таких трудных и дальних вылазок.

В котласском поезде влезли в плацкартный вагон - хотелось выспаться, не воюя за места, хоть бы и без белья. Наверное, не прогадали - на следующий день уж очень много сил понадобилось.

Первая незадача поджидала на платформе Котласа-Южного. Проводник поведал, что в момент прихода нашего поезда на второй путь с первого трогается московский, и приходится ждать, пока он утащится, а там уж у кого ноги прытче - до касс. Он-таки находился на первом пути, но отправился через три минуты после прибытия нашего. Мы же, обманутые, не спешили рваться к выходной двери, полагая, что весь народ скучкуется напротив вокзальной двери вместе, а там уж Андрей, легкоатлет, не подкачает. Вышли из вагона чуть ли не последние: народ шустро пробирался сквозь и под московским. Секундное замешательство - поезд медленно тронулся. Я еще успел обежать кругом его хвоста, все же несколько опередив стоявших рядом, но пробиться ближе двадцати человек к кассе уже не удалось. Через несколько минут подоспел и кировский рыбак, примостился рядом. А потом появилась некая девица, уверявшая, что ее компания уже устала поджидать ее на Кожим-Руднике, и нужен-то ей всего один общий билет. Пустил. Свой один она взяла, а на мою скромную просьбу о четырех последовало безразличное недвусмысленное "нет". Фортуна. Очередь напряженно замерла, ожидая неизвестно чего: какой-то умник так изменил расписание за те года, что я тут не появлялся, что в Южный стали заходить только два поезда в сутки: 176, на котором укатила счастливая одесситка, и 188, Котлас-Воркута, по четным. Через полтора суток в полночь.

Что делать - надо добираться до Узлового, там проходят еще три поезда. И опять - годы не пошли этому достойному городу на пользу: раньше автобус ходил от Южного на самый Узловой, теперь, по разговору на стоянке, поняли, что довезет только до какого-то переезда, а там сколько-то пешком. Вроде, недалеко. Пока ждали автобус и подслушивали разговоры, все гадали - на что же надеются те, остальные у кассы, и почему они не ломятся вместе с нами на остановку. Загадка природы!

Мало того, что пресловутый переезд появился так внезапно, что я не успел набросить на Светку рюкзак, и ей пришлось выносить его на руках, и она прегромко на меня нашипела. Вывалились вместе с внезапно взбудоражившейся толпой, глянули - вокзал виднеется чуть ли не на горизонте, как минимум, километр с приличным гаком. А ушлые в вопросах очередности людишки уже пылят вдоль железнодорожного полотна, только подметки сверкают. Скомандовал Андрюше, уже напялившему "Алтай" - обогнать! - подлез под рюкзак, допыхтел до немного ушедшей вперед Зенцовой, хватаю у нее из рук сумку, куда выложили весь продуктовый запас и "расходные материалы" на подъезд - куда там! "Я сама!" - и все тут. Глупая, говорю, деньги же в сумке, неужто я о тебе забочусь… И ходу. Некоторое время даже смог продержаться за легкоатлетом, но потом в глазах покраснело, в зобу сперло - не продохнуть, и тот медленно, но верно, начал уменьшаться в угловых размерах.

Однако, и тут не повезло. Как потом судачили кумушки в очереди, становящейся совершенно импотентной, радушной и общительной на время отсутствия билетов, пока мы бежали, еще были общие на тот самый 384-й, которого не стали ждать в Кирове, в уж как добежали, так они и кончились, хоть никто и не брал.

Проводники на 384-м скромностью не отличались. На вопрос Андрея о таксе заячьего проезда до Печоры разгубастили аж по двести штук с носа. Я бдительно стерег кассу, столь же тщательно, сколь и безрезультатно. Поезд мягко стронулся, и вновь открылась унылая панорама неэлектрифицированных опустевших путей под мерзенькими тучками, навевающая желание смотаться отсюда на чем угодно и куда угодно как можно скорее.

В самом деле, если на Южном можно было хотя бы прогуляться в город, или на красивый речной вокзал на берегу неширокой Двины, или в магазин, на худой конец и тощий кошелек, то здесь выбор ограничивался коммерческим киоском и деревянным сортиром. Ах, нет, еще магазинчишко с

маринованными помидорами в трехлитровках и приветливым взглядом полусонной торговки - чего приперся? Да стройные деревца неподалеку, на которые так и тянуло с основной веревкой и мылом.

До того нас (читай - меня, поскольку бразды правления поневоле находились у меня в руках, а когда те заняты - в зубах и ноздрях) довел этот вокзальчик, что уже готовы были взять безумно дорогие билеты на фирменный 22-й Воркутинский и с нетерпением поджидали - когда начнут давать. Я выклянчил себе в очереди место первым среди желающих на общие места, видимо, окружающие попались богатые и охочие до комфорта, а дали… три купейных. Не желая терять приоритет непосредственного сближения с лакомым окошком, я подвинулся ровно настолько, чтоб первая дама из "белой" очереди, особо не затрудняясь, могла разместить свои телеса в допустимой близости к кассиру, но не более. Что началось! Мало сказать, что она пихалась задницей, другие части тела также порывались участвовать в процессе, а глотка не закрывалась ни на йоту, даже когда мне удавалось вставить что-то типа:

— Ой, женщина, ну что ж вы кричите? Ведь вам уже вон билет выписывают… Да не толкайтесь, я же костлявый, вам больнее будет… Поберегли б, что ли, голос, вдруг сядет…- и прочую чепуху, коей пытался остудить медленно возбухающий накал остальной очереди против вовремя подвернувшегося хулигана, на котором можно замечательно сорвать злобу. На самом деле, заговор зубов мне лично был ни к чему, поскольку рукой за "прилавок" я вовремя уцепился, и отделить меня от него вряд ли бы удалось. Подскочила Света, здраво рассудившая, что мне с бабой драться не с руки, а ей-то в самый раз - мужа защитить, но конфликт уже иссяк, так как туша обладательницы последнего бесценного клочка бумаги уже протискивалась сквозь бушующее море обездоленных, а надежды все пасмурнели, и это остужало головы.

Результатом описанного конфликта и обеда на скорую руку стало внезапное решение взять билет на проходящий скорый до Сосногорска - полдороги. В самом деле, кроме него оставался единственный 114-й Лабытнангский поздно вечером, и клуб желающих уже явно превышал количество мест в двух-трех вагонах. То были больше мужики, не бабы: на кривой козе не объедешь, так что нам мешает попытать счастья в новом месте? Да и на билетах сэкономим - пусть скорый, но не фирменный же.

Рыбак остался караулить Лабытнангский - ему от Сейды надо влево, а не прямо, на Воркуту; нам Сейда была до лампочки, и мы тепло расстались. В вагоне надежно выяснили, что искомый Сосногорск стоит на дороге прямо за Ухтой, да, да, на той самой дороге, никак не в стороне - да кто вам такую глупость сморозил? Доедете, как по маслу.

Как водится, покеряли. Надоедает до изумления, но что делать, кроме как?.. Моя попытка произвести какое-либо обучение, ну, хотя бы узлы, ну хоть что-то - наткнулась на махровую индифферентную стену и мягко обшуршала по ней; поэтому я не кобенился и играл со всеми. Забавной игру делала Света. Принцип ее заказа, а, вернее, повального пасования, не мог просечь никто, и как-то раз Андрей, в ужасе взирая на ровные кучки взяток перед ним, недоуменно пробормотал:

— Кто?! Ну кто так играет? Заказал шесть на восьми и - *перебрал*…

Доехали. Утренние нервотрепки сделали черное дело - я чуть было не скомандовал вывалиться в Ухте, как увидал, что весь вагон поднялся. Думал, как в московском метро: раз поезд следует до станции Белорусская, непременно надо выйти на Новослободской, а то на Белорусской скопится столько желающих - два-три состава точно пропустишь. К счастью, не успели. Полюбовались на грандиозный лик Ильича на высоком яру, на приветливо расплывающиеся в предночных сумерках зоны, не успели зевнуть, как следует, - станция Дерезай, прикатили, вылезай.

В Сосногорске мне понравилось больше, чем на любой другой пересадочной станции по дороге. Первое ощущение при виде одноэтажного деревянного вокзала в два зала с непременной площадью и следами памятника вождю - спокойствие. Тишина и покой. Такая тишина, что даже составительские работы у самой пассажирской платформы никак не озвучиваются, вагоны подползают бесшумно и весьма внезапно. Коварненько так. В правом зале мирно дремлют те, кто еще не в очереди. В левом зале мирно дремлет очередь. Длинная. Все - на юг, кто в Москву, кто в Киров. А кто на север? Ищи дураков. Тебе надо - вот сам и езжай, только не мешай, на твой 22-й билеты ох не скоро, мы тут деремся на 113-й до Москвы. Деретесь?! В Котлас вас, на обучение…

Полусонный мужик выдал интересную информацию: он, дескать, уж сто лет как от Печоры до какого-то ближнего, минут сорок, леса на паровозах с машинистами катается, "пачку папирос дам, и везут". Не то, чтобы были какие-то сомнения, что семи требуемых билетов (три до нас, мы четвертые) не отыщется, просто потянуло на приключения, и мы с Андреем знатно побегали по длиннющим путям, отыскивая тот неведомый девятнадцатый, с которого, по словам диспетчера, вот-вот уходил состав, и как раз до Печоры. Потом искали второй состав, потом третий… Как заколодило: машинисты и механики с неимоверной высоты рокочущих громадин невнятно бормотали что-то о проверяющих, видимо, намедни

напугавших кого-то до потери квалификации, слышно было плохо, но смысл доходил - а не пойти ли вам. После третьей попытки, изрядно угваздав тапочки в обильно политых мазутом, солярой и еще Бог весть какой пакостью путях, напрыгавшись по клацающим стрелкам и подозрительным кучам металлолома, затею оставили.

Света, по обыкновению, пристала к Андрею с традиционным "Расскажи что-нибудь". Тот напрягся и выдал историю о новой, перспективной технологии ловли сусликов в орских степях.

— Они, суслики, шустрые, и выходов из нор много - так, запросто, ни за что не поймать. Ну и что? Берешь ведро с водой, идешь к норе суслика, выплескиваешь туда и стоишь, ждешь. Только он - от воды - из норки высунется, надо тут же ведром накрыть, и чем-нибудь тяжелым по ведру - бам-м! Поднимаешь - готово: стоит мокрый ошалелый от грохота суслик, и хватай его голыми руками…

Бегали, выяснилось, зря: когда рассосались желающие на юг, кассирша на удивление проворно выписала нам билеты в добавочный (и, судя по цене, не считающийся фирменным) 21-й вагон, и осталось только дождаться поезда, доковылять до вагона, доказать сварливой тетке в униформе, что ее мечта об оплате нами багажа столь же эфемерна, сколь кипяток в ее титане и вовсю заклубиться сладострастно на жестких полках…

Бодрость, вызванная приближением желанной Печоры и солнечным утром, жестоко сражалась с реактивным гулом в распухших от перегонов, пересадок, перепалок и перестука бидонах, в нормальной жизни иногда именуемых головами, и с трудом победила. Хватило даже прыти по привычке резво залететь в знакомый вокзал и занять последние сидячие плацкарты неподалеку от дремлющего man'a убогой наружности. Вскорости умельцы из местного ЛОВД решили помешать ему дремать, и места у нас стало - хоть отбавляй.

Погода обманчиво радовала - на горизонте отчетливо высились клыки Сабли. Верная примета: на две недели дождя.

Время тянулось медленно - решил ехать к Сухареву к девяти, поезд же пришел в полседьмого. Сыскал буфет, неимоверно засранный WC, обошел киоски и закоулки… В 730 не вытерпел, не покупая жетона, набрал заветный 5-48-08 в отнюдь небесплатном автомате, услыхал, что на том конце подняли трубку и с легкой душой повесил свою: дома. Никуда не уехал, не придется ждать неизвестно сколько. Заходя в вокзал, уперся глазами в рекламу - "Национальный парк Коми Югыд-Ва." На куске фанеры пространство от Кожима до Тельпос-Иза лохмато замалевано красной краской: надо полагать, это и есть запретная территория. Да, не слабо отхватили.

Пока суд да дело, переложились, упрятав сумку с жалкими остатками харчей, сшили спальник, вынули представительскую фляжку со спиртом, которую намеревался прихватить с собой в гости. Сумел даже загнать девушек в буфет по котлеты, которые они единогласно охаяли. Нас в буфет загонять не возникало нужды, достаточно было отпустить. Котлеты и впрямь оказались с дерьмецой, но в сравнении с незабвенным Бухенвальдом в стилобатской столовой - вполне съедобные.

Наступил торжественный миг: при появлении очередного автобуса номер 2, я сорвался с места, выжал из окружающих дежурное "ни пуха" и двинулся навстречу Сухареву и судьбе.

В аэропорту стояла девственная тишина. Никто не взлетает, ничто не садится, никого нет в зале ожидания. Отыскал гостиницу, зашел - хоть бы кто поинтересовался, кто, куда и по какому праву. Нашел комнату 317, запертую, с надрывающимся внутри беспризорным телефоном. Так: и где же наш благодетель? Побродил по вымершим этажам, позаглядывал в пустые отпертые комнаты. В одной обнаружил телефон, набирал и 5-48-08, и 5-15-21, в последнем случае через картонные двери хорошо слышал звонок в конце коридора. Н-да.

Спустился вниз, вопрошаю дежурную: где? А, кто его знает. Решил подождать. Не прошло и полгода, как та возвестила:

— А, вот он идет, ваш Сухарев!

Не лишняя реплика, поскольку за пять лет утекло много воды и песка, не было уверенности, что узнаю его в лицо. Зашел в компании с неким джентельменом на спортивном велосипеде. Стою поперек: проходит мимо, глядя в упор. Представился. Затонский? Ну, пошли.

Сначала он разобрался с овелосипеденным мужиком - выдал ему путевку на какую-то группу, напутствия и т.п. Потом поимел связь по рации с базой "Озерной" под Сундуком. Слышно было изумительно - точно, осадков не миновать. Где же они? В окне синь невероятная. Тем временем, я бездельничал, послушивал и поглядывал. В частности, разглядел на стене price заповедника. Хитро сделано: вроде и не очень дорого, три тысячи с носа в день, но к ним надо еще оплатить фотоаппараты (3000 в день каждый), кинокамеры (10000), видеокамеры (не запомнил из-за громоздкости и несуразности цифры), само собой удочки, кажется, даже ружья… Ладно, за сапоги и хворост не берут.

Затем, наконец, добрались до меня. Я выложил привезенные из Москвы материалы по рекламе его фирмы, доложил результаты, те, что не успел отправить в письмах, поболтал на тему и около. Он вытащил из ящика стола мои письма - приятно было видеть их красиво обернутыми в прозрачные папки, бережет, наверное.

Однако, той радости, которую я страстно жаждал, так и не обломилось. Не то, чтобы бесплатно устроить на вертолет (к слову, их в обозримом будущем, до седьмого августа, и не предвидится, а будет ли седьмого, на то воля Божья и плательщика), но и дать бесплатное разрешение невозможно. За разрешение надо платить. Посчитал что-то на калькуляторе, подумал, спросил:

— Что, двести пятьдесят можете?

— !!!

— Тогда сто восемь. Есть?

Ответил, что, пожалуй наскребем, но надо ехать на вокзал, с собой нет. Ничего, говорит, у меня тут дела есть, как раз через часок подъезжай.

До вокзала добирался совсем весело: Сухарев показал, куда идти и конкретизировал, что "тут недалеко". В незнакомом городе, прямо скажем, четыре квартала - может, и близко, а может, как покажется. Мне не показалось. Как водится, и автобусы ходить перестали, и людей в транспорте прибавилось, и над западной стороной горизонта появилась подозрительно черная полоса.

Взял деньги, поехал назад. Чернота с запада приближалась со скоростью реактивного самолета и на полдороге догнала - ударил мощный дождевой заряд, быстро сменившийся недолгой моросью. Но затянуло, теперь уже все небо, и капитально.

Сухарев выписал хитрую путевку - на корешке, который идет в управление заповедника, девять дней на 108,000 рублей, а нам - двадцать дней на соответствующую сумму. Потом мы с ним долго гуляли по городу - ему занадобилось в какую-то инспекцию, обсуждали прошлое и будущее, он пытался просветить меня в плане прикладного рыболовства (я, конечно, внимал), вспоминал похождения, жалел, что не вышло соорудить экспедицию по азиатской части Неприступного хребта, куда, вроде, и мы должны были попасть до кучи… Вернувшись в офис, снабдил меня ценнейшей информацией о точном расположении избушек и удобных проходов по всему маршруту и спросил, что он хорошего может для меня сделать.

Больше всего меня волновал вопрос - как нам предстоит выбрасываться из района, вход в который теперь так хорошо известен, особенно после последних консультаций. Вот если бы у него на Озерной была лодка на четыре места, которую не жалко дать напрокат… Сухарев оживился: будет! Сейчас лежит только двухместная, но, если подвернется борт в горы, то крюкануть его до базы, чтоб выбросить еще одну лодку, пара пустяков. Будет!.. С тем, обнадеженный, обрадованный и окрыленный я покинул его пристанище и он тоже отправился домой, обедать - по дороге. Рассказал, что собирается расширяться, вот, есть некий мужик, владелец нескольких вертолетов, так они, кажется, на пути к тому, чтобы скооперироваться, будут практически собственные вертушки, и банк кредиты дает охотно, и жизнь хороша. Ну и что, что Ми-2? Он взлетает, как положено, с четырьмя пассажирами, потом присаживается в десяти километрах от города, а там уже моторка с двумя остальными, и все здорово получается… Напоследок, уже на остановке, спохватился, сказал, чтоб мы и не думали соваться на Волчий перевал - там же целый день переться через долину Дурной! Нет, идите Трехозерный, он там-то и такой-то (рисует схему в блокноте), должен оказаться подешевле. Да девчонок первые дни не грузите особо (он только тут прочувствовал, что компания-то наша два плюс два!), а то помрут ненароком…

Вернулся на вокзал как раз к Интинскому поезду. Тупая кассирша никак не могла вписать в билеты фамилии, чхая на грозный плакат рядом - "пассажир, не имеющий документов, удостоверяющих личность, или с билетом без указания фамилии с поезда снимается без компенсации…" Памятуя все дорожные неприятности, вписать заставили и под сеющей влагой вползли в последний на пути туда поезд. Делать абсолютно нечего. Вытащил карты, поглядел еще раз, чтобы освежить в памяти первый кусок дороги, запихнул обратно. Поиграли в покер, но не то стемнело, не то настолько запасмурнело, что масти стали трудно различимы. Поезд шел таким темпом, что вспомнился май 91го года, когда заспанный Журавлев при приближении почтово-багажного поезда к Чусовому грузно спрыгнул с полки, с трудом разглядел стрелки наручных часов и в возмущении невероятном рек на весь вагон:

— Да этот мозго…струй еще и опаздывает!..

Общество пялилось в мрачные окна. Не то что Сабли, уже и ближних гор было не разглядеть, хотя пять лет назад мы их прекрасно видели с дороги. На меня напал очередной приступ колебания: ввиду очевидной непогоды стоит ли дергаться в лес на ночь глядя или надо поискать прибежище в поселке? Колебался долго, совместными усилиями изродили постановение - стоит.

Наш мозгострой опоздал ненамного. Мы еще не успели потерять остатки терпения, как мелькнули опознанные по карте разъезды, и

в двадцать часов четырнадцать минут первого августа 1995 года четверо авантюристов с очень большими рюкзаками низверглись прочь с подножек вагона на скользкую дорожку в районе остановочного пункта 1952 км - к началу маршрута.

1 августа 1995 г., вторник.

20.14 - 19.52.
20.15 - 20.19 - через ж/д.
20.19 - 20.39 - отворот на Кожим - 20.43.
20.50 - 21.15 - прошли второй лог, и тоже - с болотом, но сухой.
21.22 - 21.34 - Нертничаель. Бивак, ужин.
00.30 - отбой.

Ходовое время: 72'. Расстояние: 5 км.

Первая мысль туриста, отягощенного здоровым чувалом и обреченного топтать хорошо наезженный тракт - а нельзя ли переместиться по нему, родимому, на чем-нибудь колесном, гусеничном, а при удаче - летучем, как можно дальше, быстрее и дешевле? Нельзя: шофер "Беларуськи", пыхтевшей мотором невдалеке, поглядел на меня так, будто я ему предложил рейс на Альфу Центавра. Ну и сиди без спирта, подумал я про себя, гордо развернулся, стараясь не очень опускать нос в сторону грунта под негативным влиянием голубого друга на спине, и затопал вдоль железки на север. Неумолимая память каркнула, что в 90-м году при попытке преодоления придорожной канавы набрали почти все, и я старался найти место посуше. Нашел, однако, бревно поперек лужи оказалось хорошо подстроенной ловушкой, и память мерзко хихикала, а вода в ботинках хлюпала.

Целых двадцать минут - очень долго!- тащились по дороге вдоль ж/д до торжественного момента, когда путь позволил нам повернуться спиной к цивилизации, а очень темные клубы туч, ну явно покрывающие уже недалекие горы, оказались прямо перед нами.

Поначалу перебирали ходко, болтали - я особенно много. К повороту разговаривали только мы с Андреем. Еще погодя умолк и он, еще погодя я обнаружил, что толкаю монолог, еще погодя догадался, что слова пропадают втуне. Умолк.

Согласно моему гениальному плану, нам предстояло повторить подвиг, совершенный в девяностом году - к ночи дотащиться до первого по дороге приличного ручья. Однако, очень быстро темнело, слегка моросило, и мой взгляд забегал по сторонам в поисках чего-либо мокрого неподалеку от ровного и сухого задолго до ожидаемого места. Мокрого хоть отбавляй: в глубоких канавах по сторонам дороги плескалась черная стоялая вода, наверняка с запашком - жаль, никому не взбрело слазить, понюхать, удостовериться. Ровными площадками местность у дороги не изобиловала, но можно было сыскать, но вот чтоб попить…

Заметил: Андрея со Светой перестал устраивать максимальный поддерживаемый Зенцовой темп, они нервно оглядывались и взбрыкивали. Ленка злилась. Отпустил скороходов вперед - до воды, сам поплелся, время от времени с трудом рожая прибаутку-другую. Хуже, что обнаружилась некая дискомфортность в области мизинца на ноге - что, уже стер?

Воду - такую, как описано выше, скороходы обнаружили вскоре после отворота с дороги к реке. Чуть постояли, перевязал ботинки, слабо надеясь, что полегчает, но впередоидущие кипели энергией, а блошкара жрала неуемно, поэтому рюкзаки вскоре снова заколыхались вдоль дороги.

Память подвела - первый, но, увы, не последний раз за поход. Кажется, раза три объявлял наличие искомого ручья в очередном логу, но там оказывалась только повышенная заболоченность. Наконец - чудо! - мы еще даже не успели растянуться после взъема, как послышался шум воды, то ли ручья, то ли усиливающегося дождя… Нет, все же ручей. Смело свернул с дороги к деревьям - да, "на дальней станции сойду - трава по пояс". Впрочем, мне это даже чуть выше, несмотря на обильную влагоотдачу: пришли.

Сколько же времени мы ставили свой несчастный первый бивак под приличным уже дождем! Для начала выяснилось, что высота палатки никак не позволяет поставить все три секции колов, от силы - две, не сильно раздвинутые, а материал категорически против упирания в него чего бы то ни было, и

колья либо падают, либо охотно проходят насквозь. По-моему, Ленка там втихаря перематерилась вволю, пока не вышло нечто более-менее ровное и остойчивое. Все: после такой тренировки и на весь поход к ней пристыло звание "золотой рыбки". Так однажды Бестужев величал себя, поддерживающего кол шатра ("невода"), чистого сухого шатра, пока мы бегали вокруг и легко гнали колышки в прогретую ясным весенним солнышком, усыпанную золотистой сосновой хвоей землю… Ну и что - сантименты, ну и что - дождь, мокреть, грязная затоптанная трава, ну и что - не палатка, не чехол для спальника, не пойми чего: все равно будет рыбкой. И была. И (в дальнейшем - сноровисто) ежедневно ныряла и держала, держала, держала… пока не ставили.

После постановки домика с удивлением обнаружил - чего-то не хватает. Костра. И, судя по погоде, и не хватит. Однако, желудок, истомленный поездной сухомяткой, считал иначе и погнал меня на поиски горючего. Андрей потерянно побрел следом - видимо, все желудки мыслят одинаково. Затем я развел костер - исторический, первый, желанный, дохлый и дымный и приклеил к себе звание главной спички. Андрей таскал дрова - из лесу, вестимо - слабо догадаться о приобретенной им должности? Света, конечно, варила, варила, варила… сварила. Сожрали. Влет. Моментально. Вылизали. Отошли два шага, каждый в свою сторону - дальше не было необходимости в такой темноте при такой погоде. Влезли. С трудом - несколько раз роняли кол. Ничего, потом приучимся. Вползли в спальники. Отключились.

Пока лопали, мимо в сторону гор прокатилась кавалькада из нескольких мотоциклов. Около стоянки притормозили, с трудом разглядели нас, донеслись, к счастью, невнятные замечания по поводу увиденного, и понеслись дальше. Охота же людям - в такую погоду!

А затем с гор прошла машина - самый настоящий борррртовой "Урал"! Может, Сухарев был неправ, утверждая, что дорога мертвая и перерезана ручьями? Ладно, мотоцикл через ручей еще перетащить можно, но грузовик?.. Надежда, даже угнетаемая сном, все равно отключилась последняя.

2 августа 1995 г., среда.

9.30 - соседи в гости, подъем.
11.10 - завтрак: шестеренки, тушенка, печенье. Облачно, ветер.
11.50 - машина.
12.23 - база Сывь-Ю интинцев.
13.53 - 14.48 - в машине.
14.48 - 15.08 - Обе-Из.
15.15 - 15.32 - траверс.
15.45 - 15.58.
16.04 - 16.27.
16.45 - 17.03 - бивак..
22.30 - отбой.

Ходовое время: 91'. Расстояние: 4 км.

Интересно, долго пришлось нас будить? В гости заглянули проходившие мимо одесситы, оказывается, те самые, к которым горела желанием присоединиться удачливая (в смысле билетов) леди в Котласе. Поговорили о том, о сем, удивили меня чрезвычайно слабым или тщательно скрываемым знанием района и отсутствием карт и планов, долго выспрашивали - правда ли, что заповедник, и кого следует бояться. Показал карты и наш маршрут, посомневался насчет идеи топать вдоль Дурной-Ель ("Да она же так и называется - Дурная, неужели непонятно?"), но колебаний не заметил. На прощание руковод одесситов пожелал хорошей погоды - "нам заодно будет". Остроумно. Где только та хорошая погода? Плотная белая облачность не оставляла радужных надежд. Еще хорошо, не черная, может и рассосет. Да нет, вчера из Печоры Саблю было видно, забыл, что ли…

В пику погоде вдруг начало везти. Быстро и жарко разгорелся костер. Дождь полил неподалеку - видно было, а нас не задел. Жорево сварилось махом, только кинули. Вчерашний чай никто не пролил, а я даже умудрился не слишком сильно вскипятить его… кажется… ну и вкус. "Джамук", - пояснил Андрюша и рассказал, что существует пять градаций черного кофе: настоящий, хороший, ямайка, джамук и толченый уголь. Слава Богу, толченым углем он мое творение обозвать постеснялся, но "джамук" присохло навеки.

Жалко, что девушки наши воспитаны в духе джентельменства джентельменов. Например, мытье котлов они почитают исключительно мужским занятием, и другой точки зрения не приемлют. В результате я подцепил котлы и поперся на ручей - мыть. Света и Андрей выступали в качестве ОТК и торжественного караула - караулили, как бы не уплыло что.

С ума сойти: только собрались - рычит! Рычит, милая! Ревет, родимая, мотором и колесами перебирает! Все ближе! Ближе!!

Вышел на дорогу, сдерживая дрожь в коленях и душу выше пяток, поднял шляпу. Остановилась. Прыгнул на подножку: в кабине водитель, молодой парень и полупьяный мужичок лет тридцати в камуфляже.

— Куда едем?

— Недалеко. А вам куда?

— На Обе-Из.

— Нет, так далеко не поедем.

— А сколько можете - подвезете?

— Забирайтесь.

Забрались. Едем. Едем!!! Дует, льет, руки скользят по царапучему железному борту машины, леденеют, не гнутся, следовательно, плохо держат, бросает по-сумасшедшему, рюкзаки катаются по грязнущему кузову - как здорово! Едем!

Увалы неподалеку глухо заволокло облаками и туманом. Под хорошее настроение пытался описывать, что и где видно, но, оказалось, все - пальцем в небо. В очень пасмурное небо.

Показался следующий ручей, а около - пьющие чай одесситы. Странные люди, даже не попытались голоснуть. Мостик через ручей в отличном состоянии. За мостиком дорога круто вскарабкалась вверх, мужичок высунулся из кабины и оповестил, что они намереваются заехать на некую турбазу, неподалеку, и предоставляют нам решить - выпасть в осадок здесь или прокатиться с ними, а потом нас забросят на Обе-Из. Что за дурацкие вопросы, конечно прокатиться!

К этому моменту я уже начал потихоньку соображать, что это за люди и лихорадочно кое-что пытался вспомнить. На мой вопрос, а не имеют ли они отношения к Борису Семеновичу Шамраю мужичок просветлел лицом, заявил, что он - Валера, непосредственный начальник у него - Шамрай, и вообще - поехали, там поговорим. С Шамраем я списывался несколько лет назад по поводу машины на Желанную, но безрезультатно, ладно хоть запомнил, как зовут, пригодилось.

Дорога после отворота ухудшилась: пошли глубокие колеи, машину зверски мотало. Отъехав немного, остановились, и Валера пошатываясь направился за грибами - на жареху. Прямо у борта машины красовался выдающийся красноголовик, но мы, сам не знаю, почему, его добытчикам не заложили. Вернулись они не солоно нашедши, и снова тронулись. Вскоре дорога миновала здоровую пустошь, обрамленную битым камнем - догадались, что это, должно быть, тот самый Сывьинский карьер, о котором неоднократно слыхали пять лет назад. Путь видимо, проложили именно к нему, поскольку дальше стволы подступили совсем близко, затем колеи внезапно свернули вправо и покатились круто вниз. Там, у реки, оказалось несколько домиков, деревянные тротуары между ними, кумган ЗИЛ-131 и вообще много интересного.

Подвыпивший Валера оказался радушным хозяином. Оказалось, сегодня - день ВДВ, чем и объяснялись его хорошее настроение и подшофе. Он провел нас по базе, хвалясь действительно красивым оформлением домиков - резьба, роспись, медвежья шкура на кровати, показал столовую, познакомил с собаками - дружелюбным Боем, молодым лайком типа тех, что встречали на Желанной, забитой Жулькой и, как нас поспешили предупредить, агрессивным овчароподобным Гаем. Последний, будучи смело поглажен Светой, тем не менее, грозно сморщил нос и шустро побежал знакомиться со мной. К моему удивлению - ну за что меня собаки не признают?- обошлось без принудительной перфорации моих конечностей.

Нас напоили чаем, Олег (водитель) и Илья (молодой человек из кабины, род занятий остался неясен) с удовольствием поддерживали разговор. Валера кирял с отдыхающими в крайнем домике сыктывкарскими прокурорами. Затем зазвал меня, нашу поллитру, а затем и всех остальных: выпить за хозяев небес.

— Вот у вас сколько мешки? Чё? Тридцать шесть? Это ..ня, вот с полной выкладкой, сорок восемь, и - ччаа…

Последнее, видимо, являлось проявлением крайнего восторга по поводу потенциала десантников вообще и Валеры лично - в частности. Кстати, сегодня вечером он собирался гнать ЗИЛ в поселок. Удивило не это, а воздержание Олега в питейных вопросах - неужели существуют шофера, которые не пьют за рулем даже при гарантированном отсутствии ГАИ? Олег собирался в выходные наведаться на

Желанную, но мы решили не ждать, а воспользоваться сиюминутным расположением и добраться хотя бы на Обе-Из. Валера сыпал собственной историей, в частности, повестями своего туристического прошлого:

— Я - турист бывалый, тут все прошел. И Сывь-Ю, и Кось-Ю, и Лимбек…

— Как - Лимбеко?- дернул черт меня усомниться: читал я отчеты, видел саму реку. Каякерный слалом в лучшем случае.

— А так, по большой воде. Она же - понимаешь? - такая, сложная, спортивная первой категории, весной все ревввет…

Я понимал. Особенно насчет рева и первой категории. Наконец, поджимаемый Олегом Валера выпустил нас из домика, где все же влил по маленькой, мы забрались в кузов, и машина двинулась назад по той же дороге. Предварительно вежливо рассыпались в благодарностях за прием и приглашение бывать почаще. Однако, сей праздник и радушного десантника на будущее надо иметь в виду.

Что такое - опять одесситы! Сохнут на правом берегу Сывь-Ю, видимо, только что перешли. Удачливая девица подошла к дороге, махнула остановиться… Да они или железные, или принципиальные: не на подброс просились, а только спросить - Сывь-Ю ли это.

Дорога взяла круто вверх, вскарабкалась на перевальчик, и машина свернула с основной трассы вправо. Мы недоуменно гадали - куда едем, но решили не рыпаться, пока везут. Возможно, оттранспортируют именно туда, куда следует. Шофер лучше знает, куда нам надо.

Последние сотни метров машина буквально кувыркалась на громадных бульниках, всюду выпирающих из дороги, с трудом одолела небольшой взлобок и остановилась у нескольких вагончиков, в одном из которых монотонно гудел дизель. Рядом приткнулись несколько бульдозеров и экскаватор. Ничего себе - Национальный Парк! Хозяева даже не поинтересовались прибывшими. Право, какой интерес высовываться на дождь? Грязь под ногами несусветная, рюкзаки прямо с машины взгромоздили на плечи, я от души поблагодарил шофера и, логично предположив, что время уходит, а оно теперь наше и только наше, мы двинулись вдоль старой колеи, тянущейся от вагончиков вдоль каменистого возвышения, на юг.

Честное слово, нет ничего приятного в нудном перемещении по мокрой горизонтальной поверхности, местами очень грязной и развороченной гусеницами, под приличным дождем. Местность открытая, но облака и туман чрезвычайно суживают обзор. Изредка между лохмами туч проглядывает какой-нибудь каменистый лоб, чтобы тут же пропасть в тумане. Дорога начала отворачивать влево, к долине, и меня обуяло желание посоветоваться с картой. Остановились у какого-то железного прута, надежно воткнутого в землю.

Доставать хорошие карты в облом: того гляди, размокнут или ветром растреплет. Взгляд на ксерокопии рукотворных шедевров из библиотеки МГЦТК мало что прояснил: пригорок, видневшийся впереди, на них начисто отсутствовал, долина ручья Пальник-Ель представлялась монотонной плешкой, что никак не соответствовало действительности. Вспомнив чувальские похождения, я легкомысленно провел аналогию между Северным Уралом и хребтом Обе-Из: наверное, по плато хребта пройти будет легче. Кстати, он немного заворачивает к востоку, так что если взять чуть правее… Чудик. Взял ведь.

Сезон полетов открыла Зенцова, небольно заземлившись в травку. Ладно, не в камни, которыми - как внезапно выяснилось - изобиловал облюбованный мной пупырь. Мокрыми такими, очень скользкими камнями. Света забеспокоилась: она не любит мокрые бульники. Потом беспокойство перешло в подергивание нервов, потом (нет дыма без огня!) после очередного пересида только поднявшись, она упала. Очень неудачно: коленом - в камень. Виноват, конечно, оказался я: какого черта меня понесло в эти камни и т.д. и т.п… А в самом деле, какого?..

Дальнейший путь на день сразу стал очевиден: из россыпей пришлось стремительно выбираться и перемещаться ближе к долине ручья, там, вроде бы, казалось позеленее. Колея, по которой мы шли до принятия мной гениального решения укамениться, как раз прочерчивала отлогие зеленки и заглядывала за тот лоб, куда мне вздумалось впереться. Но и она радовала нас недолго, как, видимо, и ее создателей: за поворотом полочка круто обрывалась вниз, дальше простирался весьма неудобоваримый даже для пешехода склон. Посидели, я сбегал на выкат, глянул вниз, вернулся и с надеждой в глазах провозгласил, что тут осталось - чуточки, щаз запросто спустимся. Не так уж запросто оказалось. Организмы, изнуренные дождем, былой тряской и нашим со Светой настроением, напрочь отказывались применять вестибулярную систему по назначению. Гироскопы скрипели в своих карданових подвесах, процессоры грелись и дурили. Ноги спотыкались. Ноги скользили. Ноги вставали совсем не туда, куда хотели глаза; глаза видели совсем не ту дорогу, которую желали бы ноги. Что говорить - первый день часто комом. Утешал внезапный подброс, благодаря которому мы все же оказались значительно дальше, чем планировалось прочапать пешком.

Ближе к лесу россыпи камней сменились россыпями грибов. Невозможное изобилие странных, почти не маслянистых маслят быстро заставило меня заозираться в поисках суперпозиции двух вечных проблем: ровной площадки и водички. Слава Буторину, первая задача, вследствие убогих габаритов палатки, в корне упрощалась, и место сыскали мигом. Ручеек вот дохленький… ладно, не привередничать же.

Под деревом невдалеке нашли настил непонятного назначения: слой жердей примерно три на три метра, выше такой же, но под прямым углом, выше - третий. Величайшие умы группы, общим числом четыре, в назначение оного не въехали, однако, решили не трогать то, что не нами сделано, и поискать дров в другом месте.

Вот не помню - сначала поели или набрали грибов? Какая разница! В радиусе двухсот метров от палатки нашлось столько этих достойных местных обитателей, что Лена потом умаялась их мыть весьма холодной водой, по полкружки набираемой из источничка, и резать. Искали все. Сначала пошли мы с Андреем, я сглупил, и начал собирать в собственную шляпу. Мало того, что она чрезвычайно быстро заполнилась, так оказалось, что маслята не такие уж немаслянистые - слизь изнутри выскребал кончиком ножа. Потом Зенцова прошла по тем же местам и набрала еще пол-столько. Потом спустились чуть вниз и обнаружили целые залежи. Потом опомнились: хватит.

Сольную партию заведующего сковородкой, как всегда, неплохо исполнил я. Первые грибы за поход прошли на ура, тем более, что погода - тьфу-тьфу! - кажется, начала налаживаться. Откровенно не поливало, и облака к ночи приподнялись. Не верю, подумал я, залезая в палатку, вспомнив чеканный профиль Сабли, виденный позавчера из Печоры. Аккуратно вытер весь потолок головой и спиной, пока пробирался в спальник. Нет, все же вопрос комфортности путешествия заключается не только в легких рюкзаках…

3 августа 1995 г., среда.

7.50 - подъем. Сильный южный ветер с перевала. Было солнце, к 9 часам затянуло.
9.10 - завтрак.
9.40 - пошел мелкий дождь.
10.03 - 10.33. Траверс. Света обходит курумники. Дождь.
10.41 - 11.03. Перед перевалом.
(Каракули, читать сложно. Дальше - нормальный текст, записано позднее, вечером)
Сбегал, посмотрел пустой тур.
С 11.30 до 13.10 с одним пересидом спустились через водораздел в долину л.пр. Сывь-Ю под дождем; поставили палатку, отлеживались.
С 19 готовил ужин, в 21.30 поужинали.
Отбились 22.30.

Ходовое время: ≈ 142' Расстояние: 8…8,5 км.

Туман волокло по-бешеному. Он проносился мимо встрепанными хлопьями, казалось, ощущаешь пощечины от коснувшихся лица обрывков. Белое угрюмое небо текло над самой головой, как бетонный потолок, вызывая желание пригнуться - а ну, притолока попадется?

Вылезли на удивление быстро. Впрочем, чего удивляться: в такую погоду только высунешь нос из спальника, охватывают два раздирающих желания: упаковаться поглубже и выбраться поскорее, чтоб хоть как-то согреться движением. Ветер уверенно забрасывал под полиэтилен амбары холодной сырости, а развиться побуждению первого рода я, поколебавшись минуту, решил не позволять. Идти надо. Что сидеть, когда все равно надо идти?

Возможно, у окружающих имелись основания изречь сакраментальное: "Андрей, ты не прав!", поскольку погода явно склоняла к отсидке, но шел только второй день на природе, и меня совсем не подмывало терять время. Поэтому миски моментально опустели, даже не успев толком остынуть, ненавистную палатку скатали в мокрый ком (который я с трудом пихнул в рюкзак), черный верный полиэтилен, врезав мне пару раз по морде, тоже очутился там же, и все тронулись.

Дождь медленно входил во вкус. Он дал нам спокойно позавтракать и не спеша посетить кусты, протерпел до середины сборов, но затем его терпение и мочевой пузырь треснули. Видимо, трещина прогрессировала. Воды прибывало.

Очень не хотелось терять высоту. Внимательно изучив карту, я сделал глубокомысленный вывод о том, что правый по ходу борт долины для нас предпочтительнее - уж не помню, из каких соображений. Вероятно, масштабы окружающего мира все еще не могли вместиться в мою систему ориентирования, и здоровенная чаша кара впереди не внушала мне пока должного пиетета. В самом деле, в долине этого невзрачного ручья плюс те притоки Сывь-Ю, что маячили за водоразделом, спокойно умещались верховья Вишеры вплоть до Ниолса as is, а я никак не мог это усвоить. Предпринятая авантюра характеризовалась новыми для меня единицами измерения расстояний, отличными от тех, к которым привык в теснинах Кавказа, центральной части Приполярного или на Северном - сотнями километров. Убогое воображение еще несколько дней пыталось вместить это понятие в себя, потом плюнуло и передало функции управления ногам и находящейся неподалеку душе. Странно - они справились.

Так вот, очень не хотелось терять высоту, и мы двинулись по узкой полоске между откровенно густым лесом и откровенно крутыми осыпями. Так сказать, по границе леса. Положение ухудшалось некоторой смешанностью леса и курумников: то мысок пренеприятных, весьма мокрых кустов вздымался далеко вверх по склону, то, чаще, язык курумника глубоко прорезал зеленые насаждения. Дело осложнялось еще и тем, что Света, ужасно стеснявшаяся вчерашнего полета и терзаемая больной коленкой, более не желала повторения подобного и с непередаваемым упорством опиливала каждую встретившуюся россыпь. Сначала я ей сочувствовал и, по возможности, выбирал нитку движения так, чтобы минимально задевать камни. Затем, после двух-трех неизбежных в таком петлянии заруливаний в плотные заросли тальников, непередаваемо мокрых, охотно обдающих страшно холодной водой, хватающихся за ноги и целящихся хлесткими ветками в физиономию, настроение мое стало снижаться. Перигей наступил в тот момент, когда, оглянувшись после штурма очередной кущи, я обнаружил за собой только две унылые фигуры - Света уверенно обходила препятствие в двух сотнях метров выше по склону. Были ли там камни, это мне неведомо: нас там не было, мы перлись внизу, чтоб ей легче шагалось без курумки. Кроме того, она в результате слегка отстала.

К моменту передышки Света опять урвала далеко наверх и осталась сзади. Дождь уже разошелся вовсю, лес давно миновали, и ветер гулял соответственный, а капюшон она элегантно откинула на спину - чтобы лучше видеть. "Бабушка, а зачем у тебя такие большие синие руки?.."

Помнится, я взбеленился не на шутку. Интересно, шел от меня пар или нет? Плохо быть руководом группы, включающей любимую жену, да еще и таким мягкосердечным. Однако, добравшись до нее - это заняло не так уж мало времени - и пользуясь тем, что нас, очевидно, никто не подслушивает, я, кажется, сказал все, что думал, и даже больше. Не знаю, насколько это было грозно, мерзко, убедительно или еще как, но цели я достиг - Света перестала изображать члена общества друзей менингита и надела капюшон. Тактике своей она не изменила, но вскоре россыпи как-то убыли, лес исчез напрочь, а ветер… Ну, что еще надо ветру, кроме ровнейшей плешки, ни малейшей неровности - сквози себе! Он и сквозил.

Ко второму пересиду, когда уже собрались все вместе, моя душа сообщила, что вполне готова расстаться с телом, подвергающимся таким неприятным испытаниям. Попросив ее не торопиться, с надеждой в голосе, хриплом и каркающем, обратился к обществу с призывом: если общество сочтет необходимым, я, пожалуй, смогу развести костер из вон тех кустов… И вообще, можно тут остановится… Ответные взгляды не сулили добра. Не требовались никакие эмпатические способности, чтобы прочитать в них: завел?.. И много выразительных слов, обычно отображаемых в пристойных текстах многоточиями. Индифферентность окружающих меня убила. В самом деле, какая разница - идти дальше или пасть здесь? Я понял, что надо крепко задуматься.

Неподалеку - то есть мне показалось, что неподалеку - из земли торчала характерно рукотворная башенка тура. Не знаю уж, что мне взбрело в голову, но, с трудом переставляя пудовые столбы мороженого мяса, в просторечье именуемые ногами, доковылял туда, тщательно осмотрел немые камни, ничего не нашел, затем зашел за ветер… Именно последнее нескромное действие и определенные характеристики определенных частей тела подсказали мне спасительную идею: хилять надо отсюда, как можно быстрее и как можно лесистее, и падать, если я не хочу, чтобы все, включая меня, так же посинели и скукожились, причем навсегда. Легочные и прочие заболевания, обильно высыпающие на фоне общего глубокого переохлаждения, оказались бы совершенно некстати. С тем, осененный глубокой мудростью, я и пошлепал назад.

Может показаться, что я преувеличиваю. Эко диво, замерзнуть до посинения летом, при плюсовой температуре под каким-то дождичком!.. Нет, к сожалению. Так холодно мне не было ни в одном зимнем походе. Все слои одежды спереди набрякли обжигающе холодной влагой. Капюшон пропитался водой, и она неспешными струйками пробиралась за шиворот к изнывающей под тяжестью рюкзака спине. Рюкзак, между прочим, тоже имеет свойство намокать - надо как-нибудь поставить

эксперимент, сколько килограммов воды может вобрать в себя среднестатистический рюкзак за несколько часов непрерывного поливания. Допустим, вещи в гермомешках, но между ними можно свободно залить семь-восемь литров… Нет, бросим сей печальный счет. Все равно, очень скоро про рюкзак я забыл, пожалуй, единственный раз за поход. Он перестал быть превалирующим фактором дикомфорта. Рук, вцепившихся в оттягивающий шею фотоаппарат, не чувствовал совсем, ног - почти. Меня трясло. Координация движений напрочь отсутствовала - и как это я нигде не грохнулся?

Возможно, мною овладел приступ непреодолимого эгоизма - в последних строках я ни слова не написал об остальных. Что таить, мне как-то было не до них. Я очень старался сначала держать курс на определенную, невесть как выбранную точку водораздела, потом выбрать дорогу подешевле вниз, к спасительному лесу, где ветру противостоят могучие стволы верных и к тому же легкогорючих друзей-деревьев, лихорадочно искал хоть какую-нибудь площадку поположе… Впрочем, и кое-что кроме этого я тоже помню. Бзик Светы скоро прошел, она исправно пылила… что это я, булькала, конечно вслед за Леной. Та старалась не отставать сильно, но у нее получалось плохо, а у меня не оставалось уже сил злиться, я просто сбавлял темп и поджидал. Андрей мужественно замыкал убогую колонну, и до него у меня уже не доходили не уши, ни глаза.

Спускались по кратчайшей в выступающий из зеленой массы небольшой древесный массивчик, но пришлось корректировать курс - снова пошли осыпи, а ноги не держали, и падать не хотелось. Для общего оживления начал читать теорию правильного спуска по осыпям и обвалоопасным спускам, сопровождая науку лабораторным занятиями по выписыванию змейки на довольно безобидном склоне. "Змеить всегда, змеить везде до дней последних донца…" Правда, странно, что никто не обвалился. В лесу пошло попроще, и, наконец, неподалеку от обрыва, под которым явно пел ручей, перекрывая шум дождя, попалась довольно ровная полянка с пышной обильно пропитанной дождем водой. Последнее обстоятельство отнесли к разряду мелочей, и бегом начали ставить лагерь. Какое - бегом! Как мне удалось расстегнуть рюкзак? Каким волшебным образом поставили палатку, моментом покрыли полиэтиленом и обвалили его края камнями - ведь руки совершенно не слушались! Штормовку мне удалось расстегнуть с таким трудом - можно попробовать на досуге, используя пару колхозных вил вместо кистей рук! Спирт, залитый в обледенелую заправочную горловину в нижней части черепа, прокатился внутрь дождевой водой, даже не зашумело. Спешно-спешно переоделись в сравнительно сухие вещи, выцарапанные из рюкзаков, и, стараясь не обвалить палатку, нырнули вместе в один спальник. В каком порядке заползали, в том и улеглись - Андрей, Света, Лена и я. Рюкзаки с трудом запинали под крылья полога, мокрую одежду оставили кто где. Впрочем, дождь уже умеривался, и кое-что я даже… повесил сушить. Наверное, спирт все же действовал.

Тепло и сон пришли примерно одновременно. Никаких неудобств от весьма тесного и теплого соседства, мне показалось, никто не испытывал.

Спали, собственно, недолго. Первым желанием общества после пробуждения было - жрать!!! Спиртное, оно, знаете ли, требует закуски, а закусить поначалу мы не удосужились. К счастью, догадались захватить в палатку сала, сухарей, фляжку с водой и чегой-то сладкого. Я выполз из одного спальника, закутал нижнюю половину в другой и со вкусом принялся за раздачу слонов и материализацию духов. Ведь spiritus по-латыни, кажется, "дух", "духовой" или что то в этом роде? Девчонки не пили, мы с Андрюшей хряпнули и со вкусом закусили. Вот теперь кры-сота, как говорил один тупой мышонок из "Кота Леопольда". Мне очень стыдно, но, кажется, трапезу я закончил последним, и сытости не ощущал, несмотря на талантливо затихаренные ложки сухого молока, не оцененного достойно остальными. Но холод и совесть перед давно насытившимся (или делающим вид?) обществом снова вогнали меня в спальник - на вторую сонную паузу.

Сон, говорят, универсальное лекарство. Если начинаешь засыпать и есть хоть малейшая возможность - надо дать организму эту маленькую поблажку. Он, организм, говорят, всегда знает, чего хочет, и всегда должен получать желанное. Ну, мы и дали - на всю катушку.

Дождь тем временем то ослабевал, то снова принимался хлестать полиэтилен прежним расходом. Думалось вяло, дремалось плохо - выспался. Согрелся. Где-то в нижней части тела пробудился к жизни вечно несвоевременный живчик, понужая к каким-то действиям. Живчик, он живучий. Его не сморить сном, не угробить усталостью, не растопить теплом спальника: раз зашевелился, надо двигаться. Улучил момент, когда крап по полиэтилену затих, вылез.

И правда, дождь перестал. В лесу обильно клубился морхлый, но плотный туман, омывая капающие водой стволы. Сейчас главное - лбом в дерево не въехать: мало - шишка, еще и окатит, как из ведра, вон сколько очень красивой воды замерло в ожидании неловкого на чистых, старательно отмытых лиственничных хвоинках… Такая хорошая вода, ну и что, что холодная, уже не страшно. Не как два часа назад.

Обошел палатку, уничтожил Байкалы в прогибах тента, заглянул под - да, вот это рюкзачки, посреди-то луж… Рядом вперемешку - штаны, носки, лифчики… Вытащил из общей кучи свое неимоверно скомканное и пропитанное жидкостью барахло, развесил на ближайших сучках. Даже если польет, мокрее не станет. Черт, фотоаппараты, закопанные вглубь рюкзака, все же подмокли. Хорошо, я его под тент не стал пихать, накрыл накидкой и с непостижимым упорством несколько минут пытался своими колхозными вилами обвязать репиком. Хорошо, оказывается, обвязал, накрепко.

Живчик не унимался, и я заозирался в поисках сухих дров. Ничего себе - задачка… Где-то под откосом шумел ручей. Подошел, взглянул - и в голове зашумело пуще прежнего. Однако. По такому крутяку, даже если сухому и стрезва, навернуться нет ничто. А вот чуть пониже такие елочки симпатичные, редкость. Елка ведь даже очень мокрая горит без керосина, не лиственница какая-нибудь.

Потом я долго карабкался по откосу, сначала за сушинкой (ох, хороша!), потом за водой, а когда уже совсем навострился начать разжигать, наверху что-то изменилось. Лес пронзил глубокий свет, местами желтоватый, но большей частью насыщенно-розовый. Зрелище невероятное. Глубоко в небе произошла какая-то подвижка, и впервые после Печоры показался крошечный лоскуток синевы, такой яркой, неописуемо контрастирующей с мягкой розовой полянкой, желтыми бликами в росе и черной хвоей. Посветлело, и вот откуда-то с невозможных высот скупо брызнул золотой пучок света.

Ошалело взирая на сию неземную картину, я даже не сразу сообразил ухватить слайдомет и благим матом призвать общество выползти, полюбоваться феерией. Общество вежливо отклонило мой позыв, предпочтя спальники.

Видение длилось недолго. Свет потускнел, краски подкисли, и я вернулся к костру. Развел, подвесил котелки и с удовольствием принялся за сушку вещей. Костер, лучший друг туриста, жрал дров немеряно, но сушил исправно. Все же живчик себя иногда оправдывает: одно дело, когда пользуешься источником тепла и сухости монопольно, и другое - когда жесткая конкуренция. Впрочем, откуда тут конкуренция, не Денежкин - шестнадцать рыл на один огонек…

Да, дождь перестал. Он не беспокоил нас за ужином, и после ужина, и ночью - разве что чуть-чуть. День отгорел - что это я, вылился без остатка, плавно перетек в ночь. Странно, но, несмотря на дневной пересып, спалось без проблем.

4 августа 1995 г., четверг.

Подъем 8.35, клеили п/эт, с 9.10 готовили завтрак. Солнечно, по горизонту белесо.

10.40 сели завтракать. Затягивает.

12.21 - 13.00 - переправа - 13.05 - на сыпухе. Уклонились к западу по высоким травам и тальникам. Перешли вброд, отжались.

13.24 - 13.33. Подъем.

13.49 - 13.55. Продолжали подъем, вышли на плато.

14.05 - 14.23. Вверх через тальники, сидим на камне.

14.29 - 14.38. Миновали тальники, жуем сало.

15.10 - 15.33. Перешли не тот водораздел, оказались на западном плато Обе-Иза. Выскакивал в разведку на хребетик.

15.53 - 16.01. Прем на хребетик. Вышли почти на перевал.

16.08 - 16.36. Озерко в истоках Сывь-Ю. Пьем.

16.49 - 16.55. Перешли по-сухому исток Сывь-Ю, налили фляжку.

17.00 - 17.21. Прошли несколько истоков (левых), остановились, не набрав высоты.

17.30 - 17.50. Только двинулись - Лена упала голеностопом, дальше шла очень медленно. Встали, разгрузили.

18.04 - 18.24. Пошла быстрее, но не очень. Виден лес, будем двигаться туда на ночь.

18.30 - 18.55. Перешли ручеек в лесу, поставили бивак.

Готовили ужин с 19.30.

Легли порядка 22.30.

Ходовое время: 237'. Расстояние: 11 км.

Утро сияло. Солнце еще не успело согнать с зелени бриллиантовые капли, и вся поляна светилась теплым золотом. Жгло даже сквозь полиэтилен.

Да, кстати о нем, благодетельном. Дома второпях проклеили мы его скотчем, но, видать, не прошли для него бесследно времена, когда девяносто пять килограммов Сережи Самутичева плюс рюкзак съехали на нем, несчастном, вниз с перевала Азау, и теперь похож он был на звездное небо. Кое-где светила были потускнее - сквозь скотч, а вот кое-где зияли нестерпимо, а вечор, соответственно, нестерпимо текли, и все на морду лица. Что там течет на ноги, это сразу не приметить, спальник потом высохнет, а вот когда спишь, стараясь сделать голову поплоще, чтобы не касаться вредного полога, а на самую ряшку так подленько - кап… Ну, просыпаешься, вертишься, чуть-чуть эдак приподнялся, а крыша, она только того и ждала, вон сколько воды скопила…

Короче, выполз я и, руководствуясь целеуказаниями изнутри, отмотал еще пару метров клейкой ленты на благо комфортности. Может, поможет.

Завтрак творили очень долго, поскольку у всех (конкуренция!) стояла параллельная задача - подсохнуть. Дело облегчалось жарким солнцем, но осложнялось густыми кронами, отбрасывающими удивительно быстро ползущую тень. Не успеешь приладить свои ненаглядные носочки на самый солнцепек, глядь - прозябают в тени, а вновь озаренные площади уже заняты. Однако, побегали.

Стратегия дня, в общем и целом, наметилась еще вчера. Требовалось попасть на верховья Сывь-Ю, как можно короче и дешевле. Траектория очевидным образом пролегала между двух невеликих вершинок, знаменующих водораздел. Правда, склон правой по ходу, обращенный к водоразделу, казался крутоватым, а левый вовсе виден не был, но явно требовалось чуть спуститься вниз по течению нашего гостеприимного ручья с крайне негостеприимными берегами, действие которых вчера испытали, пожалуй, все, перепрыгнуть на левый берег, а там видно станет.

Лесок внес коррективы. Двинувшись я почувствовал, что забрал слишком быстро влево и, как только спустились с удивительно приятной сухой осыпи, чуть-чуть скорректировался вправо, вдоль ручья. Затем пошли нехорошие кустики, загораживающие обзор, подлые полянки, выход с которых располагался чуть, ну, совсем капельку правее, чем хотелось бы… На компас я догадался глянуть только через полчаса движения и сразу с опаской оглянулся на верных спутников. Бедолаги и не догадывались, что я только что украл у них минут пятнадцать ходового времени. Ходового! Вроде, число звучит негромко, но ведь все это время переставляешь ноги, отягощенные задницей, отягощенной спиной, отягощенной плечами, отягощенными рюкзачищем и дурной головой… Не догадываются - и пусть. Спокойнее спится, решил я и круто завернул к воде.

Переправа выглядела недружелюбно - по-сухому никак не выходило. Впрочем, через несколько дней и в другой ситуации мы такой мокрой переправе обрадовались бы до умопомешательства: спокойная переплюйка, ровное дно… Теперь же, недовольно вздрагивая от холода, брезгливо перешагали, поскользнувшись раза по два, выползли на грандиозный развал особо крупных шкафов и сели выжиматься. Настроение держалось бодрое и боевое. Погода благоприятствовала, путь не убивал, все шутили, смеялись и фотографировались. И выжимались.

А дальше пошло чуть хуже. Света после вчерашнего оправилась и лётала по камням - только дай, зато Лену достаточно крутой и длинный тягун сразу слегка сквасил, и через пять минут впереди идущим пришлось стопориться. Да и у остальных ниже бодрых физиономий бурно вздымались грудные клетки и отчаянно лупили моторы. Лена, кажется, сердилась на себя и хотела рвать, но я примирительно родил чрезвычайно свежую фразу о том, что моторчик только один, посадишь - не заменишь, а потому давайте-ка пересидим. Затем состоялся еще один такой же подъемчик, в конце которого остановиться захотелось уже мне. Не по физиологическим соображениям (пока что), а проснулся во мне этакий скептический чертик, аккуратно и молча развернувший мои окуляры чуть влево от курса. Вершинка - та, на правом по ходу скате, гордо высилась слева. Хм. Карта после бессчетных генерализаций положения не проясняла, но я хорошо помнил склончик под той вершиной и решил - к черту. Обойдем ее справа, вон впереди явная полка водораздела, и спустимся, куда надо. Ну, чуть накрутим.

Путь строжал. По мере продвижения вперед тальники гущали, а ровных мест становилось меньше. Света из-за этого начала злиться, а хуже, чем злящаяся Света - это поискать надо, настроение (мне, во всяком случае) она в таком состоянии портит моментально и надолго. Обойти же цеплявые кущи никак не представлялось возможным.

Сделав два убогих переходика, я уловил витавшую в воздухе хорошую идею - а не поднять ли настроение невеликим перекусом. Даже сердитая Света после подкрепления мягчает, что уж говорить о простых смертных, вроде меня.

Остановились перед маленьким лобиком по двум соображениям: во-первых, не хотелось переться на кручу с пустым брюхом, во-вторых, ветер, уже изрядно разошедшийся, срываясь с подъема вроде бы меньше задевал нас. Ох уж эти иллюзии. Девчонки ели плохо, мы же поскромничали немного, а затем отрубили по третьему куску сала и с радостью сжевали. Вид назад открывался приятный: из

лесистого языка покато подымался скат Малды-Иза, справа, как на ладони, простирался кар перед вчерашним водоразделом. Да, пожалуй, слишком далеко справа, взять бы левее… но там вершинка, а впереди же, кажется, какое-то седлышко, залезем, поглядим, что к чему. Не далеко уж осталось.

Да, недалеко. Даже не запыхавшись влетели и остановились в недоумении. То есть я - в недоумении, остальные - в ожидании.

— Тихо, хлопцы, Чапай думать будет,- объявил я и с умным видом углубился в карты. А что тут думать? Все ясно.

Впереди расстилается низкая долина поросшая редким, а дальше - и густым лесом с явным уклоном к западу. Слева стоит стенка длинного хребета, начинающегося той самой вершиной, которая теперь уже прямо на траверсе слева, справа от седлышка чуть поднимается и совсем неподалеку тонет в долинке невзрачный вытянутый холмик. Если где здесь и есть исток Сывь-Ю, то я его не вижу, и никто его тут не увидит, поскольку, вернее всего, он слева, за хребтом. Печально во всеуслышанье объявлять о своих ошибках. Чапай подумал, пора чапать дальше.

Что мучительно терзало меня весь поход - это моя неуверенность касательно тактики и стратегии передвижения. Наверное, противно было наблюдать со стороны за моими метаниями - а может, туда? а может, сюда? а если остановиться? а все же, давайте пойдем, если никто не против? или будем ночевать? И в том же духе. Гораздо проще, наверное, жестко командовать: отделение, переход пятьдесят минут, темп сто шагов в минуту, шире шаг, живот втянуть, спина колесом вместе с рюкзаком, выше, выше подбородок! Какой ужин? К черту ужин, ужин вам не нужен!.. Вот, не умею. Офицер - да вот запаса. Как Буриданов осел: не дай Бог, встретится некая альтернатива, и выгоды одной из сторон неочевидны! Монетку, что ли, завести для выхода из затруднительных ситуаций?

Вследствие сомнений, я оставил всех внизу, под хребтиком, и вперся наверх поглядеть, а туда ли я народ веду. Была когда-то такая глупая привычка - на перекурах бегать вперед "в разведку". Совершенно идиотское занятие: обычно просмотреть путь далеко не удается, а хот бы и удалось - ну, увидишь его на пять минут позже, а сил уходит за день уйма, ощущаешь себя героем, а окружающие - придурком, позером, если не чем похуже. Результат этой разведки, как и ожидалось, был однозначен: Сывь-Ю слева за хребетиком, лежит, милая, в распадке двух высоких каменных стен, а лесок ближайший далеко-далеко… чтоб ему не быть поближе.

Вернулся, запузырил всех вверх по американке - каждый за себя - и нахально обожрал кустик шикши. Ничего вкуснее в этой неладной долине не росло, грибы, правда, были, но куда их нам… Затем напялил рюкзак и - надо же! - к перевальной точке всех догнал. Ноги гудят, мотор молотит, рожа красная, рюкзак на уши лезет - герой! Ура.

В общем и целом тут красиво. Половина долины уже оделась тенью от правого хребта, другая, наоборот, ярко светилась в лучах заходящего солнышка. Внизу голубеет озерко и рябят блики на многочисленных болотинках, с такого расстояния совершенно ровных и притягательно-зеленых. Первый участок пути тянул на категорию асфальта, пожалуй, такого удобного отрезка больше за весь поход и не встретилось: небольшой уклон вниз, совершенно ровный плитняк без бульников и настырной крошки, сухой и изумительно держащий ноги. Отмахали по нему минут двадцать, как реактивные, и, на собственное горе, спустились вниз. Деваться-то некуда: путь, очевидно, лежит на левый скат долины, поскольку Сывь-Ю заворачивает вправо, к западу, а затем и вовсе разворачивается на север, огибая ту долинку, какую мы полчаса назад лицезрели. Горе, собственно, заключалось во все углубляющемся кочкарнике. Интересные то были кочки: отношение высоты к ширине основания порядка двух-четырех. Неправильные такие кочки: скакать по ним невозможно, обходить каждую кругом - замаяться. И замаялись, и только замаячила первая лужа, тухловатая еще, не проточная, тут же встали попить. Пили вволю, а, как известно, с налитым брюхом - какая ходьба!

Стронувшись, уперлись в неширокий ручеек - Сывь-Ю. Наудачу подбрели к берегу - ба, вот и камушки лежат, прелестно-то как. Перешли по-сухому и повернули направо, вдоль реки. Андрей добросовестно выплеснул на землю из фляжки тухлячок, набранный в лужице, и наполнился чистой водой. Фляжка героически была погружена в недра рюкзака - тяжелого! Водонос у нас отменный.

А где же лес? Его так неплохо видать с перевальчика, а теперь перед носом - рядом, вроде бы - покатый подъем, и река уходил вправо, огибая его, а лес, наверное, за ним. Сумерки - дело опасное, казалось, перед носом, а топали мы до него знатно, долго и упорно. Дохленькие ручейки, спешащие в Сывь-Ю, путь не то чтобы усложняли, а как-то растягивали. Будь он самый переплюистый, а все равно шаг влево-вправо сделаешь, чтобы удобнее перескочить, повертишься на месте, как пес на подстилке, один другого подождет… еще пара минут потеряна. Небо же торопило, потухая на глазах. Определенно, срочный бивак был весьма и весьма желателен.

А до лба-то мы так и не дошли за переход! Впрочем, какой там переход. Большой моей ошибкой, кажется, явилось злостное потакание собственной костлявой спине, зело удручаемой тяжелым мешком, в результате которого минимальная (а затем - и нормальная) продолжительность перехода девальвировалась до двадцати минут. Сегодня еще что, вот через несколько дней эта дурная привычка так нагадит… Но это через несколько дней. Наверное, надо всегда иметь в группе такого, как Бестужев или Боря Ситев: чтоб какой рюкзак не навесь, а он все равно маячит на пределе видимости впереди и - скотина безжалостная! - имеет часы на руках. Скорчишь морду поплаксивее, начинаешь плести про удобное местечко и мягкий холмик, а он взглянет под рукав и эдак: "Не, три минуты ишшо…"

Где тонко, там и рвется. Лена отставала-отставала, уставала-уставала и буквально на втором шаге после очередного не утолившего усталости пересида упала. Самого процесса я не видел, она потом утверждала, что запуталась ступней в кочках и сильно растянула ее, я зрел только попытку отжаться под рюкзаком в крайне неудобной позе: рюкзак поверх затылка, голень на кочке, лицо между кочек. Ситуация: Андрюша и Света притоптывают от нетерпения, сверху, между прочим, уже не просто темнеет, а тучи собираются, а тут такая проблема. Не долго же мы прошли, нога за ногу, пока меня не осенила чрезвычайно свежая мысль. Правда, я долго - минуты три - сомневался, поскольку хорошо знаю, как задуманное мною опускает настроение, но потом решил, что ниже - только в болото, и дал стоп. Поднатужившись, придал, кажется, голосу необходимую твердость и изрек, что топать, в общем случае и в частности, в виду вечера и непогоды, надо скоренько, а потому, Леночка, не дуйся и потрошись. Она, понятно, поупиралась, но необдуманно позволила мне находиться за ее спиной, а когда сообразила и обернулась - я уже развязал рюкзак. Надо сказать, что плечи мои были непримиримо против головы, и - каюсь! - кажется, самый тяжелый кус достался Андрею. Не знаю, заметил он или нет. Вероятно, нет, поскольку вскоре Светка отобрала у него пару таблеток от бодрости в виде банок тушенки, тяжелых таких банок. А я вот заметил то, что ноги совсем стали заплетаться, и - первый раз за поход - подвернул ступню, да сильно. Видела только Света, и весь оставшийся переход, пока я с усилием разгонял звезды в глазах и растягивал небо с овчинку до нормальных размеров, шла рядом и любя пилила за квазигероизм. С ногами что-то и в самом деле шло не так: огромный Андрюшин полуторный ВЦСПС бесстыдно разинул рот и чавкал им на каждом шагу. Ладно, ладно, ноги, вон уже лес,теперь он точно близко, уже проскочили первые деревца - скоро! скоро!

У опушки встали, я сбегал чуть вперед, сыскал замечательное местечко и, практически одновременно с первыми каплями, ненавистные чумаданы упали-таки в травушку. Ночевать.

Дождик, кстати, оказался джентльменом: поплевал малость и утих до ночи. Сготовили спокойно, и поели сухо, и залечь успели.

Ох, не двигалось мне в тот вечер! Ведь не первый ходовой день - странно, правда? И остальным, мне показалось, тоже. Лена удобно уселась на камушек заниматься ногой, не обращая внимания на брызги сверху, у остальных (и у меня) тоже нашлись дела… Но палатку воткнули шустро - уже навострились - и костер развели, а потом апатия какая-то напала. Даже записи, как положено, не сделал - что ели, во сколько… Злополучный ботинок подвергли комиссии и вынесли заключение, что до утра подождет. С дровами повезло: в пределах видимости - в лесу! - торчало столько лиственниц с бородами сушняка под кронами, что даже необходимость отойти от костра на десять шагов, начикрыжить спичек для жара, ломала. Андрей удачно раскорячил несколько изумительно сухих пеньков с пахучей красной древесиной, и костер удался на славу.

Трава под палаткой росла мя-агкая…

5 августа 1995 г., пятница.

Вылез в 7.50. Мыл котел, затем стали готовить завтрак. Пасмурно, изредка проглядывает солнце. Облачность подымается.

Позавтракали; с ботинком закончили к 10.50.

11.16 - 11.36. Перемотал пленку, вышли из лесинки.

11.48 - 12.10. Перешли по-мокрому ручей из кара слева.

12.18 - 12.40.

12.50 - 13.09. Перлись через кусты.

13.20 - 13.25. Только тронулись, нашли ручей и сели готовить горячий обед.

14.48 - разлили.

15.10 - 15.29. То тропа, то растворяется в камнях.

15.35 - 16.06. Все по тропе, сменили порядок гонок.

16.16 - 16.34 Очень ручьистый залом, множество паразитов - 1648. Тропа окончательно потерялась в каменисто-болотистых поперечных ручьях.

17.01 - 17.36. Второй ручей. Место для стоянки негодное - сплошной мошкарник.

18.07 - 18.22. Где? Ручей?! Света и АК ищут воду - нашли!

18.33 - 18.45. Прошли пару ручьев с рассадниками, встали лагерем на ветреном лбу. Сбегали со Светой вперед, там только сухоток.

Жжем костер в яме с 19.25.

20.10 - ужин готов. Девчонки умываются. Грозу пронесло мимо.

Отбились порядка 21.30. Спал один, плохо.

Ходовое время: 232' Расстояние: 11 км

Ну, так. Дело на сегодня - яснее некуда: сей гостеприимный, очень красивый и во всех отношениях привлекательный лес хочется оставить позади, чтобы полюбоваться "ушами" Заячьих гор. Тогда завтра успеем вырваться на Индысей, под Трехозерный, и закатим там славную дневку по случаю трехлетия свадьбы. Как раз: трехлетие на Трехозерном. Только не нравятся мне эти тучи, сухие, но очень густые, и этот храп из палатки - Господи, умаялись дети ведь. И у Ленки нога того - быстро, пожалуй, не побежишь. Она и так вроде трактора: куда угодно и сколько угодно, только бы не быстро, а тут еще повреждения гусеницы…

Под деревом валялись следы вчерашней апатии: котлы, грязная посуда и тому подобное прочее. Около кострища, в результате вчерашней апатии ничего не валялось: ни обломков пенька, ни "спичек" от лиственниц, ни бересты. Рюкзак мой, вследствие вчерашней апатии не упихнутый под полог, а только прикрытый личной накидкой - надо же! - не пострадал. И даже суше остальных, волглых от дыхания из палатки. Лицо, собственно, уже умыто путем касания мордой крыши; котлы вот вымыть бы… Холодна вода, круты берега…

Есть свежая мораль. Мемуары надо сочинять по свежачку, сразу, как дело кончено. Прошло-то всего ничего - четыре месяца - а день тот уже подернулся дымкой забвения, особенно хмурое мокрое утро. Кажется, к моменту закипания воды я все же выгнал общество на ветерок и с удовольствием подставлял ладошки огню, наблюдая одновременно за тремя вещами, смотреть на которые можно бесконечно: огонь (в костре), вода (в котелке, а скоро это будет каша) и то, как работают другие.

После завтрака остро встала проблема ботинка. При внимательном осмотре обнаружилось, что прибить оторвавшуюся подошву у нас нечем, а на супер-клей я как-то не очень рассчитывал. Пришлось из гвоздя изготовить укороченный обувной гвоздь, вбить его, а рядом по-новой прихватить подошву шурупами. Вот счастье - крутить в резину крестовый шуруп, не имея под рукой отвертки…

В верховьях Сывь-Ю лесок на удивление приятный, парковый. Между широко отстоящими лиственницами - шелковистая травка, земля сравнительно ровная, ногам приятно и глаз радуется. Не то - ближе к месту, где река загибается к западу, огибая хребет. Очень скоро после бивака поверхность уже перестала восторгать ноги. Долина несколько сузилась, а может, просто наш курс подвел ближе к левому борту, земля наклонилась, из нее густо поперли разнообразные камушки, перемежающиеся грязевыми линзами. Как всегда в лесу, стало скучно. Метелишь, метелишь ногами, казалось бы, вон до того ручья по карте - всего ничего, а где же он, родимый? Нет, этот переплюйчик - явное не то, не может он быть отмечен на карте, а тот, что нужен - то ли высох, то ли приснился геодезистам… И снова мое сострадание собственным плечам сыграло плохую службу: двадцатиминутные переходы. Правда, на сей день было и оправдание. У Ленки здорово болела нога, понятное дело, приходилось беречь, и не перегружать, и рюкзаки наши это тоже почувствовали.

К середине дня Света с Андреем окончательно измотались двигаться таким муравьиным темпом. Порешили: генеральное направление всем известно, а не известно, так на тебе компас и держи азимут, а мы поплетемся себе тихонечко сзади, авось, не потеряемся. Где-то там же вспомнился старый глупый анекдот:

Стоят на лугу две коровы, жуют сено. Летит стая напильников:

— Эй, телки, где тут юг?

— А тама,- машет хвостом менее ленивая. Улетают. Через полчаса - еще стая:

— Буренки, тут напильники не пролетали?

— Угу.

— На юг?

— *Угу.*

— *А куда это?- та же корова машет хвостом совсем в другую сторону. Напильники скрываются, другая недоуменно спрашивает:*

— *Что ж ты их в разные стороны отправила?*

— *А на фига на одном юге столько напильников?!*

Так вот, к тому моменту, когда лесок окончательно испортился, вполне сформировались два стойких функциональных определения:

НАПИЛЬНИКИ - те, кто пилят впереди. Не трудно догадаться, кто именно.

КОВЫЛИ - дело ясное: ковыляют сзади.

А лес испоганился, загромоздился кустами и низкорослыми, но, судя по числу мутовок, очень древними елочками, и напильники пропали из поля достижимости свиста, а у меня начало портиться настроение. Хорошо, что, видимо, мы оба придерживались одного направления, и за конечное время отчаянный сигнальный свист сопроводился не только эхом, но, двигаясь по пеленгу, пришлось преодолеть такие заросли! Выколупал из волос обломки сухих веточек, проматерился про себя, дал команду, и только двинулись - под ногами зажурчало. Плечи и желудок посоветовались, ласково похлопали меня по спине, изнутри и снаружи, и напомнили, что Леночке, поди, совсем нехорошо, надо ж дать передохнуть как следует бедняжке…

— Обед!- заорал я и метнул рюкзак в кусты. Не надо понимать буквально, конечно, такой выходки солидный руководитель себе не позволит, но уже скоро я же (инициатива наказуема!) возился с огоньком, а главное, с пристройкой над ним котелков. Рядом располагались симпатичные россыпи совершенно никчемных, с нашей точки зрения, грибов - не тащить же!- и я размечтался сфотографировать их на память. Как раз кончилась пленка в ФЭДе, смотал, открыл, по привычке перещелкнул… Щель в шторках добежала аккурат до середины кадра и остановилась намертво. Ай, здрасьте: одним фотоаппаратом меньше. Грибы попали на слайд, инвалида запихал в рюкзак: вечером раскурочу.

Погода переменничала. Вообще-то стояло на небе солнышко, но временами из шальной тучки прорывался жидкий душик, что было как нельзя некстати, учитывая обильную поросль на пути. Видимо, в компенсацию за полившиеся мне в тарелку брызги, отправившись за ближайшую елку по вполне определенным причинам, я обнаружил, что травяной ковер имеет изъяны. Изъян имел линейный характер и простирался в направлении нашего движения. Тут уж грех не заорать, поскольку - и в самом деле!- это могла быть только тропа.

Надо сказать, я не знаю, как появляются, живут и умирают тропы. Дело это куда более тонкое, чем просто Восток. Казалось бы, глухомань невероятная, путаница рукастых стволов, болотца, тальники - нет, тянется вслед за невидимым клубочком едва приметная стежка, и точнехонько выбирает путь наименьшего сопротивления. Идешь по ней, и вдруг она - прыг совсем не по курсу. Думаешь: шалишь, глупая, тут-то я уголок и срежу… И через полчаса снова натыкаешься на нее и на нетерпеливо подпрыгивающих напильников, уже невесть сколько тебя дожидающихся: ходите тропами!

Так и эта тропа. То ли звери ее протоптали, то ли редкие здесь туристы, но, виляя и запутываясь, она надежно огибала самые непроходимые каменные россыпи, а уж если не могла миновать особо длинный язык, то сбегала с него на самое мягкое место, пусть даже не по кратчайшей пересекая, и в этом случае ох как непросто ее оказывалось сыскать. Ленке эти камни приходились - хуже, чем в печени. Наверное, нога хорошо помнила падение и при одном виде зубастых бульников ее брала оторопь. Короче, даже установленный порядок отрыва напильников перестал удовлетворять общество. Тогда порешили так: ковыли снимаются, отходят на пять минут, напильники ветром обдувают их, несутся до времени и поджидают на тропе. На тропе! На какой тропе? Подлая вот что удумала: сначала явила нам свеженькие кабаньи следы, а потом веером стежек разбежалась куда-то вниз, к реке. Зачем нам к реке, где кабаны и нет перевала к Заячьим горам? Топаем прямо. Нетрудно угадать с одного раза, как изменился характер передвижения. К вечеру потеплело, над горизонтом обильно заклубились тучи и, чуя завтрашнюю непогоду, кровососы вконец озверели. Идти с накинутой на морду лица марлей - обязательно сверзишься, не разглядев, куда ступить. Идти без марли - в самый неподходящий момент заедешь себе в глаз той веткой, которой обмахиваешься, потеряешь контроль, что-нибудь не то скажешь и от смущения обязательно сверзишься. Альтернатива…

Однако, пора бивачиться. Достал уже этот лес, и заломы, и буреломы, и мелкие поганенькие ручьишки с удивительно горькой водой, питающие жирно чавкающие болотины, и мошка, и напильники, которые рвут, и ковыли, которых сзади и в бинокль не разглядеть… После одного уж очень смачного

каменистого языка с нетривиальным выходом сквозь царапучую елку мне захотелось отдыха. По карте где-то в этих краях - мощный ручей, вот вырулим не него, и баиньки.

Мы догнали скороходов, сидящих на поросшем травой взлобке неподалеку от увековеченного в хронометраже залома. Не шлось. Побегал вверх и вниз, особенно вниз, туда же, кажется, ушла тропа, и обнаружил ее метрах в пятидесяти… выше по склону. И то хлеб. Правда, довела она нас только до того самого ручья, но там уж не до дороги стало. Ручеек швидко журчал на дне глубоченного глинистого оврага с крутыми скосами. Скользкими, между прочим. Вот здорово будет - лазить туда-обратно с котелками! Кстати, его бы перелезть неплохо, но как?

Каюсь, сдал Зенцову Андрею, как стеклотару, и сквозанул в лоб в низ - я, мол, вас снизу пощелкаю. Светка слезла за мной, а Лену повели где-то верхом - Андрей нашел удобный (для своих длинных ног) обход пфальца поверху, но и наматькался же он, я думаю, поджидая профессионального якоря! Кончилось тем, что на последних ста метрах он рванул и через пятнадцать секунд уже парковал рюкзачок рядом с нашими, а надо сказать, что метры проходили траверсом по глинистому склону с солидным уклоном. Пришлось вернуться, отобрать рюкзак и чертыхаясь - как он-то тут просвистел с такой скоростью? - сопроводить Ленку до места.

Однако, жрут. Прелестная полянка рядом с ручьем мокра до безобразия и так и гудит кровососами. Наиболее ретивые уже обнаружили пополнение в рядах прохожих и с аппетитом совершают пробные облеты. Этак тут долго не просидишь, и к воде - если с похма - только кубарем. Вердикт очевиден: искать, где суше и тише, в смысле зуда мошки. Поднялись с Андреем немного вверх по течению - прелестные местечки, симпатичные лиственницы, жуткий буерак - не то, что палатку, ногу не поставить. Двинулись дальше по долине, обсуждая прошедший и грядущие дни. Топали долго, но все как-то не прельщала нас местность. Вернулись, кряхтя подлезли под, встали с, протопали минут пятнадцать, обрушились радом с ними же - подлыми, любимыми, противными, ненаглядными рюкзаками.

Сил моих на поиски уже недостало. Закосил: бегали Светка с Андрюшей, недолго - минут десять, пришли и сообщили тому, что осталось от нас с Ленкой, обожранных, что все о'К. О'кея не получилось, ибо и там мутные столбы жаждущих мессершмитов грозно реяли в лучах красивого и, как на грех, теплого заката. Следующий ручей, глубоко проваленный в роскошные травы, порадовал еще и отсутствием площадки - что за невезуха! Теперь уже, злой и голодный, вперед пустился со Светой я, зря орлиным оком ниточку водотока впереди по курсу. Тщетно: и он - сухой. По дороге, однако, обозначилось приятное место: ровно, исключительно сухо, на чуть-чуть приподнятом лобике - словом, то, что надо, кабы вода. Ничего, принесем, подумали мы, и потащились обратно к жаждущим решения Ленке с Андреем.

Да - кстати. Сегодня Светка особенно энергично его марабукала, и мне показалось, что обида недалеко. Ей, как выяснилось в разговоре, нет. Нехай - лишь бы не дрались. Еще она подло жаловалась на мужа - меня, мне!- мол, дисквалифицировался, ночи напролет дрыхнет, как бревно и не греет. Эге, внутренне взъерошился я, ох и скотина же он, то есть я, то есть, конечно, не скотина, то есть… а что же ему, то есть мне, делать? Скрипя зубами сказал, не пытаясь, чтоб было ласково - попрошу, чтоб тебя пустили в их спальник. Там - тепло.

Переволоклись. Приборы показывают кельвиновский ноль, не нуль даже, а ноль без палочки: палочки, передние и задние, а также носы и уши - висят. Долго, наверное, с полчаса вяло копошились в мешках, выволакивая все, что нужно, потом нехотя поставили палатку, запихнули туда Лену и долго, со вкусом, болтали, болтали… Девочки все также неспешно рекомендовали не смотреть в сторону ручья (а что толку - смотреть? метров триста, однако, а бинокля нет…) и пообещали быть скоро. Мы им поверили и занялись по хозяйству: напинали с близлежащих деревьев сучков, сыскали замечательную, прорытую неведомым ручьем яму посреди своеобразного вади, запалили, сварили, сели ждать. Ждали. Трепались. Солнце завалилось за верхушки лесин. Последняя навеска дров прогорела. Каша зацементировалась. Терпение лопнуло.

— Долго вы еще?- огласил окрестности зычный дуэт.

Потом выяснилось, что орали в самое невовремя, и только расстояние спасло наши очи от неминуемого ослепления при виде дам, заверявших, что они сейчас. Русский час - шестьдесят минут…

Все кончается. И день, и девичья помывка, и каша в миске, про которую с хохотком острили, что щаз набьем кой-кому брюхо рисом, а морду - соответственно… И наступает ночь, долгожданная, тихая, сонная…

6 августа 1995 г., суббота.

Проснулся порядка 8.40. Отсиживаем - дождь, накрыло облаком.

С 10 до 12 копался в фотоаппарате.

12.30 - 13.30 готовил суп, затем праздновали 3 года и в 15 залезли в спальники. Ветер сменился на северный; облака подымаются и идут на юг. Вылез в 18. Комары, а погода та же. "Ровесники" спят. Точил топор, в 20 начал готовить ужин. На С-З дыры в облаках.

Поужинали в 21.30.

Опять поплотнели тучи и жрут комары.

Что тут писать? Вчера, как уволокло ветром последние тучки, вызвездило и, соответственно, приморозило неслабо. Заснуть не мог долго, а вот проснулся быстро: один потому что. Что, спрашивается, делать одному в спальнике? Вылезать, отвечается, и как можно скорее, пока льдом не прихватило.

Улица не порадовала. Под утро пошел дождь, и его мокрые следы заполнили всю окрестность. Плотные белые тучи элегантно омывали верхушки лиственниц и плавно переплывали куда-то за хребет. Тишь стояла невероятная, и деревья обильно напитались крупными каплями влаги - красиво, но очень непрактично, если сквозь них продираться. Капли коагулировали, обрывались, но на место каждой отыскивалось вдвое абитуриентов - дождь работал исправно: то польет, то покапает… Что, спрашивается, делать одному на мокрой-мокрой улице? То, отвечается, за чем выполз, а затем быстро-быстро обратно, в палатку, где тоже совершенно нечего делать, но не льет.

Однако, вопрос: дневка в плане стоит на завтра, если сегодня - отсидка, а сие очевидно, а завтра дневка - не жирно ль будет? Шесть умоляющих глаз из спальника ровесников (которым шесть ушей и без меня сообщили о метеорологических неурядицах) возымели действие: дневка. Сегодня. Отлежимся, отожремся, вечером напьемся в честь праздника, и о'К.

Из-за дождя так ломало переться, готовить жрать! Зажег свечечку - для освещения и тепла, вытащил все доступные ножи и принялся добивать больной фотоаппарат. Думал, разберу, небось, где-нибудь обнаружится та подлая грязь или поломка, из-за которой весь сыр бор! Как же. Удалил меньше десятка винтов и две крышки непонятного назначения и вдруг понял, что еще парочка - и придется ссыпать все в мешочек и тащить до ближайшей фотомастерской: назад я это уже не соберу. Обрывки пленки я и вправду обнаружил, но они не заклинивали нечего существенно важного, так что без особой надежды взвел бедолагу, нажал Enter, то есть спуск, конечно… Щелк! Да какой щелк замечательный: работает ведь, лапушка! Щелк, щелк, на другой выдержке щелк, на третьей… Воистину, прав был тот слесарь, который придумал закон: не работает - разбери, собери - заработает. Ура.

Дождь не то чтобы прекратился, но существенно приблизился к состоянию измороси, а ровеснички начали проявлять некоторое пищевое нетерпение. Впрочем, прозвище ровесников, хотя и вполне подходящее по смыслу, мне им приклеить не удалось, так что больше и называть так не буду. Так вот, вдоволь насмотревшись на мои слесарные манипуляции друзья не то чтобы возопили, но дали понять, что пора бы и почавкать чем Бог послал. Желудок - верный, но подлый мой брегет - и мне напомнил, что завтрака не было, а время уж к обеду. Детям так неплохо возлежалось в тепле и относительном уюте, изредка прерываемом окапками с потолка, что душа моя исполнилась жалости и жажды подвига, и поперся я, проклиная все на свете, на ту чертову улицу, где мокро, сыро, мозгло и еще какие там синонимы есть.

Сюрприз: вади набух водичкой, и вчерашнее костровище неподражаемо в роли угольного фильтра-поглотителя. Бес с ним, пусть и дальше фильтрует, но как сотворить костер на ровном месте без рогаток? Таскал бульники, пока не согрелся и не закурился паром, зато за водой далеко бегать не пришлось. Сготовил, впрочем, быстро, а заодно наточил подсевший нож, укрепил уже порядком скособочившуюся пародию на палатку, самостоятельно произвел обыск в рюкзаках на предмет ингредиентов меню… Переделал, короче, массу полезных дел, и - чудный финал - приволок котелки к палатке. Ленка выскочила на минутку и вернулась с неким кексиком, увенчанным юбилейными свечками, я изъял из Светиного рюкзака вафельный торт и пузырь массандровского портвейна - ох, повеселимся!

Увеселились настолько, что, пошвыряв миски и кружки за борт, завалились спать, и даже я при своем гордом и дискомфортном одиночестве не отстал от общества. Склубился потуже, закутался в спальник - а ведь монополизм имеет и свои преимущества: попробуй-ка улечься в полном комбайне, как захочется! А тут - кум королю: хочешь - на правый бок, хочешь - на левый, колени хоть к подбородку

затягивай… Принял сугревательную позу, чему способствовал и выпитый портвейн, углубился, как учат йоги, мыслью в приятное…

Открыл глаза - шесть вечера. Прислушался - тихо. Неужто! Скорее на воздух - и впрямь не льет. Тучи чуть поднялись, обнажив склоны хребта, на западе, вдоль горизонта, светлая полоса. Набрякшие маленькие лиственницы имели столь привлекательный вид, что я не вытерпел: заполз в палатку, изъял из-за мирно сопящих ровесников "Зенит" и пощелкал вволю красивых слайдов. Больше делать, однако, оказалось нечего, а лезть обратно не хотелось - выспался, да и сколько бока мять можно - болят! Походил кругами, потом вспомнил, что вчера сам матерился по поводу тупого топора, коим, похоже не единожды попадали по камушкам, достал точило и завжикал. Процесс уже подходил к концу, когда хриплый голос из палатки осведомился, не на них ли я точу зубы. Я сказал, что нет, разговор завязался и завершился, естественно, опробованием свежеточеного топора для рубки дров на костер. К ужину.

Вот странно - ведь воды вокруг столько, что не продохнуть, а эти мерзавцы уже зудят над ухом! Хорошо, хоть мошку смыло, одни комары, как нибудь справлюсь… Ага, попал… Еще попал… Ох, не успел попасть, ужрали, сволочи… Торопливо поместился в полоскужидкого дыма от никакого костерка, с трудом доваривающего жорево - не помогло. Пришлось интенсифицировать процесс готовки и скорее смываться под крышу.

Что еще сказать про бездельный день? Отдохнули, и ладно.

7 августа 1995 г., воскресенье.

Болтали в 4 утра.

Встал в 7.30, к 8 начал готовить завтрак. Солнечно.

9.40 - каша созрела.

10.51 - 11.15.

11.32 - 12.01. Уперлись в траверс, определили приток справа, спустились по нему и поднялись на водораздел Заячьих Гор.

12.07 - 12.34. Обошли болота, тропа пропала. Вытаскиваю слайд-пленку.

12.59 - 13.30. Люди, ручей к Саледам.

13.44 - 13.50. Сходили до людей.

14.00 - 14.45. Вломились в тальники, набрали грязи, поломались по курумке и вышли на выступ в виду Салед. Обедаем.

15.50 - 16.08. Спустились в бурелом, попали на угол первого из двух намеченных для прохода болот.

16.15 - 16.38. Прошли второе болото, суше первого. Жрут страшно.

16.45 - 17.05. Глухой лес по азимуту.

17.18 - 17.47.

17.56 - ручей вниз по болоту к Индысею. Лена угодила Свете ножкой рюкзака в ноготь.

18.00 - 18.25. Дошли до Индысея, нашли переход, переправились.

18.50 - стоянка на высоком берегу. Много дров, астрономическая видимость.

Ужинали в 20, с 21 до 22 девочки мылись.

Отбились порядка 23.20.

Ходовое время: 319' Расстояние: 16 км

Ночью соседи заколебали: при очередном повороте с боку на бок, как обычно, проснулся и уловил совершенно несвойственное моменту тщетно скрываемое шушуканье в районе противостоящего кола. Звук столь необычный для походной обстановки, учитывая время (а начинало светать, то есть часа четыре натикало), что старательно послушал, но уши со сна заложило, и информации почерпнул до обидного мало, посему решил - пусть себе, приказал ушкам сморщиться в трубочку и отключился.

Вообще, с точки зрения благоденствия группы, очень неплохо регулярно выкладывать кого-либо в арктический моноспальник. Утром, хочешь не хочешь, обстановка выгонит наружу и заставит заниматься делом. А если утро еще и такое же шикарное, как сегодня, то и горевать особенно не станешь о теплом месте.

Достаточно редкое явление на Приполярном: солнце ярится во все небо, ни облачка, синь бездонная, умытые вчера травы и склоны гор сияют, переливаются, каждое дерево, даже в чаще, светится

изнутри теплом и радостью. Глубокая осока у ручья еще хранит в недрах немало воды, но сверху уже высохла и шелестит не как вчера, а как-то по-сухому, тоньше и нежнее. Обжигающе ледяная вода… быстро отбивает всякие поэтические глупости и шустро гонит разводить костер. Однако, дрова-то сырые, здорово их пропитало. Костер долго кобенился, но потом вышел на режим и…

И естся в такое утро тоже здорово, пусть и кровососам оно тоже нравится. Раз - и нету, два - и палатка свернута, три - народ навьючен. Красота!

Впереди, первый раз за весь поход проглянули какие-то стоящие горы: голубые, с острыми пиками и крутыми склонами - буквально через два шага от стоянки. Насущный вопрос, возникший еще позавчера (вечная тема неопытного туриста: куда нам?), к сожалению, сам собой не отпал. С места бивака просматривалось некое логическое понижение в хребте, точно по нужному азимуту, но грызли сомнения: перед ним, по карте, должен быть кар справа, а он не обнаруживался. Или он где-то ниже?

Нет, вот он, кажется. Двадцатиминутный переход привел к бойкому ручейку из того самого понижения, оказавшегося мрачного вида расщелиной, катящемуся в огромную чашу кара. Очень кстати. Ленка, к моему удивлению, уже раскраснелась и сильно сбросила в темпе, я аж утомился отслеживать дистанцию до нее, а напильники - те и вовсе нервничают. Пусть будет пора отдохнуть, попить, хотя лучше этого не делать, а я побегаю, посмотрю, что и как.

Все сомнения отпали, лишь только спустился на дно. Тропа, та самая подлая тропа, что так вероломно оставила нас вчера, а на ней - явно сегодняшний кабаний след. Вчера шел дождь, поэтому такой четкий отпечаток мог народиться только сегодня. Сюда-то нам и надо. Правда, это к азимуту градусов примерно 80 вправо, но в горах, как и в лесу, редко существуют азимутальные пути. Авось потом выправится.

Поднялся, гляжу - люди морально готовы, веселы и бодры. И в самом деле: отпущенные до низу напильники так сквозанули, что Ленка, мне показалось, надулась, и пришлось проповедовать осторожность и неспешность, спускаясь с ней по тропке приставным шагом. Для меня, правда, сия мера вредной не была: при виде симпатичного болота внизу я по-быстрому переобулся в сапоги, которые рады были скользить во все стороны на влажной тропе.

Внизу скороходы уразумели, что кабан в рассказах и следы в натуре - две большие разницы, и благоразумно дождались нас, искусываемые невесть откуда взявшейся тучей гнуса. Тропа моментально растворилась в болотине, все "ботиночники" тут же набрали полную обувку свежей тухлой жижки, появились какие-то буреломы и бульники - в болоте-то! Насилу догадался перескочить на левый берег ручья, где и обнаружилась беглянка. Дальше дело пошло на лад, стежка легла аккурат на азимут, пошел замечательный лесок, даже кровопийцы как-то поутихли, но мотор у меня так зашелся, что, глубокомысленно посмотрев на часы, я немедленно объявил заземление. И только потом догадался оглядеть морды лиц ближних моих. Судорожно глотая воздух, лица протискивались в вороты снимаемых свитеров и с облегчением крякали.

У Светы традиция: похода не проходит, чтоб она не отловила, потискала и отпустила насмерть перепуганную таким обращением ящерицу. И сейчас, не сняв рюкзака, приметила она меж камней искомый хвост, шустро потянулась за ним… Хвост проворно слинял внутрь развала, а прилетевший сзади рюкзак чуть было не углубил охотницу вслед за добычей. Хорошо, что чуть - не считается…

Сзади открылся выход мрачной щели, оказавшейся перевалом из ниоткуда в никуда. Нечего сказать, хороши б мы были, загони я толпу на него: финалом стал бы сорокоградусный спуск в то самое приветливое болото. Теперь слева по ходу явно находился перевал на верховья Дурной, к Волчьему перевалу, но, коль скоро Сухарев убедил нас, что Трехозерный глаже, так и идти нам вдоль по тропе, там где-то должен быть пологий такой перегиб к Саледам, между первой и второй грядами Заячьих гор.

Только поднялись - Андрей заматерился про себя и начал скидывать рюкзак: забыл "Зенит" на отдыхе. Не страшно, не далеко отошли. Вот три года назад я на пол-дневного перехода по следам бегал, "ФЭД" свой искал. Не прошло и полперехода, как нас снова стало четверо.

Местность тем временем достигла водораздельной грани, и открылось обширное болото, где-то по левому борту которого нам следовало двигаться. На картах Приполярного Урала большинство болот, болотин и болотинок не отмечены в принципе, но если уж картограф удосужился почеркаться мелкими горизонтальными штришками - будь уверен: это окажется именно таким, какое наблюдается сейчас. Здоровое занесенное чахлой травой озеро с прилегающими бочагами, топями, грязью и прочей прелестью. Горжусь: не упустил тропу, постоянно угадывал, где она снова обнаружится, и мы сравнительно легко миновали неприятное место. Редкое явление. Впереди теперь уже отчетливо высились красивые горы. Прикинули по карте - получилось, что это Сабля или ее северные оконечности. Как раз подошли к концу обе пленки в аппаратах, и я побегал округ, поснимал и назад, и вперед, и томно рассевшихся под приятным солнышком туристов. Крупная черника со всех сторон как событие уже не

воспринималась, более того, если ее вдруг не оказывалось или росло в недостаточном количестве, это порождало удивление, граничащее с гневом. Зажрались.

После двух болотин (или озер?) начался лесок, быстро сгустившийся. Странно: у болот особенно не высасывали, а тут навалились тучами, успевай отмахиваться. Я опять-таки вовремя (ну, это уже для меня ненормально, столько раз подряд) уловил момент, когда энергетически выгодно стало не упираться в траверс, а слинять чуть ниже на ровное место и, с удовлетворением, обнаружил там последние на пять дней вперед остатки тропки, а скороходы не послушались и запилили далеко наверх, где покруче, но меньше мошки. Впрочем, Ленка уже здорово умоталась, и нас они все равно обогнали. Прошли вполне оборудованную стоянку со столиком, еще один маленький перелесок, и открылось нам необозримое пространство, в самой середке которого высилась здоровенная палатка.

Проклятый заповедник! В старые добрые времена мы с радостью подошли бы пообщаться, а теперь первым делом глубоко сховали фотоаппараты, проверили наличие разрешения, а уж потом стали думать, стоит ли овчинка выделки. Вокруг палатки, размерами больше соответствующей небольшой избе, бродили кони, бегали разные жучки в немеренном количестве, и вообще, все это на инспекторов Национального Парка походило мало, но береженого Бог бережет.

После весьма долгих раздумий, усугубляемых давно уже опустевшими желудками, все же склонились к визиту. Оказалось - манси, на нас смотрели вполглаза, собаки брехали вполглотки, мы им явно интересны не были. Трехозерный? Да, там. Саледы? Да, это. Тропа? Нет, нету, держитесь открытых мест, не пропадете. Живем? Да, живем мы тут, две недели уж как. До свидания? Прощайте. Без эмоций.

И тут дал я маху. Не захотелось перескакивать на сильно вогнутый берег, на котором сидели мансики, а местные, они же толк в берегах знают. Нацелился это я на утес, у которого приток Индысея (или Дурной? разбери тут, в верховьях) растворялся в густом лесу, и двинул напрямик. Минуты через три, самое большее, вломился в такой тальничек, выше головы, под ногами жидкая грязь, корни невероятные наворочаны, камни местами торчат, ветки - толстые, крепкие, сволочи!- в морды хлещут… Рассвирепел, повернулся к "мансийскому" берегу носом и продрался насквозь без потерь. Я-то без, а девчонки здорово напроваливались, ноги измучили, все грязью измазались мало не по уши… Стр-р-р-ратег…

Однако, совсем худо. Ленка не столько идет, сколько стоит, напильники гневаются, мошка жрет, в брюхе шаром покати - пора обедать. Доползли мы кое-как до намеченного утеса, где скороходы, мне показалось, уже строили планы перевода части коллектива на мясо, да и я на последней прямой метров пятьдесят оторвался, ну, сил никаких не хватало тащиться. Бросил всю толпу на съедение и полез наверх искать место, чтоб ровно, вода и гундели не очень. Поползал, нашел: кто-то не очень давно стоял, в принципе, даже палатку есть куда ткнуть. Вода, правда, далековато внизу, но в лесу этакий прогал, сквозь него поддувает, и жрут не слишком сильно. Вернулся, обрисовал картину, сопроводил напильников и сделал еще один заход за Ленкиным рюкзаком. Не то, чтоб я альтруист принципиальный, но было местечко по дороге на тот бугор, где и со здоровыми ногами сковырнуться не стыдно.

Наверное, это был самый печальный перекус за весь поход. Стало жарко, а раздеться невозможно, съедят. Все уморились, сало на жаре не идет, а заменить нечем. Нам с Андреем усталость аппетит не сильно испортила, да девушки совсем кишками обмякли, а нам ведь стыдно обжираться в присутствии стойких мазохистов! Ну, съели по лишнему куску сала, ну, по конфетке, но сколько ж можно, когда они глядят этак снисходительно: эх, мужики, немного ж вам надо… Спустились с Андрюшей вниз, к воде, потолковали о перспективах. Обозначилось много общего, особенно в плане пессимизма. Ох, Леночка, Леночка…

Утес, на котором перекусывали, представлял собой самый крайний северный отрог второй гряды Заячьих гор. Когда мы вышли на его лысый лоб, открылась великолепная панорама долины Индысея, позолоченной заходящим солнышком, и, одновременно, такой черничник, что и я не утерпел. Разметав глаза по картам, а руки по кустикам, с большим трудом соображал, что же делать дальше. Трехозерный просматривался очевидно, но чертовски далеко. Стратегически важный описанный Сухаревым бугор перед ним, необходимый для определения на местности, напрочь отсутствовал: два возможных кандидата меня не удовлетворили. Лес внизу приветливостью не отличался, содержал подозрительно мало открытых мест, на которые так напирали знатоки севера, а чуть подальше от хребта и вовсе сливался в одно зеленое пятно. Река не проглядывалась: то ли очень далеко, то ли скрыта деревами. Пожалуй, тут не то что за день, за неделю бы до перевала добраться. Или все же лучше на Волчий? Вон он, почти на траверсе, чуть сзади… Но там верховья Дурной, жуткие болота (даже по карте), кои мы собирались обходить с востока, но никак не с юго-запада, и потом, назад… Назад не хочется. Или пройтись немного по хребту, до следующей гряды Заячьих? Но тут мы высыть накушаемся спусков-подъемов или, еще того не легче, траверсов, да скоро ночь, где брать воду? По карте - далеко, а будет ли

ближе… Рота, слушай мою команду, если больше никому сказать нечего: азимут 145, темп движения выше среднего, в колонну по одному за мной становись!..

Что-то я хвастлив сегодня неумеренно, но что поделать. Два первых болота, намеченных сверху и лежащих практически точно на пути к перевалу, нашел с легкостью. Воды, конечно, все набрали чуть не до колена, но все же мокрый мох и травка - это вам не бурелом. Бочаги, встречавшиеся во множестве, элегантно обруливали, азимут держали железно. Спуск прошел достаточно медленно, по вполне ясным причинам, но спокойно. Мелкие неприятности типа бревен в два обхвата поперек азимута преодолевались чуть ли не весело: сказывалось благотворное влияние обеда, отдыха и прелестного вида сверху. Дальше пошли цветочки, ягодки, кустики и прочая растительность.

Сейчас читаю хронометраж и диву даюсь: неужели только пять дешевых двадцатиминутных переходов понадобилось нам на путь до Индысея? Не может быть. Закрытый лес очень плохо действует на нервы: начинаешь сомневаться даже в стрелке компаса, не говоря уж о своей способности ей следовать. Заломы, завалы, заросли и прочие за… настолько деморализуют, что не можешь спокойно сосчитать отклонение от азимута и восстановить траекторию после препятствия, как предписывается теорией ориентирования. Куда мы шли эти страшные сто минут? Я не знаю. Настроение падало (у меня даже вперед остальных), плечи сдавали быстрее нервов, секунды на часах сменялись явно медленнее минут… Было несколько передыхов, с бессильным швырянием рюкзаков на более-менее приподнятые места, чтоб легче встать, ужасными мгновениями подъема рюкзаков и страгивания, падающим, быстро падающим солнцем и сгущающейся мглой. Я дошел до того, что активно начал приглядывать место для стоянки и даже морально готовить к преждевременному стопу коллектив, но тут мне вправили мозги (ох уж эти здоровенные спортсмены), да и воды нигде не журчало кроме тухлых стоячков, пить из которых никто не решался.

Моральный нарыв прорвала Лена ножкой рюкзака. Только отошли от передыха, вывалились на обширное болото, весьма грязевое, по всем признакам близкое к реке. Я чуть прибавил, а Ленка потеряла равновесие и с размаху села на поверхность наибольшей площади. И надо ж было Светке подойти слишком близко к ней! Стальная трубка рамы рюкзака угодила ей точнехонько в большой палец правой ноги. В самый кончик ногтя. Что началось… Мат, вопли, попытки транспортировать тело, изрыгающее проклятия, растерянный марабу, по другому не скажешь, пришибленная виновница, распсиховавшийся руковод… Тело догнали (утрусило подальше от греха, дабы не зашибить кого ненароком), прислонили к покляпой березке невдалеке, выяснили, что оно способно двигаться самостоятельно и уже почти растратило синтаксический запас. Злоба на все и вся фонтаном ударила у меня из ушей, и я скомандовал - быстро (быстро, знаете, что такое быстро?) спускаться по болоту к реке, и бивак. Сам рванул впереди, время от времени награждая отстающую Зенцову такими взглядами, которые должны были, по идее, взрываться у нее внутри, значительно повышать давление, степень сжатия, удельный импульс, КПД… и повышали таки. Болото просвистели (все на свете относительно, но все же быстро протопали!) за 25 минут, удлиненный такой переход, и уперлись в реку.

Индысей тек здесь спокойно, быстро и величественно по сравнению с переплюйками, попадавшимися нам до сих пор. Под берегом дно не просматривалось - то ли вследствие глубины, то ли из-за тени, бросаемой обильными зарослями высоченного тальника - выяснять не стали. Мы с Андреем побегали, а может, поползали, вокруг, сладострастно исходя нецензурщиной по различным поводам, нашли приличный брод, где только в одном месте было глубже колена, вернулись, изобразили из себя заботливых джентельменов, заставив девчонок оставить рюкзаки и перейти пустыми… Кажется, они не оценили нашей заботы. Переведя их на тот берег, вернулись за их рюкзаками, и какими же легонькими они нам показались! Да нам б такие рюкзаки, да мы б как свистанули, да нас бы тут уже близко не было!.. Да мы!.. Да они!.. Да они молодцы, что и с такими от нас не отстают… сильно. Хорошие девочки. Умницы.

Место стоянки бросалось в глаза еще от покляпой березы с несостоявшимся медпунктом. Яр метров двенадцать над рекой, симпатичные елочки, вроде ровно. На подходе случился нежданный конфуз - ну, вздумалось Свете поотжиматься с рюкзаком на скользкой травке крутого склона, что такого. Зато площадка явно стоила трудов, затраченных на ее достижение. Ровная, устланная белым мхом, сухая, ни комара вокруг… Впрочем, что-то стало холодать, так, наверное, дело не в площадке, болото-то вон, близко, просто попрятались к ночи. И ночь недалече. Ночь. Отдых…

С расслаблением удалось справиться без особых затруднений: помогли настойчивые желудки. Очевидного места под костер не сыскали, натянули тросик, сращенный с основняком, между двух далеко отстоящих елей, с легкостью насобирали высококачественных дров и стояли, старательно помогая взглядами закипанию. У меня в глубине души проснулась, наконец, радость пополам с гордостью. Сколько отмотали за сегодня! Первый, пожалуй, нормальный про протяженности переход, да какая

погода чудная, а вид… На юге мрачным бастионом высилась гора Маяк, безукоризненно чистое небо, славная речка под боком. Встать здесь и пожить пока не надоест…

Солнце закатилось за гору ровно в 20.00. Долго бегал с фотоаппаратом, искал точку и сделал достаточно неплохой слайд: бриллиант невероятного цвета на черной подложке хребта. У костра уже зазвякали миски. Отчего турист гладок? А, поел - да и на бок…

Девочкам приспичило вымыться. Предупреждения о близком похолодании, намеки на позднее время и прочие слабые стоны были ими с негодованием отметены. Котлы нагрели быстро, я спустил их на галечный островок посреди речки и вернулся к костру. Русалки начали плескаться.

Холод уже становился не только ощутимым, но даже как бы зримым. Есть такая особая прозрачность у воздуха, которую он приобретает только при быстром и значительном охлаждении. Самые дальние просторы слегка подергиваются дымкой, что позволяет предполагать на завтра солнечную погоду, а само похолодание предрекает жару. Близкие деревья даже ночью становятся отчетливы, как никогда, каждая иголка видна. Безумно яркая луна рождает аспидно-черные глубокие тени на росной траве, пламя костра насыщается жарким золотистым светом, угли, выскочив из пламени, мгновенно подергиваются пепельной пленочкой, но очень долго сохраняют тепло. Ледяная вода в реке вдруг начинается клубиться туманом, неописуемо изменяющим ее очертания. Глубокое небо светлым пятном отражается в редких омутах, в прочих местах река совершенно темная, не отличима от фона, и только клубы пара выдают воду.

Луну сегодня даже удалось запечатлеть на слайде. По небу вдруг протянулась совершенно фантастического вида дорожка из перьистых облаков, я отошел довольно далеко от стоянки, чтобы не лезли в объектив различные деревья, долго пристраивался к дохлой березке, чтобы не стряхнуть кадр, и сделал-таки довольно приличную картинку. У реки неразборчиво обменивались впечатлениями от помывки девушки.

Вернулись они раскрасневшиеся, мокрые и довольные, с головами, обмотанными полотенцами. Мы шустро раскочегарили большой костер из загодя припасенных дров, пододвинули дам поближе к огню, а сверху подвесили котелок с водой себе - девицы решили, что нам необходимо побриться. Давно стемнело, хотелось спать и не хотелось морозить на улице намытых девчонок, поэтому мы не стали дожидаться, пока нормально согреется, и потопали к реке с чуть теплым котлом.

Да, это была сущая пытка. Недельная щетина, основательно промороженная, жесткая, как черт-те что, холодная вода в моментально остывшем котелке, мгновенно севшая об грязную физиономию бритва… И что они, Светка с Ленкой, нашли хорошего в ежедневных помывках?! Андрей тут же произнес страшную клятву, обрекающую его на небритие до выхода в цивилизацию. Обтирая зудящие изрезанные морды, вернулись к костру.

Теперь все дела дня текущего, кажется, остались позади, и наступило самое время отползать ко сну. Тут до меня дошло, что ночь не то, чтобы обещает, но таки уже стала весьма холодной, а спать мне в одиночестве и неуюте… Решительно извлек заветную фляжку, нацедил мало не полкружки и опрокинул. Похорошело. Поскольку я лежал у самого выхода, то и залезал в свой персональный ледник после всех. Только устроился поудобнее, кто-то из ровесников неловко пошевелился, и одна из растяжек палатки выдернула колышек. Вот незадача! Крайнему - крайнее: как вылезал и подтягивал палатку, подымая полог с невеселых лиц, помню, а вот как залезал… На ощупь, что ли? Не знаю. Но факт: залез, несмотря на сильное алкогольное опьянение.

Очнулся от холода, когда уже почти рассвело. В соседнем спальнике усердно шептались, но не это меня беспокоило в тот момент. Фляжка с согреванием валялась рядом, воды же поблизости не было, а глотать чистый спирт… это какой же я к утру стану, а ведь идти надо будет… Ну его. Закутался в спальник покрепче, подкатился под ближайший бок, чтобы не дуло хоть с этой стороны (а со всех других свистело, и еще как!), сосредоточился и таки уснул.

8 августа 1995 г., понедельник.

Опять в 4 утра был session[9].
Вылез в 8.45, с 9 до 10 готовил рис.
11.55 - 12.17. Болото с озером.
12.25 - 12.45. Открылся странный вид на перевал?

[9] Идиотское словечко, прижившееся в постсоветской политике: сессия, общение (лат.).

12.50 - 13.23.
13.30 - 13.55.
14.03 - 14.23.
14.33 - 14.54. Обед.
15.53 - 16.15.
16.26 - 16.48.
16.59 - 17.20. Граница леса. Полчаса искали место стоянки, нашли
17.53 - 18.05, начали готовить в 18.40. Приближаются тучи.
Ужинали в 19.30, спать в 21. Заволокло. Просмотрели перевал.

Ходовое время: 212' Расстояние: 12 км

Не хочу ничего писать про этот день. Чувство глубокого отвращения к нему, к моим собственным действиям тогда, к совершенно пошлому времяпровождению в тщетных попытках быстро преодолеть глухой лес еще не остыло во мне. Но - он был, и еще как был, и нельзя, к сожалению, обойти стороной эти девять переходов. Всего девять?! Не может быть. Но хронометраж врать не умеет, значит, действительно, девять.

Поднялся рано, проснулся от яркого солнышка, пробивающегося даже через черный полиэтилен. В палатке - жара, духота, где та чудесная (или ужасная?) свежесть благодатной ночи!.. Вон отсюда, вон…

Не спеша, с удовольствием развел костер, подвесил котлы, перемотал пленки в обоих аппаратах и переделал кучу других немаловажных дел, типа развешивания на просушку носков, кои вчера от усталости были весьма небрежно пристроены далеко от огня. Носки на солнце мгновенно заклубились паром и запахами, и тут же вскипела вода. Процедура побудки выродилась в банальное откидывание тента, от чего в палатке тут же стало невозможно существовать.

Собрались и двинулись довольно шустро. Стояла только одна проблема: какое выбрать направление? Местоположение бивака мы точно определить не смогли, но, похоже, за вчерашний день не слишком сильно отклонились от азимута, если судить по направлению на давешний утес, а перевал не просматривался. Отсюда проистекала возможность двигаться по нему и дальше или же по протяженной болотине, начинающейся у реки, подняться перпендикулярно хребту до границы леса и оттраверсировать до перевала. Я выбрал первый вариант, а вот правильно ли… Кто знает, что ожидало нас на том траверсе? А вот чего мы нахлебались на азимуте, я знаю достоверно. И не скоро забуду.

Первый переход шелся славно. Ну, набрали, конечно, сразу же все ботинки, но к этому, к мелочам, уже привыкли. Тем более, мои сапоги не пострадали. Продвинулись немного по болотине и зашли в лес, достаточно густой, но позволяющий держать направление. Показалось тихое черное лесное озеро, с которого неожиданно вспорхнула парочка уток - даже сфотографировать не успели. Перед очередным болотом посидели на пригорке, подышали, подергали ягодок. Было жарко и как-то очень влажно, душно что ли. А может, это сказывался вчерашний денек.

А вот затем… Нет, это я расписывать все же не стану. Бесконечно долгий изнуряющий путь сквозь хаос стволов. Азимут каждые десять шагов, до очередного завала или бурелома. Подлое болото - вместо мягкого мха мерзкая кашеобразная вонючая жижа под тонким дерном, мерно колыхающаяся под ногами. Гнус, комары, мошка, кровососы и прочие синонимы, летучие и жрущие влет. Тальники откуда не возьмись, образующие целые бесконечные лабиринты посреди пустошей, вредные, высотой чуть выше роста - никак не разглядеть, куда двигаться, только тыком, а когда и этот метод заводит в глухой тупик, тогда с матом, чуть не вслух, рычанием и драньем нервов прорываешься сквозь, не чувствуя ни боли от хлещущих веток, ни подлых корневищ под ногами. Злость, переполняющая, давящая, убивающая все ощущения, кроме необратимо наваливающейся усталости, липкого бессилия, имбецильного отупления от безмерно надоевшего вжимающего в землю рюкзака. Редкие, а потом все более частые камни, высовывающиеся из травы только для того, чтобы предательски подтолкнуть ослабшую ногу в глубокую яму. Ямы, ямы - их не видно сквозь сочные стебли обильной ядовитой зелени, цепко оплетающей ботинки, они подло возникают из ниоткуда, и желудок в полете наполняется леденящей пустотой, и сердце хаотично перемещается по организму, приближаясь к пяткам, потому что милый, ненаглядный, любимый насильник весом в два пуда с копейками уже подлетает сзади и вполне готов что-нибудь сломать или искалечить… Редкие разрывы в непроглядной зелени леса выводят не на полянки, а в глушь непроглядную. И снова долгожданная пустошь болота на поверку оборачивается хитроумным лабиринтом непроходимых тальников, здоровых, густых, сильных. Озвереешь, ломанешься напролом - сзади тихий придушенный мат коллег, хруст не то ломаемых ветвей, не то ног, и скорость падает до величин мало не отрицательных…

К трем часам дня я окончательно спекся. Ковыляли уже не только профессионалы этого дела, но и напильники: вперед никто не рвался. Проклятый перевал оставался, по ощущениям, так же, если не более, далек, чем тем стародавним полузабытым утром, когда мы проснулись на прелестном берегу Индысея. И на ближайшем ручейке я протрубил обед.

Пока разделывалось сало, перебежал на полянку на другой берег, думал, что увижу. Фиг тебе, сказала полянка, густо обрамленная высокими елками. Влезть на покляпую березку посередке сил уже не осталось.

К моему удивлению, остальные (кроме меня) выглядели неплохо: шутили, аппетитно причавкивали сальцем, радовались отдыху. Ничего, подумалось, еще побарахтаемся. Карты положения нисколько не проясняли, поскольку местоположение наше оставалось секретом. Вспомнился благой памяти 1988-й год, мы с Бестужевым, усердно морщащие репы над кабалистическими разводами границ леса и ручейков, девочки, вопрошающие с тревогой:

— Ребята, мы где? - Здесь,- тыкаем пальцем в первое попавшееся место, подавив желание произнести стандартно-матерный ответ. После продолжительного осмысливания наконец-то звучит вопрос, который их действительно интересует:

— А это хорошо?

— Это оч-ч-чень плохо,- рычит Витя, полагая конец разговору.

Девочки тушуются, отходят, никнут. Финал, занавес.

Все же после обеда характер местности и растительности начал меняться. Стало заметно, что граница леса уже недалеко, но мы двигались практически параллельно ей, и легко нам не было. Проклятые двадцатиминутки уже вымотали все, что только смогли, и постепенно наваливалась апатия к камням, и к грязи, и к веткам, и к тальникам, ставшим пониже и пожиже, и к тому, что вечер уже…

Девушек мы оставили в очень неудобном месте, тощий перелесок сплошь усыпанный мелкоосыпной гадостью, рядом с ручьем, придававшим дополнительные силы кровососам. Встать на ночь ни тут, ни где бы то ни было в переходе назад не представлялось возможным, а то встали бы. С трудом оторвавшись от седалищ, молвили - вопите, если что,- и двинули с Андрюшей искать место стоянки. Бродили минут двадцать, пока не обнаружили искомое: сладкую полянку, почти ровную, почти близко один из многочисленных ручейков, коими пренебрегает наша карта. Вот только деревца стоят широко - как бы тросик протянуть? Довольный Андрей махнул рукой и высказался в том смысле, что надо будет - через всю поляну основняк зафигачим, было б желание. Запомнили ориентиры и с большим трудом вернулись к дамам: ноги не гнулись даже без рюкзаков и совершенно не желали повиноваться. Впрочем, с рюкзаками-то они прогибались более чем охотно.

Хотелось сразу всего: жрать, спать, разбить скорее лагерь, ничего не делать, наслаждаться природой, закрыть глаза и послать все и всех к… Привычка пересилила: расшвыряв шмотье чуть ли не по всему лесу, поставили-таки палатку, нащелкали веточек, принесли воды, а потом переоделись. Тучки небесные, отсутствовав весь день, наверное, специально, чтоб посуше нас прожарить, теперь откуда ни возьмись объявились и даже слегка побрызгали на нас, что заставило шустро затолкать вещи в рюкзаки, а рюкзаки под полиэтиен. Ходовые портянки и все такое оставили на просушку на лиственницах. А вымокнет - и ладно, все равно мокрое, а так заодно и постирает.

Горело здесь здорово: сухие пни в полтора метра, густо разбросанные вокруг, исправно поставляли высококачественное горючее - розовую смолистую крупную щепу. Сварили рекордно быстро, слопали еще быстрее и - кайф… Света дала сластей и сахара по коммунизму для восстановления сил, поэтому чай выхлебали весь и поставили по-новой. А еще она придумала - добавлять в молочную кашу чернослив, взятый мной на перекусы, но по сей день не востребованный, и каша от этого только выиграла, а Света проиграла, поскольку теперь, как ни вечер, два Андрея в два голоса гундели: "Ка-а-ашки… Ка-а-ашшки…"

Меня потихоньку начала глодать мысль - а туда ли мы попали. Ведь хорошо известно, что, если упорно искать, непременно найдешь, но не обязательно то, что искал. Волоча перед собой сытое брюшко, с сожалением покинул уютный лагерь и полез в гору - осмотреться. Подлые камушки сразу раскусили, что я в кедах, и скользили немилосердно, не хватало еще брякнуться тут. Как-то уныло смотрелось все окружающее, и почему-то даже страшновато стало, уж не знаю, отчего. Но я заставил себя подняться достаточно высоко, к одинокой лиственнице, торчащей посреди травянистой терраски, сел на бульник и стал оглядываться.

Заячьи горы на западе потихоньку сходили на нет, и их южное окончание медленно тонуло в необъятных лесах долины Кось-Ю. Смотреть туда после сегодняшнего лесистого денька не хотелось. Индысей взблескивал только в одном месте, на повороте, дальше узкая ленточка воды терялась в тайге. Громадная лесная перемычка между Заячьими и Маяком навевала радость по поводу того, что мы не

сунулись туда - а ведь хотели когда-то пройти Заячьи насквозь и дальше двигаться по тропам вдоль Кось-Ю. А если не по тропам? А если, как сегодня? Ужас.

За Маяком, чуть левее и дальше, торчали интересные акульи зубки, пожалуй, повыше Маяка. На зубках виднелся снег. До сих пор точно не знаю, что видел - вероятно, горы в долине Ягунея, или Ягинея - как там его правильно.

Маленький отрог, под сенью которого раскинулась бивачная полянка, слева по ходу переходил в понижение, кое и было мною принято за Трехозерный перевал или, по меньшей мере, его перевальную точку. Путь на завтра, таким образом, просматривался очевидно: перевалить, а там видно будет.

Снизу поднялся Андрей и присоединился ко мне. Вместе еще раз осмотрели окрестности, поболтали по поводу сегодняшнего дня, мать его так, и растак, и разэдак. Вдохнули свободного от комаров воздуха и заспешили вниз, вслед за севшим за горы солнцем. Скорей - спать.

9 августа 1995 г., вторник.

Вылез в 8.40. Пасмурно, временами дождь.
9.40 - завтрак. Дождь - сидим до обеда.
Вылез в 12, готовил обед.
13.40 - обедали.
14.35 - 14.46. Выползли на перевал, фотографировались.
15.05 - 15.36. Спускаемся сверху к перевалу.
15.46 - 15.58 - Обходим озеро, ждем горных - 16.11.
Ходили до 16.40 в разведку, одолевает лень, не хочется переходить протоку между озерами.
17.30 - готовили на упрямом костре в очаге.
Легли спать 22.30, поймав рыбок и поев грибов.

Ходовое время: 65' Расстояние: 2 км

Ох, тяжко мне. Все болит, все гудит, рот свело сухостью, глаза ломом не проколупать… Что это снаружи шумит так подозрительно? Нет, не ветер это, не ветер, покрапывает, а временами - густо. Но есть такое страшное слово - график…

Сушинки со вчера остались в достаточном количестве, чтоб завести костер с полпинка. Штормовка еще не успела толком промокнуть под все усиливающимся дождем, а завтрак я уже сварганил. По всем правилам в ходовой день в момент закипания воды полагалось выгнать общество на свежий воздух, дабы успело оно омыть грешные тела (или хотя бы малые части их) в хрустально-ледяном источнике, взбодрилось, оделось в ходовое и с радостью вкусило завтрака. Но. Общество храпело столь заразительно, что я чуть было не бросил костер к, на, в и с применением прочих предлогов и не закарабкался обратно. Тем более, было куда: сам не помню как, но перетащил к себе в спальник Зенцову, и спал сегодня весьма неплохо. Куда как лучше, чем водиночку. Хрустальный источник оказался настолько ледяным, что омовение чуть было не привело к летальному исходу. Ходовое мирно мокло на набрякших ветках и не просилось на телеса. Завтрак - да, при слове "завтрак" в палатке зашевелились, но завтрак можно сожрать и не вылезая из спальника… Так и поступили. Совесть свою я успокоил тем, что в дождь чайники по перевалам не шляются, а сидят и ждут солнышка. Пусть мы будем чайники, пусть мы не будем шляться. Мы будем спать дальше и переваривать, а дождик, тем временем, отмоет миски, погасит остатка костра и будет идти, идти, идти…

…Однако, тихо снаружи? Ох, черт, эк не вовремя… Вырываю себя из спальника, мощным пинком направляю на выход: да, дождь практически перестал. Что же делать? Уже полдень, двигаться вроде поздно… А, была не была: подъем!

Ну и лениво же все двигались! Чтоб при готовых дровах полтора часа варить супчик, а потом еще сорок минут собираться - да будь он неладен, этот вчерашний лесок наискосок, что мне было не послушаться Сухарева и перейти долину поперек, на Волчий! Так и что ж, что дальше: ближе - не всегда быстрее.

После долгих сборов неспешно поднялись на седло, чуть выше того места, куда вчера лазили. Как-то очень быстро раскраснелись и сбили дыхание, все - не только Ленка, но и напильники. Бросили рюкзаки и, в качестве отдыха, вскарабкались на каменистый вал, венчающий отрожек. Прекрасный вид

моментально поднял настроение: все то же, что я наблюдал вчера, только днем и с точки повыше - здорово! Под ногами колыхался не страшный уже лес, зубы на Ягунее впечатляюще скалились, Заячьи виднелись далеко-далеко… Сзади из Салед выпирал скалистый выступ этажей этак на шестнадцать, грозно ощеренный острыми камнями. На него-то я и брал азимут с Заячьих, а значит, ухитрился не сильно отклониться от направления, раз уж мы тут. Вчера от лагеря выступ не просматривался, но сегодня привел Андрея, человека степей, в настоящий восторг. В самом деле, пожалуй, за весь поход попалась первая приличная каменная россыпь, которую никак не поворачивался язык обозвать осыпью, да и скала тоже первая. Горы, в горы входим! Мы тянули отдых, как могли: щелкались на фото и слайды, вместе и поодиночке, озирались и восхищались. Только начав замерзать на ветерке, я сообразил, что время идет, и погнал всех под ношу.

Спускались легко, вскоре начался реденький лесок, светлый и прозрачный, уклон оказался невелик, камни особенно не докучали. Внизу открылся угол озера грандиозных размеров и… четкий перегиб вниз, в лес, справа от него. Вот это руководятел, сверху на перевал спустился… Седло перегиба сузилось и скороходы, не желая терять высоты, пошли траверсом склона. Мне терять было нечего, поскольку Ленка на камни переться не желала или не могла, что, в сущности, означало одно и то же: вниз.

Перед озером камни укрупнились, и мне пришлось крепко думать, куда ступить, поскольку Зенцова двигалась сзади шаг в шаг. Впрочем, сегодня я не испытывал особого желания бежать прытко, так что даже с некоторым мазохистским удовольствием неспешно выбирал путь поглаже и камни поближе. Тем временем напильники набрали метров двести лишних и теперь явственно от нас отставали, что (ох, подлы люди!) существенно улучшило наше настроение: мы, да впереди! Мыслимо ль это! Перед финишным сбросом остановились поклевать чернички и передохнуть. Светка с Андреем, глядя на нас, тоже тормознули - точно над нами. Черники у них не росло: а нечего так высоко летать! Сбросившись вниз, двинулись вдоль берега озера. Путь наш определенно лежал к его юго-восточной окраине, поскольку других выходов из долины не просматривалось. Беседуя о том, о сем, в частности, которое это озеро по счету - первое, второе, третье?- прошлепали немало и спохватились, что второй парочки и след простыл. Сели, ждали. Недолго, конечно, потом вместе обогнули конец озера и оказались на полянке под великолепным кубическим скальным выступом на стенке кара. Все это легко пишется - обогнули, оказались, однако, несмотря на крохотное пройденное расстояние, пришел господин Облом и возымел действие: как сели на лужок, так и вставать не хотелось.

Кроме укорачивания переходов, есть еще один безотказный метод измотать собственные силы, удлинить общее рабочее время и укоротить пройденный путь: разведки. Хороший штурман всегда знает, куда двигаться - только ноги передвигай. Плохому, как мне, например, часто необходимо выбежать вперед и осмотреться, чтобы впоследствии не облажаться перед окружающими. Было дело, я и на дневной переход вперед бегал. Кроме того, это великолепная возможность за счет одного дать отдохнуть всем остальным: один бегает, трое сидят. Но одному мне убежать не дали, Андрею тоже стало интересно, куда нас занесло. Вяло поскакивая по крупным камням, покрывающим берег, мы углубились вдоль русла широкого потока, втекающего в озеро с востока. За поворотом обнаружилось второе озеро, темное, лежащее в глубоком протяженном каре. Очевидно, нам на другой берег речки, но как туда перебраться? Камней в русле недостаточно, бревна на берегу не валяются, мочиться неохота… Слушай, у тебя ноги ходят? Что, тоже не слушаются? А какого ж рожна нам надо, не упасть ли прямо тут, где стоим? График? Нафиг такой график, пошли, девчонок обрадуем…

И мы упали, и радовались жизни, и праздновали нежданный отдых, и ели чернику в количествах невероятных, и грелись на внезапно появившемся солнышке. И даже не спешили ставить лагерь - успеется. В самом деле, черники вокруг росло море, грибов тоже немало, а завтра - по плану, законно!- дневка, и можно не спешить, не идти, не взбираться и не спускаться… За каким чертом нас сюда принесло, спрашивается? Поколения туристов ищут ответ на сей простейший вопрос, а умные уже перестали искать, да только ходят, и ходят, и ходят в горы - горы, далекие горы, синие горы, проклятые горы, любимые горы… Ну вот, занесло в философию.

Попытка набрать воды в озере чуть не превратилась в рыбалку: столько мальков толклось у берега. Отодвигаешь их котелком, а они спешат слямзить чего-нибудь съедобного из недомытой посудины. Запомнив, на всякий случай, высокий коэффициент орыбнения, принялись за костер.

Похоже, в этом месте неоднократно стояли. Под кустами обнаружился настил, такой же, как на Обе-Изе, наверное, это просто заменитель матраса, поскольку никакой ямы, или хранилища, или еще чего интересного под ним не обнаружилось. Зато на соседнем дереве висели изрядно разбитые… горнолыжные очки, вот уж диковина в здешних местах. Дрова, к удивлению, оказались в дефиците. Нет, они были, но не в пяти, а примерно в пятидесяти метрах от каменной плиты, хранившей следы огня и

формообразующие камни очага. На беду мы решили воспользоваться, как казалось, готовой каменной печкой, а не вошкаться с подвеской котелков. Сколько сил на сбор несопоставимого с обычным костром количества дров, на поддувание и подмахивание, на поддержание себя в рабочем состоянии отнял этот подлый камин! Он долго не хотел разгораться. Он долго не желал работать как следует. Он в припадке бессильной злобы подпалил кашу и "убежал" кисель. О, это очаг…

После еды и обязательных бивачных работ расслабились, кто во что горазд. Лена двинулась собирать грибы. Света - ягоды. Нам же пришла в голову чудненькая идейка - наловить рыбки. Пополнить запас белков.

Для рыбалки нужна удочка - длинный, тонкий, но достаточно прочный прут. Кусты вокруг торчали в изобилии, но искомое в их гуще за полчаса так и не отыскали - пришлось использовать нечто весьма корявое, короткое и на вид - весьма хрупкое. Вторую "удочку" я смастерил из палаточного кола - вышло еще короче, но зато прямо. Памятуя, что рыба тут на голый крючок бросается достаточно охотно, прицепили к лескам по малюсенькой мормышке (под размер того, что плавало у берега) и метнули. О, чудо! Какой-то дурак-малек все же соблазнился: с почином нас.

Кидали и тягали долго и с переменным успехом. Потом подошла Света, обнадеженная известием о колоссальном улове, и спросила: где? Я показал на мох, где лежали рыбешки. Она долго смотрела, потом наклонила голову, потом согнулась в поясе, еще посмотрела и спросила: так где же? Пришлось ткнуть пальцем. Разочарованию не было предела. Нас обозвали убийцами детей и велели всю молодежь (то есть все, что наловили!) отпустить восвояси. Молодежь за время прений мирно почила, и, когда выяснилось, что отпускать некого, а больших размеров в этом магазине нет, Света успокоилась. И даже прониклась нашим вполне первобытным азартом.

Казусов случилось два. Забросил это я подальше, показалось мне, что клюнуло, ну и рванул, что есть мочи. На крючке, подцепленный за середину хвоста, висел огромный акул длиной сантиметра три. Или два, боюсь ошибиться. Он - единственный из улова - отправился назад, на прокорм старшим: не позориться же. Потом совсем рядом, вдоль берега, виляя хвостом, прошло что-то действительно значительное, сантиметров этак за двадцать, но ему наши мормышки под нос были до лампочки, и так-таки оно и прошло мимо. Света, азартно припрыгивающая на берегу, была очень недовольна.

Стемнело, мальки перестали отличаться от воды, промысел пришлось свернуть. Вопрос - что же делать со столь значительной килькой - я решил тривиально, не обращая внимания на подленькие Светины советы типа - "зажарим, сварим уху" и т.п., явно направленные на оскорбление профессиональных рыболовов. В процессе обсуждения Лена чрезвычайно ехидно заметила - "что поймал, то и съел", после чего, просмеявшись, я засунул мальков в ковшик и засыпал солью. К завтрему поспеют.

Грибы же, как и всегда, нареканий не вызвали.

10 августа 1995 г., среда.

Встали примерно в 9.30.
Окончили завтрак в 12.10, сели за покер.
Пообедали в 16. Погрызлись. Ленка сделала торт.
Ужинали в 22.30 в палатке всухую.

Что писать? Дневка, одно слово. Вылез из палатки, не торопясь направился в кустики и с удивлением, граничащим с ужасом, заметил, что поднять ногу чуть выше трех сантиметров от почвы - затруднительная проблема. Так, кажется, завхоз доэкономился. Первый раз за весь поход я влез, буквально выражаясь, в самую кухню питания и приказал: завтрак не завтрак, ужин не ужин, сладкий, соленый - выдавать по сухарю с салом. Особо отличившимся - по два. Подсчитав съеденное за прошедшие десять дней, получил, что реальная суточная калорийность оказалась вполне достаточной для питания нетранспортабельного дистрофика при строгом постельном режиме и отсутствии свежего воздуха. Сало оказалось на удивление действенным лекарством, особенно, в сочетании со здоровым отдыхом: через день подъем ног даже на высоту четырех сантиметров не вызывал проблем! Фантастика.

Денек выдался прекрасный. Я нащелкался вволю, запечатлев озеро, прилежащие скалы, на которые остальное общество не возжелало карабкаться, вусыть набродился по окрестностям. Нашел аж три совершенно сухих перехода через вчерашний поток - где были мои глаза? В самом устье, плюс тридцать метров выше, плюс еще десять метров выше - и все переходятся без мокрети.

На скалу они отказались лезть зря. Покер штука хорошая, но все равно - зря. Я заполз с трудом, вследствие описанного выше состояния нестояния, перевел дух и огляделся. Площадка усыпана огромными валунами, размером от шифоньера до грузовика, надо же - совсем ведь рядом с лесом и озером. Посреди возвышается грузовик из грузовиков, этакий Некантуй, темный и загадочный, как священный камень Каабы. Вид, надо сказать, совершенно мертвый и несколько загадочный. Кое-где сквозь булыгу проглядывают прожилки кварца: дошли до пристойных гор. Вид на озеро сказочный, на ближние горушки величественный. М-да, распелся, соловей, ногу бы тут не свернуть, не слушаются ноги-то…

В покер дулись долго и самозабвенно. Потом в дурака. Потом в буру. Потом в кинга. Потом надоело. Ленка предложила сыграть во что-то еще, Света отказалась, улеглась подремать, на что Зенцова ей заявила, что, мол, у тебя дурной характер, все об тебя спотыкаются. Рассвирепевшая Света отвечала в том духе, что ты, Леночка, и без моего характера не мало спотыкаешься, так что… Настроение пропало.

День мало-помалу склонился к закату, про обед животы уже забыли, и начал я фантазировать. Вчера доели последний белый сухарь, и осталось, как водится, полмешка сухарной крошки, выбросить жалко, есть невозможно, разве что ложкой вприхлебку с супом. И вспомнилось мне, что в многотрудные, полные невзгод и опасностей дни горных походов рубали мы такую крошку за милую душу, замешав со сгущенкой и обозвав тортиком. Сгущенки не было, были неуемная фантазия и желание кулинарного подвига. Совершили мы его вдвоем с Зенцовой, вернее, творила она, я ходил около, давал чрезвычайно необходимые советы и суетился по мелочи: то ягодки растереть, то костер поддержать, чтоб ему, тому очагу… Крошку замешали с разведенным молоком, сахаром, ложкой масла, оторванной непосредственно от сердца завхоза, тертой черникой и пакетиком растворимого кофе, украсили целыми ягодами. Изделие мне нравилось, но напильники отнеслись к его виду, а затем и вкусу весьма скептически. Больше всех меня удивил Андрей. Ну, ладно, Светка привереда известная, Ленка… будем считать, что повар с пробы сыт, но вот студенту с пятилетним стажем столовой-Бухенвальда не осилить кексик да еще обозвать его, потихоньку от творца, тошнотиком… Я же съел и удивлялся остальным. Впрочем, к ночи самая обжорливая часть населения (мужская) проголодалась и умяла то, что не влезло в менее прожорливую (женскую) часть за милую душу. Именно этот процесс я обозвал ужином в палатке всухую. Конечно, не обошлось и без "микстуры руковода", иначе говоря, сухаря с салом, так что цыган ночью не снился.

11 августа 1995 г., четверг.

Вылез в 8. Туман.
Позавтракали в 10.15. Туча поднимается.
11.30 - 12.10. Водораздельная точка. Прошли два озера, тур пустой, оставили записку.
12.25 - 12.55. Вышли к Нидысею. Мотаю пленку, одеваю ботинки.
13.20 - перешли парами Нидысей, выжались.
13.40 - 14.20. Прошли мысок, попали на дорогу, идем вверх по долине. Перекусили салом.
14.47 - 15.26. Тропа сошла с дороги и идет вдоль непереходимого ручья.
15.38 - 15.56. Думали о стоянке.
16.15 - 16.32. Ищем переправу на рукавах. Видели Манарагу?
17.15 - 18.00. Медленно перемещались до бивака, встали далеко от воды.
18.40 - ужин с выпивкой. Дважды ели грибы.
Угомонились к 22.30. Ночью давали дуба.

Ходовое время: 219' Расстояние: 12 км

Колотило по-страшному. Липкий ледяной туман, объявший меня по выходу из палатки, упрямо не признавал наступления утра, удерживая вокруг ночь не ночь, но что-то не совсем светлое. На самом деле, наверное, и холодно-то особенно не было, какой холод при таком тумане, но казалось, что мороз ужасный. Руки-ноги не гнулись, отуманенная голова варила с трудом.

Разумеется, после вчерашнего приготовления тортика сухих дров не осталось. Разумеется, не то от ночного дождика, не то вследствие конденсации тумана поверхность камня, основания очага, была обильно увлажнена до образования мелких луж. Разумеется, ближние лиственницы набрякли водой, а до

дальних тащиться - то нога подвернется, то камень прыгнет, то хворост разроняешь. Разумеется, костер грел котелки (и то еле-еле), камни, кусты, богу бороду, только не меня.

Одна отрада - к моменту закипания воды, наступившему очень даже не скоро, я с садистским наслаждением завопил п-п-подъем и вытурил остальных в тот же туман под предлогом того, что хватит задницы отращивать, пора и двигаться. Снулое общество восприяло дозу холода и затряслось не хуже моего. А ведь самое плохое что - страдать водиночку. Вместе ж весело шагать по просторам.

К завтраку слегка посветлело. Нижняя граница облачности поднялась уже до уровня средины стволов наиболее низких деревьев, и вопрос ориентирования на незнакомом перевале упростился. Андрей, возвращаясь из кустов, прихватил необъемную охапку дров, вывалил их в трижды неладный очаг, пламя внезапно взревело и поднялось до небес, прихватывая с собой чертову морось. Народ несколько приободрился. Впрочем, не настолько, чтоб быстро собраться.

Поток преодолели запросто, по-сухому, но травушка внесла свои коррективы, и шестеро ботинок моментально забулькали. Мои сапоги некоторое время держались, но растительность очень усердно стряхивала в них воду сверху, через голенища - через пару часов и они уже не отличались сухостью. За осыпным выступом у второго озера открылось третье, маленькое, лежащее посреди обширной болотистой пустоши, и я поверил, что это таки Трехозерный. Перевальная точка оказалась сразу за третьим озером и даже имела готовый тур, правда, пустой. Да, с точки зрения горного туризма стоимость этого перевала не тянет даже на н/к, но поди-ка доберись к нему по лесу! Надо же и подход к перевалу как-то учитывать, а то получается, как со Средним: подход 1А, по глубоко врезанному ручью с водопадами, траверсами, скальными выходами и прочей экзотикой, а перевал чисто н/к, так его н/к и записывают. Несправедливо!

Первый переход вышел очень даже ничего: после леса на Индысее я, наконец, сообразил, куда ведут переходы по двадцать минут, и сказал - ша. Сорок, не меньше. Вот и пролетели приличное расстояние за переход, не то, что в предыдущие дни.

Внизу протекал Нидысей, поблескивая на излучинах светлой водой. Долина не пугала, лес, на вид, рос редкий, много полян и проплешин - например, от перевала до самой реки. На том берегу возвышался здоровый травянистый лоб, правая часть которого - там, куда нам идти - густо поросла тальниками, почему-то уже с побуревшей листвой, левая, повыше, ближе к горам, чистая. Нет уж, подумалось, нехай высоко, только б без тальников. Облачность стелилась все еще низко, чуть выше границы леса, и самих гор видно не было, только грандиозные подошвы. Путь просматривался очевидно: перейти реку, перелезть бугор и вверх по течению притока, устье которого располагалось несколько правее нашего пути. Где-то чуть ниже устья должны располагаться знатные рыбные ямы, если верить Сухареву, а еще ниже - балок, но нет никакого желания проверять эту информацию. Вперед, вперед, и так много времени потеряно.

Мокрый спуск по камням, как всегда, расслоил группу на ковылей и напильников, с нетерпением поджидавших нас внизу. В оправдание сказать, можно было найти, где покувыркаться, особенно из-за обилия влаги. Затем стройной колонной двинулись вдоль малоприметного ручья вниз - к реке. Чуть крутанулись, попав в болотце, перескочили к лесной гривке, и вот он - Нидысей.

Однако, широко, широко. Подошли с Андреем к кромке воды, я залез по самое голенище, но все равно не видно, что у того берега. Переправа, переправа, с берега правого на берег левый. Вернулись, я перемотал обе пленки, заодно давая отдышаться девушкам, снял сапоги и одел ботинки на босу ногу, как и остальные. Ох, холодно! И неудобно. Казалось бы, что беречь - носки и так хоть выжимай, а вот… Штаны закатал выше колена, авось, хватит.

Первыми пошли мы с Ленкой. Поначалу шлось гладко, я удачно обрулил два неприятных углубления, но под самым левым берегом словил-таки яму мало не по пояс: плакали мои сухие штанишки! Ладно, Зенцова не подвела, уцепился за нее, как утопленник, и не упал. Ее тоже пару раз придержал - как себя не похвалить.

Скороходы преодолели преграду без проблем, я им немного посемафорил, где мельче, и поснимал вволю. Красивая речка, какая-то спокойная и даже величественная, шумный перекат, а вон седловина на пути к Волчьему перевалу, обойденному нами, а вот и низовья открылись - облака поднимаются!

Настроение тоже поднялось. Повеселились, выливая воду из ботинок и отжимая носки, Андрей даже заснял торжественный момент излияния воды из руководского тапочка, потом я поснимал их, потом все оделись, обулись, мокрые штаны я пристроил на верх рюкзака, чтоб сохли, и мы тронулись вверх. Путь я просмотрел неплохо, и с перевала, и с берега, и - надо же, при моем-то таланте забуриться, куда не следует - ухитрился обойтись практически без тальников. Чего не случилось бы, пойди мы азимутом. Под ногами раскинулось море роскошнейшего золотого корня, таких могучих экземпляров я еще не

встречал - только что не по пояс. Но драть его не было ни времени, ни охоты: тащи потом лишний килограмм через перевалы. И жалко: уж очень красив.

На переломе бугра неожиданным подарком - вполне приличная дорога, вездеходная, лет двадцати. Наполовину заросла, но все же выгодно отличается от простого леса. Последнее обстоятельство придало мне сил, и, изо всех сил натягивая группу, я разогнался до скоростей приличных.

Это совсем несложно. Нужно только мозжечком, чтобы не оборачиваться, постоянно контролировать расстояние до идущего вторым, обычно, самого слабого ходока, и чуть-чуть играть этим расстоянием. То немного отрываться, то давать себя догнать на простом месте, тогда второй номер, невольно стараясь выровнять темп движения, непременно начнет ускоряться. Важно не перегнуть палку и не разбежаться слишком: он тут же оказывается далеко сзади, и надо начинать все по новой. Такой прием проходил у меня многократно в прошлые годы, и в этом не подвел. Разогнались неплохо. Тем более, перегиб бугра уже остался позади, и небольшой спуск приятно разнообразил дорогу.

Однако, уже полтретьего? Ну, или около того. А не перекусить ли нам? Редкое дело, но предложение устроить обед, мне показалось, не вызвало обычного тихого ликования: поесть, так поесть. Быстро напластали сало, еще быстрее сглотнули, запили водой из фляжки. Под облаками открылся красивый вид на гору слева от низовий Нидысея, крутая подошва переходит в отвесный слабо закругленный кар, упрямо рвущий белесую пелену туч. А тучи-то поднялись, поднялись, вон сколько гор отворилось…

Долина впереди поворачивала направо, уже просматривалась граница леса - далеко-далеко. Дойдем ли сегодня? Глазам, говорят, видно, да ногам обидно… Дорога вдруг круто повернула к реке, спустилась к самой воде и перескочила на тот берег. Нам, по описанию, следовало держаться этого, впрочем, и без описания несложно понять, что эта речка - не Нидысей, так запросто не перескочишь. Русло довольно узкое, течение стремительное, вода темно-зеленая, глубоко, значит, бурлит и пенится на обливных камнях. Вид малосимпатичный: соваться в эту мясорубку что-то не хочется.

Дальше по пути нашего следования продолжается тропа, явно не очень давно обновленная какой-то группой: трава примята, сравнительно свежие следы. Но воды на тропинке, к сожалению, не меньше, чем вокруг. Она обильно смачивает ноги и охотно наполняет сапоги, даже когда поверх голенищ опущены брюки. Известно, что первому достается вчетверо больше воды, чем второму, а второму - вдвое больше, чем третьему.

Пошлось медленно, разговор о разгоне уже не шел, а больше - как бы не оторваться от Зенцовой слишком далеко. Напильники пыхтели сзади, поскольку тропа явно не располагала ни к гонкам, ни к обгонам вообще: узкая, кочкастая, временами растворяющаяся в перелеске, и найти ее потом весьма затруднительно.

Остановились передохнуть на высоком берегу, под которым бурно шумел поток. Впереди открылось несколько долин, и, как не прискорбно, нужная нам была дальше остальных. Впрочем, мы уже достаточно близко: вон под тем лбом, разделяющим ручьи, леса уже нет, а значит, нам не далее, чем под него. Затем попалось вполне райское место: недалеко от Левдысея (левый безымянный приток Нидысея, мы его так для краткости прозвали), ровный, покрытый густой шелковистой травой парковый лесок, море грибов и дров, тихо, мягко… У Светы при виде грибного великолепия случился приступ жадности, моментально воплотившийся в полный полиэтиленовый пакет отборных ризоидных. Пакет необходимого количества не вместил - заполнились карманы, а затем и руки. В процессе уборки несеянного урожая главная добытчица исхитрилась-таки соблюсти традицию, и я отснял несколько великолепных кадров, запечатлев обнимания Светки с ящеркой. Экземпляр попался на редкость пузатый, видно, отожралась к зиме - скоро уж,- вот и не успела смыться вовремя. Пускать его на ужин все же сочли неразумным, и отпущенная рептилия, подобрав брюшко на сколько ей это удалось, устремилась на волю.

Мы же с Андреем прошли немного вперед, искали, куда внезапно подевалась тропа, но так и не нашли. Зато, выйдя на крутой бережок, увидели здоровенную излучину, обходить которую предстояло по большому радиусу, и реку - все еще непереходимую ни под каким соусом.

Вернулись, с трудом остановили добычливых девочек сообщением о том, что неплохо бы сделать еще переходик, поближе к границе леса, подлезли под рюкзаки и покинули сей рай в поисках рая следующего.

Тропа обнаружилась, но завела под высокий берег в немыслимый кочкарник. Я разозлился и влез в лоб на берег, откуда увидал некое расслоение Левдысея на рукава и моментально сбросил рюкзак под предлогом - разведать переправу. Что мне так далась эта переправа? Ну, хорошие полянки были на том берегу, ну, излучину по хорде срезать… Или просто захотелось побегать налегке, без осточертевшего рюкзака?

Нет, и тут не перелезть. Два рукава я преодолел нормально, пока Андрей из-за ботинок ждал меня на берегу, но третий, с берега незаметный за кустистым островом, оказался основным и ничем, практически не отличался от нормального русла. Та же могучая зеленая вода, тот же расход, тот же напор. Возвращаясь - черт побери!- набрал немного воды в правый сапог, который с готовностью захлюпал. К бесу, надо стопориться.

Останавливаться решили как только, так сразу, когда набредем на удовлетворительное место. Брели долго. Один раз, когда облака над долиной впереди вдруг разорвались, открылся далеко-далеко какой-то зубастый гребень, очень напоминающий Манарагу. Общество воспрянуло - близко!- но ненадолго: тучи сошлись, вид пропал, все поскучнели. Попался шумный красивый ручеек с крутыми, обильно поросшими травой берегами - посидели перед ним, поискали площадку, не нашли; перебрались через, поискали там - не нашли, рассыпались нешироким веером и двинулись в лес вдоль реки, минут двадцать, наверное, крутились, пока обнаружили сравнительно ровный пятачок на краю здоровой неглубокой ямы. Судя по звуку, Левдысей протекал где-то поблизости, силы истекали, грибы в руках у Светки повяли, и я решил остановиться тут.

Возникла приятная проблема: все остальные мигом перебрались в сухие сапоги, чего я сделать не мог: сапоги были мокрыми, ботинки еще помнили переход через Нидысей, оставались кеды. Очевидно, в кедах я был абсолютно беспомощен в смыслах добывания воды, мытья посуды и прочих бивачных дел, связанных со значительным удалением от площадки: вокруг мокро, ноги жалко. Напластал дров и развел костер для просушки и прогрева. Вторая часть сильной половины общества отбыла в сторону Левдысея за водой, девушки в ожидании оной чинно выстроились пятыми точками к огню. Ботинки ровным кольцом окружали пламя, я все следил, как бы какой из них не сунулся слишком близко. От ботинок подымались густые клуба пара и запаха. Я же первым делом высушил портянки, покатал угольки в сапогах, трубно зашипевших в ответ, помахал над пламенем стельками, благо, картонными, не матерчатыми, и перелез в полусухие, но все же сапоги, не кеды. Однако, далеко ж залетел марабу, коль его до сих пор нет?

Андрей появился со стороны ручейка, принес котлы с водой и поведал, что до Левдысея зело далеко, он отчаялся, набрал воду в ручье и долго искал пути назад. И верно: лесок вокруг рос какой-то одинаковый, без особенностей, несложно было промахнуться мимо затерянного в чаще бивака.

Дело пошло на лад: я, вдохновленный обувью, приволок и разделал здоровенную сухую лесину, потом еще одну; котлы кипели, каша варилась, палатка сохла, полиэтилен тоже, накинутый на ближние кусты. Ботинки все норовили сполыхать, но им мешали, старательно поворачивая и переставляя в соответствии с норовом костра. Впрочем, один из огромных вибрамов сорок пятого размера все же дал дым, но был вовремя пойман на месте преступления и затоптан в мокрую траву. Обошлось без прогара, только пятачок кожи одеревенел.

По случаю такого ударного дня решено (и воплощено) было выпить, как следует. Спирт, даже разведенный идеально чистой водой, скажу честно, штука очень мерзкая, но лучше, чем ничего. И - оп! И мир стал лучше. И - оп! Еще лучше. И - оп! М-да… Что-то заштормило. Душа согрелась, просила песен и подвига, несмотря на упорное сопротивление обессиленного тела. Вдруг потеплело и повеселело, пронизывающий ветер превратился в ласковый и нежно овевающий, мерзкая, надоевшая до смерти вода на кончиках лиственничных иголок заиграла радужными красками, должно быть, поднялся настоящий ураган, поскольку деревья шатались и даже, кажется, перемещались, влекомые неведомой нечувствительной бурей…

Люди, не пейте много с устатку на голодный желудок. Котлы мыть - занятие мужское. Я знаю группы, где котлы мыли все, без различия пола, но эти группы плохо кончили. Поэтому - пьян, не пьян - бери, хоть в зубы, и тащи драить.

Не скажу, чтоб это было просто. Шторм продолжался, ручей располагался чертовски далеко и… О, Боже, а этот спуск к воде! Мы на него трезвые-то с трудом закарабкались, ища стоянку…

Надо же, я еще сумел сделать несколько вполне приличных фотографий - и потока, и процесса мытья посуды Андреем, то есть, что это я, травой, конечно, а мыл Андрей, а я стоял на берегу с котлами и ждал, когда придет мой черед. А потом я выскоблил котлы, наполнил водой и остановился перед совокупностью склизкого высокого берега и необходимостью взобраться на него, опорожнив котлы не более, чем наполовину, и, желательно, не в сапоги, а куда-нибудь еще. Р-р-раз! Вышло.

Как мы искали лагерь, это отдельный рассказ, причем, как нам казалось, очень веселый. Впрочем, развязка оказалась благополучной, и слегка протрезвевшие девушки приступили к чистке грибов.

Наверное, именно тут мы трескали самые вкусные грибы за поход. К моменту приготовления первой сковородки брюхи, подстегнутые алкоголем, окончательно позабыли о каше и сухарях с салом, так что "микстура руковода" была повторена, уже с грибами. Похорошело, и все даже нашли в себе силы

дождаться второй сковородки, которую уже не уплетали - ели размеренно, наслаждаясь, как гурманы, тонким вкусом первосортных, крепких, хорошо прожаренных грибов, сдобренных острым чесночком. Второй раз способных на подвиг достижения ручья не нашлось - сковородку залили остатками чая и отбыли на боковую.

Дубак этой ночью случился знатный. Утром на полиэтилене обнаружился лед, но до утра - это еще дожить надо было, и все старались изо всех сил. И у всех - получилось.

12 августа 1995 г., пятница.

8.30 - вылез. Солнце, перья по небу.
10.30 - завтрак. Перья.
11.25 - 12.07. Искал по островам стрелку.
12.20 - 12.39. Точно: стрелка.
13.00 - перешли приток без штанов.
13.19 - 13.39. Идем правым берегом.
13.50 - 14.25. Набирали воду в водопаде, перекусываем.
15.01 - 15.39. Дошли к началу взлета.
15.50 - 16.02. Дышим на подъеме на вал.
16.07 - 16.19. Третье озеро. Скороходы отстали, ждем видимости.
16.23 - 16.48. Скороходы оторвались, обходят цирк слева.
17.00 - 17.17. Сошлись со скороходами.
17.25 - 18.20. Перевальная точка. Перекусили на озере, поболтали с сыктывкарцами и начали спуск не на "ступеньки", а вдоль Капкан-Вожа.
19.40 - 20.10. Растянул ногу.
20.25 - 21.01. Водопад. АК обследует спуск, затем обошли назад, спустились по другому ручью и в 22.30 встали лагерем без огня. Луна. Ужинали молоком, гретым на таблетке.
Уснули 0.30.

Ходовое время: 402' .Расстояние: 18 км

Выскочил из палатки, как укушенный. Известно, что по мнению эксперта-татарина существует три степени хладности: сылкым, бик сылкым и колётна пилят. Ночью была третья степень. Но теперь положение улучшалось: синее небо, желтое солнце, обильная роса… Подъем!!!

Возились несколько дольше, чем хотелось бы - рецессивы вчерашнего. Ботинки практически досохли, носочки вперемешку с носовыми платочками, обильно увлажненные росой, я пододвинул поближе к пламени, за водой сходил быстро, вернее, ушел быстро, долго возвращался, поплутал немало спросоня, зато умылся и освежился. Солнышко быстро подымалось и грело уже лучше костра, так что вскоре деревья в округе стали напоминать новогодние елки, увешанные многочисленными мягкими игрушками. Набравшаяся конденсата палатка высохла практически мгновенно, только лишь сбросил полиэтилен. Слава богу, не тащить лишний килограмм воды. Главное - настроение поднялось по многим причинам. Причина А - наконец-то вышли к настоящим горам, леса достали до невозможной невозможности. Бэ - погода не в пример вчерашней. Вэ - говорят, если ноги в тепле, а голова в холоде, хорошо высыпаешься. Впрочем, насчет тепла в ногах я, пожалуй, загнул, но вот голова в холоде - это было. Даже если склубиться в спальнике до предела и носа не казать.

Первый переход, как обычно, шли бодро и за полчаса выскочили за границу леса. К оправданию нашей вчерашней пассивности сказать, удобный мест для стоянки не обнаружилось до самого безлесья, да и оно ровным не было. Нашли, правда, следы чьего-то бивака у самого Левдысея, но местечко нисколько не лучше нашего: корни да бугры.

И померещилось мне, что выскочили мы уже на устье правого притока Левдысея, назовем его для определенности Правдысеем, и оставил я общество нежиться под солнышком после сорокаминутного перехода, и направился я… переправу искать? Да нет, кусты или камушек побольше.

Вот это кочки! Диаметром не больше тридцати сантиметров, зато высотой все семьдесят! Хорошо, что я без рюкзака, а то угодить ногой в черный провал между скользкими, покрытыми травой верхушками, и транспортируй тебя потом волоком, а хошь - на весу… Видимо, идиотская идея перескочить Левдысей еще не выветрилась окончательно у меня из головы, и я автоматически поискал

переправы, естественно, не нашел и вернулся назад, озаренный идеей обогнуть подлый кочкарник слева поверху. Напильники под воздействием теплоподвода усердно раздевались; Лена воздерживалась. Кажется, ей несколько нездоровилось, а может, показалось. Я присоединился к напильникам.

Стрелка Лев- и Правдысея находилась совсем рядом, в двадцати минутах, и выглядела впечатляюще. Прав- делал здесь петлю перед впадением в Лев-, подмывал высоченный берег и с утробным рокотом вливался в поток, немного превосходивший его размерами. Я прошелся чуть вверх по берегу - уж очень красивый вид открывался оттуда, но вид этот не содержал ни одного валидного пути через Правдысей по-сухому. Вернулся назад, обследовал дельту и приказал: раздевайтесь. Всухую не получается, пойдем в кедах, по-мокрому.

Ничтоже сумняшеся, мы с Андрюшей скинули столько штанов, сколько можно согласно кодексу чести строителя коммунизма, и остались в трусах. Девочки себе такой вольности не позволили, но закатали штанки, куда сумели, и тоже выглядели неплохо. На сей раз поменялись фотоаппаратами - надо же и Андрею со Светкой на слайдах покрасоваться.

Перешли обычным порядком, только уж очень холодна показалась мне вода, чуть было не свело ноги от холода, да и несло не слабо, особенно у правого берега. Как всегда, сыскал перед самым окончанием переправы уютную ямку и ухнул туда, чуть семейники не подмочил вместе с репутацией. Ладно, не растянулся. Скороходы перемахнули лихо, одно слово - спортсмены. Слайды с участием их, рюкзаков и Правдысея вышли великолепные.

Все же сегодня - не вчера. Солнце делает свое дело: обсохли моментально, а мокрые тапочки закинули на рюкзаки - через полчаса высохнут. Пока обтирались и одевались, Андрей восхищался видом на крутые горки на обоих берегах. Они и правда смотрелись здорово: травы сияли, камни блестели, а по самому крутому лбу беспрерывной пеленой струилась водичка - гора "плакала". Правдысей истекал из кара весьма грозного вида. Хотя по карте до Капкан-Вожа через тот кар было и ближе, лезть в него я не рискнул. Как там? Не зная броду, не суйся…

Поскольку характер местности изменился, скороходы моментально ожили и, испросив санкции, рванули вперед. Лена тут же скисла, нога ее тут же заболела сильнее, настроение ее (и мое, соответственно) тут же начало падать. Путь проходил по кромке высоченного осыпного обрыва - правого берега Левдысея. Слова, кажется, начинают повторяться, но действительно такое зрелище запомнишь надолго: залитое солнцем бурное русло далеко-далеко внизу под красноватым крутым откосом, огромные камни у самого русла… Солнце сияет прямо в глаза, слепит их, и от этого картина не только не проигрывает, но и приобретает некоторую неземную фантастичность. Далеко впереди громоздятся великолепные пики и кары горной цепи между долинами Капкан-Вожа и Нидысея, через которую перекинута тоненькая проходимая нитка - перевал Каменистый. Мы набираем высоту, и, несмотря на ужесточающееся солнце, ветер все более навязчиво напоминает, что в горах, вообще говоря, холодно. Долина сзади опускается все ниже, и уже с трудом различимы отдельные лиственницы в лесу.

Однако, спешка нужна при ловле блох, а сердце уже подступает вплотную к горлу. Напильники догадались присесть и обождать нас. Мы посоветовались, решили не терять друг друга из виду и наметили очередную точку встречи - у поворота Левдысея под перевал, вблизи большого моренного вала. (Не знаю, можно ли его всерьез называть моренным, поскольку эти горы уже не помнят ледников, но никакими другими причинами объяснить образование таких валов под седловинами я не могу, нехай будет моренный). Спортсмены снялись и упилили, или упылили, как будет угодно, а мы потопали не спеша и со вкусом.

Я бездумно переставлял ноги, поверхность и не требовала размышлений на тему, куда ступить, и мысленно сочинял замечательную книжку-воспоминание о походе. Представлял я ее себе в форме писем к вполне реальному, но в повествовании безымянному герою, и начиналась она так:

Здравствуй, дорогой!

Это мое письмо будет столь же долгим и удивительным, сколь продолжительны и интересны оказались те чудесные события, которые я хочу описать здесь. Ты, конечно, помнишь, что долгих три года меня не покидали мечты и радужные надежды…

И так далее, и тому подобное. Воистину, то была чудная повесть, жалко, что солнце засветило негативы, ветер выдул из головы слова, а камни соскребли остатки переполнявших меня чувств, и я теперь никогда ее не напишу.

По моим ощущениям, когда мы сошлись с напильниками, до перевала осталось рукой подать. Лучше бы я вообще ничего не ощущал! А поскольку перевал мнился целью середины дневного перехода, и до него рукой подать, надо что? - правильно. Андрюха, доставай сало.

Ручей журчал рядом, но Светке взбрело в голову набрать воды в водопаде, живописно обрушивающемся с ближней горы. Глазам - видно, но ходили они туда будь здоров сколько, не двадцать ли минут. Там Андрей ее несколько раз заслайдил на фоне падающей воды. Правда, по прошествии дня оказалось, что пленку он доснял и выдернул из кассеты еще на Правдысейской переправе, так что Каменистый (нет цензурных слов выразить досаду!) на цветной пленке вообще не запечатлелся. Когда обнаружилась сия неприятность, мои руки уже пришли в такое состояние, что смотать пленку я не мог, и все оставили, как есть, до следующего утра.

В программу дня органично вписывалось предложение взобраться на моренный вал, под которым мы расположились, в лоб и по прямой подобраться к тому, что я, по неведению, обозвал перевальным взлетом. Оно и вправду походило на подступ к перевалу - четко выраженная проекция седловины, стиснутая двумя горами. Так и поступили. Скороходы выпустили нас вперед до середины взлета, а затем, не напрягаясь, обогнали и двинулись под взлет, где и встали. Место оказалось прекрасное. Левдысей истекал из цепочки небольших озер, располагающихся на перекрестке двух врезок: ведущей на Каменистый и соседней, грозного вида, заканчивающейся перевалами никак не ниже 2А. Преодоленный вал уже скрыл от нас лесистую долину, и сам вид голого предгорья заставлял собраться и действовать обдуманно. По карте озер должно быть три, перед третьим - перевал, и я легкомысленно решил, что, раз два позади, перевал - вот он.

Поднимались по отработанной схеме: ковыли отрываются минут на пять, скороходы снимаются, обгоняют не более, чем минут на десять и сидят, ждут, отдыхают, подлые. А может, подлые как раз ковыли, что не могут шлепать быстрее. Но на первом переходе обогнать они нас не смогли - зашлись моторы и у них, и, тем более, у нас, примерно на 3/4 подъема. Отсюда грозные перевалы уже не просматривались, зато озера воссияли вовсю, и стало видно, что они прозрачны до невероятности, дно просматривается практически независимо от глубины. Солнце теперь расстреливало нас дважды: сверху и снизу, отразившись от зеркал воды, ветер крепчал, жарко было, пока идешь, а как встанешь, гляди - не примерзнуть бы.

Преимущество Лены заключалось в том, что она двигалась с почти одинаковой скоростью что на ровном месте, что на подъеме, лишь бы он чересчур бугрист не был. Поэтому нам даже удалось оторваться от спортсменов и уйти за пределы видимости, что заставило меня немедленно остановиться: с такими вещами не шутят. К тому же, впереди открылось третье по счету озеро, а за ним явственный подъем дальше. Вот это да! И где же перевал?

Такой воды я больше не видел никогда. Напильники прошуршали мимо, обогнули озеро слева по узкой ступеньке и долго тыкали пальцем вниз, привлекая наше внимание. Когда мы достигли того же места, я вполне их понял.

Единственный проход лежал по полочке шириной метра полтора, висящей в метре над водой. В одном месте в ней образовалась каверна шириной около метра, длиной в один хороший шаг, в которой плескалась озерная вода. Вода цвета иранской бирюзы, совершенно прозрачная. Казалось, что глубина не выше щиколотки. Я бросил вниз камушек и с изумлением понял, что подо мной не меньше трех-четырех метров. Дальше озеро казалось бездонным: свет угасал, мир переставал существовать, время останавливалось в его невероятных пугающих глубинах. Оно лежало, как драгоценный камень в простой оправе из неприступных скал со всех сторон; над ним величественно высился плачущий мокрой поволокой пик, состоящий сплошь из скальных выступов. Солнце как раз находилось за ним; я дождался, пока кусочек слепящего диска едва-едва выглянул из-за скалы и сделал, мне кажется, лучший снимок за поход, жалко, что черно-белый: величественной озеро, обрамленное мрачными скалами и белоснежным венчиком снежника в тени грандиозной горы, из-за которой блестит бриллиантовый уголок светила. Мне не хотелось смотреть вперед, в унылые развалы курумника, куда уже глубоко внедрились напильники, мне не хотелось смотреть назад, на последние мягко-зеленые проблески внезапно открывшегося кусочка долины, озеро магнетически привлекало взгляд и не давало оторваться. Ледяная пучина, казалось, отвергала саму мысль о том, что существует теплое солнце, конечные расстояния и достижимые цели… С невыразимой жалостью я перешагнул каверну и двинулся вперед.

Там, на терминаторе солнца и тени, хитро маневрировали скороходы. Они остановились на границе освещенной области, куда-то отошли вперед, замерзли в тени, вернулись - а солнышко уже умчалось, и рюкзаки покрылись тенью. Вот незадача, погреться не удалось… К тому же они почему-то взяли сильно влево, обходя чашу кара практически без потери высоты, и я, для поднятия настроения Зенцовой, злорадно похихикивал, что они протопали метров на четыреста больше чем надо. Впрочем, так оно и было, больше, чем вдвое, я не соврал. Мы же держались правого борта долины, то есть срезали уголок. В тени горы сразу стало холодно, и я вспомнил, что по другой версии этот перевал зовется

Холодным. В том, что и это имя, как и первое, вполне соответствует действительности, мы скоро убедились.

Теперь я вполне приспособился к темпу движения Зенцовой следующим образом. Отрывался от нее шагов буквально на тридцать, больше нельзя, так как она совершенно точно повторяла мой путь, присаживал рюкзак на подходящий бульник и ждал, пока она подойдет. Довольны были все, кроме дермантина, покрывающего снаружи дно рюкзака: такое впечатление, что его ножом полосовали. Из-за того, что она буквально следовала по моим следам, приходилось иногда выписывать круги, подыскивая более удобный проход через завалы камней, а иногда я, отчаявшись, кричал назад: "Тут - осторожнее!"- и делал шаг метра полтора. Честно говоря, не знаю, как она выкручивалась из тех тупиков. Под ногами, глубоко под камнями, шумел поток, питавший то самое озеро, но сами камни оставались почти сухими.

Пройдя чашу, сели немного отдохнуть. Я-то был еще бодр, поскольку каждые три-четыре минуты на минутку как бы оставался без рюкзака, но Ленка шла непрерывно и, конечно, устала. Мы поддерживали дружелюбную беседу, изредка прерывающуюся по причине моего чрезмерного удаления, и вообще были довольны жизнью. Андрей правильно понял наши намерения и повел Свету наверх, не дожидаясь нас. Как я и предполагал, долина там сужалась настолько, что промахнуться мимо них не представлялось никакой возможности.

Мы и не промахнулись, вскоре после отдыха взобравшись на первый вал за каром. Скороходы уже поджидали нас и моих объяснений по поводу, а также указаний на будущее. Какие там указания - на перевале, авось, встретимся, а так пока что не ждите, уж больно тяжелый путь пошел.

Сколько переперли валов, уже и не помню. Много. Вскоре справа стена стала совершенно отвесной и скальной, сверху обнаружился зубастый гребень, ни в малой мере не уступающий зубьям Манараги. Казалось, что он даже нависает над нами, но, вероятно, это оптический обман. Слева осыпь также стала круче и значительно крупнее, ровного и даже относительно ровного пути более не существовало. Миновали еще одно маленькое озерко, черное, глубоко утопленное в сыпушную воронку, даже подходить не стали, обошли траверсом. Валы заставляли то круто взбираться вверх, то нырять вниз, что давалось нисколько не легче, каменная стена наглухо закрыла солнце, и жарко не было даже на ходу. Перед самым взлетом (теперь уже настоящим!) обнаружился маленький снежник, и Зенцова удовлетворила, наконец, свое желание пройтись по снежку. Потом долго обтопывали ботинки, чтоб не скользили, и наблюдали, как напильники шустро карабкаются почти у самого перегиба. Неподалеку от них простирался обширный снежный язык, наблюдаемый мною "в фас", а потому неизвестного наклона, и я уж совсем собрался взойти полдороги по нему, да, к счастью, раздумал. На поверку его крутизна явно превышала 40°, и что б было, заползи мы туда без альпенштоков или ледорубов? Ни зарубиться, ни зацепиться нечем, катились бы до самых камней, а это метров двести.

Подъем дался исключительно тяжело. Уже и я устал, а приходилось иногда прорываться чистым лазаньем - никак не мог найти более гладкую дорогу. Кажется, несколько раз останавливались передохнуть, но сколько? При таком напряжении теряешь чувство времени, и даже временами забываешь неизбывную боль в плечах от рюкзака. Перед самым перегибом стало вообще невмоготу, и перегнув, я нахально указал Ленке на маячившие на фоне неба головы напильников невдалеке и извинился за собственное отсутствие. Добежал до них, плюхнулся, с трудом выдохнул, вдохнул и послал Андрея отобрать у Зенцовой рюкзак.

Все: мы на перевале. Вот оно, третье по карте, а на поверку - пятое или шестое озеро, прямо в десяти метрах под нами, какое-то мутное, белесое и непривлекательное. Тур в ста метрах в стороне, конечно, пустой. Пытаясь его сфотографировать, выдернул пленку и я, и теперь фотоаппараты пусты, а руки не гнутся. Полезу перематывать, только оборву пленки, да и замерзли они, да и вечер ведь уже… Бес с ними, завтра перезаряжу.

Стало по-настоящему холодно. Все оделись, кроме Ленки - теперь ей было жарко, а на Левдысее она никак не желала разоблачаться, так и шла в физкультурке. Я же залез в свитер, а хотел бы оказаться на худой конец в ватнике. Долина Капкан-Вожа уже, казалось, просматривается внизу, но далеко внизу, и, вложив записку в тур, я решил подзакусить еще раз. На седловине дуло, и мы чуть спустились, поближе к воде. Оказалось, что она - о чудо!- попахивает чем-то тухлым, и пить ее не хотелось, но во фляжке, героически несомой Андреем, как всегда, оказался неприкосновенный запас, и всем хватило. Мир, побледневший от усталости, снова наполнился блеклыми затененными красками: в самом деле, ведь уже совсем свечерело.

На противоположном конце озера появилась некая фигура с маленьким рюкзаком и явно застыла в нерешительности. Постояв минуту, сбросила рюкзак и присела около. Это мне не понравилось: мало ли, что у нас есть разрешение, а на фотоаппараты? а придраться можно даже и к столбу? Поразмыслив, спрятали фото и максимально бодрым шагом, на который только были способны, двинулись в обход

озера по рыхлому снежнику. Тут-то и сказалась профессиональная спортивная подготовка: как не рвался я, напильники слиняли со скоростью, раза в полтора превышавшей мою, а про Ленку я и вовсе молчу. Впрочем, ее отставание имело на сей раз четкий смысл: глядите, Господин Инспектор Национального Парка Коми, девка совсем дохнет, так вы не ругайтесь, что отставание от графика, будьте милостливы..

Фигура тем временем растроилась, обретя двух спутников. Это оказались туристы из Сыктывкара, опасающиеся наймитов Парка не меньше нас, а даже и больше: разрешения у них не было никакого, и на днях они встретили свежеоштрафованную группу. Поджидая Лену, мы вволю поболтали, выяснили, что ребята (начальник моего возраста, но с куда более солидным опытом и двое школьников) "бегали" на Манарагу из долины Нидысея с минимальным запасом продуктов и жизнеобеспечения вообще, теперь спешат назад, где хранится один из участников, страдающий здоровьем. Перевал сей они называют "Ступеньками", знают, как облупленный, и надеются до темноты упасть к границе леса. Дальше, по их словам, можно сэкономить часок хода, если спускаться не к истокам Капкан-Вожа, а прямо в среднее течение через еще одну "ступеньку", там, правда, уклон под сорок пять, зато быстрее. Я оглядел коллектив и понял, что сорок пять для нас - это не может быть быстрее, чем лишний километр.

Казалось, все очевидно. Сейчас предстояло пересечь болотистую площадку непосредственно под озером и, судя по запаху, от того же озера и питавшуюся водой, спуститься вниз с последнего лба, а там уж и речка, и ровное место, и щепок каких, глядишь, найдем. С первой частью плана проблем не встало, кроме одной: верхом ботинка мне весь день здорово мяло голень, и последняя, наконец, забастовала. Полчаса я с трудом протянул, стиснув зубы, но потом сознался и оказался в центре внимания спортивно-медицинских светил. Аж неудобно стало причинять столько хлопот, собственно, я-то хотел только, чтоб выдали эластичный бинт, но получил в придачу неслабую профессиональную лекцию о правилах пользования, и к тому же быть забинтован специалистом. То ли от пережитого внимания, то ли от бинта нога оправилась и до ночи, будем считать, не беспокоила. Тем более, что вскоре я забыл не только про ногу, но и про рюкзак, и про многое другое.

Логичный прямой спуск к долине, схожий с теми многочисленными путями, кои мы в прошлом успешно преодолевали, привел на узкий взлобок между двумя ручьями, внизу которого подозрительно шумело. По причине моей инвалидности (я на нее не напирал, честное благородное слово!) вниз с рюкзаками полезли напильники, мы же остались сверху отдыхать и ждать сигнала к спуску. Под лбом на стрелке двух ручейков они остановились, долго оглядывались, потом Андрей по указанию Светы, нашедшей валидное место для перехода ручья, перескочил на другой берег и очень медленно пополз дальше. Я почувствовал раздражение: что он там копается? Все же ясно: туда, затем туда, а дальше не видно, но не может же быть, чтоб не было никакого спуска! Андрей отсутствовал очень, как мне показалось, долго, затем вернулся и отрицательно помотал головой в ответ на вопрос Светки. Все ясно.

(Как выяснилось, он вернулся и сказал:

— Я бы там прошел. Один. Без рюкзака. Если б сзади был стимул в виде мужика с топором, а лучше - бабы.

В самом деле, точнее не скажешь.)

Где ж найти обход? Я поднялся (нога взвыла, но я ее быстро обломал) и вернулся назад метров на триста, а затем огляделся. С последним действом возникли трудности, поскольку солнце практически село, а небо успешно слепило глаза, но ничего не освещало. Капкан-Вож истекал вниз пятью или шестью ручьями, и мы попали на крайний правый. Он не подошел - что ж, попробую следующий. Даже добраться до него через разделяющий бугор оказалось не очень просто, но спуск при первом просмотре вроде бы никаких особенных препятствий не обнаружил, а проверять его весь ногами не было времени и не хотелось вовсе. Авось спустимся.

Вернулся. Общество слабо перегавкивалось по поводу и без: Андрей обнаружил внизу водопад в несколько десятков метров высотой и без намека на проходимый обход. Можно, конечно, было попытаться прорваться траверсами, но они, по его словам, прерывались почти вертикальной скальной плитой. Да, это не для нас. Мое предложение возвращаться и пройти по другому кулуару естественно, не вызвало никаких положительных эмоций, но, в самом деле, другого выхода не предвиделось.

Взял немного выше, чем проходил сам: черт с ним, со временем, нам бы поположе. Поположе все равно не получилось. Нервы и у меня уж дрожали, так что все немного поволновались и на взлобке углом за 45, и на ручье, через который не виднелось никакого перехода по-сухому, но я-то его нащупал, пока гулял один, и не напрягаясь перебрался вместе с Зенцовой, а напильники немало покружили вследствие своего неверия в исключительные способности обозлившегося руковода, поджимаемого временем.

Сам спуск теперь, по заходу солнца, заставил меня тщательно чесать заднюю поверхность тупо уже соображающей головы. Русло ручья, загроможденное крупными бульниками определенно имело как

минимум одну ступеньку, виданную мной в процессе первого просмотра, теперь же мгла - визуально, конечно - сровняла все. Кроме того, многие камни шатались, и пришлось принять соответствующие меры. Я распорядился в том смысле, что поспешность необходима при ловле всяких мелких паразитов, а на тот свет всегда успеем, мимо не проскочим, поэтому спускаться будем нарочито медленно, ковыли впереди, напильники сзади, да глядите, чтоб камней не спускали. И дистанцию соблюдайте.

Насчет дистанции - не то, чтоб зря, но вот Ленка совершенно неожиданно взвилась, когда услыхала шурк оползающих камней сверху, означающий, что скороходы тронулись, не дождавшись моего высочайшего соизволения. Она в кратких сочных выражениях обозначила тревогу за целостность своей головы, потенциально находящейся под обстрелом, и велела им остановиться. От такого нахальства напильники, отнюдь, не растерялись и Светка ответила могучим лексическим залпом, основной смысл которого сводился к тому, что, мол, сами с усами. Черт с ними, и правда, неприятно торчать столбами в нескольких сотнях метров от копошащихся внизу приятелей, не ведая, что и как. Шла она, эта безопасность, только б не лаяться: пришлось остановить и тех, и эту, боюсь, не слишком вежливо. Не до того было.

Ступенька имелась. И не одна. При достоверной видимости в несколько десятков (какое - несколько, два, не больше) метров они представляли весьма неприятные препятствия, поскольку, теоретически, могли кончаться чем угодно или не кончаться вовсе - ничего сверху не просматривалось. Еще светлая западная часть небосклона неплохо освещала скат горы впереди, слепящий глаза, но вот под ногами… Приходилось больше полагаться на осязание.

Последняя ступенька, метров пять-семь ската, существенно круче сорока пяти, окончилась у самого расширения каньона. Конечности слабо вибрировали, и мы немного посидели, собравшись вместе м поражаясь, как это у нас получилось сравнительно дешево спуститься. Передохнув, двинулись по широкой полке по-над ручьем, ставшем широким и басовито говорливым. Пока шли, показалось, что над левым бортом кара, венчающего истоки Капкан-Вожа, кто-то пульнул две белые ракеты, одну за другой, но, во-первых, смотрели-то больше под ноги, могло и показаться, во-вторых, белые, они не красные, а в-третьих, кто бы нам гуманитарную помощь оказал… Стена кара, по самым скромным прикидкам, проверенным назавтра визуально, стоит не меньше альпинистской тройки, куда там нам карабкаться…

Совсем стемнело. Начались скользкая от вечерней росы травка, традиционные ямы и прочие приметы близкой равнины. Вокруг, сколько хватало глаз, то есть метров тридцать в радиусе, не проглядывалось ничего деревянного, что могло бы гореть, даже карликовой березки. Временами под ногами будто бы появлялась тропка, но в кромешной тьме видно ее не было, а удержать ногами - сложно, поэтому я многажды ее терял, находил, то есть нащупывал, и снова терял. Собственно, скорости она практически не добавляла, ныряя вверх и вниз согласно рельефу. Ровное место под палатку также отыскали с трудом, практически нащупали ногами, и я решил, что в таком темпе до дров мы дотянем минимум к рассвету. Стоп!

Да, часы, освещенные вспышкой спички, показывали 22.30: одиннадцатичасовой переходный день завершился.

Палатку ставили в кромешной тьме - как было не повошькаться с полчасика перед этим. Ленка привычно-шустро забурилась вовнутрь, содрав с нас подзадники и время от времени требуя кое-что из внутрипалаточной экипировки, и тут на срезе хребта, чернеющем на фоне чуть светлого неба, появилось такое, от чего глаза мои остановились и, думаю, начали округляться.

Кто-то жег там, на самой верхотуре, магний. Стружку. Килограммов сто, не меньше. Бешеное белое пламя образовало огромный ослепительный купол (знаете, что такое ослепительный? Вот-вот, я тоже думал до того, что знал!) Привлеченные моим невнятным мычанием напильники оторопело уставились в том же направлении. Подгоняемая сдавленными воплями типа "Ленка! Ленка!..", Зенцова уже топала на четвереньках ко входу, наверное, немало обеспокоенная всеобщим помешательством. Я же лихорадочно соображал, что бы это могло быть: невероятных размеров белый фальшфейер? НЛО? Конец света?

Рядом вспыхнул второй костер, метрах, наверное, в двадцати от первого. Это уже выходило за любые рамки правдоподобия, но глазам приходилось верить. Серебристо-огненные ореолы быстро росли, и вот они уже соприкоснулись, объединились и рванулись вверх. Как всегда, кромка огня слепила ярче середины, и стало казаться, что центр темнеет, и на нем проступают неведомые темные знамения. Облако света стремительно увеличивалось, вот уже и письмена на нем стали явственно различимы и даже приобрели очертания чего-то очень знакомого…

— Луна,- выдохнули мы практически одновременно, в четыре глотки. Не знаю, как остальные, я расслабился и несколько обмяк, уяснив природу сего феномена. Подлое светило показало краешки через две близкие расщелины, затем выползло все, и на фоне умопомрачительной черноты августовского неба

нашим вполне адаптировавшимся к скудному освещению глазам его кромка показалась невероятно яркой. Что ж, все хорошо, что хорошо кончается: не НЛО, не конец света…

Разобравшись с потусторонними вопросами, снова вернулись к прозе жизни: надо было пожрать, особо отмечу - не хотелось, а надо было, природа же к тому не располагала: ни кусточка, ни деревца. Третий раз за день жевать сало уже не доставало сил. Несмотря на протестующие вопли Андрея, я решил погреть в ковшике немного воды, развести детского питания и освежить желудки им вкупе с некоторыми прочими деликатесами, предоставленными завхозом, включая трехозерную кильку. Кильку отведали все, кроме Зенцовой; молоко в субгомеопатической дозе завхоз закачала даже в Андрея. После сожжения нескольких таблеток сухого спирта в палатке воняло кислятиной, но не стоит наивно предполагать, что такая мелочь могла потревожить наш сон.

13 августа 1995 г., суббота.

Встали в 8.30, позавтракали в 10.
Двинулись в 10.56 и в 11.15 перешли Капкан-Вож, набрав сапоги.
11.23 - 12.02. С перекусом морошкой прошли болото.
12.08 - 12.48. Перешли еще один приток: лес пока далеко.
12.55 - 13.15. Дотянули до дров, готовим кашу.
14.40 - обед.
15.58 - 16.42. Одеваемся над каньоном.
16.52 - 17.36. Траверсируем склон.
17.45 - 18.09. Переводим дыхание. Видно седло.
18.14 - 18.27. Догнали скороходов.
18.35 - 19.03. Подошли к первой по ходу зеленке на взлет. Скороходы ушли ко второй, дал им сигнал на подъем.
Мой хронометраж взлета: 19.11 - 19.16; 19.20 - 19.24; 19.31 - 19.37.
Хронометраж спуска (вместе) : 19.53 - 20.05. 20.11 - 20.38. "Песчаные".
20.55 - перешли к Буревестнику.
Костер в 21.45, отбились 23.

Ходовое время: 338'. Расстояние: 12 км

Утреннее солнышко быстро накалило палатку до вполне адского состояния. Черный полиэтилен не помогал: глаза слепило.

Выкарабкавшись из этой печки, с трудом поднял весьма тяжелую голову и оценил вид. Здорово - видимость миллион на миллион, ни единого облачка, горы так и сияют. Величественный кар, обрамляющий верховья Капкан-Вожа, над склоном которого давеча "горел магний", мягко говоря, впечатляет: до середины уклон близок к вертикали, а выше - уже совершенно отвесная стена, гладкая-гладкая, ни зацепки. Или это солнышко так глаза слепит, что ничего не различить? Короче, хороши б мы были вчера попершись туда выяснять, кому взбрело в голову пулять в небо ракеты…

Вышел на свежий воздух сам - помоги товарищу. Я так и сделал: содрал с палатки полиэтилен и бросил рядом, сушить. Действие возымело чудодейственное - поползли шустро, как клопы из-под лампочки, только и успел пленки в фотоаппаратах перемотать, как все уж снаружи. Тоже хороши, что видео, что аудио, как и я…

Оказывается, мы остановились совсем неподалеку от устья того подлого водопадного ручейка в основное русло Капкан-Вожа и действительно, на самой тропе. Вниз по долине просматривалось небольшое болото, вполне соответствующее карте, далеко-далеко жиденький лесочек, а над ним… Огромная рука, ладонь в профиль, с длинными тонкими пальцами, с обглоданными медвежьими когтями на концах - Манарага. Красавица. Королева. Дошли. Дошли!

Вдоволь налюбовались на обозначившуюся основную цель всего путешествия и, пока девчонки плескались у ручья, решили подняться назад, посмотреть, откуда же это мы вчера рухнули. Взяли оба аппарата, не спеша прошли минут десять (и где мы тут вчера полчаса колупались?), и чудный вид открылся нашим взорам. Водопад, который Андрей обследовал вчера, являет собой почти, а местами - совершенно отвесную плиту, с шумом омываемую бурным потоком. В нижней части плита проваливается, образуя нишу отрицательного наклона высотой метров десять… да, этажа три, не меньше.

Под обрывом грандиозный омут, щедро украшенный острыми зубами бульников. Место, куда он дополз, метров через двадцать также становится чрезвычайно покатой плитой, и что с того, что она всего-то метров семь длиной? Все одно - неизбежный каюк. Вроде бы можно обползти чуть повыше, там немного травки, но ночью? в темноте? усталыми?

(Дурака и обезьяну высаживают на необитаемый остров - в целях природы обуздания, в целях рассеять неученья тьму, на предмет изучения разных факторов выживания в одиночестве. Через год высокоученая комиссия посещает архипелаг и наблюдает интересную картину: у дурака ухо отросло сантиметров сорок в длину, а у макаки на лбу шишка - больше головы. Что такое? Пригляделись: дурак оттопыривает ухо, прислушивается и недоуменно спрашивает:

— Что это там шумит?

— Во-до-пад!!!- гневно орет человеческим языком обезьяна и колотит себя кулаком по лбу. Прямо как мы вчера ночью: что это там шумит?)

Кулуар, выпустивший нас из гостеприимных объятий Каменистого плато, также смотрится достаточно грозно, особенно нижняя треть. Странно, вчера мне показался более трудным самый верх, что ли привык потом? Сделали снимки, глянули последний раз, вздрогнули последний раз и воротились - завтракать.

А и чем тут завтракать? Опять сало с конфетами и холодной водичкой, согреть-то никак. Хорошо, был заначен где-то глубоко некий пакетик ядовито-зеленого растворимого сока, несколько скрасивший ситуацию, но мой, например, брюх все же недовольно бурчал по поводу такого, с позволения сказать, завтрака.

Закончилось бы такое дело - я имею в виду вчерашний переход Суворова через Альпы - на приличном с точки зрения бивака месте, плюнул бы я на все графики и нитки, и устроил хорошую дневку. Бы. А поскольку место даже плохим назвать язык не поворачивался, приходилось думать, куда податься дальше. Вариантов вырисовывалось два. Первый - перевалить сейчас Спартак, благо, он близко, спуститься до лесочка и баиньки. Второй - протопать до вон той древесной кущи ниже по течению, это где-то близко к отвороту на Студенческий, или Буревестник, и тоже баиньки. Посоветовавшись с ногами, спиной и плечами решил, что, чем меньше напрягов, тем лучше. Шли они лесом, эти лишние перевалы, хоть и нет тут леса в помине.

Так как завтрак к сибаритству и проволочкам, связанным с мытьем котлов, не располагал, скомкались достаточно быстро и, уверенно пошатываясь, тронулись в путь. Показалось логичным сохранить ноги сухими, вроде бы проглядывала такая редкая возможность, и курс взяли на стрелку ручья и Капкан-Вожа в надежде отыскать переправу по камням. Конечно, с первого раза на нее я не угодил, пришлось побегать взад-вперед, пока сыскалось подходящее расположение камней, да и то совсем всухую не обошлось. Ну и, соответственно, слегка погавкались.

Вскоре после устья притока из-под водопада (*Во-до-пад*'а!), уже заслоненного выступом горы, под ногами захлюпало и зачавкало. Дело привычное, но на сей раз болото, кроме обычного ассортимента, предложило обильные россыпи морошки. Факт этот мне стал ясен еще до того, как наш традиционный арьегард вошел в зону видимости ягод: напильники внезапно, не снимая рюкзаков, пошли мало того, что медленно, так еще и на карачках. Оценив же богатство залежи, предложил скинуть мешки и почавкать по-человечески, но скороходы отчего-то засмущались и слиняли, а вот мы, неспешные, наелись вволю.

Спортсменов нагнали на берегу очередного ручейка слева, они дожидались нас, сидючи на краю громадной плоской плиты. Солнце тем временем приблизилось к апогелию, силы, не подкрепленные должным завтраком, истаяли, как тощий снежник, и некоторая вялость членов имела место быть. Лениво обсуждая ситуацию, единогласно пришли к следующему выводу: что бы не готовил там день текущий, для начала надо приготовить хавчик посущественнее, чем утренний, и чем вечерний перед утренним, и чем два дневных перед тем вечерним, который перед утренним. Боже, сколько ж времени мы не ели нормально! Однако, для приготовления обеда необходим как минимум приличный костер, а для него - дрова. Глазомер же меня, очевидно, с утра подвел, поскольку я решил, что до первых деревьев не больше двух переходов, а вот же и больше. Причем переходов приличных, это вам не двадцатиминутки на Индысее.

Вскоре очередную задачу выдал хитроумный Капкан-Вож, прямо не река, а куча речушек, по всей долине. Тропа вообще-то проходила левым берегом, но вот зашумело уже справа, и понадобилось перескакивать еще один не то Капкан, не то Вож из многочисленных ручьев, собственно, и составляющих реку. Без выпендрежа, конечно, не обошлось. Ну как же - смириться с силами природы и покорно набрать

ботинки еще раз, не первый и не последний! Нет, давайте побегаем минут десять-пятнадцать, пошукаем, чтоб не дай бог не обновить водные ресурсы обуви…

Некоторых из нас, как всегда, явно выручили два больших черных невидимых крыла, помогшие ему перепорхнуть с камня на камень, между коими, однако, метра два было. Я перечапал в сапогах, затем перекинул девичьи рюкзачки (суффикс -чк вполне уместен, это вам не на заходе, уж финиш близится), а затем героически подставил спину и самого себя в качестве непарнокопытного транспортного средства. Светке не привыкать, она цепко повисла и не брыкалась до безопасного места, а вот Ленка всю дорогу ерзала, как будто сидела на кактусе, и причитала, что уж хватит, что дальше я сама… Ух-х…

До дров мы дотянули, иное слово применить язык не поворачивается. Как всегда, сначала мы отошли шагов дцать с Зенцовой, потом напильники снялись и, мне показалось, не без труда нас достали, потом мы топали ухо в ухо и злились на все подряд…

Наибольшие муки совести за этот день мне по сей день причиняет следующее действие. Была уже намечена точка приготовления обеда, у которой оказалось до постыдного мало древесины, и стояла неподалеку крошечная елочка, лет, наверное, двадцати, судя по количеству мутовок, метр высотой, совершенно сухая на вид. Самая крайняя елочка на границе леса, самая передовая. Бугор впереди по курсу наглухо загораживал от нас близстоящие приличных размеров лиственницы, и помстилось нам, что не хватает дров, а ель горит так здорово! Срубили - живая… Правда, до сих пор стыдно.

Как водится, костер, почуяв, что все до озверения жаждут обеда, закобенился и совершенно не желал греть котлы, убого примостившиеся между двумя плоскими камнями. В костер дули, его поддерживали подкладкой индивидуальных "спичек" в наиболее холодные точки, но не скоро же он вскипятил воду. Тем временем, сильная часть общества занялась очередной починкой: после Каменистого, наверное, от ужаса перед тем, по чему пришлось пройти, один из грандиозных ботинков полорото улыбнулся, да так и застыл. Клей, как было уже проверено на Сывь-Ю, помогал не больше, чем сопли, и оставалось вывинтить несколько шурупов, продравших головками подошву, и ввинтить их на новые места. Да вот беда - кто знал, что в состав ремнабора должна входить силовая крестовая отвертка? Ох, и помучились же мы, выкручивая подлые шурупики всем, что под руку попадет - и ножами, и углом топора, и плоскогубцами… Потом, для надежности, обрубили и заточили несколько гвоздей и прихватили ими подошву к супинатору, следя, чтоб острия не вылезли вовнутрь. Практика показала, что получилось крепко.

Ну, что мне не сиделось в тот день на месте? Ведь не отдохнувшие были со вчера, вон он лес, хороший, густой, рядом, полчаса ходьбы, и там! Лечь бы на дно, как подводная лодка, и позывных не передавать!.. Держи карман шире. Общество посоветовалось, и я решил, что есть смысл дернуть Студенческий именно сегодня - уж очень здоровое получалось отставание от графика. Сегодня тринадцатое (бр-р-р…), согласно "продуктовой" нитке нам следовало радиально выходить на Народную через плато Руин со стороны устья Манси-Шора, а никак не топтаться под Манарагой. Допустим, вследствие консультаций с Сухаревым, нитка претерпела изменения, но и все равно, порядка завтра-послезавтра мы собирались выйти в Озерную за лодками, и, на самом деле, еще не решили окончательно, что в Озерную не пойдем, так что время поджимало. Вот и не сиделось мне на месте.

После нормального обеда пошлось тяжеловато, но минут через двадцать разогнались, и практически кучно влетели в развалы крупных камней, венчающие маленькое крылышко горы, отделяющее долины реки и ручья из-под Студенческого, который повелось у нас называть Буревестник-Капкан для отличия от Буревестника бассейна Кось-Ю. Тут у напильников мгновенно проявилось их скоростное преимущество и они, набирая высоту, резво нас обогнали. Мы с Ленкой, выбирая площадки поровнее да позеленее, обходили выступ траверсом, и вот открылась нам чудная и грозная картина.

Вообще-то я намеревался срезать уголок через тот выступ, с которого сейчас смотрел вниз, перебраться через Буревестник-Капкан и подниматься его левым берегом, на котором пять лет назад видел тропу. Однако, ручей внизу мало того, что рычал рыком звериным, так еще и облачился в солидный каньон, составленный невероятных размеров плоскими плитами, будто облицованный серым выпуклым кафелем от фирмы "Гулливер & Со". В возможности переправы я даже не сомневался: не было такой возможности. Оставалось и дальше траверсировать склон правого берега - точно как в 1990 году. Тогда же и было экспериментально установлено, что возможна такая операция только в том случае, если держаться у самой воды. Чуть выше начинаются значительные уклоны, живые сыпухи и прочие прелести жизни.

Тем временем, ласковое солнышко, гревшее нас во время обеда, то и дело повадилось скрываться за высокими, но плотными, облачками, и появился знобкий ветерок. Все - даже Лена, после некоторых уговоров - спешно обрядились во что потеплее, и двинулись дальше: пока идешь, не холодно.

Кстати, к тому моменту глубокая истина о вреде кратких переходов мной была уже прочно усвоена, что характерно отразилось на хронометраже. Может быть, именно поэтому нам удалось так далеко ускакать за полдня?

Тогда мне казалось, что под перевал мы подходили очень долго. Не важно, что объективно это неверно, что хронометраж с этим спорит, вот так уж казалось. Я мысленно материл свою глупость, неспособность вовремя заглянуть в карту, где по левому берегу отчетливо прочерчена тропа - да, да, вон та удобная, ровная, гладенькая, отлично различимая отсюда тропка, а не эти наворочанные бульники; ругал камни, скороходов, поминутно улетающих вперед, Зенцову, ежесекундно отстающую сзади… Впрочем, плохого настроения не было: как может быть плохим настроение, когда точно по курсу дыбятся грандиозные скалы Манараги? И всплыли в памяти витиеватые строки ненаписанного письма, сочинение коего началось по пути к Каменистому, и само собой возникло логичное продолжение.

Знаешь, я до сих пор до конца не понимаю, что гонит меня, одержимого, и прочих казалось бы вполне разумных людей в дикие антицивилизованные места, наподобие того, кое сейчас приходится неспешно преодолевать. Исследователи данного вопроса обычно выделяют целый букет побудительных причин, в совокупности своей якобы способных подтолкнуть достаточно рационального, я бы даже сказал - цинично рационального в повседневной жизни человека на этакий сумасбродный шаг. Большинство приводимых мотивов - в той или иной степени надуманные, некоторые откровенно ханжеские и не имеют ничего общего с реальностью. Мне ситуация представляется в следующем свете.

Главное, безусловно - дорога. Чувство дороги. Смотри: что основное в процессе еды? Насыщение. Наесться - вкусно ли, не очень вкусно, тем ли, что хотел, или тем, что под рукой оказалось - когда речь заходит о голоде, последние условия воспринимаются, как мелочь, несоразмерная с основным стремлением. Так и дорога: в ней, на самом деле, архиважно само ее ощущение, чувство перемещения, свободного, не принудительного преодоления пространства, карусели ландшафтов вокруг, медленно плывущие назад по твоей воле - и только вследствие твоей воли!- цепи гор, бессильные сдержать тебя клыкастые перевалы и бурные пороги, топкие болота и узкие шкуродеры. Дорога - вот суть похода, остальное - специи, придающие утонченный волнительный аромат, пряность и терпкость, соль и сладость этому удивительному непознанному блюду.

А второе - свобода. Свобода от тротуаров и переходов, указывающих путь. Свобода от водителя троллейбуса, выбирающего дорогу за тебя. Свобода от денег, лжи, торговли непродажными вещами и понятиями, захватившими общество. Здесь вам - не равнина. Здесь климат иной. Самостоятельное, в некотором смысле первобытное существование, азарт достижений, проверка на прочность… Впрочем, это уже вопросы, освещенные вышеуказанными исследователями, а по существу - те же самые приправы к волнительному яству свободы, не анархии, не махрового всепоглощающего эгоизма, как некоторые превратно понимают эту ценнейшую для человека категорию, а настоящей свободы.

Что, туманно? Что ж ты хочешь, это ведь даже не Чувал, тринадцать километров ровного плато с одним коротким подъемом, поброди-ка тут с моим мешком, посмотрю я, насколько тебе удастся сформулировать свои гениальные догадки…

Дальше и до самого седла двигались парами, изредка сходясь для обмена комплиментами и соображениями. Перебрались через ручей, бегущий в неглубоком овражке из-под первопройденного в 1990 году перевала Обманщик, облизали вплотную подходящие к самой воде покатые скалы, полюбовались на великолепные водопады… Скороходы не спеша улетучились вперед настолько, что практически исчезли из поля зрения, тем более, что уж вечерело, и условия освещения оставляли желать лучшего. Один раз они нас дождались, чтобы прояснить у меня дорогу на перевал. Я обсказал, насколько сам помнил, а впрочем - седло виднелось вполне очевидно, вопросы могли возникнуть только технические: откуда да как на него карабкаться.

Вскоре за последним совещанием выигрыш напильников стал критически большим, и я решил схитрить. Поскольку забрались уже достаточно высоко, зеленки практически исчезли, погребенные странными завалами перистых скал, и Ленка довольно сильно притормозила, пришлось в нарушение всех правил подыматься на перевал в лоб, по достаточно крутой стенке, но тем самым срезая порядочный угол. Если расположить наши траектории на карте, то получится, что напильникам достались гипотенуза и катет огромного треугольника, тогда как нам - один очень крутой катет. Дождавшись прямой видимости с мирно сидящими под склоном спортсменами, привлек их внимание свистом (чуть глаза из

орбит не выпрыгнули, во глухие тетери!) и красноречиво махнул рукой вверх по склону. Через каких-то пять минут дрыганий конечностями информационный контакт установился, и они полезли под рюкзаки. Великая сила - искусство художественного жеста.

Перед взлетом мы посидели, немножко сбросили жидкого веса и вдоволь отдышались. Солнце как раз скрылось за обрезом манаражского массива, когда я извинился перед Зенцовой, что не в состоянии буду сопровождать ее на подъеме в ее темпе, и с неохотой поднялся. Конечно, поступил я совершенно неправильно - нельзя на сложном склоне оставлять без присмотра усталую барышню с нарушениями опорно-двигательного аппарата, но что мне оставалось делать? Силы на нижнем пределе. Перевал громоздится надо мной - огромный, неправдоподобно высокий, немыслимо крутой и гладкий, местами мелкая сыпь, местами даже зеленки на полочках. Авось, поднимется, не кувыркнется. Все равно баланс масс не позволит мне ее эффективно удержать, особенно когда мешает неуклюжий рюкзак… Вот сколько, оказывается, оправданий можно изобрести по необходимости!..

Бедное мое сердце. Первые три минуты оно радовалось уникальной возможности двигаться своей скоростью, исходя только из своих побуждений и без каких-либо оглядок, но затем внезапно обнаружило в ситуации некоторые пикантные минусы. Оказывается, тупой организм способен, если его никто не сдерживает, настолько шустро карабкаться вверх по крутому склону, что появляется реальная возможность повредить некоторые внутренние механизмы. Осознав происходящее, комплектующие возмутились, заскрипели, заскрежетали, и пришлось усесться. Первый раз.

Оказывается, я догнал солнышко, и теперь мог лицезреть его горбушку, выглядывающую из-за уреза горы. Загадав двинуться в момент, когда оно снова скроется, с наслаждением откинулся на рюкзак, покоящийся на крайне неудобной узенькой ступеньке, и дышал. Небо, по которому катилось светило, ничего доброго не предвещало - белесое даже на закате, с длинными тугими прядями подозрительно черных облаков. Не к погоде. Плохо - погода нужна всегда, а особенно в моменты, когда недостает времени. Впрочем, рассуждения общефилософского плана меня трогали мало: предстояло продолжить подъем. Одновременно с уходом солнца в поле зрения появилась Зенцова, пылающая и излучающая жар нисколько не меньше моего, и я поспешно уступил ей ступеньку.

Второй кусок оказался много хуже: и покруче, и более склонный к осыпанию. Бедная Ленка, подумалось, куда завел, старый полупроводник. Ничего, влезет. Как водится в таких случаях, глаза мгновенно "закрылись" и работали только на опознавание наиболее проходимого пути, отсевая прочую видеоинформацию, а впрочем, на что еще смотреть, если голова опущена, взор уперт в склон, а склон занимает всю видимую Вселенную? Вскоре сквозь красноватую пелену в глазах проскочило видение обалденного крутяка, сплошь покрытого мелкой зеленой травкой, и ровного, как лоб академика. Стоп, берем немного вправо, там, кажется, коэффициент трения выше. Надеюсь, Зенцова мой маневр узрит и последует. А на третьем куске мне посидеть не дали, поскольку подъем вдруг оборвался, замаячило небо и две головы на фоне оного. Нельзя же показывать свои слабости подчиненным! К моему удивлению, выяснилось, что я еще способен слегка нормализовать бурлящий внутри меня паровой котел и не позволять струям отработанного пара сифонить во все щели, образуя то, что дыханием назвать уже сложно. Шаг - вдох, шаг - выдох. Ноги старательно разгибать и упирать пятками. Корпус прямо, сколько возможно, так больше влезает воздуха, и меньше походишь на бабуина, скрещенного с дромадером. Взгляд приветливый. Эй, не тупую улыбку имбецила, а просто приветливый взгляд. Вот так. Ну, что, напильники, как сидится?

Сиделось хорошо, хоть и недолго. Видимо, сказывался приобретенный уже профессионализм: быстро выковырять записку, сочинить свою, два-три щелчка фотоаппаратом и - вниз. Снимки, к удивлению, получились достаточно хорошими, несмотря на скудный свет, а записок в пластиковой бутыли обнаружилось две. Первая обычная, по стандарту, а вот вторая:

Старый охотник ищет в этих лесах спокойствия и мудрости. Ночевал на перевале. Спускаюсь в долину Манараги.

Рука не поднялась снять с перевала такую неординарную вещь, и она осталась там же - в бутылке - как намек последующим группам на тему о том, за чем ходят в походы.

Вообще, перевал Студенческий, или Буревестник, 1А (исключительно за северный скат), 1050 м., тоже красивый, хотя до Каменистого ему далеко. Он щедро украшен необычными перистыми скалами, видными еще снизу, с Буревестник-Капкана: плоские каменные пластины, горизонтальными острыми зубами торчащие из крутых лбов. Седло развернуто с востока на запад, так как хребет здесь немного виляет, и с одной стороны над ним громоздится покатый купол высокой горы без названия, немного напоминающей чем-то раковину улитки, а с другой - великолепная Манарага, развернувшаяся в профиль.

Кстати, в профиль она, на мой взгляд, не менее привлекательна, чем в фас. "Когти", они сбоку тонкие и длинные, и вершинный взлет смотрится острым умопомрачительным пиком, пронзающим небеса. Задняя часть "лапы" из-за удаленности кажется более низкой, и это еще больше затачивает вершину. Отсюда неплохо просматривается почти весь подъем, кроме некоторых неприятных деталей вблизи макушки, и этот подъем впечатляет. Долины же Манараги практически не видно, поскольку спуск, чуть отойдя от перевальной точки, круто поворачивает вправо и скрывается за отрогами. И еще - три раза был на этом перевале, в дождь, в солнце и вот сейчас, ни то, ни се, и всегда упругий ветерок неназойливо намекает, что хоть перевалы и являют собой одну из целей похода, не стоит у этой цели долго задерживаться. Так и в этот раз: сфотографировавшись, мы быстренько напялили на себя все теплое, что не лень было доставать из рюкзака, и засобирались вниз.

Напал тут на меня некий бес, и глубоко внедрился в подсознание: захотелось побегать. Сказав: "Догоняйте",- взял ноги в руки, что совсем несложно оказалось на достаточно крутом, хоть и простом склоне, и сквозанул, что было мочи. Было основание: Лена великодушно молвила, что шуруйте, ребята, тропа одна, никуда я не потеряюсь, догоню на стоянке. Ну, я и прикинулся, что понял дословно.

Меня по-товарищески поправили (Андрей насупился, Света оттявкала, Лена укоризненно подышала), и после первого и единственного за спуск пересида я больше не пытался превратиться в направляющий паровоз. Дальше и до низа все время оглядывался на - в кои-то веки!- напильников, чтоб не отставали, а те - с ума сойти!- посматривали на Зенцову, чтоб не отставала… Мир, дружба, жвачка. Всегда бы так.

Внизу Ленку все-таки переставили после меня, и мы еще немного продвинулись к лесу. Странно, пять лет назад я, помнится, лицезрел где-то неподалеку от тропы местечко, поименованное мной "песчаными стоянками", удобное такое местечко, да только где же оно? Столик еще там стоял, Семененко нас с перевала за ним поджидал… А, кажется, это. Ни столика, ни путевого места под палатку, ни дров вокруг, только и всего, что ручеек под боком. И тропа куда-то смылась, не понять - то ли переходит на другой берег, то ли просто растворилась. Непонятно: по идее, эта тропа зарастать не должна.

А ведь уже стемнело. Надо скорее ставиться, варить и спать, а куда ставиться? Я полазил округ, перебрался на ту сторону ручейка, убедился, что и там ничего не светит, и, на горе себе, затеял консультации. Вследствие которых усталая и (немаловажно!) голодная Света оттянула меня за то, что привел невесть куда.

Вообще, меня ругать можно. Это воспринимается мной вполне адекватно и, как правило, возымевает действие, но - при одном необходимом условии. Нужно, чтобы я действительно был виноват в том, за что ругают. Если же отлаять меня безвинного, я зверею и становлюсь премерзок, стозевен и лаяй. Так и теперь: психанув, скомандовал - двигаться к рогатке Буревестника, где виднелись отдельные дерева и, по некоторым признакам, могли оказаться вполне ровные площадки. Через шесть минут топтания в березке мы действительно попали на нормальное место, но Свете и оно не глянулось, она надулась еще больше и применила очень меня раздражающее средство (знает, чем пронять): абсолютная ледяная вежливость, стеклянный голос, нет, это место плохое, да, мы будем катиться всю ночь, конечно, кто ж, кроме тебя, виноват. Результат не замедлил сказаться: я, злой до бешенства, в сопровождении Андрея, тщетно пытавшегося разрядить обстановку, спустился вниз по течению еще на одну полянку, осмотрел ее, нашел вполне подходящей, вернулся и повелел бивачиться там, а если что кому не нравится… и так далее. Славненький вечерок, правда?

Минус у стоянки обнаружился только один: до воды было круто и не совсем близко. Ручей здесь протекал в глубоком овраге со скользкими глинистыми откосами. Девушки сразу после постановки палатки направились туда, распорядившись в их сторону не глядеть. Понадеявшись, что они не свернут себе шеи по дороге вниз и вверх, мы занялись костром. Да, вот и второй минус. Обычно мы спокойно натягивали тросик промеж двух деревьев, но тут оные начисто отсутствовали, во всяком случае, подходящие по толщине и пространственному расположению. В десяти шагах от палатки обнаружилось весьма старое костровище с торчащими из земли крошечными рогулинками, очень старыми, рассохшимися и ни на что, кроме растопки, уже не пригодными. И вот беда: одна-то сухая березка невдалеке сыскалась, прямо готовая рогулина, а больше - ничего. Тащиться ночью в лес (метров триста вниз) ужасно не хотелось, и - второй раз за день!- согрешил я, сотворив подпорку из живой березки. Укрепив их в земле, мы быстро сотворили костер и тут до нас дошло, что один котел пуст, другой у девчонок, девчонки на ручье, а смотреть туда воспрещается. Воспрещено полчаса назад. Воспрещается еще пять минут. Воспрещается еще десять минут. Еще пятнадцать. Да что они там делают?!

Не скрою, вернувшиеся девушки были встречены благим матом. Впрочем, он их не пронял, и, отдав нам котел с водой, право доступа к ручью и обязанности повара, они величественно удалились в палатку. Ха, у костра, пожалуй, теплее будет - и до них сие дошло не далее, как через пять минут. Вот мы

все вместе, довольные и уставшие, уже не злящиеся и не шипящие, стоим в полной темноте у живительного огня, принюхиваемся и облизываемся по поводу скорой трапезы, ботинки шкворчат струйками пара, портянки вывешены, аки флаги, на близлежащий кустарник, и всем, всем, всем хорошо-о-о…

14 августа 1995 г., воскресенье.

Вылез в 9, мотал пленки. Ветер, солнце, тучи над Неприступным.
Позавтракали в 10.40, долго собирались. Затягивает.
12.11 - 12.54. Поднялись по 2 гребню до курумника, ограничивающего плато.
16.30 - вершина.
18.20 - перекус у последней марки.
19.30 - седло у перьев.
20.11 - спустились на зеленки.
20.54 - встретились в лагере.
Улеглись в 23.30 после ужина.

Думаете, такую короткую запись в хронометраже сделать - раз плюнуть? Ошибаетесь.

Из двух жизненно важных вопросов, актуальных в то утро, ответ на один был вполне очевиден. На Манарагу мы взойдем. Не важно, сколько времени придется просидеть на этой ссорной стоянке, никакие Озерные и Желанные не важны, если перед глазами великая гора. Второй требовалось решить: когда? В памяти еще свежи воспоминания о памятном дне девяностого года, когда дождь ухватил нас с Семененко под самым взлетом и заставил вернуться назад, поскольку 1Б* в дождь принципиально не ходят. Так что погоду требовалось оценить предельно тщательно.

Над дугой гор, образующих Народо-Итьинский кряж и Неприступный хребет, толпились тучи. Много туч. Черные тучи. Над Манарагой, в общем и целом, чисто, изредка проскальзывают легкие облачка. Вот интересно, ветер-то с юга, куда же деваются эти Неприступные облака, их же ветром сюда должно тащить? Загадка природы. Ветер три-пять метров в секунду, до кряжа двадцать километров, до вершины часа три с половиной, нет, четыре, не меньше, не все ж у нас напильники… Или все-таки не дергаться, подождать? А, собственно, чего - абсолютной видимости? Так она тут случается раз в лето, и у нас уже была - над Каменистым. Эй, лежебоки, вода кипит!

Что-то я нервничаю, плохо. То ли остатки вчерашнего, то ли предчувствия сегодняшнего, хотелось бы, чтоб первое. Все-то меня раздражает: коллеги копушничают, тучи плавают, каша не варится, крокодил не ловится, кокос, понятно, не растет… Если же это предчувствия, то лучше им поверить внизу и взять с собой веревку. Ну и что, что дважды она не сгодилась? Так, что еще? Фляжку, нож, пожевать чего-нибудь?

(Никогда, *никогда* не берите на Манарагу одни только конфеты! Это вам не Денежкин, где такое проходит, тут конфетами не обойдешься. Как все дружно сожалели наверху, что нет сухарей и сала!) Лагерь мы, от греха подальше, свернули, упрятали все внавалку в рюкзаки и засунули в кусты на берегу ручья. Сверху укутали полиэтиленом - черный, в тени, авось, никто не увидит, если мимо пройдет.

Очень трудно по такому скупому хронометражу восстанавливать канву событий и одевать ее вышивкой подробностей. А впрочем, дело было так.

Переться на перевал и дальше традиционным путем по верху дугообразной стенки, ограждающей кар истоков Буревестник-Капкана, под вершинный взлет ломало. Слишком большой получался крюк. Правый же берег ручья, омывающего "песчаные" стоянки, являл собой покатый длинный холм, произрастающий приблизительно из середины указанной дуги. Если подыматься по нему, то можно срезать пару километров, и путь вроде бы просматривается почти до верху, а там.. как нибудь залезем. Не припомню ни одного отчета, чтоб кто-то таким образом вползал на Манарагу, а мы вползем.

Проблемы обнаружились очень быстро. Влезши на спину холма, Света внезапно озлилась на мое решение делать пятидесятиминутные переходы (что казалось вполне естественным, поскольку все, кроме меня, шли пустые), заворчала, зашипела, накалила атмосферу до предела, не без моего, понятно, участия, а под конец заявила одним залпом, что у нее страшно болит колено, как всем было известно еще с Обе-Иза, и что она со мной больше никогда не будет разговаривать. Здорово, правда? Угнетатель, мучитель, садист, зверски загоняющий больную любимую жену в черт-те какие дебри. Не трудно угадать с трех раз мою реакцию?

Пересид я все же сделал, когда мы дотянули по зеленкам до каменистого подъема на стенку кара. Уж очень все выдохлись на протяжении подъема. Что удивительно - из всей компании один я никогда не занимался спортом, а дышал, пожалуй, ровнее других. Или это от злости?

Света демонстративно не общалась со мной до самого гребня, куда мы вскоре влезли. Там нас вдруг обуял совершенно беспричинный восторг покорителей, мы дружно фотографировались, радовались красотам, и повод помириться, наконец, отыскался. Однако, мое (теперь вполне спокойное и серьезное) предложение отказаться от восхождения и вернуться в лагерь по причине болести она отклонила: будем взбираться.

Вид с дуги во все стороны просто великолепен, особенно при такой замечательной видимости, как сегодня. Впрочем, в девяностом перед тем дождем, что я вспоминал утром, он тоже впечатлял: есть своя прелесть в могучем красивом ненастье, грозно накатывающемся со всех сторон. Тогда со стороны Капкан-Вожа перли невероятно огромные черные тучи и, чуть-чуть отставая от них, серая, совершенно непрозрачная пелена дождя, плотная, тугая, совершенно исключающая всякую надежду на восхождение… Сегодня нежарко светило солнышко, небо не то чтобы очень голубело, но сильно и не хмурилось, речки внизу сверкали, горы вдали синели - полный комплект.

(Мне кажется или в самом деле слова, описывающие красоты природы выходят уже с трудом? То ли, по сравнению с началом похода, я уже вдоволь набрался впечатлений, то ли просто устал и плохо воспринимал окружающее, то ли подзабыл за давностью? А зря, зря, мне бы на Манарагу да с самого заброса - ох, я б ее расписал красноречиво…)

Манарага отсюда смотрится еще более неприступной, чем со Студенческого: основание ближе и потому кажется шире и значительнее, на его фоне вершина - невероятно далекий тычок, затерянный в небе. Дуга (россыпь здоровенных камней, размером от большого чемодана до маленького дома) кончается у подножия, здесь расположена маленькая плоская площадка, засыпанная белым кварцевым песком. К Буревестник-Капкану она обрывается совершенно отвесной стеной, несколько сотен метров, не меньше; со стороны горы над ней нависает тридцатиметровый лоб, ощеренный такими же перьями, как скалы на Студенческом. И это последняя встреча с такими пластинками: дальше простираются завалы огромных бульников, а еще дальше - скалы.

На площадке - множественные следы битья камней. Не один я знаю о том, что Манарага родит аметисты. Еще внизу дернул меня черт за язык сообщить об этом Андрею, так он всю дорого глаз от камней не отрывал, а когда обнаружили достаточно крупный камень, почти сантиметр в поперечнике, но наглухо впаянный в булыжник, огорчился мало не до слез. Несколько мутных кристалликов я подобрал по дороге, они неприятно тянули карман и полу штормовки. По дороге, на дуге, видели несколько указующих пирамидок - кто-то затеял проставить маркировку аж отсюда и до верху, но надолго его не хватило. В развалах следы маркировки быстро потерялись, и почти до самой вершины мы их больше не замечали. Проблемы, по большей части, возникали чисто технического характера: как, скажем, логичнее обогнуть вон те два бульника, между которыми и не протиснуться, и не скакануть с одного на другой? Где пробраться: по наклонной плите, зловеще пошуркивающей ручейком крошечных осколков, или по тем огромным чемоданам, находящимся друг от друга на расстоянии прыжка плюс сантиметра полтора?

Топали долго, изредка присаживаясь подышать. Вторая ступень подъема, от площадки до скал вершинного взлета, проходит правым бортом огромного желоба, образованного продолжением перевальной дуги Студенческого, этаким "плечом" горы, и, собственно, ее "туловищем". Плечо начинается у той площадки, где лоб с зубками и осколки кварца, а заканчивается у основания венчающих Манарагу зубов, когтей или зубцов короны - как угодно. Как и в девяностом, подымались траверсом плеча с постепенным набором высоты. Время от времени попадались каменные развалы совершенно фантастического вида, неглубокие гроты, огромные плиты, на одной из которых напильники чуть было не умудрились сплясать вальс, но я это им прекратил, поскольку очень далеко лететь было, кабы что. Маленький кусочек прошли рядом с длинным языком грязного августовского снежника, но впереться на него без ледорубов я не рискнул, затем оказались в неглубоком желобке, вытянутом поперек плеча. Какого, собственно, плеча? Плечо уже внизу, а мы, собственно, уже выше!

Дуло здесь неистово, со стороны Капкан-Вожа, крепко, упруго и прямо в морду лица. Долго не усидишь. В моей памяти отложилось, что неподалеку располагается довольно уютная площадка с затишком, я оставил спутников лакать водичку из убогого подобия ручейка, а сам поднялся метров на двадцать и - удивительно!- обнаружил именно то, о чем вспоминал. Вернулся; поднял всех и прогнал в тихое место. Андрюша долго набирал фляжку, уж очень слабо там текло, а я торчал на открытом месте семафором и соображал, что же дальше. Память неохотно извергала из своих глубин всякую чушь, практически не несущую необходимой информации. Странно, поднимался же я сюда, а практически ничего не помню. Интересно, заметно ли это со стороны?..

А ведь была здесь маркировка. Семененко ее тогда отыскал, и мы по ней аки по маслу наверх взлетели. Черт, где же она? Вот две пирамидки внизу наблюдаются, а вверху ничего. Ну, ладно, Бог не выдаст, свинья не съест. Хорош рассиживаться!..

Где-то тут должно быть местечко такое, мягко говоря, неприятное… А, вот оно: надо обогнуть выступ скалы, обернувшись вокруг него градусов на сто тридцать, по полуметровой полочке с уклоном от скалы, а под полочкой лететь - будь здоров, если получится. Кодовое название - операция "Зеркало". Так, по одному, спокойно, вниз не смотреть, на поддержку не рассчитывать. Теперь маленький набор по осыпи… и нужно на что-то карабкаться, я же помню, еле влезли тогда… Наверное, это оно. Или нет? Там мы лезли без веревки, в облаке, по сплошной мокрети, и влезли, а тут я бы и себе с удовольствием провесил перилки. Э, была не была…

Первый раз за все мои походы веревка действительно пригодилась. Я вскарабкался на этот двухметровый уступ… Не сметь хохотать в голос. Ну и что, что двухметровый? А какая под ним площадка? Нет, не пол комнаты около того шифоньера, с которым вполне можно сравнить тот лоб, а пятачок метр на полтора, скользкий, осыпной, с уклоном… правильно, от горы вниз, на нем стоят трое, если рука соскользнет, одного-двоих, того гляди, с собой прихвачу. Слышите, руки? Не надо, не надо скользить… Ну, вот. Теперь можно спокойно кинуть вниз конец и ждать, пока вылезут остальные. Черт бы их побрал, они же совершенно не умеют держаться за веревку! Так, залезли, а дальше куда?

Наверное, мой взгляд в тот момент с достаточным основанием можно было назвать затравленным. Чудненькое местечко, приютившее нас, выглядело следующим образом. За упомянутым подъемом возвышалась пятиметровое ребро плиты, образующее со скалой узенькую расщелину; около подъема протиснуться в нее было практически невозможно, дальше она чуть-чуть расширялась - сантиметров до пятидесяти. Слева от плиты - совершенно отвесная стена, дальше.. дальше потом посмотрим. Справа - узенькая полочка, о характере и наклоне которой мне уже прискучило выражаться, только по одному, держась зубами за плиту. Длина полочки метров двенадцать, затем скромное расширение, где и уместились мои неожиданно притихшие друзья. Не скажу, что в их больших глазах ярко сияла надежда и вера в руковода, но что-то же делать было надо! Я осмотрелся. Метрах в десяти выше площадки, прямо над головами, нечто более пологое. Будь я свеж, бодр и застрахован сверху, пожалуй, можно было бы туда добраться. Мне. Одному. Не Свете и, да не обидится она, тем более, не Лене. Так: дальше площадка сужается, обходит выступ скалы, такое симпатичное выпуклое брюшко радиусом скругления метров пять-шесть, а что потом? Надо посмотреть. Придав голосу предельную твердость, по-видимому, не свойственную Ивану Сусанину в момент критического объяснения с панове, объявил передых и разведку и направился вперед. Эк скользко тут… лицом к скале, не наваливаться и не пытаться обнять. В горах не надежны ни камень, ни лед, ни, тем более скала. Надеемся только на крепость… ног, руки тут не удержат, здесь великого барда кто-то ввел в заблуждение. Цепляться ногами, ногами, руками только придерживаться. Еще шаг. Странный пупок торчит из этого брюха: не внутрь, а наружу. И нечего тут пошлить, не до того. Еще шаг. Ага.

Полочка фактически сходит на нет, дальше офигевательная стена, ни низа, ни верха с моей точки не видать. Брюшко, надо сказать, довольно удобное для залаза: всего-то метра три почти вертикали, а там, как и положено, оно выполаживается к грудным железам, влезем, дальше видно будет. Метра три, говоришь? Как бы их проползти? На брюхе - по брюху? Вон зацепка, вон вторая, третья далековато… А если сорваться, то куда? И я посмотрел вниз. Ох, напрасно я это сделал. Низа, в моем понимании, просто не существовало. Я даже не мог оценить, насколько простирается умопомрачительная бездна, но несколько сотен метров там насчитывалось наверняка. Практически отвесной, зеркальной стены. Организм усвоил полученную информацию и, не дожидаясь команды дурной головы, приступил к спасательным действиям. Назад я по той же самой полочке карабкался втрое дольше, тщательно оглядывая каждую точку опоры, прежде чем наступить туда или взяться. Сужение полочки перед площадкой… Господи, и под ним столько же!.. Ну, все. Площадка. Более я в такие полочки не ходок. Слушай мою команду: все умеют ходить дюльфером? Как - никто?!

Конечно, с обычного шифоньера, или, скажем, с двухметрового холодильника, или со второго этажа и я спокойно спрыгну. А вот по тому лобику пришлось кинуть веревку, закрепить ее на себе от бедра, расклиниться в щели между скалой и плитой и терпеливо сносить мат окружающих, особенно, Светы, по поводу необходимости пользоваться страховкой. Лучше всех за дело взялся Андрей: ухватившись за веревку, он от души ее подергал (я чуть не вылетел пробкой из расщелины), натянул и, перебирая ногами, пробежал по стенке вниз. Девчонок он страховал, и я не так уже переживал за них. А вот теперь можно и посмеяться: кто будет держать веревку мне?

Сбросил ее вниз, велел Андрею отскакивать в случае чего и пополз. Потом мне делали незаслуженный комплимент, сравнивая с умелым тараканом, но как бы то ни было, слез. Теперь надо думать, что делать дальше. Как что? Вернуться и поразмыслить еще.

В этом месте влево открывался провал, обрамленный достаточно широкими ступеньками, каждая несколько метров высотой. Что-то подобное уже хранилось в памяти. По таким ступенькам мы со Светой лезли пять лет назад в лоб, пока Семененко не наставил нас на путь истинный. Ну что ж, вы, ребята, посидите, а я поцарапаюсь вокруг - глядишь, чего и найду, коли не угораздит сверзиться.

Да, очень знакомо. Эта щель в стене… Конечно! Вот они, манаражьи зубы, рядом, как на ладони, у нас даже фотография такая есть, а значит, мы уже совсем рядом. Где-то тут должно быть чуть наверх, и последний каминчик, и вершина. Впрочем, на зубы отсюда все равно всем стоит поглядеть. Эй!

Пока коллеги любовались действительно грандиозным зрелищем, а Лена все пыталась подобраться к краю поближе (приходилось дополнять ее усталое благоразумие невежливыми сложноподчиненными предложениями), я поднялся еще на ступеньку прямо над щелью и убедился, что здесь тупик, если, конечно, не бить шлямбуры в "зеркало". Значит, опять нужно сделать итерацию с отступлением. Вы пока сидите, сидите, я позову. Выхожу из щели, поворачиваюсь, спускаюсь на пол-ступеньки… Вот! Вот оно! Вот оно самое! И камень на месте, и глыба так же нависает, смотри, не разбей голову, и черта с два влезешь без помощи. А надо: если еще раз завести друзей в такой же симпатичный тупик, пожалуй, съедят-с. Так, ногу сюда… наверх… есть. Ох, и покато же тут, а уж дует… Да, теперь и камин видно, и край вершинной площадки. Теперь спуститься бы и не сгрохотать, а там и остальных подзывать можно.

Весь мир - на ладони. Ладони, правда, закоченели от постоянного контакта с камнями и, по той же причине, зело грязные и царапанные. Площадка крохотная, вчетвером уже разместиться проблематично. Все здесь, как и пять лет назад: что для вечной горы жалкая пятилетка? Триангулятор на месте, памятные и траурные таблички, рядом "зубы", внизу, в невообразимой дали, речные долины… Горы далеко на севере пропадают в голубой дымке, сливаясь с небом где-то в районе Обе-Иза. Замечательно видна великолепная гребенка, венчающая Каменистый. Вид Неприступного способствует тоске, уж слишком много туч над ним клубится. Народная тоже под колпаком.

Достаю записку, и выясняется, что я не в состоянии писать. Выручает Света: я диктую, она записывает, перемежая стандартные формулы трагическими репликами метеорологического характера. Долго и со вкусом фотографируемся в самых разных местах и в самых разных положениях.

(Один слайд вышел просто прелесть: в позе, близкой к врубелевскому Демону, на фоне неба сидит взъерошенный, замерзший, обиженный подъемом Андрей и чрезвычайно доброжелательно взирает в объектив. Обитатель острова в пустоте.)

Ну, вот - теперь все пути ведут только вниз. А что не хватило красноречия на расписывание красот вершины - так это можно только увидеть, иначе даже представить себе такое невозможно. Все мыслимые и немыслимые сравнения, например, что от нас до речки три останкинские телевышки, безнадежно меркнут в сравнении с оригиналом. Это надо видеть, и чтобы увидеть это, воистину, стоит проделать долгий путь через все невзгоды и трудности, стоит плохо есть и жестко спать, стоит продираться через лес и спотыкаться - а лучше не спотыкаться - на камнях, стоит, в конце концов, потратить большие деньги, потому что никакое другое их вложение не окупится столь волнующими впечатлениями. А сейчас, пожалуй, стоит прекратить трепаться на философские темы и избрать как можно более короткий путь к лагерю. Очень кушать хочется, да и сколько можно на горе болтаться.

Вот сверху маркировка просматривается нормально. По меньшей мере, до начала плеча, до той площадки, где не дует. Спустились, что называется, махом, меньше, чем за час. По дороге, несмотря на усталость, в меру дурили, шутили и посмеивались, но осторожно, дабы не обидеть Царицу. К площадке практически закончилась пленка в обоих аппаратах, а из черно-белого я ее, к тому же, неловко выдернул, да и к лучшему: спрячем в рюкзак, легче нести. А то уже несколько раз нечаянно долбанул выступом объектива по камням, негоже это. Эй, завхоз, что пожрать дашь?

М-да. Нашим истерзанным желудкам такой скромной подкормки, как пяток карамелек, явно показалось недостаточно, а что делать? Кому сейчас легко? Последние жевки конфет, последние глотки воды, последние кадры… Вниз, вниз!

Начало темнеть, а может, просто сгустились тучи. Ножки, как водится после трудного штурма, подкашивались, ручки не царапались, голова не соображала. Хорошо, соображать особенно не приходилось: путь до начала дуги лежал вполне очевидный, а на технические мелочи, когда движешься вниз, обращаешь значительно меньше внимания. Ведь кое-где можно просто спрыгнуть. Напильники, как всегда, с моего разрешения оторвались до площадки с битым кварцем, а мы ковыляли потихонечку, правда, я все же устал, и терпения часто не хватало - отрывался ненадолго. Уж очень большая разница в

скоростях на спуске. Наверное, при желании, я бы еще смог бежать по склону, только вот желания не было.

И дугу проскочили запросто, с одним только отклонением от идеального курса - ну, не видно сверху, где начинается тот бугор, на который нам надо. Все-таки спуск - это совсем не подъем: вот даже слов, и то на него жалко. Не отложился он у меня в памяти красиво и выпукло. Цель достигнута, а оказаться внизу - это уже вопрос прикладного жизнеобеспечения, а не подвиг. На спуске с дуги опять отпустил скороходов - до лужаек. Ленка утомилась и тащилась очень медленно, поэтому у меня вдосталь было времени наблюдать, как напильники постепенно переходят на три и более конечностей. То ли глупость взыграла, то ли бравада ненужная, но я засунул руки в карманы штормовки и ни разу не воспользовался ими до травы. А хотелось местами. На подъеме те же самые камни не выглядели столь живыми и, право дело, залезать вверх тут было легче.

Ближе к низу до меня, наконец, дошло, почему те двое, которые скорые, внизу сидят, как на гвоздях. Холодно им сидеть. Мы с Зенцовой посоветовались, и я порскнул вниз с радостным известием: а катитесь-ка вы, так скоро, как сможете. Костер разведете. Ох и упорхнули они, только пыль столбом…

Дождался Ленку, посидели для отдохновения ног, сгрызли по конфетке (бр-р-р…) и неспешно почапали к лагерю. Скороходы давно пропали из виду, успел только заметить, что они слегка отклонились от курса и движутся к "песчаным". Так как характер поверхности для нас большой роли не играл, я нацелился прямо на лагерь, минуя тропу. К собственному удивлению, попал точно и удивил их нашим появлением совсем не с той стороны, откуда ждали. Костер уже горел, вода грелась, оставалось только почавкать и… Нет, не на боковую.

Несмотря на усталость, сегодня - и именно сегодня - предстояло решить крайне важный вопрос: пойдем ли мы на Озерную. Принципиально, запас продуктов позволял нам благополучно добраться до Сундука, а вот что дальше? Если лодки там, через три-четыре дня мы в людях, а вот если их там нет… По самым скромным прикидкам с нашей мобильностью путь к Сыне займет полторы недели. А ведь еще неизвестно, по какой дороге придется топать вдоль Юнко-Вожа, и по Вангыру тоже… Неужели заметно, что я сам себя уговариваю выбрать вполне определенный вариант? Ничего подобного, я честно раскладываю все по полочкам и взвешиваю на весах. И это весы - весы, а не я!- утверждают, что делать нам на Озерной нечего. До Желанной гарантированные три дня хода по известному пути. Погода стабильно портится, конец августа в здешних краях не приносит с собой ясного неба. Мы устали, вусыть укушались прелестей дороги, леса, болот, кровососов и тому подобного. Решено - да здравствует Желанная. Вот теперь можно и бай-бай.

15 августа 1995 г., понедельник.

11.30 - вылез. Слабый дождь, сильный ветер. В 13 позавтракали.
18.07 - 19.30 готовил ужин; ужинали, ели грибы, оставили на утро.
Залезли спать в 22.10, весь день валялись - долго не засыпали.

В здоровом теле после здоровенной усталости - здоровый сон. В хронометраже написана сущая правда и про время подъема (моего, замечу, подъема, остальные валялись до завтрака), и про погоду. Честно говоря, заколебало меня готовить водиночку в сложных погодных условиях, но жалко вышибать из спальников ближних своих, коим в спальниках очень уж неплохо лежится. Сготовил, сунул в палатку, похлебали, завалились.

Вчерашнее решение, очевидно, являлось правильным, поскольку природа сочла необходимым подтвердить это такой мокретью. Страшно представить - тащиться сейчас через мокрый лес, потом через мокрую (быструю и глубокую!) речку, потом опять через мокрый лес до какого-нибудь очень мокрого места, где упасть в мокрой палатке на волглые спальники и балдеть от окончания ходового дня.

Манарагу закрыло наглухо, а временами тучи облизывали даже седло Студенческого. Дождь то скромничал, то поражал щедростью души, но не прекращался практически до самого вечера ни на минуту. Тоска - что делать на дневке, если даже высунуть нос из палатки - проблема? Только валяться, пытаться вспомнить свежий или хотя бы не слишком затертый анекдот, тупо лупиться в мокрый потолок, по которому неспешно стекают к точке контакта с твоим носом крупные холодные капли… Тоска.

Через час напряженных, я бы сказал, титанических раздумий занятие нашлось. Брезжил выход, а в моем рюкзаке не лежало ни одного золотого корешка: непорядок. Ручей изобиловал мясистыми зарослями, и проблем вставало не более двух: как спуститься к воде и вторая - как не промокнуть до

нитки. Улучив момент, когда дождик слегка поутих, решил вторую задачу, а что до первой, то пришлось не полениться, и подняться метров на триста выше по течению, где берег был не столь крут и глинист. Копалось здорово, поскольку этого концентрата здоровья торчало тут видимо-невидимо, сложнее оказалось его отмыть от высококачественной грязи: зело холодны воды сего Стикса. Вскоре погода решила "облегчить" мои страдания и испустила выокоинтенсивный ливень, под которым корешки, лежа на камне, прекрасно отмывались и без моего участия. Поскольку штормовка давно намокла выше всякого предела и задубела, поначалу я старался не обращать внимания на такую подмогу, но потом освежающая жидкость потекла сквозь капюшон за воротник, и пришлось воспринять это, как сигнал к отступлению. Нечего жадничать.

На обратном пути я приметил кое-что, впоследствии также послужившее занятием от скуки, но сначала вдоволь навалялся в спальнике, обсох и отогрелся. А когда желудки - чересчур верные и образцовые наши брегеты - взурчали и взалкали, небрежно спросил, не хочет ли кто грибов на ужин. На меня посмотрели; мне потрогали лоб; меня пожалели - эка беда, свихнулся начальник: это как же вымокнуть надо, чтобы под дождем грибов на такую ораву напластать! Ерунда, изрек я, и, шипя от удовольствия, поместился обратно в короб штормовки. Через десять минут, выкосив выводок крупных отборных сыроежек, примеченный мной днем, вернулся, показал полный котел и спросил: хватит?

Удивительно, но вид мокрых скользких шляпок настолько возбудил народ, что Светка с Андреем не медля вырвались на волю, отчасти по вполне понятным причинам, а более того - из-за желания побродить по грибы, и, не успел я пожарить первую порцию, они уже приволокли ворох первосортных подберезовиков, перемежающихся белыми. Свете попался белый такого размера, что диску его шляпки позавидовала бы даже морда Егорушки Гайдара: сантиметров двадцать пять в диаметре. Но сыроежки уже шкворчали на сковородке, и качественные грибы решено было оставить на утро, замочив в котле. Ибо столько - не съесть.

Помнится, в какой-то книжке я вычитал, что манси, вогулы и иже с ними активно применяют шикшу в качестве приправы к мясу и прочим блюдам, и захотелось мне попробовать насыпать ее в грибы. Завхоз воспротивилась: нечего выдумывать, жрали с чесноком все время и сейчас сожрем. После долгих уговоров она нехотя сменила гнев на милость и согласилась всыпать немного - только чуть-чуть, не больше!- собранных мной ягод в жарево. Надо сказать, что особого вкуса они не придали, только какую-то дополнительную остроту или резкость, я толком не разобрал. А может, их забило чесноком, которого манси не выращивают, а потому не добавляют в мясо, когда добавляют шикшу, которую и выращивать не надо. Такие вот они, манси, загадочные.

К ночи дождь, во время общественной погони за грибами превратившийся в изморось, совсем перестал. От земли пошел холодный пар, иначе именуемый туманом, звук ручья потерял звонкие ноты, в тучах внезапно явились глубокие рваные просветы. Все говорило за то, что надо срочно заползать спать, а завтра встать пораньше и рвануть подальше, желательно до границы леса у Трехвостки, но спать не хотелось абсолютно, и уж не знаю, во сколько реально закончился этот нудный, мокрый, грибной день отдыха.

16 августа 1995 г., вторник.

Вылез в 8.17.
В 9.00 начал тушить грибы и сжег.
Сварили гречку, в 11 поели.
12.11 - 12.30. Запорожцы.
12.42 - 13.04. Магистраль.
13.10 - 13.58. Ручей из-под Обманщика. Жмем.
14.09 - 14.22. Черника над озером.
14.40 - 15.10. Догнали Кокшарова на Оленьем, он выезжает 21.
15.30 - 15.53. Стоянка-90.
Обедали в 17.20, в 18.30 девочки пошли мыться, АК уснул.
Готовил ужин с 21 до 22 в дождь.
Отбились в 23, болтали.

Ходовое время: 157' Расстояние: 11 км

Встать в восемь, как планировал, не удалось. Запищал будильник, я дал ему по кнопке, чтоб не выпендривался не вовремя, закрыл глаза на одну только минутку… или все же на пятнадцать?

Ура, светит солнце, не жарко - погода в самый раз. Но что это? Вчера вечером, перед сном, лес стоял по-летнему зеленый, а за одну ночь наступила глубокая осень. Березки полностью пожелтели, и кажется, что листвы на них уже меньше, облетела. Вот так, засыпаешь летом, просыпаешься осенью. Надо сказать, очень красиво смотрится лес под Манарагой в золоте, и Гора тоже выглядит неплохо в драгоценном обрамлении.

Каюсь, прежде чем вплотную заняться завтраком после возвращения из близлежащих елок расшвырял по полянке мокрые шмотки - нехай сохнут, выставил на солнцепек ботинки и сделал массу прочих индивидуально полезных дел. Затем принялся за грибы и обнаружил следующую неприятность: их количество начисто исключало использование сковородки в качестве посуды для готовки. Пришлось бы производить это захода в три, не меньше, да каждый сорок минут - нетрудно прикинуть на пальцах, во сколько тогда мы снимемся. Что остается? Правильно, потушить. Почистил, залил в котел немного воды, забросил и подвесил. Сам, тем временем, взялся за изготовление сушеных грибов из парочки белых: построгал на тоненькие пластинки и, за отсутствием времени на вывешивание, завернул в бумагу. Авось, отдадут влагу ей и малость подсохнут. (Как бы не так, сгнили на третий день…)

Утречко стояло ветреное, костер колыхало во все стороны сразу, и дрова улетучивались, будто и не было спозаранку огромной вязанки. Подбросил последние палки, взялся за топор и отправился до деревьев - за топливом. А так как деревья росли достаточно далеко, да еще нужно время нарубить, собрать, принести, то, вернувшись с охапкой веток, я сразу унюхал что-то неладное. Так и есть: горят, сволочи. Мешать, мешать им гореть, ложкой их… Да разве достанешь ложкой до дна шестилитрового котла?

Сцена первая, акт третий, заключительный. Сонная Света, недовольная извлечением ее из спальника для консультации, подходит к котлу, глубоко втягивает в себя воздух, пробует языком выловленный кусочек, тщательно отплевывается. Виноватый автор кулинарного не шедевра шествует с котлом до ближайшей ямы и пытается заровнять неровности почвы горелыми грибами. Зал рыдает. Занавес.

Котел я отдраивал долго и мучительно. Однако, надо будет взять у сведущих людей урок, как тушить грибы и не жечь их по возможности. Нет, оправдание себе, конечно, я нашел - мол, поди-ка водиночку и дров принеси, и котел мешай, и черепки грязные со вчера вымой - но урок взять надо.

А может, все и к лучшему: грибы - штука не слишком-то калорийная, а денек нам предстоял тот еще. Гречка с остатками чернослива, в отличие от грибов, удалась на славу, хоть и ушло много незапланированного времени на готовку. Пока жевали, в районе "песчаных" стоянок появилась какая-то группа с красивыми рюкзаками, медленно поднимающаяся к Студенческому. Нас не заметили. Двигались они недружно, сильно растягиваясь, и через некоторое время превратились в крохотные цветные точки, а затем совсем пропали из вида. На подъем у них ушло от "песчаных" никак не меньше часа.

Закончив трапезу, не спеша, собрались и двинулись вниз, к реке - искать тропу. Оная вскоре обнаружилась, да натоптанная такая - как же мы ее проглядели от "песчаных"? Хотя тропы - штука хитрая, черт-те где начинаются, черт-те где заканчиваются. Как это там?

…Что выводят на тропинку,
У которой нет начала,
А в конце без дна трясина
И изба на курьих ножках…

И вот что интересно: эта тропинка, если свернуть на магистральную тропу и идти вниз по течению, действительно выводит к весьма заболоченной местности ниже устья Ломесь-Вожа, где стоят несколько балков, пусть и не на курьих они ногах. Такая вот реалистичная поэзия…

Наверное, тропой активно пользуются, помнится, пять лет назад она была довольно плохо различима, и как Семененко ухитрился ее в полусумерках не потерять, о том только он и ведает. Мы тогда очень спешили до ночи выскочить на магистраль, ох и несся же он - еле поспевали за ним со Светкой. Теперь же она вполне сравнима по качеству с самой магистралью. Мы шустро сыпались вниз, как горох, пока не налетели на группу человек восемь и не остановились - поболтать.

Семейная группа из Запорожья, двое детей, которых Света тут же угостила конфетками, топают от устья Лимбеко уже две недели и очень хотят попасть на Кожим-Рудник, только вот дороги не знают. Глава семьи бывал здесь, но то ли давно, то ли просто плохо запомнил. Карта - километровка, да только

отксерена плохо, вся вода пропала, видимо, с цветной ксерили. Нарисовал ему Индысей, как помнил, показал, где что хорошего есть. Тем временем один из ихних мужиков вытащил фотоаппарат - ого, Nikon, однако! В ответ на наше удивление он доброжелательно сообщил, что это все семечки, а вот в рюкзаке у него еще парочка аппаратов покруче едет. Да…

Расспрашивая про нас, они вдруг рассказали, что сегодня встречали уже группу из Березников, там много детей, и взрослых тоже порядочно. И машина у них сегодня с Желанной.

— Сегодня?!

— Сегодня.

Дело ясное, что дело темное. Очевидно, это Кокшаров и К°, вот только каким образом они могут сегодня за один день дотянуть до Желанной? Неужто они реактивные? Понятно, разговор с запорожцами далее не клеился, потому что нас обуяла пылкая страсть к познанию: догнать, выспросить, упасть на хвост. Правда, практика показывает, что хвост у Кокшарова зело скользкий, не дал же он нам одного-единственного места в вертолете, но, может, в машину пустит? Итак, догнать.

Итак, мы их догоняли. Честное слово, на это стоило посмотреть.

До магистрали мы долетели махом. Лене было сказано: жми, сколько можешь, и выяснилось, что может она не так уж плохо. Впрочем, дорога располагала, все-таки это лучшая тропа на Приполярном. Я еще умудрялся отбегать вперед и щелкать слайдометом, отобранным у Андрея: очень уж хотелось "схватить" внезапную позолоту листьев. Действительно, выглядело все очень красиво. В наших местах осень наступает не так. Даже во время самого разгара золотой вспышки листва остается достаточно густой, а здесь лес сразу стал каким-то прозрачным, расплывчатым, нереальным. Материалистически смотрелись только равнодушные к внезапному листопаду редкие ели, а на лиственницах и вовсе не было видно иголок: светло-рыжие, они совершенно пропадали на фоне ветвей.

Вырвались из леса, чуть-чуть затормозили чтобы отыскать магистраль. Видимо, в девяностом мы попадали на нее каким-то другим путем, этой прогалины я совершенно не помнил и, чтобы удостовериться, отбежал метров на сто вперед, где и обнаружил искомое. Вернулся, поднял любителей отдыха, и понеслась.

Вот это был переход! Такими весь поход мчаться - давно познакомились бы с Озерной. Ленка практически не отставала, напильники дружно пыхтели ей в затылок, а я впереди знай наяривал. Сразу после выхода на магистраль потребовалось перейти в низовьях Буревестник. Через него обнаружилось тощее бревнышко, густо покрытое свежей грязью. Я отошел в сторонку и приготовил аппарат - сейчас щелкну, как Светка через него перемахнет. Эх, кусты мешают, вот еще шаг шагнет и… И взмахнет руками, а затем приводнится основанием мимо бревна. Шум, брызги, полные штаны удовольствия. Зато Ленку она поддерживала, когда та переходила бревно, и у той все получилось всухую. Ничего, сейчас как прибавлю, все высохните…

Впереди показался массивный конус горы Оленьей. Он стремительно приближался - мы спешили. Пролетели обширные мокрые луга, с которых Манарага сзади смотрелась очень здорово, хоть и потеряла из-за расстояния прежнюю четкость картинки, ворвались в лес. Тропа здесь поворачивает в сторону от реки, подымаясь вверх по течению ручейка, берущего начало под тройным седлом Обманщика. Узенькая долинка его заросла густыми кустами, между которыми виляет стежка дороги, и продолжается достаточно далеко, пока не собирается с силами для перехода ручья. Несмотря на то, что подъем тут невелик, лица раскраснелись, моторы застучали, и пришлось чуть сбавить. На пути попался этакий природный шлагбаум - в очень неудобном, узком месте одна березка надумала упасть поперек тропы и повиснуть над ней этак в метре, не больше. Я-то просквозил под ней и не заметил, а вот большие черные крылья марабу поместились с трудом, что и стало очередным поводом для шуток и смеха. Вообще, топали мы этот переход на удивление весело.

К переправе смех поутих, и в воздухе повисло напряженное ожидание передышки. Однако, я решил не останавливаться, пока не переберемся через ручей, там, заодно, и попьем, и поплескаемся, а то что-то очень жарко стало. Пользуясь правом впередосмотрящего, перескочил первым через неширокий поток, скинул рюкзак (уф-ф-ф…) и с удовольствием наблюдал, как напильники, чернея лицами, ожидают, пока Зенцова неторопливо переберется по единственно возможной для перехода цепочке камушков. Но все когда-нибудь кончается, и вот все рюкзаки лежат, а все туристы довольно сияют красными рожами. Нет, Кокшаров, не уйдешь. У тебя дети, а они так не лётают.

Следующий переход испортили два обстоятельства. Во-первых, у Бестужева в свое время бурный восторг вызвало одно из небольших озер, затерянных в лесу между ручьем-обманщиком и Оленьим, и нам хотелось порадовать его, сняв красивый слайд такого озера. Правда, озер обнаружилось несколько, и ни я, ни Светка не могли вспомнить, какое же именно понравилось ему, да и нам тоже. Но задержавшее нас озерко смотрелось достаточно красиво для того, чтобы с веским основанием предположить в нем то

самое. А во-вторых, рядом с тропой здесь росло столько черники, что даже прошедший недавно кокшаровский батальон не в состоянии оказался причинить хоть сколько-либо заметный ущерб этой великолепной россыпи. Сердце мое остановилось, стиснутое железными объятиями пищеварительного тракта, и я изрек глубокомысленное рассуждение о том, что никуда от нас Кокшаров не денется, а не полакомиться такой прелестью - почти что уголовно наказуемое деяние, вернее, бездействие. Как ни странно, больше всех остановкой была недовольна Ленка, она и ягод-то толком не пощипала. Мы же оторвались вволю, и не зря - действительно, больше до конца похода толком пожевать чернички не удалось.

Надо же: через некоторое время появилось еще несколько красивейших озер. Над одним из них на высоком яру красовалась густая гребенка леса, а из-за самых верхушек выглядывали самые кончики манаражьих зубов, зрелище неповторимое. Другое, перед самым Оленьим, было длинное, с болотистыми берегами, и над ним во всей красе виднелась Оленья. А затем тропка резко поднялась на каменистый бугор, сто шагов, и вот он, памятный глинистый спуск к болотине в устье ручья, а под спуском виднеется невесть откуда взявшийся балок. Так, фотоаппараты - срочно прятать, да поглубже, поглубже, мало ли, кто там сидит.

А вот и никто не сидит. Теперь не потерять бы тропинку… Кажется, нам по диагонали на противоположный угол, и где-то там, в устье, удобный брод. А вот и брод, а за бродом толпа детишек с возвышающимся надо всеми Кокшаровым. Догнали.

Не спеша одели сапоги, перебрели, причем я - один из всех - умудрился черпнуть голенищем и, до самого бивака, героически не подавать вида, уж очень стыдно было. Кокшаровцы лениво хлебали свежий чаек, детишки баловались, пытаясь похоронить приятеля под грудой отборных бульников. Нас угостили чаем, неосмотрительно позволив воспользоваться пачкой кускового сахара, а тем временем Сергей посвящал меня в курс событий.

Их накололи с вертолетом из Березников, и пришлось добираться до Печоры, а там - сухаревским вертолетом под Колокольню. Было это 11 августа, и с тех пор они потихоньку тащатся вверх по Манараге к Трехвостке, коей сегодня намереваются достичь. На Колокольню пытались влезть, но не нашли главной вершины, что немудрено (чересчур запутанный этот колоколенный массив) и, в то же время, удивительно (в Березниках я дал им все карты и описания, достаточные для восхождения). На Горе были вчера, вот бедолаги-то, в такую погоду… Машину заказали в Инте от Желанной на 21 августа, а, конечно, не на сегодня. Вопрос нашего падения на хвост он обошел умелым молчанием, но и не заявил, что откажет взять. Теперь же собирается дойти до границы леса в верховьях, завтра взять Народу, послезавтра дневать (или наоборот - как погода), затем перевалить Кар-Кар и на следующий день, двадцатого, быть в Желанной. Не то, чтобы нам это не подходило, но очень хотелось поскорее. На прощание - мы снялись первыми, поскольку имели вполне конкретные виды на определенную стоянку и хотели занять ее вперед - нас пригласили в гости вечерком, чаю попить, песни попеть.

Однако, дети у него шустрые. Наверное, рюкзаки мало весят. Не успели мы дотопать до близстоящего леса, как сзади послышался многоголосый гомон. Но эти места я уже помнил весьма достоверно, и вовремя свернул, чтобы попасть точно на ту же площадку, где стояли базой в девяностом году.

Воспоминания, воспоминания… И ведь, по совести говоря, не столь уж удобная стоянка, много травы (и мошкары, соответственно), далековато вода, дрова так себе, но уж очень хотелось мне отдохнуть душой именно здесь. А добравшись сюда, пришел я в состояние тихого щенячьего восторга, Бог весть от чего, где и пребывал весьма длительное время. За прошедшие годы очень мало здесь изменилось. Пожалуй, травка тогда была погуще, да иван-чай цвел пышнее, а все остальное без изменений: кострище, доска на земле между двух елочек, кусок древнего настила, из которого мы таскали полугнилые бревнышки… Роскошная луговина между бивачным возвышением и речкой, бурная чистая вода… А вон на тех камушках мы мылись, а вот с этой самой приступочки воду набирали, а там, чуть выше, переходили вброд… Лепота!

Расслабившийся руковод - беда группы. Все очень долго бездельничали, пока я не вышел из состояния транса и не вспомнил, что перекуса сегодня еще не было. Alarm!

За весь поход здесь нашлось единственное место, где поставщиками дров служили не лиственница и прочие хвойные породы, а здоровенные ивовые кусты, точнее, их отсохшие ветки в руку толщиной. То ли за пять лет их прибыло, то ли тогда мы не все выпластали, но проблем с топливом не вставало, кроме одной. Посланный на добычу как самый длинный, Андрей ловко подпрыгнул, ухватился за могучий сук, убедился, что его так запросто не обломишь, отцепился, и в этот самый момент ива раздумала сопротивляться и послала бревнышко вдогонку. Произошло все это примерно за полсекунды и смотрелось чрезвычайно поучительно, а девушкам послужило источником безудержного веселья. Затем,

уже несколько осторожничая, он быстро наломал дров столько, что хватило и на завтра, и еще осталось. Горели сучки, как порох, а для стабильности мы добавляли полешки из упомянутого настила, и костер получился, что надо. Вскипело мигом, покушали со смаком.

Девчонкам приспичило помыться, и поставили греть оба котла с водой. Когда подошло вплотную к кипению, меня что-то куда-то клюнуло, я взял кружку кипятка, бритву, мыло и уединился на бережке. Хорошо, что до бивака было неблизко, надеюсь, мои восторженные вопли по поводу тупой бритвы, холодной воды, их прародителей до девятнадцатого колена и т.д. и т.п. туда все-таки не долетали, потому что никто, как выяснилось, не оглох, что неминуемо произошло бы в противном случае. Вернувшись, довольный, как свежеощипанный попугай, я картинно отправил бедное лезвие в огонь и произнес страшную клятву на тему отращивания бороды и - ни под каким соусом!- воздержания от попыток бритья в дальнейшем. Девушек особенно огорчило уничтожение бритвы, которой они собирались в некоторых целях воспользоваться, но я успокоил их заверением, что цели целее будут. Андрей мудро воздержался от попытки изнасилования морды лица, а вскоре уже заполз в палатку и защемал.

Девчонки, как ни странно, были весьма довольны помывкой, и я уж чуть было не соблазнился пополоскаться вслед за ними, но тут погода окончательно испортилась, а небо прохудилось. Пришлось спасаться в палатке, где Андрюша был жестоко разбужен и усажен играть в покер. Мне что-то не игралось, и я сначала просто отлеживался, а потом (опять клюнуло!) вспомнил о грибном богатстве этих мест и отправился покосить поганок. Вот чудак. Конечно, ничего, кроме обильной влаги на штормовку, штаны и прочие детали одежды я не обрел. Пяток моховичков - не в счет, что с ними делать? Как та трехозерная килька: ни туда, ни в Красну Армию. Зато промок как собака и растерял остатки хорошего настроения.

Вернулся, когда облазил по мокрой траве все окрестности и основательно промерз. Дождь тем временем разошелся и усердно поливал все и вся. Ни о каком визите вежливости к Кокшарову вопрос уже не вставал. Бросил штормовку под полиэтилен, забрался в палатку и даже в спальник - греться. Дамы пребывали в состоянии удара и драли Андрея в карты как хотели, а на мое предложение сготовить ужин отвечали пренебрежительным хмыканием. Тем лучше: льет ведь.

В полдевятого дождь перешелся: по полиэтилену только чуть пошуркивало, а не громыхало, как прежде. Я снова осведомился, не желает ли общество подкрепиться, и общество снова не возжелало.

В девять я, ничего не подозревая, лежа в теплом спальнике и размышляя на тему прикладного мировоззрения, получил аккуратный пинок в бок, дополненный просьбой что-нибудь сготовить, пока они доигрывают партию. Погода за истекшие полчаса спохватилась и снова отверзла хляби небесные, все, что имелись над нами в наличии. Предыдущие прогулки и последующие размышления привели меня отнюдь в нелучшее расположение духа, и я чрезвычайно язвительно осведомился, где ж они раньше были. Света ответствовала, что раньше им не хотелось, а вот теперь…

Надеюсь, не сложно представить, в каком настроении я выползал на четвереньках из палатки в непроглядную мокрую тьму, к погасшему костру и отсыревшим дровам? Больше всего мне хотелось что-нибудь взять и обо что-нибудь сломать, да чтоб с хрустом, и осколки во все стороны. Лес меня мигом утихомирил: приближаясь к едва тлеющему очагу, уловил в кустах неподалеку резвое перемещение чего-то весьма массивного и воспрял настороженностью. А также положил рядышком увесистое полено и старался не выпускать топор из руки.

На удивление быстро удалось развести огонь, а котлы были налиты еще для моей несостоявшейся помойки. Лило капитально, так что со спины я мок безбожно, а фасад оставался достаточно сухим вследствие теплопередачи излучением от мощного костра. Но готовил долго, все же дождь, наверное, влиял на котелки не в лучшую сторону. Сготовил, сварил чай и злой, как блохастый двортерьер, поволок жорево в сторону палатки. Сначала даже не хотел залезать, основывая свое нежелание чрезвычайной мокротой одежды, но меня радушно приглашали, и я сломался. Залез, похлебали супчика, переоделся, настроение несколько поднялось, и вечер завершился добродушной болтовней вокруг да около.

17 августа 1995 г., среда.

Вылез в 715.
В 8.10 закричал - подъем, выползли к завтраку в 8.45.
10.20 - 10.47. Порвался шнурок.
10.57 - 11.33. Подошли к ручью, думали - Средний.

11.49 - 11.53. Подергались и перешли ручей по-мокрому.
12.07 - 12.22. Шнурок 2 - АК.
12.27 - 12.53. Черника.
13.13 - перешли Средний и влезли на два первых лба.
13.20 - 13.43. Ползем, ушибся голенью.
13.58 - 14.38. Западный берег Среднего озера. Перекус.
15.05 - 15.20. Средний.
15.38 - 16.20. Сначала по разливу, затем: скороходы - траверсом, ковыли - низом, оленьей дорогой - обогнали.
16.33 - 16.57. Подошли под начало взлета.
17.05 - 17.25. Вебера.
17.40 - 18.17 - искал стоянку - 18.35. ∗.
19.50 - ужин.
Отбились в 21. Света долго шила АК.

Ходовое время: 309'. Расстояние: 17 км

День предстоял тот еще, и часы я поставил на семь. Погодные условия последних дней недвусмысленно намекали, что, буде мы не выскочим из района в ближайшие сутки, сухо нам не покажется. И сегодня после пресечения писка обязательного до изощренной подлости будильника, я настороженно вслушивался в погоду… минут пятнадцать, а затем собрался с силами и могучим пинком выгнал себя на улицу.

На сие стоило посмотреть. По долине реки, совсем низко, метрах в десяти от воды, сплошным потоком лились густые облака. Зрелище получалось фантастическое: над вполне зримыми кустами, речкой и низушками деревьев простиралась скрывающая все белая полоса, из которой выше торчали горы, пригорки и наиболее солидные дерева. Ущелье ручья из-под горы Янченко было вообще забито вглухую, и создавалось впечатление, что массивное тело с острым пиком вершины возникает из ниоткуда, висит в воздухе. Хилое светило едва проглядывало сквозь второй, более высокий слой туч, время от времени одевающий ближние горы. Тишина стояла невообразимая, даже капли, нанизанные во множестве на хвоинки, покоились неподвижно и не падали. Что, впрочем, только облегчало жизнь: уж очень много торчало вокруг этих самых хвоинок.

Дружное сопение из палатки сподвигло и меня на соблюдение тишины. Стараясь не хрустеть костями, потянулся; стараясь не звенеть топором, нащелкал растопки; стараясь не трещать дровами, развел костер. Жаркое пламя отпугнуло белесую водянистую мглу, даже показалось, что стало легче дышать. Насквозь промокшие за ночь дрова, как ни странно, не кобенились и горели - успевай подбрасывать. Лужок обильно окропил мне штаны освежителем, в котором не было никакой необходимости, и это несмотря на все мои предосторожности, выразившиеся в избиении палкой наиболее влагносных кущ высокой травы.

Раннее вставание все же имеет свои достоинства. Я обложил мощный костер (а чего дрова экономить, если сейчас уходить?) своими шмотками, предварительно выжав из них всю воду, пожелавшую выжаться, распотрошил и поставил рядом ботинки, развесил на тросике носки, не особо бдя за непопаданием их в котел… Помнится, как-то на Усьве случился казус: также вот висели преспокойно рядом с суповым ведром потнички одного молодого человека, отнюдь не отличавшегося чистоплотностью ни нравственной, ни физической, за что и прозванного однажды рыгательным порошком. Только налили мы с Бестужевым себе по мисочке, как другой, не менее молодой человек, зацепился за рогульку и отправил их прямехонько вовнутрь. Воровато огляделся, схватил из грязи под ногами хворостинку и всего-то минут за пять выудил сии ароматизаторы из ведра. Мы, конечно, ничего не заметили: во-первых, наш суп не вонял, во-вторых, разбавление носкина на ведро жидкости, думаю, к ПДК не приближалось, а главное, зачем супу пропадать?

Густой, насыщенный пар от быстро сохнущих вещей смешивался с клубами тумана, вода кипела, каша варилась. Я решил, наперекор жалости, выудить коллег из палатки до момента готовности, дабы скомкать и пометать по рюкзакам основную часть снаряжения, но данный финт мне обломился: ни вопли, полные угроз и взывания к совести, ни недвусмысленное покачивание палатки, ни пинки по расчалкам действия не произвели. Господа туристы спали профессионально - как пожарники. Выползли уже к готовому жореву, розовые, сонные и разомлевшие. Вяло повосхищались красотами, вяло пожевали кашку, вяло скомкались. В путь!

Только отошли от стоянки-90, наткнулись на свежие следы профессионально оформленного бивака, с оставленным по таежной традиции запасом дров и берестой. Поскольку к вечеру намечалось достичь площадки настолько ободранной в плане топлива, что его приходится собирать чуть ли не при помощи пинцета и маникюрных ножниц, мы и со своей стоянки захватили по несколько палок, и с этой, да еще кусок бересты. Впрочем, осталось вполне достаточно варки на две.

То, что время подошло уж к одиннадцати, никак не сказалось на влагонасыщенности кустов у тропинки. Погода продолжала активно хмуриться, дождь можно было ожидать с минуты на минуту. Двигались мы быстро, еще бы - магистраль! На сегодня я решил делать переходы по 40 минут, а не по 50, поскольку есть уже опыт, добирались мы с этой стоянки до Балбан-Ю за один ходовой день. Вскоре, минут через пятнадцать хода, лес внезапно, на протяжении каких-то сотен метров, поредел, посветлел, и мы пересекли его границу.

Однако, вчера Кокшаров намеревался встать где-то около границы леса, а его и в помине нет. Хорош оказался б я, попытавшись сходить поздним вечером в гости! Или мы его просмотрели, если он стоит под берегом? Да нет, где там этакую здоровенную толпу спрятать!

Сорок минут протопать не удалось: у Андрея вдруг порвался изможденный за долгий поход шнурок, и организовался вынужденный пересид. Пока тот, тихо шелестя сквозь зубы матом, пытался его связать, я сушил спину и любовался окрестностями. Вниз по долине текли две реки. Неподалеку от нас шумела на камнях Манарага. Ее холодные воды быстро уносились вдоль невысокого горного хребтика, отгораживающего цирк притоков Ломесь-Вожа, и через несколько километров разделялись на водяной и облачный потоки. Густое молоко тумана (или облаков?) вальяжно облизывало отроги, поглощало огромные деревья, а у самого поворота долины к Колокольне напрочь заполняло все пространство между горами, скрывая все под собой. Над ландшафтом протекала и еще одна река, без границ, без берегов, беспокоившая меня значительно сильнее: плотные белесые тучи, то и дело принимавшиеся брызгаться мерзкой мокрой водичкой.

Только тронулись - впереди показался тряпичный амбар значительных размеров и рядом - маленькая палаточка. Кокшаров, не иначе. И тут у меня произошло очередное, последнее за поход, короткое замыкание: с чего-то я вбил себе в голову, что ручей, к которому мы подошли, именно Средний ручей из-под Среднего перевала. Может, на эту мысль меня натолкнула тропа, уверенно заворачивающая вверх по течению… ручья Тихомирова. Кто уж ее натоптал - не знаю. Может, такие же любители покуролесить, как я. Ну, с тропой не поспоришь, и мы бодро двинулись влево, прикидывая, как бы нам перескочить на левый берег (перевал-то там!) по-сухому. В глубокомысленных раздумьях протопали тропку до самого конца и уперлись в высокий обрывистый берег, под которым зычно рычала вода. Тут меня охватили первые сомнения - не помню я такого по девяностому году, не было этого на Среднем… или было? Во всяком случае, нам на тот берег и, желательно, поскорее, Света уже нервничает. А раз нервничает Света, будьте уверены, скоро занервничают все остальные, что и случилось. Я долго и умно пялился в карту, потом обзирал неприветливые окрестности, потом забурился черт знает куда, потом психанул и чуть не обряшился, перебредая ручей по-мокрому. На том берегу, еще погавкивая по инерции, побродил туда-сюда, взобрался на высокий холмик и окончательно определился. Вернулся, спросил:

— А бить будете?

— Будем,- охотно и доброжелательно ответствовало общество.

Ибо ничего веселого не предстояло, а требовалось либо спуститься снова на плоское место, отыскать тропу, а лентяй Кокшаров пренепременно стоит на самой ее середине, и объясняться с любознательными детьми, какого лешего нас понесло не в тот ручей, либо всего-то навсего траверснуть горушку до следующего ручья, уж он-то просто обязан быть Средним. Если принять во внимание мои и общественные амбициозность и снобизм, то какой путь мы избрали? Правильно, по горе.

И опять далеко отойти нам не дал подлый шнурок. К счастью, случилась эта детская неожиданность в небольшом каменном развале, скрывавшем нас от множественных и, я уверен, наблюдательных глаз. Посидели, связали, скучились и тронулись, стараясь выглядеть красиво. Из амбара на свежий воздух выперлось что-то объемистое, почесало пузо и оторопело замерло, при виде нас. Конечно, лица я не видел с такого расстояния, но хорошо мог представить.

Тем временем распогодилось. Осень - время чрезвычайно переменчивого климата, только что капало, пока топали через ручей, и вот уже солнышко припекает, а небо голубеет. С массива горы Янченко потоками струится по каменным плитам вода, вымытая туманом и дождиком Трехвостка сияет, как начищенная, седло Центрального, или, как его еще называли, Голубые Надежды, соответственно названию голубеет… Красота!

Траверс оказался не самым простым. Множество больших и очень мокрых бульников плюс мокрые ботинки - куда уж веселей. Впрочем, камни быстро сохли, в отличие от внутренностей ботинок, и

сцепление с поверхностью скоро наладилось. Я изо всех сил старался не набирать лишней высоты, поскольку помнил, что все равно надо будет ее сбрасывать до самой воды и перескакивать на другой берег Среднего, и, в общем, нам это удалось. Через каких-то полчаса после пытки шнурками мы оказались на выпуклом крупноосыпном скате, под которым шумел искомый ручей. Здесь же на редких зеленках обильно рассыпалась черника, и это послужило последней каплей для объявления перекура. Странно, но черника шла плохо, хоть и была высшего качества (правильно, какой придурок, кроме нас, полезет сюда ее обдирать?).

Дальше все стратегические проблемы решались просто до безобразия. Спустились до воды, подождали отставшую на камнях Ленку, в удобном месте по-сухому переправились и, чтоб не терять разгона, неспешно вперлись сначала на один лобешник над ручьем, потом на второй, затем во вполне американском стиле подошли под третий и последний, где и остановились. Подъем дался тяжко, но долго сидеть не пришлось. В долине обнаружился некий тип с альпенштоком, не спеша, но быстро направляющийся в нашу сторону. Высока была вероятность, что это один из кокшаровцев, но ситуация осложнялась тем, что, в отличие от Озерной, Желанная у нас в разрешении не прописана, и любой дурак (а в этом качестве каждого сторожа заповедника сомневаться не приходилось) имел полное право докопаться, почему и зачем. Разумеется, удрать от пустого ходока, имея на плечах рюкзаки, а в группе Леночку, не представлялось никакой возможности, но почему бы не попробовать? Если есть желание, нехай догоняет, хоть до вечера. Мы поднялись и подчеркнуто неспешно заковыляли на последний взлет.

Несчастливым выдался для меня тот день. Сейчас смотрю в скупые строчки хронометража и в который раз не верю, что до озера оказалось всего-навсего два неполных перехода. Тяжело шлось. Напильников я отпустил, рассказав, куда двигаться, а мне пришлось вспомнить былые дни и ковылять. Впрочем, на удивление, никакой охоты следовать за спортсменами у меня сегодня не возникало. Если бы не Зенцова, роль ведущего ковыля, безусловно, досталась бы мне, а так я умело прикинулся валенком и не отсвечивал, то есть не подавал виду. Начнем с того, что в одном зело неприятном местечке меня дважды подряд положило на склон, да больно - не то слово. Камни, подлые, никак не хотели держать ногу, упорно располагались на самом неудобном расстоянии, образовывали немыслимые завалы и лабиринты. Вредный мох тоже оказался не лучше и скользил по-страшному. Красоты Среднего трогали на удивление мало, аппаратом щелкал число автоматически, потому что стыдно было упустить такие действительно восхитительные места. Средний образовывает каскад красивых водопадов, еще богаче, чем водопады на Буревестник-Капкане. Издали водяные стены смотрятся небольшими и изящными, но в девяностом Семененко как-то раз занесло близко к воде, и появилась возможность оценить абсолютные размеры ниспадающего с уступа белого потока. Размеры оказались ничего себе: примерно четыре с половиной Семененки. За каскадом находится рогатка, основное русло втекает орографически слева, и вдоль него проходит путь к перевалу. У рогатки в шикарном развале черных булыжников я с удовольствием посидел, дождался Ленку, и мы под разговор без напряжения впилили на кручу, за которой простиралось большое и спокойное Среднее озеро. Небольшое плутание в ручьях и камнях, и вот опять все вместе. И опять затянуло, и чуть-чуть покрапывает, а уж поддувает не чуть-чуть, а в самый раз.

Ну, раз мы все здесь, самое время сделать перекус, а то потом до самой Лимбеко никаких возможностей для этого не предвидится, а какой смысл кусать на Лимбеко, если там уже и Балбан-Ю рядом? Покусали, помокли, напялили мешки и двинулись. Обошли озеро слева, маленько повязли в полянке перед взлетом и взлетели - все одним махом. Перевальный взлет у Среднего убогий до безобразия, метров тридцать зеленки, наверное, именно это послужило причиной девальвации перевала до н/к, хотя кое-кто по-прежнему заявляет его, как 1А. Конечно, если учитывать подход по долине Среднего, то это 1А, а вот со стороны Лимбеко-Ю ничего интересного.

Когда мы с Зенцовой приковыляли наверх, Андрей уже расковыривал тур и вскоре вернулся с запиской. Некие кировчане в горном походе 1 к.с. были тут давеча и слезно просили прислать квиток от записки. Чего-чего, а горников в этом районе я еще не встречал. Наверное, сказались железнодорожные цены и кавказская нестабильность, раз сюда полезли горные "копейки" делать. Скажем, московская МКК, думаю, такой поход и не зачла бы, не горный район. Однажды мне даже довелось по этому поводу с неким большим специалистом спорить.

На перевале не засиживались - дуло, да и спешили закончить ходовой день пораньше. Только вложили банку с запиской в тур, поднялись и ринулись вниз. Метров через триста попалось небольшое мутноватое озерцо с голубой водой, где наблюдалась занимательная картинка. Со ската горы стекал небольшой снежник, подпитывающий озеро. Его край нависал над водой, и видимо совсем недавно от тела снежника отвалилось два куска неправильной формы, и теперь они плавали по воде и неспешно таяли, а по форме уж очень напоминали они белых лебедей: округлое тело, а из него торчит длинная шея с зачатком головы наверху. И сам снежник смотрелся очень живописно, с оттененными летней пылью

глубокими застругами. Красочный пейзаж немедленно был запечатлен, и все двинулись дальше. Преодолели небольшое болотце, где берет начало этот исток Лимбеко, за которым долина обрывается вниз небольшой ступенькой. Здесь скороходы, оторвавшиеся вперед, повторили ошибку Бестужева пятилетней давности: чтобы не терять высоты, двинулись траверсом. Мы ехидно поржали и пошли вниз по следам недавно прошедшего здесь оленьего стада. Во-первых, олени соображают, что делают, а во-вторых, я просто достоверно знал, что так - быстрее. Оно и верно: вскоре плутавшие поверху напильники отстали настолько, что время окончания перехода пришлось как раз кстати, чтобы их дождаться. Спустились они с мрачными мордами и рассказали, что Андрей растянул на склоне ногу: попытался сотворить нечто вроде коленками назад, а оно возьми и получись. Ноге была оказана первая помощь в виде эластичного бинта, и эпопея продолжилась.

Основное отличие северного оленя от нормального туриста заключается в том, что первый, не раздумывая, лезет в грязь, лишь бы не выше брюха, тогда как второй бережется и отыскивает более чистые пути. Так и мы отклонились от натоптанной дороги в месте, где она ныряла в линзу первосортной грязи, прошлялись по невесть откуда взявшимся тут громадным плоским плитам и оказались у ручья, журчащего из-под перевала Вебера.

Ох, лениво. Солнышко пододвигается к закату, небо чистое и ясное, травка, как водится, зеленеет, ручеек шумит… Ох, лениво. Ведь так приятно сидеть на теплой земле, щуриться на закат и пожевывать травинку, а топать вверх зело неприятно. Андрей нашел по дороге дубину и глубокомысленно прикидывал, не обломится ли она, коль на нее опереться. Надо сказать, что состояние транса я преодолел с огромным трудом. Друзья-туристы также поднялись очень нехотя и вполсилы заколыхались в сторону перевала.

Подъема оказалось всего-то минут на двадцать: сначала вдоль ручейка, потом через плешку, сплошную грязевую площадку, густо истоптанную оленями, и вот уже маленький взлет, за которым грандиозной стеной стоит хребет Карпинского. Помнится, особенно хорошо он смотрелся, припорошенный свежевыпавшим снегом - такая великолепная стена, в фас кажется совершенно отвесной, тем более, из-за седла Вебера не видно подошвы, серые скалы тонко отмыты серебристой пеленой… Сегодня снега не наблюдалось, но все равно: главной достопримечательностью перевала Вебера, как ни крути, является хребет Карпинского.

Сам перевал убогий. С обеих сторон на него вполне можно подняться на вездеходе, особенно если не жалеть траков и усердия. Олени через седло ходят запросто. Туристы тоже. Самый перегиб выделяется невысоким взлетом, чуть круче близлежащих зеленок, сверху на нем громоздятся большие плиты, на одной из которых стоит тур. Не тот, что мы видели в девяностом, а раз в пять поменьше. Интересно, куда делся прежний, высокий?

На перевале долго не задерживались, хотя на сей раз погода даже благоприятствовала. Теплое низкое солнышко, почти безветренно, изумительный вид на залитую солнцем долину Лимбеко, а впрочем, и Балбан-Ю тоже неплох… Сфотографировавшись и сотворив записку двинулись вниз.

Мне почему-то запомнилось, что на "звездинской" стоянке, плоской площадке над устьем Западного Балбан-Ю, совершенно нет дров. Когда мы там стояли, то с большим трудом удержались от разрушения убогого столика и двух скамеек около него, так проблематично было обеспечиться топливом. Поэтому я отдал гениальное распоряжение - по дороге с перевала подбирать все горящее. Вскоре встретилась куща сухих, изглоданных ветрами тальников, в которой мы в буквальном смысле наломали дров немеряно, сколько в руки влезло. Вкупе с тем, что путешествовало на плечах с самого утра, эти палочки уже могли в достаточной степени обеспечить нас горючим до завтра. Только вот в чем проблема: в памяти у меня отложилось, что от перевала до звездинки ходу всего ничего, минут пятнадцать. Через двадцать минут я забеспокоился. Ленку давно оставил сзади, скороходы тоже умаялись тащить вороха сучьев и присели в сторонке, я же чувствовал, что если уроню что, то уже не подниму: рук не хватит. Поэтому героически топал дальше, гадая, насколько же велик тот гак к пятнадцати минутам, который я не учел. Через тридцать минут затекших рук я уже не чувствовал, зато чувствовал невозможных размеров раздражение по поводу собственного склероза. Через тридцать семь минут плюнул на все сразу, от души высказался и швырнул груду палок на какой-то пригорок. Здесь тропа, начинавшаяся от перевала, уже совсем напоминала вездеходную колею и потихоньку начинала заворачивать влево - вниз по течению Балбан-Ю. Туда соваться нам было еще рано, но такой поворот недвусмысленно означал, что звездинка где-то неподалеку. Оставалось ее отыскать. Взор мой пробежался вокруг совершенно беспрепятственно, нимало не цепляясь за упомянутый столик со скамейками, который, помнится, торчал на самом видном месте. К слову сказать, его останков мы так и не обнаружили: значит, варвары все-же нашлись за пять лет. Зато на достаточно ровном месте виднелись

отнюдь не хаотические развалы камней, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся старыми очагами. Так: все-таки стоянка именно тут.

Когда я вернулся к рюкзаку и брошенным дровам, вся компания уже собралась около и поджидала меня с ехидными вопросами насчет пятнадцати минут и тому подобного. К биваку переволоклись отдельно от дров, за которыми пришлось возвращаться.

Вечерок выдался на славу: ясное небо, прохладно, ни кровососов, ни инспекторов Национального парка. Шевелились неспешно, поставили палатку, укрепив расчалки камнями, со вкусом переоделись в теплое, разожгли костер в очаге. Палка, подобранная на Лимбеко, очень даже пригодилась, поскольку провесить тросик под котлы между двумя кучками камней не представлялось возможным. Дров, на удивление, вокруг оказалось предостаточно, немного побродив, Андрей приволок целую охапку и выразительно помолчал по поводу тех бревен, кои он волок через два перевала.

Освещение было совершенно необычное: насыщенный розовый свет густо заливал стенки Карпинского, бросавшие слабые отблески и на нас. Полянка на таком фоне казалась черно-зеленой, что редкая травка, что камушки - все одинаково. Около уреза розовых гор небесная синь выглядела невероятно - не описать, выше небо блекло, а над головами совсем белело, залитое последними лучами больного осеннего солнышка.

Скоро совсем похолодало, к ночи задул приличный ветер, от которого даже приходилось оберегать пламя костра. Горело здорово, вот только закипало неохотно, но и эту неприятность мы преодолели. Как и мгновенно остывающий в мисках суп.

Полиэтилен нисколько не улучшал ветрозащитные свойства палатки: свежего воздуха всю ночь налетало, хоть отбавляй. Такое уж ветреное местечко, эта звездинка. Светка при свече что-то долго чинила, кажется, болоневую ветровку Андрея, вконец истерзанную приключениями, да только я уже спал вполглаза и храпел вполноса, поэтому все вопросы о событиях после отбоя - не ко мне.

18 августа 1995 г., четверг.

Вылез в 7.48.
Девочки долго умывались, завтрак в 9.17.
10.10 - 10.48. Перешли Балбан-Ю всухую.
11.00 - 11.41. Видим Малое.
11.50 - 12.34. Южная оконечность Малого.
12.45 - 13.09. Сынд-Рузь. Перекусили, доели печенье. АК вытягивал меня на берег.
13.48 - 14.28. Трактор с оборванной гусеницей.
14.35 - 15.06. Снова на дороге. Дядя обогнал.
15.12 - 15.48. Последние фотографии.
16.00 - 16.36. **ЖЕЛАННАЯ**.

Ходовое время: 290' . Расстояние: 19 км.

Сегодня даже будильника не ставил. Зачем? Дорога впереди известна, то, что ее можно пройти за день - доказано, торопиться некуда: очень уж мала вероятность, что именно за полчаса до нашего прихода с базы уйдет какая-либо машина. Скажем определеннее: очень мала вероятность, что с базы вообще уйдет какая-либо машина до прихода туда Кокшарова.

Сегодня задержка с плесканием девчонок вышла наоборот: завтрак уже сготовился, благо, дров вчера натаскали немеряно, и я их не экономил, а они все торчали на бережку, строго запретив подглядывать. Жаба вовсю горела, и мы слегка нервничали по поводу всех задержек. Хотелось скорее добраться до машины, пусть даже столь маловероятной.

Впрочем, наш пыл передался и дамам, вследствие чего после завтрака лагерь свернули мигом, и вот уже все готовы к героическому переходу. А может, свою роль сыграл неприятный ветерок, пусть слабый, но ощутимо щекочущий ребра. Как бы то ни было, мы потопали.

В прошлый раз Балбан-Ю переходили всухую, несмотря на то, что река здесь достаточно широка. Так и есть: остатки дороги упали в реку как раз на удобном месте, где без напряжения можно пропрыгать по камушкам. Неподалеку, на нашем берегу, обозначился первый вестник цивилизации: вконец проржавевший остов вездехода, рядом какие-то следы горной разведки. Шурфы в склоне горы не просматривались, да мы туда и не рвались по двум причинам. Во-первых, время, а во-вторых, даже в

очень старых отчетах красной нитью прослеживается мысль, что от выработок в этой долине надо держаться подальше. Очень уж радиоактивны.

Напильники двигались в своем репертуаре, и довольно долго поджидали нас за переправой. Сказать по правде, мне и сегодня шлось не здорово, как и вчера. Ноги тяжелые, голова тоже - ладно, хоть думать сегодня не предстоит: дорога… Я и дальше отпустил напильников, чтоб не выматывались, да только даже им, похоже, не сладко топалось, не сильно сегодня они от нас отрывались.

Скучное это дело - дорога. У туристов-горников принято отмечать прохождение перевалов групповым пожиранием шоколадки, так любой завхоз загодя прихватывает одну запасную. В момент выхода из нецивилизованной части Вселенной на пути, доступные для проезда транспорта, с большой помпой отмечается прохождение перевала Дорожный, категорией сложности не ниже, чем самый сложный перевал за поход, шоколадка съедается, туристы слегка никнут и понуро месят ногами однообразное покрытие: где асфальт, где, как у нас, камни вперемешку с болотом… Даже ведь вспомнить нечего, как ни напрягайся. Скороходы урвали (мне уже это и писать-то надоело) мы потихоньку шлепали, выбирая бровки посуше, глядя, в основном, под ноги, а не по сторонам. Справа очень медленно перемещался Карпин-Ньер-Иркусей, слева булькала речка и кружилась гора Лимбеко, сзади неспешно подымался в облака впечатляющий пупырь Народной. К тому времени, когда он совершенно очевидно превзошел все окружающее, спереди блеснула вода и обнаружились сидящие на дороге спортсмены. Здесь дорога ныряет вниз, в болотистую местность, обрамляющую озеро Малое Балбан-Ты, то самое, что проглянуло спереди, и они совершенно правильно решили, что лучше не дотянуть переход по времени и передохнуть на сухом месте, чем плюхаться задницей в мокреть. Вчерашние рецидивы мысленного сокращения пути еще жили во мне, и я уж обрадовался, что осталось чуть да маленько: от Малого уже вроде бы близко. Однако ж, до озера мы тянули еще целый переход, после чего остановились на скальных выходах неподалеку от берега. По дороге возникала шальная мысль - не воспользоваться ли свежей колеей, пробитой каким-то вездеходом по направлению к левому берегу озера, а не лезть в болота на правом берегу, но привычка перевесила, и мы двинулись по дороге.

За пересидом напильники сквозанули с немыслимой скоростью по сравнению с нами, поскольку характер поверхности не допускал наше быстрое движение. И тут я совершил ошибку. Вполне логичная мысль, что чем выше по течению впадающего неподалеку в озеро ручья Сынд-Рузь, тем суше и меньше грязи, оказалась на поверку совершенно неверной. Мы потыкались в одном месте, я попытался забраться еще выше метров на пятьдесят, но чуть не ушел по самое не хочу, и только тут задумался, где же перескочили более тяжелые по сравнению со мной скороходы. Предполагать у них наличие столь же больной фантазии, как моя, казалось оскорбительным; следовательно, они, не мудрствуя лукаво, прошли в самом низу, где дорога. Но там же должно быть еще жиже!.. Ничего подобного: ступая след в след в заметные отпечатки знаменитых ботинок сорок пятого размера, я пересек мерно колыхавшийся поток грязи без проблем. Шаг Ленки не позволял ей воспользоваться тем же приемом, но и она не провалилась. Итак, впереди показалась лента воды, за которой нежились на солнышке наши коллеги.

Ленке было по барабану, поскольку ее ботинки уже давно насквозь промокли, она просто перешла по колено, и все тут. Я, как обычно, выпендривался, возжелав сохранить ноги в сухом виде. Правда, надо отметить, что резиновые сапоги зачастую предохраняют только от откровенного булькания все обновляющейся жидкости, но количество конденсата, оседающего в них, вполне сопоставимо с той влагой, которую поставляет в ботинки болото. Короче, я методом тыка обнаружил место, где почти можно перейти, не набрав сапог, но в данном случае, в противоположность известной поговорке, чуть-чуть считается, и даже очень, а мне как раз этого чуть-чуть и не хватало, чтобы самостоятельно выбраться на противоположный берег. Так, сантиметров тридцати. На помощь пришел Андрей, без напряжения выдернувший меня вместе с рюкзаком из воды, как редиску. То ли я похудел, то ли рюкзак, то ли оба вместе?

По прошлому разу, отсюда до базы оставалось два перехода. Конечно, надо учитывать, что тогда впереди летел аки на крылах Бестужев, которому, наверное, тоже не нравилась дорога, и год был сухой, болото только в одном месте превратилось в проблематичную для преодоления кашу. Поэтому я объявил перекус, а Света выдала "по коммунизму" все остатки печенья. М-да, немного ж его осталось. Сиделось, надо отметить, замечательно: теплое солнце, затишек, симпатичный ручеек рядом, озеро… Отдыхать бы тут и отдыхать, да зовет дорога, чтоб ей…

Теперь нас выпустили вперед. Мы вышли на огромную пустошь, служащую время от времени площадкой расположения мансийского становища, истоптанную сотнями оленей и людей, перегнули через небольшое возвышение, на котором сей лагерь располагается, и начали спускаться вниз. Здесь нас догнали, и дальше, до самой базы, все топали вместе.

Возможно, для вездехода эта дорога - в самый раз. Да только мы - не вездеходы. Впереди простиралось обширное пространство, прорезанное сетью глубоких колей, способных скрыть не то, что туриста, а и средних размеров грузовик. Может, у этой трясины и было дно, только никакого желания искать его не возникало. Бог с ним, с кратчайшим путем, берем правее, в самую гущу березки - на чем-то же она растет, не за воду ведь корнями цепляется!

При проведении маневров на дороге в поисках более-менее проходимых мест, случился казус: подвернулось подходящее местечко, и Ленка решила в нем посидеть. Ничего, на самом деле, особенного, за исключением исключительно грязной задницы, только когда мы с Андреем кинулись ее поднимать, он взялся рукой за низ рюкзака, нажал и вдруг, выпучив глаза, заговорил на исключительно фольклорный лад. Из дна "Ермака" на дюйм торчало остро заточенное лезвие кинжала, неизвестно на кой ляд взятого Зенцовой с собой, и пришлось оно точно в середину ладони. Долго же он (не кинжал, понятно) зализывал последствия своей галантности…

Впереди, в стороне от дороги, давно уже виднелись некоторые строения, как нам поначалу показалось: вроде бы маленький балок, а что рядом - не разберешь. При ближайшем рассмотрении, когда я уже вплотную приблизился к точке закипания от злости по поводу премилых кустиков, цепко хватающих ноги, балок трансформировался в кабину трактора типа трелевочника, только с бортовым кузовом, за ним прорисовался еще один, на дне огромной песчаной ямы, а на бугорке в отдалении маячил бульдозер. Однако, это какое-то нововведение, в девяностом здесь ничего подобного не произрастало, только березка, а дорога проходила много ниже, где теперь болото.

Трелевочник похрюкивал двигателем, время от времени лихорадочно дергаясь. Несколько мужиков, с ног до головы покрытых плывуном и прочей грязью, сосредоточенно возились около. Меня обуяло любопытство, и, бросив рюкзак, я направился туда. Неудачно: первые же шаги привели в топкую линзу мокрого песка, откуда еле выдернул сапог, ушедший мало не по самый срез голяшки. Выбрал дорогу по кустам, подошел вплотную.

Трактор внизу ушел в песок до упора. Трактор вверху, видимо, пытался его выдернуть, но оборвал гусеницу: вылетел палец. Мужики пытались натянуть гусеницу и сопрячь концы. Я предложил помочь, на меня посмотрели с недоумением и послали. Постоял еще немного, вроде как из вежливости, и пошел, куда послали. Наше дело крайнее: не нужна помощь - как хотите. Не память щелкнул напильников на фоне копошащихся механизмов, и мы продолжили путь к базе. Почти одновременно с нами один из мужиков вдруг отделился от остальных, быстро спустился вниз, в самое болото, и ловко направился вдоль по дороге. Несмотря на то, что мы двигались как бы по гипотенузе большого треугольника, а он описал два катета, скорость его настолько превосходила нашу, что очень скоро он исчез из виду за ближайшим поворотом. Да, кабы не рюкзак и километры за плечами, я б ему показал, как надо ходить…

Гипотенуза оказалась не слишком приветливой - наверное, мужик знал, что делает, когда выбирал катеты. Колея, как-то раз оставленная чем-то гусеничным, быстро углубилась в густые заросли тальника вперемешку с березкой, и скорость упала до безобразия, а атмосфера накалилась. Мне, как всегда, показалось, что некоторые из скороходов - женского пола - очень критично относятся к выбранному мной пути, я, как всегда, предложил этим некоторым произвести выбор самостоятельно, все сие, как всегда, реклось на чрезвычайно повышенный тонах и привело, как всегда, к тому, к чему и всегда: ухудшению настроения. До отрицательных величин.

Передохнув самую малость в том месте, где мы все же вывалились на вполне приличную тут дорогу, снова двинулись вперед. Мне пришла в голову жутчайшая идея, что дяденька-знаток торопится на отбывающую вот-вот машину в город, а посему неплохо хотя бы на ее хвост поглядеть, и я торопился. Соответственно, отставание некоторых ржавых якорей перестройки еще понизило мой тонус, и к моменту, когда впереди показался краешек вертолетной площадки базы, я (да, впрочем, и все) уже дошел до кондиции. Сфотографировавшись вместе, спрятали от греха подальше аппараты: мало ли кто там, на базе, сидеть может? А ну - инспектор заповедника?

Последний переход, как водится, оказался чуть ли не самым напряженным и физически трудным за поход: чесали отчаянно. Наплевать было и на сбитые ноги, и на неровно сидящие рюкзаки, и на характер почвы под ногами - гонка за временем, хуже не бывает. Но все имеет свой конец, как и начало:

в шестнадцать часов тридцать шесть минут восемнадцатого августа 1995 года четверо изрядно иссохших авантюристов с остатками рюкзаков дружно приковыляли к финишу своей нелегкой эпопеи - остаткам геологической базы Желанная.

Водитель геологов запросил по 50.

Бесплатно залезли в 19.25 в домик.
В кассе обнаружено 1296,6 тыс. руб.
Продали литр за 50.
Гостил Денис.
Уснули за 23, т.к. выключили свет.

19 августа 1995 г., пятница.

6.07 - Петр завелся, разбудил меня.
8.40 - позавтракали.
11.20 - на старт.
12.56 - старт.
15.37 - Кожим - поехали в 16.13.
19.34 - вокзал.

А вот описывать выброс - хуже нет. Иногда втихаря мечтаю, как было б замечательно, кабы при выходе в населенку сыскать возможность телепортироваться прямо домой, минуя изнурительные поезда, машины, потери времени… Ведь цель уже достигнута, зачем, спрашивается, тратить дополнительные силы на все это?

Мечты такие особенно остры и актуальны, когда между точкой окончания похода и горячей ванной простираются не пять-шесть остановок подмосковной электрички, а как отсюда: семь часов на машине, двое суток поезда, если не повезет - и трое. Кстати, а как насчет машины?

С тех пор, как я побывал здесь в последний раз, Желанная отнюдь не расцвела. Видимо, был пожар, поскольку несколько балков сгорело до основания. Другие наполовину и более развалены, внутри кучи земли, крыши щелястые. Кафе "Кварц", как нескромно именуется здешняя столовая, цело, но выглядит также крайне непрезентабельно. Уцелела и до сих пор обжита только дальняя от озера часть поселка, ближе к мехбазе. Туда мы и направились в поисках крыши и колес.

На базе - геологи, у геологов - машина! Завтра с утра пойдет в Инту!! Начальник (борода, улыбка, все как в книжках) не против, чтоб водитель нас взял!!!

Шофер тоже не против. Но просит по полтиннику с носа, а выпивки не приемлет. Смотрит подозрительно, разговаривает отрывисто. Да, времена меняются: раньше отсюда на попутке можно было выехать и за так, а уж за литр - без разговоров.

Теперь крыша. Геологи не слишком ласково указали на крайний домик, жилище начальника базы Сергея Ивановича Турецкого. По-видимому, отношения между арендаторами помещений, в основном, золотоискателями, и начальником складывались не так чтоб очень.

Начальника дома не оказалось - в бане. Жена посмотрела на нас со Светкой с интересным выражением в глазах и вдруг спросила, не из тех ли мы четырех туристов, которые напрашивались гусеницу подтягивать?..

Это надо же! Во-первых, шустрый обогнавший нас дядя оказался никак не меньше, чем начальником Желанной, а во-вторых, придя домой, усталый после рабочего дня и десятикилометровой пробежки, в предвкушении банной нирваны он первым делом сообщил супруге потрясающую новость, что нашлись какие-то ненормальные туристы, четыре придурка, не трактор клянчили, а помощь предложили! Воистину, благие порывы не остаются безнаказанными.

Однако, банная ситуация заставила нас подождать несколько часов, на протяжении которых мы отсиживались в одном из полуразваленных домиков, с наслаждением отдыхая и радуясь жизни. Я переобулся в тапочки (ноги взревели от наслаждения: после такого-то ходового дня да в сапогах!), навздевал на себя много теплого и заставил девчонок сделать то же, поскольку к вечеру свежело, успел поболтать с шофером, направившемся за геологами на Малды-Ныpд… Ко второму визиту в домик начальника готовились более основательно. Поскольку там были замечены два младенца, Света набила карманы остатними конфетками, а я даже причесался. Знакомство с начальником прошло великолепно. Детки при виде карамелек расцвели, как анютины глазки, а Турецкий без лишних разговоров извлек некий ключ, пронесся впереди нас через весь поселок, открыл пустовавший домик, только и сказав: "Не

спалите". Вот этого еще на моей памяти не случалось, чтоб бесплатно, и так здорово. Вернее, было разок, но то ж при социализме…

Скоро загрохотал поселковый дизель, и в домике вспыхнули лампочки. Однако, попытка обойтись имевшейся там плиткой, не разжигая буржуйки, провалилась вчистую. Через час на стенках котелка начали появляться первые робкие пузырьки, а в 23 часа движок уже пообещали погасить, поэтому мы с Андреем отправились по дрова. Всем живущим на базе топливо завозили централизованно, но, как известно, ушлость сестра благополучия, и на развалинах местной лесопилки мы очень запросто разжились достаточным количеством горбыля и прочих обрезков. Процесс превращения оных в форматированное топливо привлек внимание мало не половины геолухов, поскольку, экономя тупой топор, мы, в основном, пользовались тяжелыми ботинками. Со стороны, наверное, смотрелось неплохо.

Вечер, ужин, тепло и даже жарко в комнатке, лампочка горит под потолком на все свои двести ватт… Лепота.

У шофера объявился сынок лет двенадцати по имени Дениска, который неожиданно заглянул к нам в гости на огонек, да так и остался, пока уже совсем ночью его не выцепил отсюда батюшка. Началось с того, что он нашел для нас пути сбыта спирта ленинградским золотоискателям, поскольку шофер не хотел выпивать, но пытался обеспечить нам достаточную материальную подкормку, которая утром должна перекочевать в его карман. Геологи восприяли литр жидкости с превеликой радостью и спрашивали, нет ли еще, но я решил зажилить два литра на будущее, поскольку финансы и так позволяли выбраться в люди без больших затруднений. А Дениска просидел у нас дотемна, блистая знаниями о материально-технической части различных автомобилей и местных достопримечательностях. В частности, он рассказал, как ездил отсюда в Саранпауль в компании вездеходчиков, но, к моему большому сожалению, не смог прояснить ни вопроса наличия нормальной дороги от поселка на Большую Землю, ни вспомнить перевалы, через которые они ехали. Парнишка, наверное, так стосковался по нормальным людям за сезон, что был очень рад пообщаться с какими-нибудь не геологами.

* * *

Утром сквозь шум несильного дождя прорезался рык мотора, и я моментально подскочил, хоть и не хотелось. Шофер завелся, погрел двигатель и вскоре заглушил. Затем они с Денисом натянули поверх бортов брезент и удалились в домик, как успел сообщить конечно же заглянувший к нам Денис - завтракать. И мы тоже позавтракали, и потянулось ожидание. С нами вместе должны были отправляться еще трое работников геологического музея Сыктывкара, а шофер куражился и восклицал, что черта с два он их возьмет, если не заплатят достаточно, и плевать ему на указания начальника… Про нас разговор шел уже в совершенной форме, без условных наклонений, так как разведка в лице всезнающего Дениски донесла, что мы вписаны в путевку как студенты-практиканты. Поскольку оные действительно имелись в наличии в некотором количестве, проблемы раствориться среди них не возникало. Те же рюкзаки, те же обветренные морды.

Вчерашние геологи жестоко поплатились за любовь к выпивке. Прислали делегата, жалобным голосом умолявшего - ну, капельку! На опохмелку!.. Налил остатний стакан, но оба литра все же затихарил. Черт с ними, алканавтами, сами виноваты.

Все утряслось. Я сдал Турецкому домик, мы - первые!- вскарабкались в кузов на самые удобные места, рядом с кабиной, сыктывкарцы загрузили свои образцы, за которыми и приезжали на Желанную, и все ожидали только какого-то геолога, который должен был утащить какие-то пробы в Воркуту на камералку. Сначала сидели просто так, потом разговорились, потом мы полезли за сухарями с конфетами, и у окружающих потекли слюни. Они их спешно начали подбирать всем съедобным, что только обнаруживалось в карманах, и вскоре воцарилась дружная болтливо-гастрономическая обстановка.

Напротив гордо восседал говорливый музеец. Когда до него дошло, что те последние конфетки, кои мы сейчас зажевываем, проделали путь чуть ли не в двести километров на наших спинах, он с изумлением воззрился на Светку, распределительная роль которой всем уже стала очевидна, некоторое время молчал, потом с трудом выдавил из себя:

— Ну, ты, завхоз, и сквалыга…

Перлы словообразования из него так и сыпались, так, на замечание девушек о том, что мужики, мол, жрать горазды, он философски заметил:

— Что вы, в самом деле! Мужик, он есть - и есть. Он ест - и ест, и все нормально!

Обмен репликами вскоре затих, поскольку машина уже давно скакала по камням и вплотную приблизилась к самому плохому участку пути - между вполне процветающей золотодобывающей базой

Сана-Вож и Кожимским бродом. Тут затрясло так, что все разговоры умолкли, население кузова старательно вглядывалось вдаль, пытаясь мысленно приблизить ровные пути. Я с удовольствием вспоминал, как мы в девяносто первом стартовали с базы Таврота, расположенной неподалеку от дороги, молодые люди - настоящие практиканты - слушали и кивали.

После Тавроты дорога повернула к западу, и открылась, наконец, долина Кожима. Обширная пустошь предшествовала броду на левом берегу, где мы ехали, а правый берег, крутой высокий откос, был покрыт страшным ковром из высоких полусгоревших елей. Видимо, прошел верховой пал, и долго теперь будут стоять мертвые стволы над живой рекой.

Брод перескочили достаточно легко, вода стояла невысокая. На том берегу машина взобралась на яр и встала: шофер объявил начало комплекса мероприятий, связанных с посещением кустов и обновлением содержимого желудков. Дениска от тушенки, алчно поедаемой геологами у маленького костерка, отказался и почтил внимание наше сквалыжное сало, объяснив, что тушняк после целого сезона уже поперек глотки. Один из практикантов, художник по призванию, скептически осмотрел наши приготовления к трапезе и высказал предположение, что мы вскоре загубим свои пищеварительные аппараты, если будем питаться всухомятку, на что ему даже ответить не удосужились. Все подходит к концу: и поход, и бесконечная муторно-однообразная половина дороги от Кожимского брода до Инты под мелким нудным дождем, и даже мое трудолюбие в живописании наших приключений. Как всегда, через пару часов показалась радиотрансляционная вышка на окраине Инты и начала "бродить" вокруг да около, появляясь в разрывах мороси то слева, то справа, то чуть ли не сзади. Экипаж дремал. На подбрасывание уже мало кто обращал внимание - привыкли. И тут меня озарила одна великолепная мысль. Я хорошо ее обдумал, наклонился к Андрюше и поделился ей. От нашего дружного ржания во весь голос остатки сна слетели даже с наиболее утомленных, и все с подозрением воззрились на нас, несправедливо полагая, что мы-таки помешались от трудностей дороги. Девушки, кроме того, ожидали, что и с ними поделятся весельем, и Андрей не заставил себя долго ждать. Показывая дланью в небесные прелести, он радостно объявил:

— А Кокшаров сегодня Кар-Кар идет! (Возможно, дома, в уютной квартире, в мягком кресле под торшером юмор ситуации не столь очевиден. Поясняю: на улице дождь. Низкая кучевая облачность, под ней что-то вроде тумана. Даже перевальчик через Малды-Ныpд между Сана-Вожем и Тавротой накрыт. Кар-Кар - честная 1А, особенно сложен подъем со стороны Трехвостки. Отсиживать Кокшаров не может - завтра к вечеру должен вывалиться в Желанную, а ведь впереди у него еще болота ниже Сынд-Рузя, и не похоже, что погода имеет тенденцию к улучшению. Смешно? Воистину, мерзкая скотина - человек. Сколько радости может доставить мелкая неприятность, доставшаяся не на твою долю, а на чью-либо еще!)

Вокзал. Расплата с шофером. Теперь заломленная им цена уже не кажется столь огромной, после многих-то часов пути! В кассу. Как - через двадцать минут поезд? И билеты есть? Прямо до Кирова?

Что тут еще сказать? До свидания горы, до свидания Инта, до свидания наше приключение. Не - прощай. До свидания.

март 1996 г.

Оглавление.

Глава 1. Одна неделя марта **1**

Глава 2. Отчет о походе **33**

Глава 3. Одиночная разведка **40**

Глава 4. Тройка с минусом **73**

Глава 5. На пути к чудесам **93**

Глава 6. Авантюра **105**

Оглавление. **173**